

Сидней Блох и Питер Реддауэй

**ДИАГНОЗ: ИНАКОМЫСЛИЕ**

*Владимиру Буковскому, Семену Глузману и Виктору Некипелову, а также членам Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях и всем борцам против злоупотреблений психиатрией в Советском Союзе.*

**Sidney Bloch and Peter Reddaway**

# **DIAGNOSIS: POLITICAL DISSENT**

**An abridged version of RUSSIA'S POLITICAL  
HOSPITALS. The Abuse of Psychiatry  
in the Soviet Union**

**Foreword by Vladimir Bukovsky**



**OVERSEAS PUBLICATIONS INTERCHANGE LTD  
LONDON 1981**

**Сидней Блох и Питер Реддауэй**

# **ДИАГНОЗ: ИНАКОМЫСЛИЕ**

**Как советские психиатры лечат от  
политического инакомыслия**

**Предисловие Владимира Буковского**

Сокращенный перевод с английского

**OVERSEAS PUBLICATIONS INTERCHANGE LTD  
LONDON 1981**



SIDNEY BLOCH and PETER REDDAWAY

DIAGNOZ: INAKOMYSLIYE

An abridged translation from English

---

First Russian edition published in 1981  
by Overseas Publications Interchange Ltd.  
40, Elsham Road, London W14 8HB, England

---

First published in English under the title  
"RUSSIA'S POLITICAL HOSPITALS"  
by Victor Gollancz Limited (London 1977)  
and in paperback by Futura Publications Ltd (London 1978).  
It has also appeared in German and Dutch,  
and is due to appear in Japanese.

---

© Sidney Bloch and Peter Reddaway, 1977

© Russian edition, 1981  
Overseas Publications Interchange Ltd.  
40, Elsham Road, London W14 8HB, England

---

All rights reserved.  
No part of this publication may be reproduced,  
in any form or by any means, without permission.

---

ISBN 0 903868 33 4

## **ПРЕДИСЛОВИЕ**

### **ВЛАДИМИРА БУКОВСКОГО**

Проблема, которую исследуют авторы, исключительно сложна.

Особенности советской государственной системы, коммунистическая идеология, сложности и проблемы психиатрической науки, лабиринты человеческой совести — всё это причудливо переплелось, чтобы породить чудовищное явление — использование медицины против человека.

При всей своей парадоксальности это явление, видимо, свойственно нашему времени, когда высшие достижения человеческой мысли, науки и техники вдруг обернулись против человека, ставя под угрозу его существование. Стремительное развитие техники грозит разрушить нашу экологию, познание и освоение атомного ядра сделало реальным полное уничтожение жизни.

Когда Пинель более 200 лет назад впервые снял цепи с душевнобольных, освободив их тем самым от наказания как преступников, кто мог ожидать, что через 200 лет узники будут со страхом взирать на наследников Пинеля, предпочитая цепи их «милосердию»?

Эти зловещие явления неожиданно выдвинули на передний план такие старомодные на первый взгляд понятия как человеческая совесть, морально-этические принципы человека. Потребуется, видимо, серьёзная и длительная переоценка привычных ценностей, переосмысление привычных представлений, чтобы найти выход из создавшегося положения. Необходимы серьёзные, фундаментальные исследования, дающие возможность досконально изучить эти сложные и опасные явления.

Одним из таких исследований и является предлагаемая книга. Я сам много лет занимался вопросом психиатрических злоупотреблений в Советском Союзе и могу по достоинству оценить тот огромный труд, который проделали авторы этого исследования. Без сомнения, книга Питера Реддауэя и д-ра С. Блоха явится своего рода энциклопедией и настольной книгой для всех интересующихся проблемой злоупотребления психиатрией в СССР. Несомненным достоинством книги является её документальность, беспристрастность анализа и сочетание научного подхода с доступностью изложения. Думаю, что это обеспечит книге широкий круг читателей и поможет в конечном итоге оздоровлению советской психиатрии.

Обычно западному человеку психологически трудно постичь атмосферу страны, в которой явления, подобные описанным в этой книге, стали повседневной практикой. Я часто вижу недоумение в глазах людей, когда рассказываю о жизни в Советском Союзе. Иногда, по вопросам, которые мне задают здесь, я вижу полное непонимание. Случается, что меня охватывает отчаяние и неверие в силу человеческого слова. Практически невозможно объяснить, насколько нереальна жизнь в СССР, где не теории и выводы рождаются из фактов жизни, а, наоборот, факты повседневной жизни создаются в угоду господствующей теории. Где жизнь не развивается нормально и естественно в соответствии со своими внутренними законами, а создается искусственно, с таким расчетом, чтобы не противоречить основным идеологическим установкам.

Господствующая доктрина утверждает, что бытие определяет сознание. Поскольку в СССР построен социализм и строится коммунизм, то сознание людей должно быть только коммунистическим. Откуда может взяться вера в Бога, если в стране 60 лет ведется атеистическая пропаганда и запрещена религиозная пропаганда? Откуда может взяться противник коммунизма в коммунистическом обществе?

В рамках коммунистической доктрины есть только два возможных объяснения:

1. Подрывные действия извне. Каждый инакомыслящий подкуплен или завербован империалистами.

2. Психическое заболевание. Инакомыслие есть лишь проявление патологических процессов психики.

Поскольку жизнь в СССР не развивается свободно, а «истолковывается» в соответствии с этими принципами каждый инакомыслящий, которого трудно (или неудобно) подогнать под первую категорию, автоматически попадает во вторую.

Советский психиатр — это часть советской системы. Он не может сказать «Я не нахожу симптомов болезни». Его заключение не может быть сделано индуктивно, оно должно следовать установленной дедуктивной системе. Он не может признать инакомыслие нормальным явлением, порожденным советской действительностью. Иначе психиатр сам становится инакомыслящим. Не каждый способен на это. Семья, дети, научная карьера, спокойная жизнь автоматически ставятся на карту. Впереди ждут только гонения, осуждения, преследование, непонимание и ссоры в семье — упреки родственников в эгоизме, в безразличии к детям. И недоумение окружающих, коллег, — к чему все это? Разве можно что-нибудь изменить таким образом? — Плетью обуха не перешибешь! Воистину, нужно быть ненормальным, чтобы стать инакомыслящим в СССР.

Сейчас, когда я слышу со всех сторон столько возвышенных слов и заверений в сочувствии, в поддержке, когда я слышу слова негодования в адрес нечестных советских психиатров, когда я вижу недоумение в глазах людей, — «Как это могут быть такие нечестные врачи?» — я невольно ловлю себя на мысли: а кто из вас, оказавшись в Советском Союзе, выбрал бы свободу быть ненормальным? Много ли найдется среди вас таких чудаков, которые захотели бы оказаться гонимыми ради абстрактной честности перед самим собой?

Боюсь, не многие из вас оказались бы достойны своего теперешнего праведного недоумения. И доказательством тому — результаты Всемирного Психиатрического Конгресса в Мексике в 1971 г. Печальное доказательство, которое, я надеюсь, не повториться в этом году в Гонолулу.

г. Бонн

22 января 1977 г.



## ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРОВ

Авторы этой книги познакомились в начале 1972-го года в Лондоне, вскоре после окончания международного конгресса Всемирной Психиатрической Ассоциации (ВПА), в Мексике. Этот конгресс ознаменовался горячими спорами вокруг обвинений в использовании психиатрии в Советском Союзе в политических целях. Мы оба придавали большое значение этой проблеме.

Один из нас, Питер Реддауэй, с 1965-го года начал читать лекции по политическим наукам и заинтересовался, в частности, проблемой инакомыслия в Советском Союзе. Этот интерес, естественно, привел его к изучению методов, к которым прибегают власти в борьбе с инакомыслием. В процессе исследования у него накопился основательный материал, указывавший на то, что психиатрия используется как один из методов этой борьбы. Он вскоре убедился, что советская психиатрия заслуживает особого внимания и сама по себе. Это убеждение привело к тому, что он стал одним из основателей небольшой группы психиатров, советологов и экспертов по правам человека, поставивших перед собой задачу изучения этой проблемы и назвавших себя Рабочей группой по исследованию причин заключения диссидентов в психиатрические больницы.

Другой автор, Сидней Блох, был еще в Австралии, когда в начале 1971 года до него начали доходить смутные слухи об антигуманном использовании психиатрии; однако лишь через год, когда он попал в Великобританию, слухи эти стали обретать более определенную форму. Ему, как, вероятно, и большей части психиатров, в то время, когда проходил Конгресс в Мексике, еще трудно было поверить в то, что его советские коллеги могут столь грубо нарушать этические

принципы. Принимая участие в работе Группы, он однако убедился, что в советской психиатрии в самом деле далеко не всё благополучно. Проблема эта задела его еще и потому, что последние годы он и сам стал задумываться над возможностями злоупотреблений, какие открывает психиатрия. В своей собственной практике ему пришлось столкнуться с такими проблемами, как право врача заключать в психиатрические больницы и лечить людей против их воли; отсутствие четко означенных границ функций врача и недостаток объективных критериев при диагностике душевных заболеваний.

В 1972 году мы оба пришли к мысли, что следует издать книгу, в которой были бы зафиксированы и проанализированы случаи злоупотреблений в психиатрии в Советском Союзе, однако, в силу личных обстоятельств, а также ограниченного в то время доступа к источникам информации, мы не могли тотчас приступить к работе над такой книгой.

Весной 1974-го года мы вновь встретились в Нью-Йорке и твердо решили работать над этой книгой вдвоем. В январе следующего года Блох посетил Израиль и воспользовался возможностью подробно опросить пятерых эмигрантов из СССР — двух психиатров и трех диссидентов, которые пережили заключение в психиатрических больницах по причинам не медицинского характера. На протяжении следующих полутора лет мы старались не упускать случая для сбора информации. С этой целью мы ездили в Торонто, в Бостон, в Нью-Йорк, в Париж, в Москву и в Ленинград.

Нам хотелось бы выразить благодарность всем, с кем нам привелось беседовать, как в Советском Союзе, так и на Западе.

---

*Эта книга была написана в 1976 г. и издана на английском в 1977 г. В ее русском переводе авторы смогли, однако, осветить дополнительные факты, накопившиеся к маю 1980 г.*

### **СЛАБЫЕ СТОРОНЫ ПСИХИАТРИИ**

Психиатрия по своей природе представляет гораздо более обширное поле для злоупотреблений, нежели какая-либо другая отрасль медицины. Этому способствуют несколько факторов: отсутствие четких границ области, входящей в компетенцию психиатрии; отсутствие общепризнанных критериев для определения душевных заболеваний; использование душевнобольных в качестве козлов отпущения; и наконец — двойственный характер функции психиатра: с одной стороны он несет ответственность перед пациентом, с другой — учреждениями, которым подчинен.

Из этих общих факторов вытекают и более специфические: нет общепринятого критерия для определения степени опасности душевнобольного — как для самого больного, так и для окружающих, а следовательно, нет и критерия необходимости принудительной госпитализации; нет четкого критерия для определения психиатром того, может ли обвиняемый выступать в суде, а также степени его вменяемости во время совершения проступка.

Следует с самого начала разграничить две темы — злоупотребления в психиатрии и то, что лишь косвенно затронуто в этой книге — недостатки, вызванные низким уровнем психиатрической практики. Психиатры, санитары и прочие работники психиатрических учреждений порою недостаточно компетентны и проявляют нечуткость, а то и небрежность в обращении с больными. Недостаточно подготовленный персонал, которому приходится работать в тяжелых, напряженных условиях, проявляет иногда жестокость по отношению

к «трудному» больному. Чрезмерное использование транквилизаторов может служить примером негодной практики персонала, желающего облегчить свою работу с раздражительным, импульсивным или агрессивным больным. Даже самые доброжелательные сотрудники подчас совершают поступки, о которых впоследствии жалеют.

## НЕДОСТАТОЧНАЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ГРАНИЦ ПСИХИАТРИИ

Какова же истинная роль психиатра, где начинается и где кончается его работа? Вокруг этих вопросов — как в мире психиатрии, так и вне его — непрерывно идут ожесточенные споры. Бывший президент Американской Психиатрической Ассоциации (АПА) доктор Эвадл Буссэ полагает, что психиатру надлежит строго ограничить свое поле деятельности нуждами больного:

*... Психиатрия не должна служить орудием для преобразования общества, решения экономических проблем, или создания новых человеческих ценностей. Она должна ориентироваться на больного, ее функция — облегчать страдания и помогать людям достигать удовлетворительного уровня адаптации.<sup>1</sup>*

В противовес этому мнению, доктор Раймонд Ваггонер, также некогда занимавший пост президента Ассоциации, призывал своих коллег взять на себя роль общественных реформаторов:

*... я за то, чтобы психиатрия не стояла в стороне от решения основных социальных задач, за то, чтобы она играла ведущую роль в борьбе за здоровье нашего народа. Психиатр должен всегда помнить об индивидуальной свободе больного, но и не забывать о своей ответственности перед обществом. И я призываю психиатров быть не только прагматиками, но также и мечтателями — провидцами будущего.<sup>2</sup>*

Независимо от исхода этой дискуссии развитие пси-

хиатрии последних лет показывает, что психиатры вышли далеко за пределы больницы, которая всегда была местом их работы. В наше время их деятельность распространяется на армию, школы, университеты, детские консультации, судебные залы, тюрьмы и множество других общественных учреждений.

## ЧТО ТАКОЕ ДУШЕВНАЯ БОЛЕЗНЬ?

Несмотря на значительное развитие психиатрии как научной дисциплины на протяжении последнего столетия, основной вопрос — что такое душевная болезнь? — все еще ждет своего разрешения. В отличие от других областей медицины, в психиатрии диагностика того или иного душевного заболевания основывается скорее на клиническом наблюдении, нежели на выявлении патологических изменений нервной системы. До сих пор еще не найден метод, который бы позволял объективно судить о наличии, либо отсутствии, большинства душевных заболеваний. Так, доктор Роналд Лифер, один из ведущих представителей американского «движения за радикальную психиатрию»<sup>3</sup> рассуждает:

*Для диагностирования и лечения соматического заболевания мы пользуемся достижениями физики и химии. Чтобы диагностировать и устранить душевное заболевание, мы опираемся на социальные отношения, суждения и оказываем влияние на больного. Всем областям медицины, кроме психиатрии, присущ интерес к структуре и функции человеческого организма, как физико-химической машины. Психиатров же интересует поведение человека, на которое они пытаются воздействовать, и общественные процессы...<sup>4</sup>*

На еще более крайних позициях стоит Томас Сас, высказавший весьма спорное мнение о том, что душевное заболевание представляет собой миф, и психиатр просто имеет дело с людьми, которые не справляются с житейскими проблемами; пришивать им



ярлык душевной болезни, по его мнению, совершенно неоправдано и недопустимо.<sup>5</sup>

Взгляды Лифера и Саса представляются нам чрезмерно крайними, однако нельзя не признать, что психиатр, всякий раз, как ему приходится диагностировать душевное заболевание, сталкивается с большими трудностями. Подчас он не располагает строго медицинскими критериями для констатации душевного заболевания, вследствие чего ему чаще чем специалистам в других областях медицины приходится опираться на социальные факторы. В результате возникают всякого рода этические проблемы. Все это препятствует объективной научной позиции, которой так жаждет большинство психиатров.

## ПСИХИАТР КАК УГНЕТАТЕЛЬ

В последнее время новое представление о психиатрии как составной части репрессивной системы, — особенно с появлением различных видов «радикальной психиатрии», — получило довольно большое распространение. Как сами психиатры (например, Лэнг, Лифер и Сас), так и некоторые представители общественности. утверждают, что психиатрия является винтиком в машине управления и, в качестве посредника, несет функцию сохранения социально-политического статус-кво. Зачастую, когда хотят определить роль психиатра, его именуют «социальным инженером» или «контролером поведения». Так, Лифер, со свойственной поборникам «радикальной психиатрии» склонностью к широким обобщениям, утверждает:

*Государство приняло на себя большую часть общественных функций — а именно функций, регулирующих и контролирующих человеческое поведение. Оттого, что не все этические принципы кодифицированы в законе и оттого, что закон ограничивает власть государства, оно не в состоянии удовлетворительным*

образом направлять и контролировать отдельных индивидуумов. Для этого необходима новая общественная инстанция, опирающаяся на признанный авторитет, которая контролировала бы и направляла поведение людей без явного нарушения декларируемых идеалов свободы и уважения личности. Психиатрия, под маской медицины, приняла на себя эту историческую функцию.<sup>6</sup>

По Сасу, орудия и методы психиатрии прекрасно подходят для этой общественной функции. Навешивание ярлыков и классификация являются ее основными ингредиентами.

*Классифицировать поведение человека — это зачастую значит ограничить его действия. Это особенно справедливо в отношении психиатрической классификации, поскольку в традиционную задачу психиатрии издавна входило оправдание социальных ограничений, применяемых к так называемым душевно больным.*<sup>7</sup>

## СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ КАК КРИТЕРИЙ ДУШЕВНОГО ЗДОРОВЬЯ

Концепция «социальной адаптации» всегда служила в психиатрии общепринятым критерием душевного здоровья. Однако, по мнению людей, чьи взгляды мы рассматривали выше, концепция эта лишь подтверждает политическую позицию, — явную, либо скрытую, — на которую становится психиатр, добиваясь того, чтобы человек изменил свое неприемлемое для общества поведение и приспособился к общепринятым нормам. Их не устраивает такая общественно-политическая функция психиатра и они предлагают своим коллегам обратиться к властям (и особенно правительствам), призывая их изменить социально-политическую систему и больше прислушиваться к нуждам своих граждан и уважать их права. Всех, работающих в области психиатрии, они призывают принять непо-

средственное участие в политической борьбе, стремиться к совершенствованию общественного строя. Поскольку, рассуждают они, душевные заболевания кончатся в первую очередь в экономическом, политическом и культурном неравноправии, то именно здесь психиатр должен работать особенно активно.

## ПРОБЛЕМА ДВОЙСТВЕННОЙ ЛОЯЛЬНОСТИ

В своей собственной работе психиатр не встречается со щекотливой проблемой двойной лояльности. Его отношения с пациентом носят личный характер. Однако, если он подчинен государственной институции, будь то армия, тюрьма, или медицинское учреждение, он может столкнуться с ситуацией, при которой интересы и цели учреждения идут вразрез с интересами и целями больного. Тогда перед психиатром возникает дилемма — чьи интересы для него важнее?

Психиатр, работающий в системе армии, например, обязан заботиться об ее боеспособности, вовремя устраняя тех солдат, которые препятствовали бы этой задаче. Легко представить положение, при котором «дисциплинарные нарушения» можно рассматривать как психическую неполноценность, а солдату пришить соответствующий ярлык. Часто, когда психиатр служит на большом и комплексном предприятии и находится в материальной зависимости от этого предприятия, он подчас ставит интересы предпринимателя выше интересов отдельной личности. В начале своей карьеры один из авторов этой книги (С.Б.) сам столкнулся с этой проблемой раздвоенной лояльности. Полиция направила студента университета в психиатрическую лечебницу. Ему был предоставлен выбор — лечение от гомосексуальности, либо судебная ответственность. С. Б. оказался в тупике — остаться верным этике врача-психиатра по отношению к пациенту, либо действовать согласно закону (в то время гомосексуальность была еще судебно наказуема). Противоречие было непримиримым.

## ПРИНУДИТЕЛЬНАЯ ГОСПИТАЛИЗАЦИЯ

Профессия психиатра возлагает на него известную ответственность перед обществом, наделяя его исключительной властью, а именно законным правом помещать человека против его воли в психиатрическую лечебницу. Принудительная госпитализация во многом сходна с помещением человека в тюрьму: больной лишается свободы, часто с поражением в правах, и обязан подчиняться целой системе правил и норм.

Обычная причина, выдвигаемая при принудительной госпитализации — опасность: человек представляет собой опасность либо для самого себя, либо для окружающих и его госпитализация диктуется либо его собственными интересами, либо интересами общества.

Поскольку определить степень целесообразности принудительной госпитализации почти невозможно, психиатр часто оказывается в затруднительном положении. Объективных критериев для определения вероятной опасности со стороны больного не существует. Степень опасности трактуется у разных психиатров по-разному. Так, один психиатр признает, что мы не можем «точно предсказать опасность душевно-больных».<sup>8</sup>

Попытки установить строгие критерии «возможности причинения серьезного ущерба» предпринимались неоднократно. Так, например, Акт штата Массачусетс «О реформе системы лечения психических заболеваний» (1970 год) пытается уточнить эти критерии. В результате этой реформы в первый же год после ее введения процент принудительной госпитализации упал с 77% до 28%.<sup>9</sup> Но даже это резкое снижение не свидетельствует о том, что исключена возможность разных интерпретаций понятия «опасность». Во множестве стран законы о принудительной госпитализации по-прежнему исключительно расплывчаты и неопределенны, а в иных не выходят за рамки довольно слабого критерия опасности, опираясь на такие недостаточно точные формулы, как «нуждается в лечении», «плохо сообра-

жает», «не владеет собой».<sup>10</sup> Одним из таких примеров неопределенности критерия для помещения душевнобольных в психиатрические больницы против их воли явился случай, о котором стало известно в 1972 году. В одной английской больнице для душевнобольных две женщины провели 50 лет с диагнозом «нравственная неполноценность», вынесенном лишь на том основании, что у обеих были незаконнорожденные дети.<sup>11</sup>

Анализ случаев принудительной госпитализации за 1964–1970 годы в Англии и Уэльсе обнаружил отсутствие каких-либо четких указаний относительно принудительного лечения. В разных местностях, а также в разные периоды в одной и той же местности, царил полнейший разнобой. Поскольку особенно крупных административных или прочих изменений в обследованных районах за этот период не произошло, исследователи констатировали, что разнобой этот объясняется, в основном, различным подходом отдельных врачей к душевным болезням<sup>12</sup>. Они пришли к выводу, что «принудительная госпитализация применяется чаще, чем это необходимо, и проводится произвольно»: Полученные сведения лишь подтверждают общепринятое мнение, что психиатры предпочитают не рисковать и решаются на принудительную госпитализацию всякий раз, когда возникает сомнение в степени опасности больного.<sup>13</sup>

## ПРАВО НА ЛЕЧЕНИЕ

Противники принудительной госпитализации одновременно выдвигают лозунг «права на лечение». Коль скоро, рассуждают они, человека подвергли принудительной госпитализации, его следует активно лечить; психиатр не должен довольствоваться ролью стража. В 1975 году Верховный суд Соединенных Штатов вынес единогласное решение, что ни один штат не вправе госпитализировать душевнобольного, если он «не представляет опасности для общества и может жить на сво-



боду».<sup>14</sup> На основании этого решения после 15-ти лет принудительной госпитализации и длительных судебных боев, обрел свободу некий Кэннет Доналдсон. Суд установил, что истец в течение своего заключения не получал медицинской помощи, однако суд не затронул вопроса о «праве на лечение» в более широком смысле. Вот уже десять лет как специалисты по законам, касающимся охраны психического здоровья борются за установление такого права. Они утверждают, что взамен свободы, которой лишают больного, он имеет полное право на соответствующее лечение. Надо полагать, что юридические аспекты, связанные с «правом на лечение», будут в ближайшее время рассмотрены Верховным судом США.<sup>15</sup>

## ПСИХИАТРИЯ И СУД

Некоторые из перечисленных выше проблем еще более осложняют взаимоотношения между психиатрией и судебными инстанциями. Там, где они встречаются, имеется много опасностей и неожиданностей. Для диагностики большей части душевных заболеваний нет строго объективных критериев, а следовательно, нет и критерия для определения вменяемости подсудимого во время совершения им преступления. Получается своеобразный порочный круг: суд обращается к помощи психиатра за экспертизой, сознавая при этом случайный и ограниченный характер этой экспертизы; хотя окончательное решение о целесообразности участия подсудимого в судебном процессе и его ответственности за совершенное преступление выносит суд, он оставляет множество щекотливых вопросов на усмотрение группы экспертов, которая не может дать объективную и точную оценку. В результате судебные определения оставляют без ответа вопрос о том, что следует считать психическим заболеванием или отклонением от нормы, а также не устанавливают критерия для определения

степени заболевания, при котором следует считать подсудимого не подлежащим судебной ответственности.

Даже в тех случаях, когда установлено, что подсудимый не может участвовать в судебном процессе, не отвечает за свои поступки в силу его психического заболевания, дальнейшая его судьба неясна. Обычно суд выносит решение о направлении больного на лечение в психиатрическое заведение, однако ни срок пребывания его там, ни характер лечения не указываются — главным образом потому, что невозможно предсказать дальнейшее течение болезни и определить насколько она будет поддаваться лечению.

## ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПСИХИАТРИИ КАК СРЕДСТВА ПОДАВЛЕНИЯ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

До сих пор нашей целью было не просто перечислить все трудности этического и социального характера, с которыми сталкивается психиатр в своей работе, а скорее дать общую картину, на фоне которой мы будем рассматривать конкретный вопрос, являющийся основной темой этой книги. В дальнейшем мы займемся рассмотрением только одной формы злоупотреблений в психиатрии, распространенной в Советском Союзе, а именно — причисления инакомыслящих к категории душевнобольных, нуждающихся в принудительной госпитализации и лечении. Почему мы избрали именно Советский Союз? Эта форма злоупотреблений иногда встречается и в других странах, но ни в какой другой стране, насколько нам известно, она не является столь распространенной и систематически не используется; она не является выражением сознательной государственной политики.

Методы использования психиатрии в качестве политического орудия в Советском Союзе во многих отношениях уникальны. В шестидесятые годы, с развитием всевозможных видов инакомыслия среди советских

граждан, стали просачиваться сведения о том, что психиатры диагностируют как больных, и помещают в психиатрические больницы людей, в душевном здоровье которых ни их родные, ни друзья не сомневались. Этот новый контингент «больных» включал, борцов за гражданские права, националистов, верующих, тех, кто выражал желание эмигрировать. Как стало известно, эти диссиденты в больницах вместо лечения подвергались жестокому обращению и наказаниям, очевидно имеющим целью искоренить их неблагоприятные взгляды.

Как в Советском Союзе, так и на Западе раздались голоса, утверждающие, что психиатров используют в борьбе против инакомыслия. Это является частью систематической сознательной политики правительства, имеющей своей целью: избежать судебного разбирательства и возможной гласности, запереть инакомыслящих на неопределенный срок в психиатрическую лечебницу и представить их убеждения, как убеждения людей душевнобольных.

В последующих главах мы рассматриваем эти обвинения и пытаемся установить, насколько они обоснованы. Для этого мы даем беглый обзор истории психиатрии в России, обращая особое внимание на ее взаимоотношения с государством. Затем мы проследим процесс постепенного проникновения политики в область психиатрии (начиная с первого документированного случая, имевшего место в начале девятнадцатого века) и подробно расскажем о том, как этот процесс протекает в настоящее время.

### **СОВЕТСКАЯ ПСИХИАТРИЯ — ЕЕ ХАРАКТЕР И РАЗВИТИЕ**

На протяжении истории человечества теория и практика психиатрии были теснейшим образом связаны с нормами, этическими ценностями и идеологией соответствующего общества. В советской психиатрии связь эта особенно хорошо прослеживается. Для понимания того, как в Советском Союзе психиатрия стала орудием борьбы с инакомыслием не мешает кратко остановиться на истории развития советской психиатрии в связи с развитием медицины и общественными переменами.

В средние века, как и в других европейских странах, в России психиатрии как науки вовсе не существовало.<sup>1</sup> Представители всех слоев населения считали душевную болезнь результатом воздействия сверхъестественной силы, а душевнобольных — людьми, одержимыми бесами, либо злыми духами. Забота о них вменялась монаху, который фактически играл роль «психиатра»; госпиталем служил монастырь, излюбленным лечением были заклинания. Роль монаха в этой системе частично была узаконена уже в десятом веке уставом князя Владимира, в котором говорилось, что церковь обязана представлять убежище вдовам, сиротам и помешанным. В дальнейшем ответственность монастырей за душевнобольных была закреплена в 1551 году Иваном Грозным, который обязал Святейший синод «госпитализировать» безумных в монастырях, дабы те «восприяли свет и понимание истины» через веру и покаяние.<sup>2</sup>

При Петре Великом в отношении к душевнобольным прослеживается новшество. В 1723 году царь издал указ о создании специальных больниц для душевно-

больных. И хотя практический эффект его указа был минимален, все же он, запретив заключение душевнобольных в монастырь, положил начало тому, что в дальнейшем психическими больными стала заниматься медицина, а не церковь. Однако недостатком его замысла было то, что в России не было никаких психиатрических заведений, которые заменили бы монастыри, а уровень медицины был чрезвычайно низок. Петр Великий прекрасно понимал, что медицина в России находится на низком уровне развития и еще до указа основал первую русскую медицинскую школу. Одновременно в Россию стали приглашать врачей из-за границы, которые, впрочем, лечили исключительно знать и военных. Несколько позднее при Московском университете был учрежден медицинский факультет. Первый диплом был выдан в 1768 году. Отныне начинается обучение русских врачей как в России, так и за границей.

Психиатрические больницы Петра Великого продолжали оставаться не столько фактом, сколько замыслом. В 1762 году Петр Третий издал аналогичный указ о создании особых домов для помешанных, но это также не имело практического результата. Лишь в последующее десятилетие, усилиями Екатерины Второй, были наконец, построены первые психиатрические больницы, и они начали функционировать. В 1776 году к одной московской больнице был пристроен флигель для душевнобольных, рассчитанный на 25 человек, а в 1809 году на окраине Москвы открылась психиатрическая лечебница. К этому году появилось больше десятка психиатрических заведений.

Несмотря на то, что в первой половине девятнадцатого века количество этих заведений возросло, для их функционирования не хватало ни средств, ни персонала, ни оборудования. Лечение и уход также были на весьма низком уровне. Выдающаяся фигура в истории русской психиатрии, профессор Саблер, став директором Московской психиатрической лечебницы, ввел ряд ус-

вершенствований: название «сумасшедший дом» заменилось «больницей», сажать больных на цепь было запрещено, были введены истории болезни на каждого больного и годовой отчет о состоянии его здоровья, поощрялись занятия и развлечения.

Самая радикальная перемена в организации медицинской помощи в России произошла после того, как в 1861 году было отменено крепостное право и введены земства как форма местного самоуправления. В течение последующих нескольких лет земства взяли на себя ответственность за сотни медицинских учреждений, в том числе психиатрических. К 1892 году эта система местного самоуправления финансировала и руководила тридцатью четырьмя психиатрическими лечебницами, располагающими в общей сложности 9.000 коек и обслуживаемыми 90 психиатрами.<sup>3</sup>

С увеличением количества и улучшением психиатрических больниц поднимался и уровень русских психиатров. С назначением Ивана Балинского руководителем первой кафедрой психиатрии при Военно-Медицинской Академии в Санкт-Петербурге открывается эпоха научной психиатрии. Балинский в 1862 г. организовал первое Общество психиатров. Последовало создание других кафедр, во главе с учеными, которые внесли значительный вклад в психиатрическую науку, главным образом своими обширными описаниями всевозможных патологических душевных состояний. Среди этих ученых почетное место принадлежит Сергею Корсакову. В довершение к научным исследованиям, Корсаков в своей московской клинике продолжает нововведения Саблера по устранению физических ограничений больных, убирает решетки с окон, открывает двери изоляторов.

Новые тенденции, развивающиеся в русском обществе на рубеже последнего столетия дали начало тому, что особое внимание стало уделяться гуманному обращению с душевнобольными. Все резче пробуждается общественное сознание в русской психиатрии. В 1911

году преемник Корсакова, профессор Владимир Сербский (именем которого назван основанный в 1921 году Институт судебной психиатрии) сурово критиковал власти за пренебрежение общественным благосостоянием. Его начинания привели к тому, что была основана национальная ассоциация психиатров, которые усматривали корни душевных болезней в несправедливых общественно-экономических условиях русского общества. В последние годы царской власти в России дружная критика недостаточно высокого уровня медицинского обслуживания, исходящая от врачей, достигла своего апогея.

После Октябрьской революции в медицине и психиатрии открывается новая эра. Современная советская медицинская система является результатом тех многочисленных перемен, которые произошли в первые месяцы революции. Земская модель была целиком перестроена после учреждения централизованного Народного Комиссариата Здравоохранения (позднее министерство). Перед ним встала трудная задача полнейшей реорганизации и координации медицинских служб молодого государства. С провозглашением Союза Советских Социалистических Республик в 1922 году были учреждены комиссариаты здравоохранения в каждой из входящих в него республик; все они подчинялись Народному комиссариату Советского Союза. Как и прочие области медицины, советская психиатрия с тех пор так и осталась под центральным контролем, с подчинением всех местных республиканских министерств здравоохранения союзному. В настоящее время Министр здравоохранения СССР облечен значительными полномочиями. Он назначается Верховным Советом Советского Союза и, теоретически, подчиняется ему.\* В распоряжении Министра имеется целый штат советников-

---

\*) Министр здравоохранения входит в состав Совета Министров, насчитывающий около сотни человек, однако ни в Президиуме Совета Министров, состоящем примерно из дюжины министров высшего ранга, ни в Политбюро, которое практически предписывает линию деятельности Совету Министров, он не состоит.

специалистов, в том числе врач-психиатр. До недавнего времени этим психиатром являлась доктор З. Серебрякова, которая играла значительную роль, поскольку всякое решение о том, как и с какой целью применять психиатрию, кем бы оно не предлагалось, не могло осуществляться без ее санкции. Психиатры, стоящие на более низких ступенях иерархии, могут вносить свои предложения, но без санкции работников высшего ранга Министерства здравоохранения они приняты не будут.

Возможности для независимой линии в психиатрической практике, даже на местном уровне, крайне ограничены, поскольку все психиатры (за исключением работающих в тюремных психиатрических больницах, которые подчинены Министерству внутренних дел, а также военных психиатров) состоят в системе Министерства здравоохранения и, таким образом, во всех административных вопросах подчиняются вышестоящим чинам. В такой иерархической системе всякая перемена происходит исключительно медленно. По всей стране внедряется сознательно запланированное единообразие психиатрической практики.

Помимо главного психиатра, влиятельную роль при Министерстве здравоохранения играет также Институт Психиатрии Академии Медицинских Наук, который, во главе со своим директором обладает значительной властью в определении психиатрической политики. В частности, Институт руководит подготовкой врачей и намечает пути исследовательской работы в психиатрии. Нынешний директор Института А. В. Снежневский — один из немногих психиатров, которые являются действительными членами Академии медицинских наук. Его имя мы еще часто встретим в последующих главах.



## ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ

С реорганизацией системы здравоохранения, последовавшей после социалистической революции, в психиатрии был взят курс на профилактику душевных заболеваний.\* Костяк новой системы и по сей день составляют психдиспансеры, учрежденные в каждом административном районе.

Первоначальная консультация обычно происходит в районной поликлинике. Если больной нуждается в более специализированном обследовании, его направляют в ближайший психиатрический диспансер. Каждый диспансер обслуживает население примерно в полмиллиона. Здесь, в идеале, врачи стремятся не изолировать больного от общества и по возможности избегают помещения его в больницу. При некоторых диспансерах имеются небольшие стационары для больных, нуждающихся в непродолжительной госпитализации. Диспансеры также оборудованы для дневных больных, т.е. таких, которые являются туда каждый день, возвращаясь домой на ночь. Важным элементом диспансера является производственная мастерская при нем. Труд играет всеобъемлющую роль в лечении и перевоспитании психически больных. Конечная цель — сохранение работоспособности больного, с его последующим возвращением либо к прежней работе, либо к иной, более соответствующей его возможностям. Этот аспект психиатрического лечения отражает советское отношение к труду: официальная мораль требует от каждого советского гражданина общественно-полезного труда и вклада в благосостояние государства.

Поэтому большинство дневных больных проходит курс трудотерапии. Мастерские при клинике (а также при психиатрических больницах) заключают договоры

---

\*) О значении, придаваемом профилактике, говорит основание в 1925 году Научно-исследовательского института нейропсихиатрической профилактики в Москве.

с промышленными предприятиями, которым они поставляют тот или иной товар. Больные, работающие в мастерских, в дополнение к инвалидной пенсии, получают за свою работу небольшую оплату.

Более тяжелые больные, не способные к жизни в обществе и нуждающиеся в более тщательном уходе, поступают в районную психиатрическую лечебницу. Большая часть их проводит там несколько недель или месяцев, после чего вновь направляется в диспансер для дальнейшего наблюдения. Связь между больницей и диспансером, очевидно, слабая, контакты между врачами обоих учреждений, помимо чисто формальных, минимальны.<sup>4</sup> В дополнение к районным психиатрическим больницам, при некоторых больницах общего типа имеются небольшие психиатрические отделения, но это не характерно для советской психиатрической системы. Тюремные психиатрические лечебницы существуют для лечения осужденных, страдающих душевным заболеванием. Психиатрические колонии, обычно расположенные в сельской местности, рассчитаны на больных, которые нуждаются в длительном, а то и в пожизненном уходе.

## ТЕРАПЕВТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Традиционное психиатрическое лечение последних десятилетий основано на идеях академика Павлова. Имя его — одно из самых прославленных в истории советской медицинской науки, а идеи и результаты его исследований имеют фундаментальное значение для советской медицины вообще. В 1950 году на объединенной сессии Академии Наук и Академии Медицинских Наук, под нажимом партийных идеологов, павловское учение было окончательно провозглашено основой медицины, а также некоторых других областей науки. Обе академии постановили принять необходимые меры к дальнейшему развитию павловской теории и к ее

применению в медицине, педагогике, физическом воспитании и скотоводстве.<sup>5</sup>

Ознаменованный широкой чисткой среди научных кругов, этот период представляет печальную главу в истории советской науки. Так, например, в биологии все командные высоты партия предоставила лысенковцам. Они провозгласили ряд своих теорий, которым все обязаны были подчиняться: биологи не в праве были придерживаться иных воззрений; со своими оппонентами лысенковцы расправлялись, прибегая к «чисткам». Впоследствии взгляды Лысенко были официально признаны шарлатанскими, а сам он был низвергнут. Эта бурная фаза развития советской науки живо описана биологом Жоресом Медведевым.<sup>6</sup>

«Павловская сессия» двух академий внесла смятение и в психиатрию. Физиологические теории Павлова о высшей нервной деятельности и ее регулирующих механизмах были включены в психиатрию и возведены в догму. Психиатрическая наука была переделана согласно павловской доктрине. Психиатры — «анти-павловцы» были смещены с важных постов и либо отправлены на пенсию, либо переведены в провинцию. Многие из них были евреями и, естественно, это происходило в атмосфере антисемитизма, кульминационным моментом которого явилась казнь двадцати выдающихся деятелей еврейской культуры в 1952 году и пресловутый «Заговор врачей» в 1953 году.

Павловские теории искусственно объединили с марксизмом, объясняющим поведение человека как результат социально-экономических условий, и это было положено в основу психиатрической терапии. Эта установка была обращена против теорий Фрейда, на которые начиная с тридцатых годов было наложено табу. В это время книги Фрейда сделались недоступными для широкой публики, а перевод их на русский язык прекратился. Советское неприятие Фрейда основано на двух пунктах: значительная роль, отводимая им инстинктам человека в определении его поведения, и

индивидуалистический характер психоанализа, стимулирующий у пациента независимость личности, его личную ответственность. Партийные идеологи решительно выступили против теории, по которой поведение человека в основном определяется иррациональными и подсознательными факторами и эгоистическими импульсами. Точно так же были отвергнуты Юнг, Адлер и такие неофрейдисты как Хорни и Салливан, идеи которых, впрочем, практически неизвестны советским психиатрам.

Советский способ лечения сочетает три направления: биологическое, психологическое и социальное. Упор на биологическую основу душевного заболевания выражается в широком использовании транквилизаторов и анти-депрессантов в курсе лечения. Это те же средства, к которым принято обращаться и в западной медицинской практике. Усиленное применение фармакологических средств в советской психиатрии основано на павловском учении о нормальном функционировании нервной системы как результате равновесия между возбуждением и торможением. При душевных заболеваниях имеет место нарушение этого равновесия, но оно восстановимо благодаря воздействию некоторых лекарств на мозг.

Применяются, хоть и не столь широко, и другие методы физиологического воздействия. Инсулиновый шок, чрезвычайно редко используемый в настоящее время западными психиатрами, все еще применяется в советской медицине. Лечение заключается в введении инсулина в дозе, приводящей больного в коматозное состояние, из которого его затем выводят; эта процедура повторяется несколько раз на протяжении недель. Также прибегают к электрошоку, к наркототерапии или лечению сном. Психохирургия — хирургическое вмешательство в функционирование мозга, в особенности иссечение части переднего мозга, — лоботомия, — изредка практикуемое на Западе, — в Советском Союзе запрещена.

Психологическое лечение отличается директивно-воспитательным характером. Американский психиатр Зиферштейн, на протяжении тринадцати месяцев наблюдавший применение психотерапии в Ленинградском Научно-Исследовательском Институте Психоневрологии имени Бехтерева, дал развернутое описание этого метода.<sup>7</sup> Психиатр создает благоприятный эмоциональный климат, проявляя интерес и участие к больному и подчеркивая его, больного, положительные качества; он предлагает реалистический, зрелый подход в решении тех или иных житейских проблем и объясняет больному, что его поведение и нежелание изменить это поведение вызвано невротным состоянием, причем старательно избегает вызвать негативные чувства у больного, поскольку они нарушили бы положительный эмоциональный климат и дали бы антитерапевтический эффект. Целью психотерапии является постепенное воспитание в больном оптимистического настроя.

Впечатления Зиферштейна подтверждаются участниками Американской миссии по изучению проблем лечения психических заболеваний. В 1967 году они приехали в Советский Союз для изучения организации психиатрической службы в стране.<sup>8</sup> По наблюдениям американцев, их советские коллеги чрезвычайно широко используют психотерапию, направляя поведение больного, беседуя с ним, увещевая его, причем делается это в теплой, доброжелательной атмосфере.

Социальное направление в лечении тесно связано с психологическим. Отражая взгляд советского общества на труд как на основу жизни каждого гражданина, трудотерапия является основным средством, которым пользуется врач-психиатр. Психиатр обладает огромными возможностями влиять на формирование экономического и социального мира своего больного; он вправе вмешиваться в различные аспекты его жизни: изменять условия, связанные с его работой, рекомендовать дальнейшее образование или подготовку, определять группу инвалидности, а тем самым и размеры

его пенсии, добиваться перевода его на другую работу, требовать улучшения жилищных условий. Работодатель, как правило, обязан выполнять рекомендации психиатра.

В социальной терапии господствует концепция коллективизма. Упор на коллектив — главная черта советского общества: интересы и цели общества ставятся выше интересов и целей личности. Одна из задач психиатра — ускорить возвращение больного в коллектив и утвердить в нем чувство социальной ответственности. Поощрение индивидуализма в больном не имеет места в советской психиатрии. Присяга советского врача, включающая обязательство «добросовестно трудиться там, где этого требуют интересы общества»<sup>9</sup>, отражает предпочтительную направленность психиатра на интересы коллектива, а не личности.

Сильно выраженная официальная установка коллективизма порождает у советских психиатров — а также у конформистски настроенной части общества — нетерпимость к отступлениям от общепринятых норм и ценностей. Определенный стиль одежды, прически, манера держаться, отношение к религии, интерес к некоторым видам искусства, литературы и музыки, сексуальные отклонения, как, например, гомосексуализм (уголовно наказуем), и вообще любые формы поведения, отличающиеся от общепринятых, могут вызвать у психиатра подозрение и недоверие, заставляющее его видеть в этих проявлениях возможные симптомы душевного заболевания.

Готовность расценить всякое необычное поведение как отклонение от общественной нормы создает богатую почву для истолковывания его как психического отклонения, и тем самым — базу для использования психиатрии в целях социальных репрессий.

## ПСИХИАТРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ

Присяга советского врача включает следующее обязательство: «во всех своих действиях *руководствоваться принципами коммунистической морали\**, всегда помнить о высоком призвании советского врача, об ответственности перед народом и Советским государством».<sup>10</sup>

Коммунистическая мораль внушается врачу с самого начала его медицинской карьеры. Еще в институте он обязан проходить курс марксизма-ленинизма. По данным Филда, в годы после Второй мировой войны, этому предмету отводилось не меньше 250 часов, в то время как анатомии — 297, хирургии — 213. Такой же упор на эти идеологические дисциплины наблюдается и ныне.\*\*<sup>11</sup> Сталинское высказывание о приоритете политической подготовленности над профессиональным мастерством и опытом приобретает особое значение в работе психиатра. Хорошая политическая подготовленность предполагает преданность партии и ее идеологии, готовность работника выполнять партийные указания. Политический критерий и его значение в жизни советского человека не потеряли силу и в наши дни. Об этом свидетельствует и чрезвычайно высокий процент членов партии среди медицинских работников, занимающих ответственные посты в системе здравоохранения.

Таким образом, партия, благодаря своей монополии в командных инстанциях, полностью контролирует все аспекты народного здравоохранения, включая и профессиональную деятельность врачей. Мы еще увидим, сколь существенна эта форма контроля в использовании психиатрии для подавления инакомыслия.

Самую суть подчиненного положения советской медицины по отношению к партии и режиму хорошо выразил Филд:

\*) курсив наш.

\*\*) По свидетельству д-ра М. Войханской, до 1975 года работавшей психиатром в Ленинграде, и по другим компетентным источникам, 25% учебной программы отводится политическим наукам. Дисциплины эти — Основы Марксизма-Ленинизма, Политэкономия, Диалектика, История КПСС и Научный атеизм.

*Идеология... занимает центральное место в советской структуре, и как доктрина, и как практическое орудие контроля. Однако режиму не столь важен доктринальный конформизм или даже вера (в смысле религиозной убежденности), сколько положительное отождествление с партией как хранительницей всех основных догматов. Из этого, естественно, вытекает особая озабоченность властей настроением советской интеллигенции, отношением ее к партийной идеологии и, — важнее всего, — ее «правильной» интерпретацией партийного курса и готовностью исполнять приказы и указания в духе этого курса.<sup>12</sup>*

## СОВЕТСКОЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЕ НА ПРАКТИКЕ

Выше мы рассматривали, главным образом, формальную структуру и принципы советской системы здравоохранения, особенно в области психиатрии. Практика, безусловно, значительно отличается от схемы. Пока-что, однако, мы не располагаем достаточным материалом по той простой причине, что ни одному иностранцу не была предоставлена возможность провести исследования на местах, а советскому гражданину с независимым образом мыслей, с большим трудом собравшему необходимый материал, не удалось бы опубликовать результаты своих исследований.

В этих обстоятельствах суждение такого здравомыслящего и независимого критика, как акад. А. Сахаров, обладает ценностью даже несмотря на то, что оно не основано на систематических данных. В 1975 году он писал:

*Очень низко качество медицинского обслуживания большинства населения. Попастъ на прием в поликлинике — полдня потерять... Больной почти не может выбирать, к какому врачу обратиться. В больницах — больные лежат в коридорах, в духоте или на сквозняках... На одного больного в рядовой больнице в день выделяется по бюджету менее одного*



рубля на все... Зато в привилегированных больницах — на одного больного по бюджету тратится до 15 рублей в день... В провинции нет современных медикаментов, но и в столице их ассортимент очень отстает от западных стран... Сильно подорвана система медицинского образования... Общественный и профессиональный упадок распространился на врачей, которые держались дольше других. Под угрозой те несомненные достижения (в области педиатрии, в борьбе с инфекционными заболеваниями и др.), которые были достигнуты советской медициной в первые десятилетия советской власти<sup>13</sup>.

Суждение Сахарова тем более весомо, что оно совпадает с рассказами множества недавних эмигрантов из Советского Союза, в том числе врачей разных специальностей, включая психиатров, с которыми мы беседовали. Оно также совпадает с личным опытом одного из авторов (П.Р.), который столкнулся с советской системой медицинского обслуживания, находясь в Москве в качестве аспиранта в 1963-64 гг.

Даже официальная советская пресса, в редкие минуты откровенности, частично подтверждает мнение Сахарова. Так, в 1976 году в «Литературной газете» говорилось о проблеме, стоящей перед советским здравоохранением. Автор статьи утверждал, что суммы, отпускаемые больницам, никак не могут считаться достаточными. Он предлагает учредить медицинский фонд, взывая к благотворительности населения. Фонд дал бы возможность закупать дорогую аппаратуру и расширить перегруженные больницы. Чиновники из Министерства здравоохранения отнеслись сочувственно к его предложению:

*(...) и у нас больные лежат иногда в коридоре. (...) Нет печальнее дней в больнице, чем самые праздничные. Тогда не лечат, тогда не встречаются с врачами — только лекарства и самые неотложные процедуры.<sup>14</sup>*

В результате всего, что нам удалось прочитать и услышать, мы пришли к выводу, что в Советском Со-

юзе, как и в западных странах, с психиатрическим обслуживанием дело обстоит хуже, чем в прочих областях медицины.

Следует также отметить, что в советской психиатрии, в отличие от западной, стремящейся по возможности лечить пациентов амбулаторно, намечается обратная тенденция. Советские власти усиленно строят все большее количество стационарных лечебниц, количество коек для людей с психическими и нервными заболеваниями за период с 1962 года по 1974 возросло с 222.600 до 390 тысяч. Последняя цифра представляет 13% от общего числа коек в больницах всех типов на 1974 год. Дальнейший рост количества коек для душевнобольных намечено было продолжить вплоть до 1980 г.<sup>15</sup>

### **ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПСИХИАТРИИ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕКА: ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ, КАК ЭТА ПРОБЛЕМА СТАЛА В СССР ЗЛОБОДНЕВНОЙ**

Русский философ Петр Чаадаев (1793-1856) провел несколько лет в Западной Европе. Он вернулся на родину, пропитанный традициями европейской культуры, и поразился тому состоянию, в каком застал русское общество. Свои мысли по этому поводу он изложил в «Философических письмах», которые опубликовал в московском журнале «Телескоп». В «Письмах» содержалась критика реакционного режима Николая I. Шеф тайной полиции не замедлил донести об этом царю, который официально провозгласил Чаадаева умалишенным, а издателя журнала отправил в ссылку. Резолюция Николая I гласила:

*Появившаяся в Телескопе статья П. Я. Чаадаева выраженными в ней мыслями возбудила во всех без исключения русских чувство гнева, отвращения, ужаса, сменившееся, впрочем, в скором времени на чувство сострадания, когда узнали, что достойный сожалеания соотечественник, автор статьи, страдает расстройством и помешательством рассудка. Принимая во внимание болезненное состояние несчастного, Правительство в своей заботливости и отеческой попечительности предписывает ему не выходить из дому и снабдить его даровым медицинским пособием, на который конец местное начальство имеет назначить особого из подведомственных ему врача.<sup>1</sup>*

В итоге Чаадаев провел около года под домашним арестом.

Эпизод с Чаадаевым произошел в 1836 году и его, по-видимому, следует считать первым в истории России

документированным случаем борьбы с инакомыслием при помощи психиатрии. Эта процедура способствовала дискредитации реформистских идей Чаадаева, представив их как плод больного воображения. В истории «сумасшествия» диссидентов концепция «реформизма» будет появляться не раз. Однако в царское время подавление инакомыслия при помощи психиатрии носило характер эпизодический; оно не стало системой и частью правительственной политики.

## РАННИЙ СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Объявление инакомыслящих душевнобольными в первые годы революции было еще явлением редким. К этой мере прибегали, когда требовалось лишить политического влияния лиц, которые представлялись опасными для в то время еще неокрепшего большевистского государства. Вот два известных случая, которые говорят о безуспешных попытках достичь такой цели.

В ноябре 1918 г. суд приговорил лидера партии эсеров Марию Спиридонову к одному году тюремного заключения. Союз между ее партией и большевиками распался, и к середине 1918 г. трения между обеими партиями усилились настолько, что большевики начали своих бывших союзников репрессировать.

Амнистированная и досрочно освобожденная, Спиридонова объединила своих сторонников, пытаясь возродить партию. Она неустанно нападала на правительство за то, что оно, по ее мнению, действовало вопреки интересам народа. Усилия большевиков подорвать ее растущее влияние оказались безуспешными. Меж тем она представляла собой крупную политическую силу, которую требовалось обезвредить во что бы то ни стало. Ее арестовали. Однако большевики стояли перед трудной проблемой: Спиридонова не совершила никакого преступления, для многих она была героем, новый про-

цесс и приговор лишь способствовал бы усилению оппозиции. Московский Ревтрибунал нашел выход — отправить ее в санаторий. Как явствует из письма Спиридоновой, которое ей удалось переправить из тюрьмы, маневр этот не был для нее совершенным сюрпризом:

*Я предчувствую, что большевики готовят мне какую-то пакость. Убить меня им неподручно, удержать меня надолго в тюрьму — тоже неловко... они меня объявят сумасшедшей и засадят в психиатрическую больницу или что-нибудь в таком роде... они хотят нанести мне моральный удар. Чтобы спасти положение они не гнушаются ничем...<sup>2</sup>*

Вскоре ей пришлось выслушать решение трибунала:

*Поскольку в вынесении приговора Трибунал не движим желанием мстить врагам революции и не намерен причинить Марии Спиридоновой излишнее страдание... Московский Революционный Трибунал постановил: отстранить Спиридонову сроком на один год от политической и общественной жизни и изолировать в санатории, где ей будет предоставлена возможность заниматься полезным физическим и умственным трудом.<sup>3</sup>*

Избрав подобную тактику, власти вероятно вдохновлялись инцидентом происшедшем в 1836 году, когда Николай I вынес похожий приговор Чаадаеву. Как бы то не было, налицо аналогичная попытка дискредитировать политического противника. Спиридонова, несомненно права в своей оценке решения Трибунала: помещение ее в санаторий могло способствовать этой цели.

Под предлогом физического и душевного недомогания ее отстранили от политической деятельности: мысли ее — мысли больного человека. На самом деле Спиридонова в санаторий так и не попала. Она оставалась под стражей в Кремле, в тяжелых физических и психических условиях, вплоть до своего побега в апреле 1919 года.

Второй пример неудачной попытки заключения в

санаторий — Анжелика Балабанова. О ее «душевном заболевании» говорили только намеками. Влиятельная фигура, как в большевистской партии, так и в международном рабочем движении, она была знакома и тесно сотрудничала с рядом революционных деятелей, в том числе с Троцким и Лениным. В 1920 году Балабанова осудила некоторые ошибки, допущенные, по ее мнению, революционными вождями. Свое недовольство она высказала непосредственно Ленину. В то время над большевиками нависла большая опасность: Белая армия наступала на Петроград, находилась под угрозой и Москва. В этой обстановке ЦК вынес решение направить Балабанову на лечение в санаторий.

*... Я была потрясена, получив официальное распоряжение уехать из Москвы в санаторий. Сперва я решила, что здесь какое-то недоразумение... особой заботы о своем здоровье я прежде не ощущала. После дальнейших расспросов я обнаружила, что это никакая не ошибка — Центральный Комитет хотел, чтобы я «отдохнула в санатории»... «Но я не настолько больна или стара, чтобы уйти в отставку, — сказала я генеральному секретарю партии Крестинскому. — Я чувствую себя в силах работать и хочу продолжать работать».<sup>4</sup>*

Когда Крестинскому стало ясно, что Балабанова не согласится с этим приказом, он решил другим способом удалить ее из центра политической жизни — направить ее во главе агит-поезда в далекий Туркестан. Таким образом, сопротивление, оказанное Балабановой Центральному Комитету, вынудило его отказаться от маневра с санаторием.

## СТАЛИНСКИЙ ПЕРИОД

Информация о заключении или попытках заключения инакомыслящих в психиатрические больницы в сталинский период весьма скудна. Насколько можно судить, госпитализация стала входить в систему лишь к концу тридцатых годов. Опубликованные в «Амери-

канском Журнале Психиатрии» четыре письма психиатра, эмигрировавшего в Америку вскоре после Второй мировой войны, имя которого по понятным причинам не было оглашено, проливают яркий свет на этот период.<sup>5</sup> Первое письмо появилось в 1970 году, когда на Западе стали высказывать подозрения о возможном использовании психиатрии в Советском Союзе в политических целях.

Вышеупомянутый психиатр, родом из Восточной Польши, автоматически стал советским гражданином в 1939 году, когда Красная Армия оккупировала эту территорию. После нападения Гитлера на Советский Союз он бежал на Восток и поступил на работу в Казанскую психиатрическую больницу. По его словам, в этой больнице, насчитывавшей 400 коек и обслуживавшей всю страну, были заключены исключительно «политические».\* Больница размещалась на территории обычной психиатрической лечебницы, однако была целиком в ведении НКВД. Подтверждение этой информации мы находим в «Хронике текущих событий».\*\*

---

\*) Через это казанское заведение прошли многие известные диссиденты нашего времени, среди них Виктор Кузнецов и Наталия Горбаневская.

\*\*) Главный орган движения за права человека в Советском Союзе, «Хроника», с самого ее основания в апреле 1968 года доставляет точную объективную информацию о нарушениях прав человека в Советском Союзе. Сам факт ее появления в 1968 году, объявленном Международным Годом Прав Человека, не случаен. К этому времени инакомыслящие были достаточно организованы, чтобы выпустить журнал, поставивший себе целью информировать читателя о «новостях, связанных с движением в защиту прав человека». «Хроника» документирует эти события, стараясь сводить редакционный комментарий до минимума: в ней фиксируются аресты, судебные процессы и внесудебные преследования инакомыслящих, а также данные об условиях содержания заключенных в тюрьмах и лагерях, выступления национальных и религиозных групп, и сообщается о публикациях, выходящих в самиздате. «Хроника» как правило выходит каждые два-три месяца, однако в ее публикации, в результате давления со стороны властей, был более, чем годичный перерыв (с конца 1972 по май 1974 г.). Каждый выпуск, попадая на Запад, переводился на английский, а с 16-го выпуска их стала также публиковать Международная Амнистия. Благодаря точной и добросовестной подаче материала «Хроникой», мы смогли получить первые сведения об использовании психиатрии в политических целях в достаточно внушительном объеме. Так, в первых одиннадцати выпусках отмечено 27 случаев помещения диссидентов в психиатрические больницы. Оттуда же мы почерпнули сведения о характере этих больниц, в особенности Казанской и Ленинградской, а также о методах лечения, в них принятых.

«Первая больница этого типа, — сообщается в ней, — создана была еще до войны в Казани и с тех времен там существует специальное отделение для политических». <sup>6</sup>

Психиатр делит содержащихся там «политических» на две группы. К первой относились люди, попавшие в психиатрическую больницу исключительно по политическим мотивам. Одним из таких «пациентов» был Ян Пилсудский, о котором этот психиатр узнал в 1941 году, когда поступил на работу в Казанскую психиатрическую больницу. Пилсудского выписали из больницы буквально через несколько недель после подписания соглашения между Советским Союзом и польским правительством Сикорского (находившимся в изгнании в Лондоне) об обращении с политзаключенными поляками. Ян Пилсудский был совершенно здоров психически, и его принудительная госпитализация, так же, как и выписка из больницы мотивировались исключительно политическими соображениями.

Другой описанный психиатром случай связан с госпитализацией одного московского рабочего, который отказался пожертвовать свой месячный заработок на нужды войны — «добровольный» вклад, который правительство вымогало у всех трудящихся. Он заявил, что его зарплаты едва хватает на то, чтобы прокормиться. Поскольку он упорно отказывался внести эти деньги, его арестовали и отправили в тюрьму на Лубянке, где ему поставили диагноз — «шизофрения». Оттуда его перевели в Казанскую больницу, которая этот диагноз подтвердила. Наш психиатр считал «больного» психически нормальным человеком, но, вероятно, под давлением своих коллег согласился с их диагнозом. Поскольку больного обвиняли в контрреволюционной пропаганде, то подвергался опасности и врач, который стал бы оспаривать поставленный диагноз и сомневаться в необходимости госпитализации. К тому же, настаивая на вменяемости этого человека, психиатр боялся оказать ему медвежью услугу: в условиях



более жесткого тюремного или лагерного режима он мог вообще погибнуть.

Ко второй группе политических заключенных относились люди, которые действительно страдали психическим заболеванием, но оно носило ярко выраженную политическую окраску. Так, например, один из шизофреников вообразил себя Троцким, другой полагал, что иудаизм грозит гибелью всему миру. Психиатр утверждает, что количество таких больных составляло большинство обитателей больницы, и лишь относительное меньшинство представляли психически здоровые люди, попавшие в больницу исключительно по политическим мотивам.

Первые и наиболее подробные сведения о том, как большинство политических попадают в Казань, мы получили от поэта Наума Коржавина. Он рассказал нам о своем знакомстве с Институтом Судебной Психиатрии имени Сербского.

В 1948 году двадцатитрехлетний поэт, тогда еще убежденный сталинист, был арестован за написание «антисоветских» стихов и направлен на экспертизу в Институт имени Сербского. В те времена, как он вспоминает, это было относительно гуманное заведение, с доброжелательными сотрудниками, к числу которых он относит и начальника отделения для политических профессора Халецкого.

Пребывание в институте было более или менее сносным по сравнению с тюрьмой: он читал, писал стихи, проходил курс трудотерапии; иного лечения ему не назначили. Его обследовали две комиссии. После первого обследования, которое было проведено комиссией, включавшей более десяти врачей и заседавшей в присутствии следователя, его перевели в отделение для политических. Здесь, как ему показалось, врачи надеялись квалифицировать его как душевнобольного и, следовательно, не отвечающего за свои поступки, чтобы спасти его от концлагеря. Однако вторая комиссия нашла его психически здоровым, и он был отправлен в ссылку в Сибирь на несколько лет.

На основании своего опыта Коржавин считает, что помещение здоровых людей в психиатрические больницы мотивировалось скорее гуманными целями — во всяком случае, так было в 1948 году.

Любопытно, что примерно в это же время такое гуманное отношение привлекло внимание властей. Комиссия, возглавляемая ветераном партии Р. С. Землячкой, обследовала институт и доложила, что они «создали санаторий» и предложила директору «закрутить гайки»: ввести более строгий режим и сократить число неменяемых среди обследуемых. Коржавин сообщает, что, по-видимому, для осуществления этого нового режима в отделение для политических назначили судебного психиатра Даниила Лунца. В последующих главах мы еще не раз встретимся с этим именем.

Убедительным примером политически мотивированного диагноза может служить дело Ильи Яркова (начало 50-ых годов), автобиография которого была издана самиздатом а попала на Запад.<sup>7\*</sup> Илья Ярков умер в 1970 году. Седьмая глава этой автобиографии, написанной, вероятно, в 1963 году, посвящена периоду 1951-1954 гг., на протяжении которого автор перебивал в трех лечебных заведениях для душевнобольных — в Горьком, в Казани и в Чистополе.

В 1928 году 35-летний Ярков, уроженец Куйбышева (тогда еще Самары), был задержан милицией, и осужден за «контрреволюционную деятельность». Двадцать лет спустя в 1948-м году — пишет Ярков — власти решили создать новый крупный контингент политзаключенных, прибегнув к простому способу: арестовать всех, кто в двадцатые и тридцатые годы был осужден по политическим статьям и, отбывши срок, остался в живых.

---

\*) Среди ставших известными «политических» (помимо упомянутых Ярковым), фигурирует коммунист Михаил Шульман, отправленный в Казань в 1937 году как оппозиционер и эмигрировавший в Израиль в 1973-м («Хроника» 42); бывший президент Эстонии Константин Пятс, содержавшийся в Казани с 1941-го по 1956 год («Казнимые сумасшествием», Франкфурт, 1971, стр. 479); ленинградский математик Револьт Пименов, госпитализированный в 1949 году («Хроника» 15); а также работники культуры и политические деятели, перчисленные С. Писарсыым («Сэрвей» 1970, № 77).

Ярков попал в эту категорию. Он был вновь арестован в 1951 г. как представляющий опасность руководитель некоей тайной секты. Вскоре, однако, следователи обнаружили, что он всего-навсего писал биографию руководителя одной из сект начала века, исповедывавшей взгляды, близкие к толстовству.

На допросах Ярков не скрывал своего отрицательного отношения к тайной полиции как таковой. В своей книге он поясняет, что всегда был «идеологическим еретиком», но не противником советской системы в целом.

Никаких данных о совершении им преступления, такого, например, как пропаганда своих «антисоветских взглядов», обнаружить не удалось. Чтобы не признать, что он был арестован по ошибке, решили изменить тактику, и — на основании того, что когда-то в прошлом он страдал от незначительного нервного недуга, его послали на обследование к психиатрам. Его обследование в психиатрическом отделении Куйбышевского медицинского института. Тут Ярков почувствовал явное давление властей, которым требовалось «во что бы то ни стало изобразить из меня душевнобольного». Один из психиатров задал ему вопрос: «Кого вы больше любите — Ленина или Сталина?» Поскольку на комиссии присутствовал следователь, то Яркову трудно было определить, где кончается следователь и где начинается врач-психиатр. Его, естественно, признали невменяемым.

За время своего трехлетнего пребывания в психиатрических больницах Ярков убедился, что туда попадают лица, арестованные «по 58-ой статье (только по ней одной!), обвинение в отношении которых явно не удалось... Тут имеет место или ложный, ничем, в конечном счете, не подтвержденный донос, или отсутствие достаточного материала для поддержания обвинения». Чтобы читатель не упрекнул его в наивности, Ярков далее поясняет: «Не следует забывать, что все же это был 1951-й, а не 1937-й год. Если в 1937-м году позволительно было широко применять различные вне-

судебные формы расправы, то в 1951-м году был необходим все же какой-то, пусть очень относительный и условный, минимум правовых гарантий».

Отсюда — необходимость прибегнуть к помощи психиатрии. Ярков подчеркивает, какие широкие возможности она представляет органам безопасности: «Много ли в нашей стране в наши дни найдется людей с абсолютно неповрежденными нервами, без невроза, без того или иного «пунктика» или «бзика». Пережитые десятилетия на каждого из нас наложили свой отпечаток... Особенно много помогла в этом отношении война (1941-1945)».

В результате использования психиатрии для обуздания политически опасных, за свои три года пребывания в этих учреждениях Ярков повстречал

*большую массу людей безусловно умных, развитых, хорошо образованных, порой глубоко интеллигентных, как хотите, которых ни один уважающий себя врач в «гражданке» и не помыслил бы годами держать в больнице под предлогом, что они «психи». Да мало ли таких «психов» ходит ежедневно вокруг нас в обыденной жизни, занимая выдающиеся посты, обнаруживая незаурядную трудоспособность, занимаясь научной и литературной деятельностью. Никто же и не помышляет держать их в больнице, за тюремной решеткой. Не помышляет — до тех пор, пока они волею случая не попадут в орбиту или зону действия МГБ. Тогда все идет шиворот-навыворот.*

Описание мнимых больных, которых Ярков встречал в этих заведениях, полностью применимо к известным инакомыслящим, оказавшимся в таком же положении двадцать лет спустя, — тем, о ком в основном ведется речь в нашей книге. Это были, «очень интересные, безусловно выдающиеся, оригинальные 'тронутые' люди, вся 'вина' которых сводилась к тому, что они — в нервно-психическом отношении — были более чутки, более нетерпимы ко всяким проявлениям социальной несправедливости, подлости и жестокости и реагиро-

вали на все это более болезненно, чем это обычно полагалось в быту».

По мнению Яркова, его товарищи по несчастью, составлявшие довольно значительное количество обитателей психлечебниц, по состоянию душевного здоровья ничуть не отличались от людей, находившихся на свободе. Большинство же людей были действительно больны, а один человек, с которым он сошелся в больнице, заболел, тяжело переживая разлуку с близкими и обиду на судьбу.

В тех трех больницах, в которых перебивал Ярков, содержалось множество москвичей, прошедших экспертизу в Институте Сербского, латышских националистов из Риги и заключенных за религиозную деятельность поборников православия. Ярков дает живое описание своих друзей и знакомых. К ним относятся: художник Митрофанов, проведший около двадцати лет в тюремных госпиталях и осужденный за то, что сражался на стороне поляков во время вторжения Советского Союза в Польшу в 1920 г.; биолог Кожевников, выступавший против беспощадной диктатуры Лысенко в биологии; известный писатель Марк Криницкий, которому было 78, когда Ярков с ним познакомился; один из немногих троцкистов, выживших после пребывания в Колымских лагерях, еврей по национальности, портной, Ханан Ляховицкий; шофер Федотов, все «преступление» которого состояло в том, что он возил Троцкого и других вождей начала революции; и, наконец, доктор Федор Стриженов, который лечил англичанина, впоследствии объявленного шпионом. По освобождении Стриженов вернулся к своей работе, затем, окруженный славой и почетом, вышел на пенсию.

Ярков также подружился с неким Джумабаевым из Казахстана, работавшим ранее в Министерстве финансов Казахской Республики. В начале 30-х годов он был обвинен в принадлежности к конспиративной антисоветской группе, занимающейся подрывной деятельностью против советского государства. Горячий и убеж-

денный коммунист, Джумабаев к тому времени, когда Ярков с ним познакомился, провел в тюремных психиатрических госпиталях 19 лет и вполне смирился со своей судьбой. Партия, которая всегда права, решила, что Джумабаев сумасшедший и нуждается в лечении, следовательно так оно и есть. Хотя он и не признавал себя виновным в предъявленных ему преступлениях, он считал своим партийным долгом подчиниться.

Среди людей, с которыми сблизился Ярков, был и настоящий больной, с явными признаками мании преследования, некто Михаил Бурштейн. Это подтвердилось шесть лет спустя, в 1960 году, после того, как их обоих выписали из больницы: он получил от Бурштейна странное письмо, в котором тот объявил себя немцем. До госпитализации Бурштейн занимался исследованиями в области психиатрии, требовал большей свободы для продолжения своей научно-исследовательской работы, настаивал в противном случае на своем праве эмигрировать. Его тотчас арестовали, обвинили в измене Родине, объявили сумасшедшим и госпитализировали.

Врачи-психиатры, с которыми Ярков встречался во всех трех больницах, сильно отличались друг от друга. Так, например, начальник психиатрического отделения горьковской тюремной больницы, доктор Евсей Майданский описан автором как личность, которая сочетала в себе черты врача и жандарма, оставаясь при этом чрезвычайно приятным человеком. Другой психиатр той же больницы, доктор Надежда Великанова, была человеком порядочным и сердечным. Зато врач Казанской психиатрической больницы, доктор Елизавета Лаврицкая, уже немолодая женщина, отличалась жестокостью и любила унижать и наказывать пациентов. Ее излюбленным наказанием была так называемая «укрутка» или «камзол» (как называли ее во время Яркова): больного обматывали влажной парусиной, которая по мере высыхания все больше сжималась, так что наказанному становилось все труднее дышать. Длительность этого наказания определялась характером «преступления».

Несмотря на то, что санитары являлись уголовными преступниками, отбывающими свой срок в тюремном госпитале вместо лагеря, Ярков в целом нашел персонал больницы вполне доброжелательным. Няни и санитары обычно обращались с заключенными хорошо, администраторы «старались проявлять мягкость, уступчивость, или, на худший случай, сдержанность». Ярков не получал никаких лечебных процедур, а летом и он, и его товарищи могли целый день гулять по больничному участку, беседуя друг с другом. Там процветала полная свобода слова, и некоторые «ругали Сталина целый день, с утра до вечера».

Примерно раз в полгода из Москвы навевывалась комиссия, обычно во главе с врачом из органов безопасности, часто в чине генерала.\* По мнению Яркова и его товарищей, решение о выписке пациентов из больницы предопределялось вынесенным в свое время секретным приговором, в котором указывался срок принудления. «Все прочее — проформа». Это кажется нам вполне вероятным, поскольку Ярков нигде не упоминает о так называемом отречении, т.е. «признании» своей антисоветской деятельности результатом душевного заболевания и выражении благодарности врачам за «излечение». Ни комиссии, ни сотрудникам больницы не вменялось, по-видимому, в обязанность рекомендовать подопечным такую линию поведения. Вскоре, как мы увидим, на них была возложена и эта задача.

---

\*) Столь свободный подход был, по-видимому, отменен в середине пятидесятых годов, когда все члены комиссии формально считались гражданскими лицами, сотрудниками Института им. Сербского, в свою очередь якобы подчиненного Министерству здравоохранения, а на самом деле контролируемого МВД.

## ПОПЫТКИ РЕФОРМ В ПОСЛЕСТАЛИНСКИЕ ГОДЫ

Ярков еще находился в тюремной больнице, когда произошел позорный случай, известный как «Заговор врачей». В январе 1953 года Сергей Писарев,<sup>8</sup> член партии с 1920 г., находившийся в течение многих лет на партийной работе, обратился к Сталину с письмом, в котором подверг критике органы безопасности за фабрикацию несуществующего «заговора», якобы имевшего целью отравить партийных вождей. Арест самого Писарева не заставил себя ждать. Первые семь недель заключения он провел в Институте им. Сербского, где его объявили невменяемым и отправили в психиатрическое отделение Бутырской тюремной больницы; четыре месяца спустя его перевели в Ленинградскую тюремную психиатрическую больницу, где он провел почти полтора года. В Институте им. Сербского ему поставили диагноз — шизофрения; однако, как он впоследствии выяснил, психиатр Ленинградской больницы Калинин трижды писал в своем отчете, что он «здоров и за свои поступки вполне может отвечать».

Писарев продолжает:

*... все три раза комиссия, послушная административно-следственным органам... хотя и не имея, в отличие от Калинина, обо мне никакого представления, с ним «не соглашалась». Все три раза начальник моего отделения (Калинин) записывал в акты свое особое мнение, вопрос обо мне оставался «открытым», и меня продолжали держать в заключении.*

*Чтобы не компрометировать Институт им. Сербского, все три раза психиатрическая комиссия предлагала диагноз «шизофрения» заменить диагнозом «паранойальная психопатия».*

*С целью опровергнуть и то и другое, мне, вместо того, чтобы выйти на свободу, пришлось, по собственному настоянию, провести в заточении в стационаре Научно-исследовательского института психиатрии РСФСР и.м. Ганушкина еще два с четвертью ме-*



сяца (декабрь 1954 — февраль 1955 годов). Только после этого было, наконец, установлено, что не только шизофрении, но и никакой «паранойяльной психопатии» у меня нет (о чем, если нужно, вы можете непосредственно запросить Институт им. Ганушкина).

После своего освобождения в 1955 году Писарев поднял кампанию против злоупотреблений в психиатрии. Направил основную критику в адрес Института им. Сербского, в котором он усматривал корень зла. Он представил ЦК длинный список душевно здоровых людей, квалифицированных там невменяемыми и нуждающимися в принудительном лечении. Он перечислил имена многих ученых, писателей, художников и партийных работников, объявленных сумасшедшими и долгие годы прозябающих в больнице вместе с настоящими душевнобольными. ЦК направил в институт комиссию под председательством авторитетного партийного деятеля А. И. Кузнецова. В эту комиссию входили известные профессора-психиатры и директора крупных психиатрических лечебниц. Комиссия провела тщательное обследование Института им. Сербского и посетила психиатрические больницы в Казани и Ленинграде.

Однако добросовестный отчет комиссии так и не рассматривался ее инициаторами. В течение двух лет один ответственный работник скрывал этот отчет от ЦК, после чего благополучно отправил его в архив. Несмотря на этот случай, Писарев все же отмечает кое-какие перемены в режиме обеих больниц — казанской и ленинградской. Условия как для действительно больных, так и для политических, сделались более сносными, а штат психиатров, пополнившийся за счет молодых врачей, стал чаще оспаривать неправильные диагнозы, поставленные в Институте им. Сербского.

В 1970 году Писарев возобновил свою кампанию, направив в Академию Медицинских Наук письмо с подробным описанием своих собственных злоключений, которые ему пришлось пережить в психлечебнице сем-

надцать лет назад. И в этом обращении он сосредоточил свои обвинения на непосредственном источнике своих бед — Институте им. Сербского.

*...безысходно-частые ошибки и заключения Института психиатрической экспертизы им. Сербского заставляют просить вашего внимания.*

*Причины ошибок — в том, что это чисто медицинское учреждение фактически, а спецстационары для его «клиентов», используемые, в первую очередь (а в недавнем — преимущественно), для политических заключенных, — даже формально, находятся вне постоянного контроля и руководства органов здравоохранения. (...)*

*Все представленные мною данные (в 1955 г.) проверкой были полностью подтверждены... Под видом приговоренных к бессрочной изоляции «душевнобольных» Комиссия обнаружила сотни совершенно здоровых людей. Она констатировала систематические неправильности в заключениях, даваемых Институтом, в частности, — по вине Д. Р. [Лунца] (в то время — доцента) и ряда других лиц. Было документально установлено, что по вине обследованного экспертного института, советские психиатрические больницы в стране — больше всего обе пресловутые спецтюрьмы для политзаключенных в Казани и с Ленинграде — из года в год укомплектовывались, как правило, вменяемыми; к тому времени уже в трех четвертях случаев было признано — невинно пострадавшими жертвами противозаконных репрессий.*

В своем послании Писарев также приводит некоторые даты, касающиеся тюремных психиатрических больниц. Использовать их в качестве тюрьмы для политических заключенных начал еще А. Вышинский, подчиненный Николая Ежова, возглавлявшего органы безопасности в 1936-38 гг. С той поры тюремные психиатрические больницы (переименованные впоследствии в психиатрические больницы специального типа) остались в ведении Министерства внутренних дел, которому подчинены также милиция, тюрьмы и лагеря. Комиссия предлагала в качестве одной из мер для улуч-

шения работы Казанской и Ленинградской больниц перевести их «полностью в ведение Министерства здравоохранения СССР» и, таким образом, избавить от влияния органов безопасности и тюремных властей. Писарев, однако, далее замечает, что:

*...несомненным усугублением констатированного Комиссией ЦК КПСС ненормального положения и пугающим свидетельством роста незаконных политических репрессий при содействии Института им. Сербского является, — вместо полной ликвидации обоих спецстационаров вне общей системы психиатрических учреждений Минздрава, — появление в последние годы еще новых подобных же в других городах.*

Что касается Института им. Сербского, официально функционирующего под эгидой Министерства здравоохранения, никаких реальных перемен там, как сообщает Писарев, так и не произошло. Психиатры, деятельность которых была осуждена в отчете комиссии, так и остались в институте, и никто из них не был привлечен к ответственности: «Институт услужливо использует наукообразные формулировки, как ширму для недобросовестных должностных лиц следственно-прокурорских органов». Иначе говоря, Писарев утверждал, что медицинский персонал Института им. Сербского так и остался в подчинении МВД.

*Радикальное устранение, — заключает он свое письмо, — этих вредных ненормальностей возможно только при условии передачи всех спецстационаров целиком в ведение органов здравоохранения с обеспечением как для них, так, в особенности, для экспертного института, непосредственного, постоянного и исключительно бдительного контроля и руководства Министерством здравоохранения СССР с участием в этом контроле всей нашей медицинской общественности.*

Несмотря на кампанию, начатую Писаревым и работу комиссии в 1955-56 гг., практика госпитализации

инакомыслящих, не страдающих душевными заболеваниями, продолжается. Немаловажным фактором здесь следует считать косвенную поддержку, оказанную Хрущевым. Партийный вождь стремился убедить общественное мнение как в стране, так и за рубежом, в том, что его режим не имеет ничего общего со сталинским, и что политических заключенных не стало. Так, в «Правде» от 24 мая 1959 года помещено его высказывание, в котором всякое отклонение от общепринятых норм поведения практически приравнивается к душевной болезни:

*Преступление — это отклонение от общепринятых норм поведения в обществе, нередко вызываемое расстройством психики человека. Могут быть заболевания, психические расстройства в коммунистическом обществе среди отдельных людей? Видимо, могут быть. Если это будет, то могут быть и проступки, которые свойственны людям с ненормальной психикой... Тем, кто на подобном «основании» стал бы призывать к борьбе с коммунизмом, можно сказать, что и сейчас есть люди, которые борются с коммунизмом... но у таких людей, видимо, явно не в норме психическое состояние.*

Вопиющим примером антигуманного использования психиатрии может служить история Николая Самсонова. В то самое время, когда отчет комиссии был благополучно засунут под сукно, Самсонова посадили в Ленинградскую спецбольницу. Подробная информация о нем была помещена в некрологе, появившемся вскоре после его смерти в 1971 году в *Хронике текущих событий*<sup>9</sup>. Самсонов родился в 1906 году в Петербурге. По окончании Ленинградского университета в 1929 году, он успешно работал в области геофизики, занимаясь научными исследованиями, и на протяжении 25 лет сделал множество публикаций. Его вклад в советскую геофизику получил признание, о чем свидетельствует ряд правительственных наград, в том числе сталинская премия.

В 1956 году Самсонов представил в ЦК трактат под заглавием «Мысли вслух», в котором рассматривался вопрос о создании бюрократической элиты и искажении ленинских принципов; Самсонов призывал возродить эти принципы. Вскоре после отправки этого документа, Самсонова арестовали, предъявив ему обвинение в антисоветской деятельности. В процессе следствия его подвергли психиатрической экспертизе. Комиссия, возглавляемая профессором Торубаровым из Института им. Сербского, нашла Самсонова душевнобольным и не отвечающим за свои поступки. Суд принял заключение комиссии и постановил перевести его в Ленинградскую тюремную психиатрическую больницу, где он и пробыл до сентября 1964 года. Среди инакомыслящих, подвергшихся столь длительной госпитализации, его случай особенно хорошо документирован.

По данным «Хроники», психиатры больницы считали Самсонова здоровым (точно так же, как тремя годами ранее доктор Калинин — Писарева). Однако они советовали ему признать свой еретический трактат плодом больного воображения. Такое признание, говорили они, «свидетельствовало бы о его выздоровлении». После того, как Самсонов на протяжении двух лет упорно отказывался признать, что был болен во время написания им «Мыслей вслух», ему пригрозили инъекциями аминазина\*. Но и эта угроза не поколебала Самсонова. Только в 1964 году, после того как ему действительно стали вводить аминазин и когда общее состояние его здоровья ухудшилось, Самсонов подписал заявление, в котором признавал, что был в то время душевно болен. По выходе из больницы ему была назначена пенсия и вплоть до своей смерти в 1971 году он работал в Научно-исследовательском институте геофизики по два месяца в год.

В ленинградской СПБ\*\* Самсонов подружился с Фе-

\*) Аминазин — транквилизатор, широко применяемый в психиатрической практике при лечении некоторых тяжелых душевных болезней.

\*\*\*) Спецпсихбольница.

дором Шульцем<sup>10</sup>. В 1919 г., девятнадцатилетним юношей Шульц вступил в коммунистическую партию. Восемнадцатью годами позже он был арестован за критику Сталина и два последующих десятилетия провел в тюрьмах и ссылке. После его реабилитации в 1956 году, ему назначили специальную пенсию, как награду за особые заслуги перед государством в молодые годы. Однако не прошло и полугода с момента его реабилитации, как он снова оказался за решеткой — за письмо в «Правду» в котором он оспаривал заявление Хрущева, будто в Советском Союзе не существует более политзаключенных. В своем письме он привел известные ему примеры, в том числе — эсерки Преображенской, которая несмотря на свои сто шесть лет, томилась в тюрьме.

Комиссия, возглавляемая профессором Лунцем, признала Шульца невменяемым. Как сообщается в отчете, появившемся в самиздате, основным материалом, который изучали психиатры, было его письмо в «Правду» и донесение о его поведении в различных лагерях сталинского периода, где он постоянно выступал с протестами.

Шульц провел в больнице немногим более года, и причины, почему его так быстро освободили — под опеку жены — нам не известны. Он тотчас стал добиваться своего оправдания и освобождения своих товарищей по больнице, в частности Самсонова. Вскоре с него была снята опека, и в 1960 году он был восстановлен в партии. А в 1964 году постановлением Верховного Совета СССР все выставленные ранее обвинения против него были отменены, как лишённые основания. О дальнейшей его судьбе известно, что в 1971 году он проживал в Волгограде, получал пенсию и был окружен почетом. Шульц входил в число восьми свидетелей, которых Буковский просил вызвать в суд (в январе 1972 г.) для подтверждения приведенных им фактов о ленинградской СПБ. Суд в просьбе отказал, мотивируя это тем, что Шульц якобы душевнобольной.

Ни в одном из перечисленных нами четырех случаев

— Яркова, Писарева, Шульца и Самсонова — не было никакой общественной реакции ни в Советском Союзе, ни за его пределами покуда они находились в психиатрических больницах. Надо полагать, что описанные нами случаи не единичны, и что число советских граждан, обвиненных в политических преступлениях, признанных невменяемыми и госпитализированных на неопределенный срок, — довольно велико (как велико это число — можно только догадываться). И только два таких случая в самом начале шестидесятых годов привлекли некоторое внимание на Западе — случай Александра Вольпина и ленинградского художника Михаила Нарицы<sup>11</sup>.

### ДЕЛО ТАРСИСА: МИР ВПЕРВЫЕ УЗНАЕТ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ПСИХИАТРИИ В СССР ПРОТИВ ИНАКОМЫСЛЯЩИХ

Мысль о том, что в Советском Союзе психиатрия возможно используется в политических целях, возникла на Западе в 1965 году, когда в Англии вышел перевод книги Валерия Тарсиса «Палата № 7»<sup>12</sup>. Ее автор сам провел некоторое время в больнице им. Кащенко.

«Палата № 7» — это автобиография, написанная в жанре романа. В ней говорится о судьбе писателя, Валентина Алмазова (Тарсис), которого запирают в психиатрическую больницу за написание и распространение антисоветской литературы. Сам Тарсис родился в Киеве в 1906 году и закончил университет в Ростове-на-Дону в 1929 году. После окончания университета он писал и делал переводы. Будучи молодым человеком, он вступил в партию, но уже в 30-е годы разочаровался. В 1960 году он окончательно порвал с партией и, не надеясь когда-либо вновь опубликовать свои произведения в Советском Союзе, начал посылать их на Запад. «Палата № 7» — ужасающая история нормальных людей, попавших в психиатрические лечебницы. В автобиографическом романе иногда трудно отделить

факты от художественного вымысла, но материал подается через восприятие Алмазова весьма последовательно и полно. Читателю ясно, что в 1962-63 годах в Кашенко содержалось значительное количество людей, которые попали туда исключительно за политические убеждения.

Вскоре после публикации «Палаты № 7» внимание западной общественности привлек второй случай антигуманного использования психиатрии, который вызвал широкую волну протеста. О принудительной госпитализации Евгения Белова стало известно случайно. В 1964 году четыре английских студента посетили Советский Союз. Агентство «Интурист» предоставило им переводчика — студента Белова<sup>13</sup>. Молодые люди в своих многочисленных беседах затрагивали политические темы. По словам англичан, Белов изо всех сил стремился убедить их в том, что коммунизм — наилучшая форма государственного управления. У гостей сложилось впечатление, что среди товарищей Белов считается образцовым коммунистом. По возвращении на родину студенты вступили с ним в переписку.

На следующее лето они снова приехали в Москву и встретились с Беловым. На этот раз он либо в корне изменил свои взгляды, либо просто решил высказать их более откровенно. По мнению Белова, партийный аппарат обюрократился и служит только интересам правящей верхушки; всякое инакомыслие душится и подавляется. Он хочет большей свободы прессы и радиовещания, большей самостоятельности профсоюзов; по его мнению, этого можно достичь конституционными средствами. Когда он поделился своими соображениями с парторганизацией, его немедленно исключили из партии и потребовали, чтобы он явился в МК партии. Белов отказался: он заранее знал, что не встретит там непредвзятого мнения. Он написал Косыгину и Брежневу, но не получил от них ответа. Наконец, он направил свои предложения о реформах в посольства



некоторых коммунистических стран, находящиеся в Москве.

Английские студенты, после короткой остановки в Москве, поехали в Токио, где провели оставшуюся часть каникул. Обратный путь их лежал через Москву, где, как они договорились, их должен был встретить Белов. На аэродроме Белова не оказалось. Дома его также не было. Соседи сообщили, что его объявили сумасшедшим и отправили в психиатрическую больницу. Весть эта затем подтвердилась и из другого источника: Московский Институт иностранных языков, студентом которого был Белов, был извещен о его госпитализации<sup>14</sup>.

Английские студенты обратились к советским руководителям с письмом, в котором они подробно сообщили об этих фактах, и выразили свою уверенность в том, что Белов находился в полном рассудке всего несколько недель назад, когда они расстались с ним. Заканчивая свое письмо, они говорят о том, что Белова подвергают репрессиям за политические взгляды, и совесть предписывает им бороться за его освобождение. Борьба начинается не на шутку. Под эгидой Международной Амнистии\* студенты открывают кампанию.<sup>15</sup> Они надеются пробудить общественность, обращаясь к разным слоям населения в Советском Союзе. Британская общественность их поддерживает с воодушевлением. Однако еще остается какое-то сомнение — точно ли могут студенты знать, что Белов не является душевнобольным? Студенты отвечают, что ни на секунду не допускают, чтобы он был помешан. Международная Амнистия заявляет во всеуслышание, что решила поддержать студентов, так как советские власти так и не ответили на их упорные запросы по поводу Тарсиса и Вольпина.

---

\*) Международная Амнистия — независимая организация, основанная в 1961 году с целью оказывать помощь всем, кто подвергается репрессиям за свои взгляды, безотносительно к той или иной политической конъюнктуре. В 1977 г. ей была присуждена Нобелевская Премия Мира.

Амнистия отныне полагает, что все три случая госпитализации политически мотивированы.

Вскоре после того, как пресса широко осветила случай Белова, в одну из британских газет поступило письмо от отца Белова, утверждавшего, что сын его в самом деле болен<sup>16</sup>. Он отрицал, что Евгений был госпитализирован принудительно, и что его исключили из партии. И сейчас, в больнице — писал его отец — Евгений постоянно строит планы реорганизации мира. Отец Белова просил прекратить «недостойную шумиху, поднятую вокруг имени моего сына». Англичане воспользовались горем, постигшим его семью, дабы поднять антисоветскую кампанию. Одновременно в «Известиях» эти протесты были названы «грязным мыльным пузырем, пущенным с британских островов» и «очередным антисоветским дельцем»<sup>17</sup>. «Случай Жени Белова сфабрикован антисоветской газетой *Гардиан* и группой английских студентов, действующих по наущению Международной Амнистии». Это была первая из многочисленных контратак советской прессы в ответ на западную критику.

После временного затишья кампания в Англии возобновилась. Письмо отца Белова вызвало скептическую реакцию. Знающие люди выражали сомнение в том, что оно было написано добровольно. Комитет в защиту Евгения Белова признавал, что у него нет убедительных доказательств, что Белов в самом деле здоров, но вместе с тем указывал на то, что если бы он был действительно болен, советские власти давно бы согласились, в ответ на просьбу комитета, чтобы Белова обследовал зарубежный психиатр. К тому же, это был не первый случай. Комитет также упомянул дело Тарсиса и Вольпина, как доказательство того, что психиатрия используется в политических целях.

Александр Вольпин был госпитализирован в психиатрических больницах пять раз на протяжении девятнадцати лет 50—60-е годы). О своих злоключениях он рассказал в показаниях, которые он дал в 1972 году

Правовому комитету Сената США<sup>18</sup>. В сентябре 1975 г. один из авторов этой книги (С. Б.) довольно долго беседовал с Вольпиным в Бостоне (где он в настоящее время преподает математику); в ходе беседы были затронуты вопросы, касающиеся жизни Вольпина в Советском Союзе, применения психиатрии против него самого, и было одновременно произведено неофициальное обследование его психического состояния\*.

Сын известного русского поэта Сергея Есенина, Александр Вольпин родился в 1924 году. Через три года по окончании МГУ в 1946 году, он успешно защитил кандидатскую диссертацию по математической логике и вскоре после этого был впервые арестован за написание и чтение своих стихов, которые были оценены властями как антисоветские. После допросов на Лубянке его направили в Институт им. Сербского, где он был признан психически больным и не отвечающим за свои поступки. На основании заключений Института им. Сербского суд направил Вольпина в Ленинградскую СПБ, где он провел весь следующий год.

В хрущевский период он был трижды принудительно госпитализирован: в 1957 году — три недели в психиатрической больнице общего типа в Москве, в 1959/60 г. — год в Ленинградской спецбольнице, в 1962/63 г. — еще 4 месяца в больнице общего типа. В двух случаях госпитализация в спецбольницы была проведена в соответствии с уголовным кодексом — предъявлено обвинение по политической статье, проведена психиатрическая экспертиза, и вынесено решение суда о неспособности больного отвечать за свои поступки, а следовательно о необходимости принудительного лечения. Впрочем, в трех случаях административной госпитализации (в отличие от судебной) политический фактор

---

\*) Я был поражен живостью и нравственной силой Вольпина; его полной открытостью и безусловной искренностью; он вспоминает ряд весьма неприятных эпизодов без видимой горечи, проявляя острое чувство юмора. Никаких сомнений его душевное здоровье не вызывает. Нет также оснований предполагать, что он перенес какое-либо психическое заболевание в прошлом. (С.Б.)

также играл первостепенную роль. Вольпин подробно разъяснил причины каждой госпитализации: «Однажды — за совет, данный французенке — не принимать советского гражданства; второй раз — за то, что не донес на знакомого, который якобы был замешан в антигосударственной деятельности, и третий раз — за отказ осудить публикацию в Америке «Весеннего листа», а также за мое утверждение о праве каждого человека на свободу выезда»<sup>19</sup>.

Госпитализация Вольпина в 1968 г. иллюстрирует административный способ госпитализации инакомыслящих. Приглашенный на научную конференцию в США, Вольпин подал заявление о выездной визе, после чего милиция насильственно увезла его из дома на психиатрическое обследование. Это было вызвано якобы тем, что он долгое время не являлся в диспансер, где состоял на учете после выписки из больницы в 1963 году. Впрочем, за все прошедшие четыре года его туда ни разу не вызывали. Внезапность, с которой Вольпина привезли на обследование, без всякого заявления с его стороны, либо со стороны его родных, вызвала подозрение относительно истинных мотивов властей.

Вольпин выяснил, что диагноз, вынесенный во время его предыдущих госпитализаций, был, как правило, — «простая форма шизофрении». Хотя диагнозы не были совершенно тождественны, три элемента в них присутствовали неизменно: у него находили «нарушения психики», заболевание его объявлялось «неизлечимым», а периоды между приступами болезни — «временными ремиссиями». Несмотря на эти клинические выводы, Вольпин ни разу не подвергался серьезному лечению. В 1960 году ему давали небольшие дозы резерпина — медикамента, который применяли в то время в качестве транквилизатора. В другой раз психиатр, который по мнению Вольпина относился к нему сочувственно, помог ему избежать лечения галоперидолом — очень сильным транквилизатором, часто используемым при лечении некоторых тяжелых психических заболеваний.

В Ленинградской СПБ он был лишен всех основных прав, ему не было разрешено пользоваться письменными принадлежностями и он постоянно ощущал угрозу долгих лет пустоты и изоляции. Ему сказали, что выписка его зависит от его согласия признать, что он совершил «проступок», нуждался в этом лечении и что он впредь обещает изменить свое поведение. Вольпин считал, что психиатры просто шантажировали его, когда говорили: «если не будете вести себя правильно, вы останетесь здесь навсегда».

Может показаться странным, что такой умный и искушенный человек как Вольпин не извлек урока из всего, что с ним произошло, и не избрал наиболее разумную в его ситуации линию поведения: держать себя в рамках, предписанных властями. Вот как Вольпин объясняет свой отказ от такой линии поведения:

*В своей научной деятельности я открыто и последовательно исхожу из принципа: «долой инстинкт самосохранения и чувство меры», и пусть за это делают со мной, что хотят. Мне безразлично, сумасшествие это, или нет. (...) О своей психиатрической репутации я не стал бы заботиться, если бы твердо знал, что меня вновь не потащут за публичное выражение этого антиадаптационного принципа. Понятие адаптации для меня должно быть свято! ... я не против способностей самосохранения и понимания соразмерности, но предпочитаю, чтобы это было делом свободного разума, а не инстинкта или чувств, на которые всегда можно воздействовать.<sup>20</sup>*

Договариваясь с американским издателем о публикации своей книги «Весенний лист», состоящей из цикла стихотворений и философского трактата, он полностью отдавал себе отчет в том, что ставит себя под удар. Леонид Ильичев, ведавший тогда вопросами идеологии и культуры, очевидно не давал распоряжения заключить Вольпина в психбольницу за эту, как считали, антисоветскую публикацию, но он конечно, знал о его госпитализации. Через год после публикации книги он

ссылался на нее для устрашения других потенциальных диссидентов, называя «Весенний лист» «антисоветскими человеконенавистническими виршами» и «бредом сумасшедшего»<sup>21</sup>. Вольпин не согласился осудить публикацию своей книги, и его в 1962 году госпитализировали.

## ПЕРВЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ПРОТИВ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПСИХИАТРИИ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕЛЯХ

С февраля 1968 года Вольпин находился в псих-лечебнице всего три месяца. Этот короткий срок его пребывания в больнице объясняется широкой кампанией протестов как в Советском Союзе, так и за рубежом. Особенно эффективной была петиция 99 советских математиков и ученых. Коллеги Вольпина апеллировали к Министерству здравоохранения, к генеральному прокурору и к главному психиатру Москвы, утверждая, что принудительная госпитализация Вольпина является «грубым нарушением медицинских и правовых норм»<sup>22</sup>. Кое-кто из подписавших петицию впоследствии сам был наказан за свою смелость, двенадцать человек, под давлением попросили считать свои подписи недействительными. Фактически всех лишили права участвовать в зарубежных конференциях, а некоторых либо уволили, либо понизили в должности. Один из математиков, подписавших петицию, Юрий Шиханович, впоследствии сам был госпитализирован в психиатрической больнице явно по политическим причинам. Эта коллективная петиция советских граждан сама по себе была чрезвычайно знаменательна, так как она явилась первым протестом против госпитализации диссидента. Коллегам Вольпина было ясно, что его случай мотивирован политическими соображениями. Отныне факт использования психиатрии в политических целях стал известен и приобретал все большую гласность по мере того, как движение за права человека проявляло к нему все большее внимание.

За две недели до этого группа, состоящая из 12 человек — участников движения в защиту прав человека в Советском Союзе — апеллировала к съезду коммунистических партий, собравшихся в Будапеште, призывая участников съезда обратить внимание на «самую ужасную форму репрессии инакомыслящих — принудительную госпитализацию в психиатрические лечебницы»<sup>23</sup>.

Будапештское обращение было опубликовано в первом выпуске «Хроники текущих событий» — в апреле 1968 года. Некоторые из подписавших Будапештское обращение впоследствии формально основали (май 1969 г.) первую организованную группу диссидентов — Инициативную группу по защите прав человека. Пятнадцать человек, основавшие эту группу, проживали в разных городах Советского Союза; в основном это люди, занимающиеся умственным трудом, большинство из них — в возрасте до сорока лет.

Первым делом Инициативная группа обратилась к Комитету по защите прав человека при Организации Объединенных Наций (20 мая 1969 года) с просьбой рассмотреть, в ряду прочих нарушений прав человека в Советском Союзе, «особо бесчеловечную форму преследования — госпитализацию нормальных людей в психиатрические больницы за их политические убеждения»<sup>24</sup>. Это был первый случай, когда группа диссидентов обратилась в международную организацию с просьбой рассмотреть вопрос об использовании психиатрии против человека.

Один из членов этой группы, Наталья Горбаневская, к тому времени уже испытала такую форму преследования в феврале 1968 года. Тогда она провела в больнице всего несколько дней, однако в дальнейшем ей предстояло пробыть в больнице значительно дольше. Кроме нее, еще три члена Инициативной группы были подвергнуты той самой форме репрессий, против которой они выступили. Владимир Борисов, электротехник из Ленинграда, раньше, чем через месяц после первого

обращения Группы в Организацию Объединенных Наций был арестован и направлен на психиатрическую экспертизу. Признанный душевнобольным, он провел почти пять лет в Ленинградской СПБ. Юрий Мальцев, переводчик, был направлен на принудительное лечение в административном порядке. Его вызвали в военкомат и объявили, что он должен пройти медицинское обследование. На деле же обследование свелось к психиатрическому, в результате которого он провел месяц в больнице имени Кащенко. Леонид Плющ, математик из Киева, был арестован в январе 1972 года по обвинению в антисоветской деятельности, и в июле 1973 года направлен на принудительное лечение в Днепропетровскую СПБ.

Таким образом, четверо из основателей Инициативной группы испытали на себе «лечение», о котором, благодаря им, стало известно на Западе. Остальные также были подвергнуты всякого рода репрессиям; против некоторых из них было возбуждено судебное дело и они были осуждены<sup>25</sup>. Комитет по правам человека при ООН, к которому обратилась группа, ничего не предпринял по поводу ее обращения и расследованием не стал заниматься.

В 1970 году три события привлекли внимание мировой общественности к антигуманному использованию психиатрии в Советском Союзе. Первым событием была публикация на Западе отчета генерала Григоренко о психиатрической экспертизе, которой его подвергли. Вторым — девятнадцатидневная принудительная госпитализация известного во всем мире биолога Жореса Медведева. Ведущие газеты Запада печатали чуть ли не ежедневную информацию по его делу.

Третьим событием года, привлечшим много внимания, явилось телеинтервью Владимира Буковского американскому журналисту Вильяму Коулу в Москве. Оно было показано Колумбийской Радиовещательной Компанией (Си-Би-Эс) 28 июля 1970 года в Соединенных Штатах, а затем и в других странах Запада. Тот же



самый Буковский, который несколько месяцев спустя пошлет на Запад копии документов по делу нескольких инакомыслящих, заключенных в психиатрические лечебницы, рассказал в интервью о своем собственном опыте пребывания в советских психбольницах и использовании психиатрии в политических целях. Он рассказывает о том, как в возрасте 21 года, в 1963 году его арестовали и обвинили в антисоветской агитации, как после нескольких месяцев тюремного заключения его направили в Институт им. Сербского и объявили там ненормальным, не отвечающим за свои поступки и нуждающимся в принудительном лечении. Затем он попал в Ленинградскую СПБ, где провел более года. По выходе из больницы он вновь включился в борьбу за права человека, но буквально через несколько месяцев был арестован за соучастие в подготовке демонстрации. И снова госпитализация — на этот раз большую часть своего восьмимесячного заключения он провел в Институте им. Сербского. После одного года пребывания на свободе Буковский был вновь арестован и обвинен в клевете на советский строй. Его в первый раз судили и приговорили к 3-м годам принудительных работ. После освобождения в 1970 г. в одном из интервью иностранным журналистам Буковский рассказал «о 15-ти месяцах пребывания в аду», т.е. в Ленинградской СПБ.

В упомянутом выше интервью для Си-Би-Эс Буковский объясняет, и это важнее всего, причины своего заключения в психлечебницы и причины заключения людей, которых он там встретил:

*Решение поместить меня в психлечебницу казалось мне сначала странным. Я не мог понять, чем оно вызвано и что ненормального нашли во мне врачи, проводившие экспертизу. Но, познакомившись с другими обитателями этой больницы, я понял, что это обычное решение в таких случаях. Дело в том, что обитатели, то есть «пациенты» этой больницы — это люди, совершившие такие действия, которые с точки*

*зрения власти являются преступлением, а с точки зрения закона им не являются. Чтобы их каким-то образом изолировать и наказать, этих людей признают невменяемыми и, как больных, содержат в тюремной психиатрической больнице.<sup>26</sup>*

Мнение о том, что психиатрия используется в политических целях, теперь широко распространилось на Западе.

Принудительная госпитализация Жореса Медведева, публикация тюремных записок генерала Григоренко и телевизионное интервью Буковского встревожили некоторых психиатров на Западе и вскоре с осуждением советской практики выступила одна из национальных психиатрических ассоциаций.

### **ПРОБЛЕМА ПОЛУЧАЕТ МИРОВУЮ ОГЛАСКУ**

В январе 1971-го года Канадская Психиатрическая Ассоциация одобрила отчет одной из своих секций «об имеющемся подозрении относительно незаконного заключения в психиатрические больницы в Советском Союзе по-видимому нормальных людей, взгляды и позиции которых противоречат установкам режима»<sup>1</sup>. Ассоциация сделала вывод, что полученные ею данные следует признать достаточно убедительными (настолько, насколько позволяет отсутствие непосредственного обследования на месте). Отсутствие в то время у канадцев (в других странах тоже) данных из первых рук не помешало, однако, росту подозрения, выразившегося в осуждении использования психиатрии «как средства запугивания и обезличивания тех, кто, в любой стране, не прибегая к насилию, критикует существующие порядки». Канадцы в особенности осудили злоупотребление психиатрией, «творимое сейчас в СССР». Они приняли твердое решение продолжать начатую кампанию и закончить ее только после того, как прекратится аморальная советская практика и виновные будут обузданы.

### **МАТЕРИАЛЫ БУКОВСКОГО**

Необходимые канадским и всем западным психиатрам свидетельства были получены скорее, чем можно было ожидать. 10-го марта 1971-го года немногочисленная французская группа (Международный комитет защиты прав человека) опубликовала на 150 страницах ряд до-

кументов, среди которых выделялись точные копии судебно-психиатрических заключений о состоянии шести советских инакомыслящих.

Предстояло доказать подлинность этих документов. При наличии такого доказательства они становились более ярким свидетельством использования психиатрии в политических целях, чем все вместе взятые предшествующие показания.

Впервые на Западе была получена возможность ознакомиться с клиническими оценками советских психиатров и особенностями их диагностического метода. Документы, а также обращение к западным психиатрам исходили от Владимира Буковского. Он просил своих адресатов исследовать представленный материал и высказаться о целесообразности содержания в психиатрических лечебницах шести человек, о которых шла речь в документах.

Теперь, к вопросу о подлинности присланных Буковским свидетельств. В ней мы были убеждены. Один из авторов этой книги (П. Р.) получал и определял подлинность материалов самиздата в течение десяти лет и за это время сумел составить мнение о надежности того или иного источника. Буковского можно считать источником безупречным; его честность не замутнена ни единым подозрением. Время усилило нашу уверенность: ни советские власти, ни психиатры, имена которых значатся в историях болезни, ни разу даже не попытались опровергнуть подлинность материалов Буковского, хотя, конечно, и те и другие многократно отрицали факты злоупотребления психиатрией в Советском Союзе. Более того, по словам Генерального секретаря Всемирной Психиатрической Ассоциации доктора Денниса Ли, советские участники международного съезда Ассоциации в Мексике в конце 1971-го года признали, хотя и неофициально, подлинность обнаруженных на Западе документов.

Обращение Буковского помечено 28 января 1971-го года. Четко и сдержанно он писал:

В последние годы в нашей стране вынесено несколько судебных решений о помещении в психиатрические лечебницы (в том числе и специального типа) людей, которые, по мнению их родственников и близких друзей, являются психически здоровыми. Это — П. Григоренко, И. Рипс, Н. Горбаневская, В. Новодворская, И. Яхимович, В. Гершуни, В. Файнберг, В. Кузнецов, О. Иофе, Борисов и др. — люди, известные своими выступлениями в защиту гражданских прав в СССР.

Такое явление вызывает обоснованную тревогу, особенно в связи с нашумевшим помещением в психиатрическую больницу внесудебным порядком биолога Жореса Медведева.

Заключения судебных экспертов-психиатров, положенные в основу судебных решений, по своему содержанию вызывают ряд сомнений. Однако только специалисты-психиатры могут высказать авторитетное мнение о степени обоснованности этих заключений.

Пользуясь тем, что мне удалось получить точные копии заключений судебно-психиатрических экспертиз в отношении Григоренко, Файнберга, Горбаневской, Борисова, Яхимовича и выдержки из заключения в отношении В. Кузнецова, — я направляю вам эти документы, а также некоторые письма и материалы, характеризующие этих людей.

Буду вам очень благодарен, если вы заинтересуетесь этим материалом и выскажете свое мнение.

Я понимаю, что заочно и не располагая необходимыми клиническими данными, очень трудно решить вопрос о психическом состоянии человека и определить диагноз заболевания, либо утверждать отсутствие всякого заболевания.

Поэтому я прошу вас высказать ваше мнение лишь по такому вопросу: содержат ли в себе указанные заключения достаточные, научно-обоснованные данные для вывода о психическом заболевании, указанных в этих заключениях, и для вывода о необходимости строгой изоляции этих людей от общества?

Я буду очень рад, если вы сможете заинтересовать этим вопросом ваших коллег и сочтете возможным

поставить его на обсуждение предстоящего Международного конгресса психиатров.

Нет для здорового человека страшнее судьбы, чем бессрочное пребывание в психиатрической больнице.

Я верю, что вы не останетесь равнодушны к этой проблеме и уделите ей часть своего времени, так же, как ученые-физики находят время для борьбы против использования достижений своей науки во вред человечеству.

Заранее благодарю вас.<sup>2</sup>

Буковский просил западных психиатров предпринять следующее: 1) изучить истории болезни и высказать свое мнение о диагнозе психического заболевания у шести инакомыслящих, а также о целесообразности содержания их в психиатрической лечебнице и 2) поставить вопрос на обсуждение ближайшего международного съезда психиатров. Обе просьбы вполне могли быть удовлетворены: как раз приближался международный съезд психиатров в Мехико. Несмотря на это, выполнена была лишь первая просьба Буковского. Чтобы смысл происшедшего в Мехико стал яснее, необходимо проследить за связанными с материалом Буковского событиями, расставив их в хронологическом порядке.

Материалы попали на Запад в феврале 1971-го года. Сразу же — 18-го февраля — в Лондоне была создана Рабочая группа по вопросу об интернировании диссидентов в психиатрические лечебницы. Группу составили психиатры, советологи и специалисты по правам человека, среди ее членов — оба автора этой книги. Рабочая группа перевела материалы Буковского, опубликовала его обращение в лондонской «Таймс»<sup>3</sup> и в «Британском журнале психиатрии»<sup>4</sup>, издала и распространила брошюру о полученных документах, запросив английских и других психиатров об их мнении<sup>5</sup>.

16-го сентября 1971-го года 44 психиатра, в том числе видные профессора и директора психиатрических больниц, опубликовали результаты своего исследования в виде письма в газету «Таймс».

*«На основе данных, содержащихся в этих отчетах, нижеподписавшиеся психиатры чувствуют потребность выразить глубокое сомнение в законности принудительного лечения упомянутых шести лиц в условиях тюремных психиатрических больниц в течение неопределенного срока.*

*У четверых из них отсутствуют какие бы то ни было симптомы, указывающие на необходимость лечения, не говоря о лечении карательного характера... У нас сложилось впечатление, что диагнозы шести упомянутых лиц были поставлены исключительно вследствие их действий в пределах основных свобод, провозглашенных во Всеобщей Декларации прав человека и гарантированных советской конституцией»<sup>6</sup>*

Это письмо появилось за два с небольшим месяца до конгресса психиатров в Мехико. Создалась очевидная возможность для выполнения второй просьбы Буковского. Авторы письма считали съезд подходящим форумом для обсуждения этого вопроса. Они закончили свое письмо такими словами:

*«Мы призываем коллег во всем мире изучить обширные материалы, которые имеются в нашем распоряжении, обсудить их с советскими коллегами, многие из которых, как мы знаем, испытывают сомнения, аналогичные нашим, и поднять этот вопрос, — как просил Владимир Буковский, — на международных конференциях — таких, как международный съезд психиатров, который состоится в Мехико 28 ноября — 4 декабря».*

Помимо Буковского, к психиатрам, съезжающимся в Мехико, обратился также Московский комитет защиты прав человека\*. В письме, опубликованном в «Таймс» за месяц до съезда, члены комитета просили психиатров начать расследование «комплекса вопросов, касающихся прав лиц, зачисленных в психически больные»<sup>7</sup>. В частности, авторы письма советовали обратить внимание на заточение в психиатрические лечебницы нор-

---

\*) Комитет был основан в ноябре 1970-го года. В него вошли четыре видных инакомыслящих — Андрей Сахаров, Андрей Твердохлебов, Валерий Чалидзе и (несколько позже) Игорь Шафаревич.

мальных людей и на вредные последствия этой практики:

*«Легко понять, как травмируется психика человека, помещенного в больницу без достаточных медицинских оснований, подвергающегося длительной изоляции, необходимости контактов с психическими больными, воздействию психотропных препаратов избыточным процедурам лечения».*<sup>8</sup>

## РЕАКЦИЯ СОВЕТСКИХ ПСИХИАТРОВ

Обращение Буковского, отклик 44-х европейских психиатров, обращение Московского комитета защиты прав человека — все это не на шутку встревожило руководителей советской психиатрии. Наиболее влиятельный психиатр Советского Союза профессор Андрей Снежневский, которому было поручено возглавлять советскую делегацию на съезде в Мехико, предвидел опасность огласки фактов использования психиатрии в политических целях и возможность давления со стороны западных коллег.

Именно Снежневский, как стало известно из достоверного источника, выступил в мае 1970-го года против насильственного заключения в психиатрическую лечебницу Жореса Медведева. «Через год начнется Международный конгресс психиатров, — сказал Снежневский, — как же будет выглядеть там наша делегация?»<sup>9</sup>

В связи с критикой советских методов, начатой на Западе после опубликования в «Таймс» письма европейских психиатров, Снежневский был вынужден выступить в защиту своих коллег. В октябре было напечатано его пространное интервью корреспонденту «Известий». Снежневский говорил о «высокой гуманности», всегда отличавшей работу советских психиатров, известных как у себя в стране, так и за рубежом. «Я горжусь этими людьми», — сказал Снежневский, после чего обрушился на западную печать. «Абсурдные со-



общения о том, что в СССР здоровых людей помещают в психиатрические лечебницы, — возмущался он, — являются диким вымыслом и вызывают чувства негодования».

В этом же интервью Снежневский описал, как осуществляется на практике судебно-психиатрическая процедура в СССР:

*«Основанием для вынесения судом определения о направлении на принудительное лечение больных, совершивших общественно опасные действия, является заключение врачей-экспертов. Такое заключение составляется и подписывается не одним, а несколькими психиатрами. Широко действующая в СССР система усовершенствования врачей, повышения уровня их знаний, обеспечивает высокую квалификацию даже рядовых психиатров нашей страны. Таким образом, случаи помещения в психиатрическую больницу здоровых людей у нас абсолютно исключены. Хочу подчеркнуть, что наши зарубежные коллеги, знакомящиеся с организацией советской психиатрической помощи населению, оценивают ее весьма высоко».*<sup>10</sup>

## РЕЗОЛЮЦИЯ ВСЕМИРНОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ

За несколько дней до открытия в Мехико Международного конгресса психиатров — в Гонконге состоялась конференция Всемирной федерации психического здоровья, членами которой являются профессиональные медицинские работники, а также и неспециалисты, интересующиеся вопросом. Во время конференции Федерацией была принята резолюция, осуждающая злоупотребление психиатрией — в Советском Союзе особенно. Впервые в истории международная организация психиатров решилась на такую акцию.

В предисловии к резолюции, лишение права высказывать свои убеждения само по себе рассматривалось как высшая форма жестокости по отношению к человеческой психике. Далее говорилось:

*«В последние годы делались многочисленные заявления о злоупотреблении психиатрическими диагнозами, психиатрическим «лечением» и принудительным заключением в психиатрические учреждения лиц, единственным «симптомом заболевания» которых было выражение мнений, не одобряемых обществом. Большинство этих обвинений, хотя и не все, были направлены против помещения инакомыслящих в тюремные психиатрические больницы СССР.*

*Всемирная федерация психического здоровья решительно протестует против такого надругательства над психиатрическими процедурами и призывает все ассоциации во всем мире, входящие в федерацию, немедленно расследовать все подобные заявления и взять под свою защиту свободу высказывать личное мнение, где бы она ни подвергалась угрозе... Федерация также призывает специалистов-психиатров и правительства стран, где не существует добровольных психиатрических ассоциаций, расследовать все заявления о злоупотреблениях психиатрическими процедурами в политических целях и убедительно продемонстрировать перед всем миром, что подобные действия принципиально непростительны и недопустимы».<sup>11</sup>*

К сожалению, эта резолюция, так же, как и та, что была вынесена ранее Канадской Психиатрической Ассоциацией не основывалась на доказанных фактах, а полагалась лишь на «утверждения» и «обвинения». Всемирная федерация, по-видимому, не сочла имеющиеся на Западе доказательства достаточно вескими для безоговорочного осуждения. Тем не менее, резолюция не могла не оказать влияния на другие организации подобного рода, обратив их внимание на применение психиатрии в целях подавления инакомыслия. Гонконгская резолюция явилась прелюдией к дальнейшему исследованию злоупотребления психиатрией, где бы оно не происходило.

## КОНГРЕСС В МЕХИКО

Пятый Международный конгресс Всемирной Психиатрической Ассоциации начал свою работу 28 ноября 1971-го года. Несколько тысяч психиатров из десятков стран мира собралось в столицу Мексики. В составе 14 человек прибыла туда и советская делегация.

Психиатры включились в обычное для них обсуждение вопросов научного и общественного характера. Однако на пути к гладкому завершению конгресса возникла непредвиденная помеха, которой суждено было затормозить бесперебойный ход заседаний. Участники конгресса получили два обращения относительно использования психиатрии в политических целях.

Поражала беспрецедентность события. В обращениях, направленных непосредственно в адрес конгресса, содержалась информация о грубых нарушениях профессиональной этики советскими коллегами, причем представители Советского Союза, близкие этим нарушителям по совместной работе, заседали в мексиканской столице. В течение недели вопрос не переставал возбуждать всевозможные споры.

Различные группы занялись распространением материалов, иллюстрирующих тексты неожиданных обращений. Среди прочего на съезде продавалась книга Жореса и Роя Медведевых «Кто сумасшедший?», которая в ярких эпизодах передавала историю принудительной госпитализации Жореса Медведева в провинциальной психиатрической больнице.

Таким образом была подготовлена почва для действия. Буковский, бросивший в нее первые зерна, находился ко времени конгресса под следствием, ожидая суда, суровость приговора которого могла зависеть от решений психиатров в Мехико. Летом рабочая группа поддерживала постоянный контакт с Генеральным секретарем Ассоциации доктором Денисом Ли и в ходе корреспонденции снабдила его переводами материалов Буковского. В свою очередь доктор Ли сообщил одному

из членов группы — профессору Ф. А. Дженнеру, что вопрос этот будет обсуждаться в Мехико<sup>12</sup>. О мнении участников конгресса можно было лишь гадать, но, 44 психиатра, подписавшие письмо в «Таймс» рассматривали этот вопрос как серьёзный и как обвинение в адрес своей профессии в целом.

Вначале казалось, что Всемирная Психиатрическая Ассоциация (ВПА) достойно ответит на призыв. Эта надежда появилась во время вступительного слова председателя конгресса доктора Рамона де ла Фуенте, когда он заговорил о полученных документах, свидетельствовавших об отношении к политической оппозиции в «некоторых странах» как к проявлению психической болезни. «Молчание в столь позорном деле тяжелым грузом ляжет на нашу совесть», — сказал д-р Фуенте<sup>13</sup>. Именно молчанием и ответил конгресс на эти слова.

Для того, чтобы лучше понять, почему речь де ла Фуенте была оставлена без внимания его коллегами, полезно будет заглянуть в прошлое ВПА и разобрать события в хронологическом порядке.

ВПА — организация молодая, она была основана в 1961-м году и не имеет глубоких корней и устоявшихся традиций. Её конгрессы проводятся с интервалом в 5-6 лет, причем на каждом из них избирается новый исполнительный комитет<sup>14</sup>. Исключение делается только для двух из шести членов комитета, — Генерального секретаря и казначея, — избираемых сроком не менее, чем на 10-12 лет. Такое необычайно длительное пребывание на руководящей должности, а также отсутствие частых контактов с другими членами комитета — в полном составе он собирается всего два раза в год — означает, что двое, занимающие ключевые позиции, потенциально обладают огромной властью. Следует добавить, что все члены комитета совместно отчитываются перед своими избирателями лишь на конгрессах — один раз за 5-6 лет.

Национальные общества, входящие в Ассоциацию, обычно ставят интересы своих членов и других про-

фессиональных и правительственных организаций в своих странах выше интересов ВПА. Этим объясняются трудности в поддержании связей с национальными обществами, на что много жаловался доктор Ли.

В результате переплетения всех этих факторов сложилась ситуация, при которой особую свободу действия приобретает Генеральный секретарь организации. Когда ему вздумается, он может проявить чрезмерную активность и, отчитываясь, с легкостью убедит своих коллег в правильности принятых им решений. С таким же успехом он может позволить себе чрезмерную пассивность и оправдать ее впоследствии бездействием национальных обществ, не потребовавших от него тех или иных акций. Короче говоря, секретарю предоставлена полная свобода повернуть дело, как ему угодно.

Следует признать, что ВПА организация с недостаточным демократическим контролем. Подобная структура становится эффективной только в том случае, если оба долгосрочных ее руководителя обладают широким кругозором, чуткостью и административными способностями. Что касается развития международных отношений в области психиатрии, доктор Ли, благодаря неустанным путешествиям и неоднократным местным и международным конференциям, добился, на наш взгляд, замечательных результатов.

Вместе с тем, его действия на конгрессе в Мехико по вопросу о злоупотреблении психиатрией в СССР поражают своим заблуждением и неправильным представлением. Ему удалось подавить дебаты по советскому вопросу отговорившись, как будет видно ниже, ложной юридической зацепкой.

28 ноября вопрос о злоупотреблениях в СССР был затронут в первый раз на заседании комитета ВПА (состоявшего из 24-х членов из разных стран, не считая шести членов Исполнительного комитета). Доктор Ли в своем отчете сказал, что секретариат получил первое письмо, касающееся этого вопроса, в августе 1970-го года. После этого стали поступать сигналы из несколь-

ких источников, в том числе от доктора Нормана Хирта, инициатора упомянутой ранее кампании канадских психиатров. Рабочая группа прислала из Лондона целый ряд документов, среди них — материалы Буковского, которые были розданы членам Исполнительного комитета. В сентябре 1971-го года Ли известил профессора Снежневского, представителя Советской ассоциации, о заявлениях, направленных против его коллег, и вслед за этим переслал ему материалы Буковского.

Генеральный секретарь разъяснил далее юридическую позицию ВПА и в конце своего отчета сделал следующие выводы:

*«В уставе Ассоциации нет упоминания об ответственности за этические аспекты психиатрии, как нет и соответствующих статей или постановлений, относящихся к жалобам, исходящим от какого-либо одного общества — члена Ассоциации и направленным на другое. Мне кажется юридически ясно, что ВПА не обязана принимать жалобы одного общества на другое. Во всяком случае ВПА никогда не получала жалоб какого бы то ни было одного национального общества — члена Ассоциации на другое. Исполнительный комитет, изучив жалобы, поступившие от отдельных лиц, направил их в соответствующую инстанцию, в данном случае во Всесоюзное Общество»\*.<sup>15</sup>*

Эти утверждения доктора Ли требуют тщательного анализа. Статья 4 устава Ассоциации, озаглавленная «Цели», гласит:

*«Цель ВПА заключается в достижении всемирного сотрудничества в области психиатрии, в координации международной деятельности ее членов и прочих средств, направленных на расширение познаний в области болезни и на усиление заботы о душевнобольных».<sup>16</sup>*

Таковы единственные две цели ВПА. Хотя сформулированы они довольно расплывчато, вторая из них

---

\*) Имеется в виду Всесоюзное Общество Невропатологов и Психиатров в СССР.

несомненно включает в себя «ответственность за этические аспекты психиатрии», поскольку ответственность эта неразрывно связана с «заботой о душевнобольных» и способствует ее «усилению». Таким образом, аргументация Ли не выдерживает критики с юридической точки зрения. Как ни странно, заявление Ли бессмысленно также в контексте его собственного отчета. За три абзаца до процитированного выше заключения, доктор Ли писал:

*«Этические проблемы психиатрии являются предметом особенного внимания ВПА с самого ее основания... Так, главная тема трехдневного симпозиума, состоявшегося в ноябре 1969-го года в Лондоне, — «Употребление и злоупотребление психиатрией». Протоколы этого симпозиума были опубликованы в газетной форме и весьма широко распространялись, охватив, возможно, до 500 тысяч читателей».*

Второй аргумент Ли — о том, что в уставе нет будто бы статьи или постановления на случай жалобы одного члена Ассоциации на другого — также несправедлив и опять-таки с юридической точки зрения. Если учесть, что «Генеральная ассамблея является руководящим органом ВПА»\* и что большинство голосов принадлежит делегатам национальных обществ, то утверждение Ли сразу же теряет свою силу. Ему противоречат следующие постановления:

*«Членство в ВПА как для отдельных лиц, так и для целых обществ, может быть прекращено в результате добровольного ухода, временного отстранения или исключения. Такая акция может быть предпринята Генеральной ассамблеей или Исполнительным комитетом между сессиями Генеральной ассамблеи...*

*Члены Генеральной ассамблеи могут просить внесения в повестку дня дополнительных вопросов. Решение об их включении предоставляется Генеральной ассамблее».*<sup>17</sup>

---

\*) Генеральная ассамблея состоит из делегатов от 75 обществ — членов ВПА, 30-ти членов комитета ВПА, в который входят и члены Исполнительного комитета.

Как бы ни толковать эти условия, никакой поддержки утверждению Ли они бы не оказали. Наоборот, смысл постановлений заключается в том, что недостойное поведение членов общества должно обсуждаться; рассмотрение же вопроса зависит от остальных членов Ассоциации.

Третий пункт отчета доктора Ли: «Исполнительный комитет, изучив жалобы, поступившие от отдельных лиц, направил их в соответствующую инстанцию, в данном случае во Всесоюзное общество», являет собой либо удивительную наивность, либо прискорбное пренебрежение второй из двух главных целей ВПА. Ибо если Исполнительный комитет считает, что жалобу можно удовлетворить, переслав ее в общество, руководимое теми самыми психиатрами, против которых она направлена, то наивность комитета надо признать необычайной. Если же ничего необычайного в подоплеке его действий не таится, то прекращение дела и передача его на усмотрение Москвы было не чем иным, как сознательным игнорированием второй из целей ВПА.

Поскольку психиатры в изучении уставов своей организации прилежностью не превосходят других специалистов, отчет Ли не встретил никаких возражений со стороны комитета. Таким образом была подготовлена благодатная почва для Генеральной ассамблеи. Однако Ли решил застраховать себя от возможных нареканий вдвойне и на следующем заседании комитета — 1 декабря — доложил о желательности создания «этического комитета». Это предложение можно расценивать как отводной маневр. Новоиспечённый комитет занялся бы выработкой общих этических принципов, а не конкретными случаями их нарушения. Доктор Ли предварительно проконсультировался с различными международными организациями, озабоченными положением прав человека, и пришел к заключению, что создание комитета по этическим аспектам психиатрической практики не противоречило здравому смыслу. Рассмотрение предложений по этому вопросу было на-



мечено провести на заседании Генеральной ассамблеи во второй половине того же дня.

В результате предшествующих рекомендаций доктора Ли, принятых комитетом конгресса, обсуждение злоупотреблений психиатрией в СССР не было включено в повестку дня. Советский делегат на заседание не явился. Впрочем, точно так же отреагировала приблизительно половина стран-участниц. Генеральный секретарь повторил свое соображение о целесообразности создания этического комитета в рамках ВПА. Сформировать его и выработать «моральный кодекс» для психиатров, входящих в общества — члены ВПА, было предложено Исполнительному комитету.

В поддержку предложения выступил профессор Х. Эрхардт из Западной Германии. Он отметил назревшую необходимость создания этического комитета.

От имени чешского и восточно-германского обществ (и, вероятно, не без тайного подстрекательства советских делегатов) выступил профессор Венцовский из Чехословакии. Он отнесся к идее о создании комитета отрицательно. Венцовский высказал мнение, что вопрос может быть решен окончательно лишь при участии всех остальных членов ВПА. Один из делегатов, пожелавший остаться анонимным, передал нам подробности поведения Венцовского. По словам очевидца, Венцовский пытался запугать собравшихся на Ассамблею, угрожая им, что вместе со своей и с другими делегациями покинет текущее заседание, да и сам конгресс, в случае, если его требование не будет удовлетворено.

Бразильский делегат сказал, что обсуждаемый вопрос слишком сложен, чтобы решать его в срочном порядке. В итоге, Ассамблея приняла предложение члена Исполнительного комитета профессора Х. Томкинса отложить решение этого вопроса на будущее.

По иронии судьбы, помощником секретаря и членом Исполнительного комитета был выбран советский профессор Марат Вартамян, сразу же ставший откровен-

ным защитником психиатрических методов в СССР. Звучит это поистине анекдотично. На следующий день после своего избрания он опровергал сведения о том, что в психиатрические больницы заключают нормальных людей: «Сама природа нашей системы противоречит такой возможности», — заявил Вартамян, добавив при этом: «Мы хотели обсудить этот вопрос на профессиональном уровне, но никто из наших иностранных коллег к нам не обратился»<sup>18</sup>.

Впоследствии доктор Ли объяснил представителям печати, что у Генеральной ассамблеи не имелось ни единой возможности подвергнуть критике советских психиатров, т.к. никто из представителей 75 обществ, участвующих в совещании, не выдвинул обвинений против Советского Союза<sup>19</sup>.

Нам же стоит отметить, что отдельные психиатры, в основном канадцы и американцы, пытались убедить участников конференции в необходимости заявления, которое осудило бы использование психиатрии в качестве орудия политических репрессий. Эти психиатры выразили свою озабоченность советской практикой такого типа<sup>20</sup>.

Были и другие. Они тоже были встревожены советскими методами, но, сочтя это дело сугубо политическим, выступили против его включения в повестку дня съезда, который, по их мнению, преследовал лишь научные цели и который не должен был заниматься тем, что, якобы, не входит в компетенцию ВПА. На таких оговорках особенно настаивали административные деятели ВПА. Они считали, что конгресс организованными усилиями пытаются превратить в форум для нападок на Советский Союз. Распространение сотен брошюр с перечисленными в них подозрениями о творящемся в СССР в области психиатрии и защита инакомыслящих были восприняты как «попытка вовлечь научную организацию в холодную войну»<sup>21</sup>. По словам руководства конгресса, это было одной из причин, почему Ассамблея решила не прибегать к действиям по

данному вопросу. Как ни парадоксально, административная критика оказалась направленной на самого председателя конгресса доктора де ла Фуенте, поскольку именно он был первым, кто выступил с протестом против злоупотреблений профессией психиатра. Напомним, что в своей вступительной речи президент заявил: «Молчание в столь позорном деле тяжелым грузом ляжет на нашу совесть».

Тогдашний президент ВПА профессор Х. Лопес-Ибор, как видно, стремился обобщить вопрос о злоупотреблениях, сказав, что «организация борется за искоренение этих аномалий... к нам поступают документы из разных стран; кипа документов достигла высоты 1,2 метров». ВПА, сказал он, начала расследование каждого из случаев с целью установления правильности обвинений<sup>22</sup>. Лопес-Ибор надеялся, вероятно, предотвратить намечавшуюся дискуссию. Он, должно быть, опасался, что, сосредоточив внимание на одном члене ВПА, а потом, возможно, и осудив его, Ассоциация рискует быть раздробленной на враждующие группы. Как стало известно из разных источников, советская делегация, не обременяя себя формальной угрозой, сделала ясный намек, что покинет конгресс, если Генеральная ассамблея начнет обсуждать обвинения, выдвинутые против советских психиатров.

## СОВЕТСКИЕ ПСИХИАТРЫ ОТВЕЧАЮТ

Профессор Снежневский и его коллеги решительно выступили в защиту советской психиатрии. Сам Снежневский публично высказал свои позиции в интервью выходящей в Мехико газете «Эксельсиор». Он сказал:

*«Это маневр, характерный для «холодной войны», за которым чувствуется опытная рука экспертов.*

*Неслучайно он был пущен в ход во время подготовительного периода данного съезда, параллельно появлению книги Медведева «Кто сумасшедший?» на*

*английском языке. В холодной войне не брезгают ни чем. Все в такой войне искажено до абсурда»<sup>23</sup>.*

Далее Снежневский, как и в своем интервью в «Известиях», описал систему советской судебной психиатрии и добавил, что по отношению к шестерым, которые упомянуты в документах Буковского, были применены обычные методы. У этих людей была установлена психическая болезнь, невменяемость, — заверил Снежневский корреспондентов, — ну, и, конечно, возникла необходимость психиатрического лечения. «Утверждение о том, что здоровые люди были помещены в психиатрические лечебницы — абсолютная ложь», — еще раз повторил Снежневский.

Доктор М. Щириня пыталась убедить собравшихся в стремлении советской стороны к обмену достижениями в психиатрии с учеными из других стран. Отсутствие официального перевода (русский не входил в число основных языков конгресса) исключало, по словам Щириня, возможность дискуссии по вопросу о злоупотреблении психиатрией в Советском Союзе, который был затронут некоторыми делегатами<sup>24</sup>. Директор психиатрической больницы в Ленинграде доктор Борис Лебедев заявил, что разговоры о содержании инакомыслящих без всякого основания в психиатрических больницах «рассчитаны на создание шумихи... Никто ничего не может доказать. Все это дело затеяно ради создания шумихи. Ни один психиатр не принял бы в этом участия»<sup>25</sup>.

Вот как получилось, что важнейший форум психиатров, собирающийся всего один раз за пять-шесть лет, закончил свою работу, не удосужившись откликнуться на обращенные к нему просьбы. Дискуссия о политическом использовании психиатрии в Советском Союзе не состоялась; отложено было и решение по вопросу о роли ВПА в соблюдении этических правил. Тем не менее, конгресс явился средством для привлечения общественного внимания к происходящему в СССР. Про-

читав два обращения и брошюры, приняв к сведению информацию из неофициальных бесед, многие из 6000 съехавшихся в Мехико психиатров столкнулись с проблемой, о которой они прежде почти ничего не слышали.

Возможно, что игнорирование вопроса на конгрессе повлияло на правление Американской Психиатрической Ассоциации (АПА) во время заседания последней 9-го декабря 1971-го года. В мае того же года Ассоциация получила копии документов Буковского от Международного комитета защиты прав человека; американцев просили пойти на необходимую акцию. Правление одобрило осторожную резолюцию, в которой говорилось, что АПА «решительно осуждает использование психиатрических средств для задержания инакомыслящих единственно на основании их политических взглядов, где бы это ни происходило»<sup>26</sup>. Богато документированный пример такой практики в Советском Союзе резолюция обошла молчанием. Хотя в ней и упоминались советские нарушения, подвергнутые критике как Канадской Психиатрической Ассоциацией, так и Международной федерацией психического здоровья, американцы позаботились о включении в свою резолюцию последней обобщающей фразы с тем, чтобы подчеркнуть нежелание идти на критику именно советской психиатрии.

18 декабря 1971-го года Американская Психиатрическая Ассоциация вынесла подобную резолюцию. В ней тоже отсутствует упоминание Советского Союза:

*«Американская Психиатрическая Ассоциация, в соответствии с ее заботой о поддержании этического уровня, осуждает использование госпитализации в психиатрические заведения в качестве политического средства, где бы и когда бы оно ни происходило. Мы призываем членов Ассоциации ознакомиться с подобными действиями для того, чтобы быть в состоянии эффективно выразить свою озабоченность».*<sup>27</sup>

## ПРОЦЕСС БУКОВСКОГО

Обращение Буковского не нашло отклика у ВПА и привело лишь к расплывчатым заявлениям двух психиатрических организаций в США. И в Советском Союзе и на Западе хорошо информированные люди восприняли эту пассивность как трагическое предательство дела Буковского. Если бы печальные сведения дошли тогда до самого Буковского, то он — по меньшей мере — впал бы в уныние.

Буковский был арестован 29 марта 1971-го года — задолго до событий на Западе. Это случилось через три недели после опубликования его обращения. Измываясь над Буковским, власти отправили его в институт им. Сербского. Однако через три месяца, вероятно, под давлением протестов внутри СССР и за его пределами Буковского снова перевели в тюрьму. 5 января 1972-го года начался процесс. Буковскому было предъявлено обвинение «в антисоветской агитации и пропаганде» по статье 70 УК РСФСР. Следствие по делу Буковского длилось девять месяцев, суд же заседал всего один день — журналисты и независимые наблюдатели в здание суда допущены не были.

Подробный отчет о процессе, появившийся вскоре в самиздате, показывает, насколько в деле Буковского важен был вопрос о психиатрических злоупотреблениях<sup>28</sup>. По словам обвинителя, подсудимый занимался антисоветской пропагандой, «утверждая, что в Советском Союзе нормальные люди помещаются в психиатрические больницы, где их подвергают бесчеловечному обращению». Буковский ответил, что, действительно, такие заявления были им сделаны, и ходатайствовал о вызове в суд Шульца, Писарева, Яхимовича и жены Григоренко — свидетелей, которые могли бы дать показания в пользу правдивости его утверждения. Суд отклонил ходатайство Буковского так же, как и все ходатайства защиты. Свидетели, названные обвиняемым, не могли быть вызваны, поскольку все они «пси-

хически больные люди, и их показания не имели бы юридической силы». Что касается Шульца, Зинаиды Григоренко и Писарева — это во всяком случае было явной ложью; надо думать, то же относится и к остальным.

В своем выступлении на суде Буковский говорил в основном о психиатрии, он досконально рассказал и о собственном опыте. Кроме того, Буковский сослался на участь инакомыслящих, заключенных в Ленинградской спецбольнице, в том числе — Николая Самсонова.

По мнению же прокурора, взгляды Буковского основаны на невежестве. «В конце концов он берется учить и спорить со специалистами-медиками, представителями советской школы психиатрии, которая завоевала уважение и признание во всем мире»... Как сказал «знаменитый советский ученый... академик А. В. Снежневский... нелепые разговоры о том, что в Советском Союзе здоровых людей содержат в психиатрических больницах, являются диким вымыслом, который не может вызвать ничего, кроме чувства глубокого негодования».

В своем последнем слове Буковский, обнаружив эрудицию и осведомленность в вопросах права, указал на процессуальные нарушения, которыми изобиловало ведение суда. Буковский сказал, что он действовал в рамках закона; он всего-навсего использовал право на свободу убеждений, дарованное ему советской конституцией. «Осуждая меня, — заявил Буковский, — власти намереваются скрыть собственные преступления — психиатрическую расправу над инакомыслящими».

Как и следовало ожидать, суд признал Буковского виновным и вынес ему максимальный срок — 12 лет (два года тюрьмы, пять — лагеря и пять — ссылки).

Возможно, обращение Буковского пришло на Запад слишком рано: те, кому оно было направлено, не успели еще оценить значение присланных документов. Западные психиатры не решались поверить обвинениям без дополнительных доказательств, несмотря на вызван-

ние у них документами подозрения. В течение последующих лет поступило значительное количество новых доказательств. Они приходили из разных источников. Среди них — достоверные материалы самиздата, главным образом «Хроники», сообщения в печати, рассказы бывших «пациентов» и психиатров, эмигрировавших на Запад, а также — как бы парадоксально это ни звучало — официальные заявления советских психиатров, защищавших свою профессию от западных критиков. Даже в советской прессе проскальзывали иногда признания в том, что подчас злоупотребления имеют место. Вероятно, эти намеки просочились в печать благодаря усилиям критически настроенных журналистов. Сразу после суда над Буковским в «Ленинградской правде» появилась статья под названием «Невероятная история», в которой рассказывалось о злоключениях женщины, отважившейся на критику своего начальника. После ожесточенного спора тот вызвал «скорую помощь» и добился помещения своей подчиненной в психиатрическую лечебницу. Пострадавшая провела там шесть дней и, как написано в статье, ее требование о денежной компенсации потерянного рабочего времени все еще кочует по судебным инстанциям<sup>29</sup>.



### **ПРИНУДИТЕЛЬНАЯ ГОСПИТАЛИЗАЦИЯ ПО РЕШЕНИЮ СУДА**

Постановление о принудительном лечении диссидента выносится либо по определению суда, либо в административном порядке. В этой главе мы рассматриваем роль судебных органов. Практическое применение этого метода будет показано на примере двух диссидентов — Петра Григоренко и Натальи Горбаневской.

#### **ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР**

Согласно статье 14 «Основных принципов уголовного законодательства» 1919-го года, лица, совершившие уголовно наказуемые действия в состоянии психической болезни, считаются неподсудными и не подлежат наказанию. Далее перечислялись меры, рекомендованные по отношению к этим лицам<sup>1</sup>. Из указанного положения вполне явственно следовало, что для граждан, обвиняемых в совершении преступных действий, но ссылающихся на психическое заболевание (если оно подтверждалось психиатрической экспертизой), наказание заменяется лечением. Более того, новое революционное общество утверждало, что причины преступлений лежат в социально-медицинской области и являются порождением несправедливости и неравенства, царивших при старом режиме.

В скором времени линия советских властей претерпела некоторые изменения. Ответственность при решении о вменяемости преступника все больше перекладывается на суд. Дальнейшие поправки уголовного кодекса говорят уже о целесообразности наказания

граждан, совершивших «общественно опасные поступки», если они действовали «умышленно или небрежно и предвидели, либо могли предвидеть, последствия своих деяний»<sup>2</sup>.

В тридцатые годы беспрепятственное осуществление мании режима разоблачать миллионы «вредителей», «врагов» и «шпионов» потребовало перемещения упора на личную ответственность преступника. «Злостные, подрывные» действия этих людей нельзя было объяснять психической неполноценностью. Это очернило бы боевой облик новой власти, героически отражающей контрреволюционные атаки внутреннего и внешнего врага.

Как и раньше, психиатры были заняты составлением для суда медицинских отчетов, но их заключения все чаще оказывались направленными во вред подсудимому, причем окончательное решение о его вменяемости уже полностью стало возлагаться на суд. По архивам Института имени Сербского можно проследить, как все больше и больше возрастало значение личной ответственности обвиняемого. В 1922 году около половины обследованных там «психопатов» было объявлено невменяемыми. В 1945 году — таковых оказалось всего 12 процентов<sup>3</sup>. Эта новая установка, если судить по стандартному учебнику психиатрии, по-видимому, существует и до сих пор: «Не будучи психически больными, психопаты в большинстве случаев признаются вменяемыми»<sup>4</sup>.

В Советском Союзе нет единого общегосударственного уголовного кодекса. Однако при составлении своих уголовных и процессуальных кодексов все 15 советских республик руководствуются одними и теми же основными принципами. Свод этих законов, остающихся в силе и по сей день, был разработан в 1958 году при Хрущеве; к 1960 году каждая республика уже имела свой кодекс. В обновленные уложения не были включены многие пункты, способствовавшие при Сталине полицейскому террору и произволу. Появились

также кое-какие гарантии, обеспечивающие права подсудимого. Во всех республиканских кодексах содержатся положения на случай совершения противоправного действия душевнобольным. Так, в статье 11 УК РСФСР сказано:

*Не подлежит уголовной ответственности лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости, т.е. не могло отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими вследствие хронической душевной болезни, временного расстройства душевной деятельности, слабоумия или иного болезненного состояния. К такому лицу по назначению суда могут быть применены медицинские меры принудительного характера.*<sup>5</sup>

Принудительное лечение упоминается также в статье 403 Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР:

*«Принудительные меры медицинского характера, предусмотренные ст. 58 УК РСФСР, применяются судом в отношении лиц, совершивших общественно опасные действия, предусмотренные уголовным законом, в состоянии невменяемости или совершившими такие действия в состоянии вменяемости, но заболевшими до вынесения приговора душевной болезнью, лишаящей их возможности отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими, если такие лица представляют по своему психическому состоянию и характеру совершенного ими общественно опасного деяния особую опасность для общества».*<sup>6</sup>

Сходные статьи содержатся и во всех остальных республиканских кодексах.

## РОЛЬ СУДЕБНОГО ПСИХИАТРА

Судебная психиатрия в Советском Союзе функционирует в рамках Министерства здравоохранения и руководствуется директивами, вырабатываемыми совместно Министерством здравоохранения, юстиции, внутренних дел, а также Прокуратурой\*. Психиатрическая экспертиза может быть востребована на любой стадии расследования.

Право ее востребования предоставляется следственным органам и суду. Обвиняемый, его близкие, опекуны так же, как и защитник, могут просить лишь о психиатрической консультации, причем суд правомочен такое ходатайство отклонить.

Обследование проводится комиссией, состоящей из трех-четырёх психиатров (в отдаленных местностях это количество разрешено сократить), официально подчиняющейся Министерству здравоохранения. Члены комиссии считаются незаинтересованными и независимыми лицами на том основании, что они не подчиняются ни Министерству юстиции, ни Прокуратуре, ни подсудимому; т.е. предполагается, что их суждение будет непредвзято и объективно. Советская модель являет собой полную противоположность британскому и американскому законам, которые предоставляют защите и обвинению равное право требовать медицинскую экспертизу, причем каждая сторона имеет одинаковую возможность вводить новый материал в качестве контрдоказательств.

В СССР психиатрическое обследование происходит в больнице, в клинике, в суде или в следственной тюрьме. Срок, предусмотренный для больничного обследования — 30 дней, но по надобности его можно и продлить.

На основе данных клинического обследования, све-

---

\*) Прокуратура выступает в двух, по утверждению критиков, несовместимых ролях: она несет ответственность за соблюдение законности во всех отраслях государственной жизни и в то же время — за пресечение уголовных преступлений.

дений, почерпнутых из других источников, а также документов следствия, комиссия выносит свое заключение, которое представляет — в зависимости от того, кто потребовал обследование — следователю или суду. Комиссия высказывается относительно наличия или отсутствия у испытуемого душевного заболевания и — если таковое находит — о степени вменяемости больного, целесообразности его участия на судебном процессе, о необходимости и форме лечения.

Заключение комиссии содержит также подробную биографию обвиняемого, историю его болезни и результаты физического и психического обследования.

Заключение комиссии, если, конечно, никто из врачей его не оспаривает, подписывается всеми членами комиссии. Не согласно с мнением большинства формально разрешено направить в суд отдельный отчет. Члены комиссии несут равную ответственность за составленное заключение. При недостатке данных и затруднении прийти к заключению комиссия может потребовать дополнительный материал.

Заключение комиссии является лишь частичным свидетельством. Оценка показаний в их совокупности входит в задачу суда, и только он решает, как в дальнейшем вести судопроизводство. Окончательное решение о душевном здоровье подсудимого, о его вменяемости и необходимости его лечения, выносит только суд. В большинстве случаев суд принимает рекомендацию комиссии, однако он вправе отвергнуть ее выводы либо вести дело, не считаясь с ними, либо потребовать созыва новой психиатрической экспертизы. В последнем случае Министерство здравоохранения назначает новую комиссию.

При наличии двух разных заключений, суд, взвесив все доказательства, избирает то, которое, на его взгляд, более соответствует истине. Если первые два заключения экспертов явно противоречат друг другу, возможно назначение третьей комиссии.

Защита вправе рекомендовать определенных психи-

атров для включения во вторую комиссию, суд же решает, удовлетворить ее ходатайство или нет (рекомендация Института им. Сербского почти всегда имеет решающее значение).

Процессуальные гарантии предусматривают обязательное участие защитника и открытый суд за исключением случаев, затрагивающих государственную тайну, и некоторых сексуальных преступлений. Участие же обвиняемого в процессе не обязательно и опять-таки зависит от решения суда.

Прежде, чем вынести решение о невменяемости подсудимого, суд должен установить следующие факты: 1) подсудимым ли совершено инкриминируемое ему незаконное действие, 2) совершая его, страдал ли подсудимый душевной болезнью, которая мешала ему правильно оценить свой поступок и контролировать свое поведение.

После того, как все эти требования удовлетворены, суд оказывается перед выбором: направить подсудимого на принудительное лечение в больницу специального или общего типа или отдать его под опеку родных или поручителей при условии, что он будет находиться под медицинским наблюдением. Решение суда зависит от особенностей душевного заболевания подсудимого и степени его социальной опасности. Вынося решение о принудительном лечении, суд не указывает срок пребывания в больнице — подразумевается, что больной будет выписан по выздоровлению.

Закон предполагает систематическую проверку состояния больного: не реже, чем раз в шесть месяцев, психиатрическая комиссия должна проводить его осмотр и посылать свое заключение в суд.

Если комиссия рекомендует перевод больного в больницу общего типа, где в дальнейшем он будет проходить принудительное или добровольное лечение, либо рекомендует выписать его окончательно, постановление психиатров должен рассмотреть суд. Нет никаких гарантий, что решение психиатров будет одобрено. Боль-

ного могут перевести и в психиатрическую колонию. Обычно это равносильно пожизненному заключению.

Родственники так же, как и другие заинтересованные лица, вправе просить о прекращении принудительного лечения (ст. 412 УПК РСФСР), но не настаивать на включении в комиссию врачей по собственному выбору. Сам больной не обладает правом ходатайства, он автоматически считается недееспособным, — поэтому его заявления не имеют юридической силы.

Выписанного из больницы суд может по рекомендации врача поставить на психиатрический учет. Это означает, что больной обязан подчиняться всем предписаниям районного диспансера. В некоторых случаях больной выходит из больницы с медицинско-юридической меткой «недееспособности», иначе говоря, он не является юридическим лицом и находится под опекой родственника. ВТЭК определяет степень инвалидности больного, от которой зависит, обязан ли он по закону работать, полагается ли ему пенсия, и если это так, то в каком размере. И, наконец, негласно его дальнейшая судьба попадает в зависимость от двух инстанций. Лечащий психиатр определяет степень его общественной опасности по пятибальной шкале и докладывает о ней в органы безопасности; последние, взвесив эти данные и сопоставив их с информацией, полученной из других источников, выносят свою оценку социальной опасности «подопечного».

## ПРИНУДИТЕЛЬНАЯ ГОСПИТАЛИЗАЦИЯ ДИССИДЕНТОВ

Юридическая акция обычно включает в себя арест иначекомыслящего работниками КГБ и следствие по инкриминируемому ему преступлению. Законный срок следствия — 9 месяцев — на практике может быть продлен особым указом Верховного Совета. В течение этого периода следователь может направить дисси-

дента на психиатрическую экспертизу. Затем прокурор составляет подробный обвинительный список. После того, как работа суда достигла данной стадии — зачастую это происходит не раньше, чем через полгода, — к делу допускается адвокат, которому, совместно с его подзащитным, предоставляется возможность ознакомиться с материалами обвинения.

Чаще всего диссидентам предъявляется обвинение по статьям 70 и 190-1 УК РСФСР\*. Статья 70 гласит:

*«Агитация или пропаганда, проводимая в целях подрыва или ослабления советской власти, либо совершения отдельных особо опасных преступлений, распространение в тех же целях клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно распространение либо изготовление или хранение в тех же целях литературы того же содержания — наказывается лишением свободы на срок от шести месяцев до семи лет и со ссылкой на срок от двух до пяти лет или без ссылки или ссылкой от двух до пяти лет».*<sup>7</sup>

Статья 190-1 подрывной деятельности не предусматривает, вследствие чего осужденный по ней получает более легкое наказание:

*«Систематическое распространение в устной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно изготовление или распространение в письменной, печатной или иной форме произведений такого же содержания — наказывается лишением свободы на срок до трех лет, или исправительными работами на срок до одного года, или штрафом до ста рублей».*<sup>8</sup>

Психиатрическая комиссия часто объявляет диссидента ненормальным и невменяемым в момент совершения инкриминируемого ему действия. Суд почти без исключения принимает рекомендацию комиссии, так что судебный процесс становится пустой формальностью. Список свидетелей тщательно контролируется,

\*) Статьи, чаще всего предъявляемые религиозным диссидентам, — 142 и 277 УК РСФСР.



бывает, что судопроизводство обходится и без них. Обвиняемый, как правило, к суду не допускается. Поскольку он человек больной, — объясняется официально, — присутствие на суде послужит лишь обострению его состояния. Родные и друзья обычно не могут попасть на процесс: почти всегда — не говоря уже о закрытых процессах — зал суда переполнен, набит агентами КГБ и другими подставными лицами. Подчас в зал допускаются двое или трое из ближайших родственников, редко когда — друзья. Бывает, доступ становится свободней, но это происходит лишь в минуты, непосредственно предшествующие чтению приговора.

В большинстве случаев защитник инакомыслящего пытается опровергнуть заключение психиатрической комиссии и доказать суду, что клиент его не сумасшедший. Но ходатайство защиты о созыве второй комиссии (или третьей, если первые две противоречат друг другу) почти никогда не бывает удовлетворено. Иллюстрациями подобной практики являются процессы Григоренко и Горбаневской. В обоих случаях защита пыталась доказать душевное здоровье подсудимых и добиться третьей комиссии, поскольку имелись два противоречащих друг другу заключения. В обоих случаях суд отклонил ходатайства, приняв заключение второй комиссии, состоявшей из психиатров Института им. Сербского. Отклонение судом рекомендации Института им. Сербского случается чрезвычайно редко; если же дело касается диссидентов, рекомендациям этого учреждения предпочтение отдается — неизменно.

Защита вправе подать апелляцию в Верховный суд республики, в которой проходил процесс, о пересмотре дела, мотивируя свое обращение необходимостью в дополнительном психиатрическом обследовании. Такие апелляции в случаях диссидентов оказываются никчемными: постановление суда остается без изменений. Диссидент, объявленный невменяемым, обычно подвергается принудительному лечению в спецпсихбольнице на неопределенный срок. Комиссия рекомендует ле-

чение в специальных больницах, объясняя такое решение характером болезни диссидента или его общественной опасностью, а то и тем и другим вместе. Реже направляются инакомыслящие в больницу обычного типа (так, например, было с Яхимовичем и Рипсом, имена которых получили широкую известность на Западе), и в виде исключений их оставляют на свободе, под опекой родственников.

Перевод инакомыслящего из спецбольницы в больницу общего типа, как правило, предшествует его освобождению. Сроки заключения диссидентов в больнице находятся в зависимости от постановления комиссии, собирающейся каждые полгода, и колеблются от нескольких месяцев до нескольких лет. Выписанные из больницы диссиденты должны стать на учет в психдиспансере и периодически проходить там психиатрическую экспертизу. Кроме того, они также получают оценку своей «социальной опасности», которой в определении дальнейшей судьбы инакомыслящего пользуется медицинская администрация при непосредственном участии органов государственной безопасности. Если органы сочтут человека опасным, способным, скажем, на непредусмотренные властями демонстрации, то на дни государственных праздников и во время визитов иностранных политических деятелей он окажется под угрозой краткого заключения в психиатрической больнице или высылки в провинцию.

## ДЕЛО ГЕНЕРАЛА ГРИГОРЕНКО

История ген. П. Григоренко дает возможность проследить процедуру принудительной госпитализации применительно к инакомыслящим, ибо мы располагаем обильным материалом, исходящим как от самого Григоренко, так и из других источников.

Многое из написанного самим Григоренко собрано в сборнике «Мысли сумасшедшего»<sup>9</sup>. Чтобы уяснить при-

чины столкновения Григоренко с психиатрией и законом, необходимо остановиться на его биографии и на эволюции его политических взглядов.

Петр Григоренко родился на Украине в 1907 году. Его интерес к политическим вопросам проявился уже в молодые годы — первым из своих односельчан он записался в комсомол, а затем, в возрасте 20 лет, был принят в партию. Два года спустя он поступил в Харьковский Политехнический Институт. Там он начал свою блестящую военную карьеру. Вскоре как одаренного ученика его перевели по партийной путевке в Военно-техническую академию, которую он окончил с отличием в 1934 году, после чего занимал ряд ответственных постов в инженерных частях Красной Армии. Во время войны Григоренко находился на действительной службе. За военные заслуги он был награжден Орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, Орденом Красной Звезды и другими знаками отличия.

Еще в 1941 году он выступил с критикой близорукой политики Сталина, за что получил партийный выговор. Это не могло не отразиться на его партийной карьере: чин генерал-майора был присвоен ему лишь в 1959 году.

Через 20 лет после критики Сталина, когда казалось, что к дальнейшему продвижению генерал-майора Григоренко по служебной лестнице не было никаких препятствий, он неожиданно для своих коллег выступил с резким осуждением Хрущева. В 1961 году на партийной конференции Григоренко предупредил собравшихся о возрастающей опасности повторения культа личности. Последствия не замедлили сказаться: Григоренко был лишен своего поста в Военной академии имени Фрунзе, где он заведовал Отделом кибернетики, и понижен в должности. Его перевели на Дальний Восток и назначили начальником оперативного отдела армии Приморского Края.

Несмотря на строгий выговор, как бы подтверждающий слова Григоренко об опасности нового культа личности, опальный генерал не отказался от своих

убеждений. Напротив, политическая активность Григоренко лишь усилилась, что в 1963 году привело к основанию «Союза борьбы за возрождение ленинизма», небольшой группы, которая под руководством Григоренко начала распространение листовок с призывом восстановить ленинские принципы руководства. Ответные действия властей предсказать было нетрудно. 2 февраля 1964-го года Григоренко был арестован по обвинению в антисоветской пропаганде. После нескольких недель заключения в тюрьме на Лубянке по инициативе следователя Григоренко был направлен на психиатрическую экспертизу в Институт им. Сербского.

Первоначальная реакция генерала на это обнаруживает полное его неведение о практикуемых методах психиатрической расправы над инакомыслящими:

*«Прибыл я во Второе отделение (политическое) Института имени Сербского 12 марта 1964 г. До этого я даже не слышал о таком приеме расправы, как признание здорового человека психически невменяемым, если не считать то, что мне было известно о Петре Чаадаеве. О том, что в нашей стране существует система «Чаадаевизации», мне и в голову не приходило. Я понял это лишь когда мне самому было объявлено постановление о направлении на психиатрическое обследование».*<sup>10</sup>

Через пять недель в Институте имени Сербского пришли к заключению, что Григоренко страдает

*«психическим заболеванием в форме паранойяльного развития личности, включающим бредовые идеи в сочетании с начальными явлениями атеросклероза головного мозга».*<sup>11</sup>

Григоренко был объявлен невменяемым, нуждающимся в принудительном лечении в специальной психиатрической больнице. Основания к такому диагностическому выводу комиссия изложила следующим образом:

*«Его психическое состояние характеризуется наличием идей реформаторства, в особен-*

*ногти в отношении реорганизации государственного аппарата (разрядка наша); это сочетается с переоценкой собственной личности, принявшей масштабы мессианства. Говорит о своих убеждениях с эффектом и непоколебимо убежден в правильности своего поведения. Одновременно наблюдаются элементы патологической интерпретации окружающей обстановки в сочетании с болезненной подозрительностью и остро выраженной раздражительностью».<sup>12</sup>*

Рекомендация психиатров Института им. Сербского была принята Военной коллегией при Верховном Совете СССР. В результате — Григоренко был без всяких законных оснований исключен из партии, разжалован в солдаты и помещен в Ленинградскую СПБ.

В марте 1965-го года было сочтено, что он находится в стадии «ремиссии» и не нуждается больше в больничном режиме.

В течение четырех лет после выписки из больницы активность Григоренко возросла еще больше. Все свои силы он отдавал борьбе за права человека.

Григоренко был повторно арестован в 1969 году за деятельность в защиту крымских татар. Их судьба задела его за живое, и он горячо поддержал крымских татар — участников движения за возвращение на родную землю. Используя готовность Григоренко выступить в качестве общественного защитника на суде над крымско-татарскими активистами в Ташкенте, КГБ обманным путем залучил его в столицу Узбекистана. Приглашение выступить на суде было сфабриковано органами безопасности. Григоренко был арестован.

Спустя несколько недель после ареста его обследовала психиатрическая комиссия под председательством профессора Детенгофа\*. Обследование проводилось в помещении Узбекского КГБ и длилось три часа.

На основе клинических наблюдений и ознакомления

---

\*) Ф. Детенгоф (ум. в 1973 г.) был крупной фигурой в советской психиатрии, в течение многих лет занимал пост главного психиатра Узбекской Республики.

с юридической документацией комиссия пришла к следующему выводу:

«Григоренко признаков психического заболевания в настоящее время не проявляет, как не проявлял их и в период совершения (2-я половина 1965 г. — апрель 1969 г.) инкриминируемых ему преступлений, когда он отдавал отчет в своих действиях и мог руководить ими. В содеянном вменяем. Деятельность Григоренко имела целенаправленный характер, касалась конкретных событий и фактов, вытекала из личных убеждений и во многих случаях из таких же убеждений его единомышленников и не содержала болезненных бредовых признаков. Григоренко на протяжении всей своей жизни правильно развивался в нервно-психическом отношении, хотя и обнаруживал всегда отдельные своеобразные черты характера, как настойчивость в достижении цели, некоторую склонность к переоценке своих возможностей, стремление к утверждению своего мнения.

Одновременно с этим он обнаружил хорошие интеллектуальные способности, добился неуклонного общего развития, трудового и общественного роста. В коллективах хорошо уживался, являясь руководителем и воспитателем. Какого-либо заметного болезненного перелома и сдвига в развитии его личности не усматривается... Григоренко в стационарном обследовании не нуждается, так как его личностные особенности и психическое состояние достаточно полно рисуются материалами дела, данными наблюдения его в следственном изоляторе, а также данными, полученными его обследованием в амбулаторном порядке.

Сомнений в психическом здоровье Григоренко при его амбулаторном обследовании не возникло. Стационарное обследование в настоящее время не расширит представления о нем, а, наоборот, учитывая возраст, резко отрицательное отношение его к пребыванию в психиатрических стационарах, повышенную его ранимость, — осложнит экспертизу».<sup>13</sup>

Итак, вывод комиссии недвусмыслен: «сомнений не возникло». Утверждение, что стационарное обследова-

ние было бы во вред здоровью Григоренко, обосновано с профессиональной тщательностью. Власти, однако, решили действовать вопреки предупреждению ташкентской комиссии. Две недели спустя КГБ самолетом отправляет Григоренко в Москву и помещает в Институт имени Сербского. Остается лишь гадать, чем была вызвана сложившаяся ситуация. Быть может, Детенгоф и его коллеги не поддались давлению КГБ. Так же допустимо предположить, что властей устраивал поначалу вывод комиссии Детенгофа, но затем, передумав, они нашли более выгодным диагноз, противоречащий ташкентскому.

Психиатрическое обследование в Институте имени Сербского проводилось комиссией, в которую входили доктор Г. Морозов, В. М. Морозов и Д. Р. Лунц. Они нашли, что Григоренко

*«страдает психическим заболеванием в форме патологического (паранойяльного) развития личности с наличием идей реформаторства, возникшим у личности с психопатическими чертами характера и начальными явлениями атеросклероза сосудов головного мозга.*

*Об этом свидетельствует психопатическое состояние, имевшее место в 1964 году, возникшее в период неблагоприятной ситуации и выражающейся в ярко аффективно окрашенных идеях реформаторства и преследования. В дальнейшем, как видно из материалов уголовного дела и данных настоящего клинического обследования, паранойяльное состояние полностью не обошлось, а идеи реформаторства приобрели стойкий характер и определяют поведение испытуемого, причем охваченность этими идеями периодически обостряется в связи с внешними обстоятельствами, не имеющими к нему непосредственного отношения, и сопровождается не критическим отношением к своим высказываниям и поступкам. Указанное болезненное состояние исключает возможность отдавать отчет в своих действиях и руководить ими, а поэтому испытуемого следует признать невменяемым.*

*Комиссия не может согласиться с амбулаторной судебно-психиатрической экспертизой, проведенной в Ташкенте, вследствие наличия у Григоренко приведенных в настоящем акте патологических изменений в его психике, которые в условиях амбулаторного освидетельствования не могли быть раскрыты вследствие внешне упорядоченного поведения, формально последовательных высказываний и сохранности прошлых знаний и навыков, что является характерным для патологического развития личности. По своему психическому состоянию Григоренко нуждается в направлении на принудительное лечение в специальную психиатрическую больницу, так как описанные выше паранойяльные идеи реформаторства носят стойкий характер, определяют характер испытуемого».<sup>14</sup>*

Если учесть, что между обследованиями в Ташкенте и в Москве прошло не больше трех месяцев, столь противоположные выводы с чисто научной точки зрения объяснить невозможно.

## СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДВУХ ЗАКЛЮЧЕНИЙ

Поучительно дальнейшее сравнение этих двух заключений. Институт имени Сербского оспаривает ташкентский диагноз, утверждая при этом, что внешне упорядоченное поведение Григоренко и его формально последовательные высказывания, равно как и сохранение прошлых знаний и навыков, являются характерными для патологического развития личности и препятствовали установлению правильного диагноза при амбулаторном обследовании. Однако при внимательном рассмотрении обоих заключений бросается в глаза, что наблюдения комиссий во многом совпадают. Главное их различие, помимо выводов, к которым они приходят, заключается в интерпретации и оценке политической и общественной деятельности Григоренко. По мнению комиссии профессора Детенгофа, «деятельность Григоренко имела целенаправленный характер, касалась



конкретных событий и фактов, вытекала из личных убеждений и во многих случаях из таких же убеждений его единомышленников и не содержала болезненных бредовых признаков». Морозовская комиссия, напротив, усматривает в этой же деятельности признаки абсолютно патологические. Она указывает на «явную переоценку своей деятельности и значения своей личности, идеи реформаторства, в непоколебимой правоте которых он уверен». По поводу политических идей, высказанных Григоренко во время его обследования в 1964 году, комиссия пишет: «Он не отступает даже и теперь от тех взглядов, которые им высказаны были тогда».

В то время, как комиссия Детенгофа рассматривает политическую деятельность Григоренко как действия человека нормального и признает, что идеи его разделялись другими, а не являлись болезненным бредом, члены морозовской группы приходят к диаметрально противоположному выводу: «реформаторские» идеи Григоренко сами по себе иллюзорны и являются результатом переоценки собственной личности. В этом — главное различие, основное для понимания отношения к диссидентам в Советском Союзе как к душевнобольным.

Что касается остальной части обследования — взгляды на поведение и личность Григоренко у обеих комиссий во многом тождественны. И та и другая комиссия нашла, что он ориентируется в социальной обстановке, легко устанавливает контакт с окружающими и возбуждается лишь в тех случаях, когда затрагиваются вопросы, связанные с его «противоправовой» деятельностью; в основном же держится с достоинством и вежливо. Знаменательно, что обе комиссии отмечают отсутствие нарушений интеллекта, памяти и устойчивости внимания.

Стоит добавить, что при наличии атеросклероза мозга перечисленные три качества оказываются нарушенными — хотя бы в малой степени.

## ГРИГОРЕНКО О ПСИХИАТРИЧЕСКИХ ОБСЛЕДОВАНИЯХ

Со времени прибытия в Ташкент 3 мая 1969 года и до конца пребывания в Институте им. Сербского Григоренко вел дневник случившихся с ним событий. Дневник этот характеризуется собранностью мыслей и показывает, что Григоренко прекрасно отдавал себе отчет в происходящем. Достаточно взглянуть на сравнение им двух экспертиз.

В ташкентском обследовании, которое длилось три часа, все четыре члена комиссии принимали активное участие, каждый выносил собственную оценку, сопоставлял ее с мнением своих коллег. Участники вели долгие дискуссии, подчас даже споры. На Григоренко произвели впечатление тщательность и добросовестность работы комиссии:

*«Шел я на комиссию с предубеждением, будучи уверен, что моя невменяемость предрешена. Но атмосфера всего обследования была столь деловой, дружелюбной, что я как-то незаметно успокоился и поверил в возможность объективного заключения».*<sup>15</sup>

В отличие от того, что ему пришлось наблюдать в Ташкенте, обследование в Институте имени Сербского показалось ему прямым издевательством:

*«Никаких осмотров. Простой следовательский разговор, который ведет только один человек (Г. Морозов). Майя Михайловна (доктор Мальцева) строчит в своем блокноте, а два остальных члена комиссии пребывают в полудремотном состоянии».*<sup>16</sup>

Григоренко вынес впечатление, что все было решено заранее и экспертиза заученно шла к заданным целям. По словам Григоренко, психиатры провели с ним не более двадцати минут, даже не прислушиваясь к его разговору с председателем комиссии.

Заключение комиссии Института имени Сербского вызвало критику в различных кругах. Группа, состоящая из 44-х английских и других европейских пси-

хиатров, в процитированном в главе 4 письме в лондонскую газету «Таймс» утверждала, что Григоренко, с историей болезни которого они ознакомились, «не проявляет никаких симптомов, указывающих на необходимость лечения, тем более такого карательного характера». На основании тех же документов один из авторов этой книги (С. Б.) и двое его коллег пришли к убеждению, что «материал не заключает в себе оснований для принудительной госпитализации»<sup>17</sup>.

Киевский психиатр доктор Глузман (см. гл. 8) и двое его коллег, — они пожелали остаться анонимными, — исследовав все доступные им материалы, пришли к выводу, что поведение Григоренко «было разумным и целенаправленным», что он

*«психическим заболеванием не страдает, а его состояние в период инкриминируемых ему действий не может быть расценено как психотическое, исключаящее вменяемость...»*

*Признание Григоренко комиссией (Института имени Сербского) психически больным неправомерно, так как не сказано конкретно о том, какие именно изменения личности дают основание приравнивать его состояние к психической болезни»...<sup>18</sup>*

Один из наиболее выдающихся немецких психиатров профессор фон Байер, обладающий к тому же большим опытом в судебной психиатрии, критикует заключение Института имени Сербского главным образом за то, что основным проявлением психического заболевания члены комиссии сочли — «реформаторские идеи». По мнению фон Байера:

*... «взгляды, которых придерживался Григоренко и его единомышленники, не содержат сами по себе ничего абсурдного, эксцентричного, либо эгоцентричного, как это бывает, например, в случаях параноидально-шизофренического бреда. В документах, которые попали на Запад, поражает, что судебный диагноз психиатрического заболевания основывается главным образом на подобных «идеях реформаторства». Но с каким бы упорством и аффектом подоб-*

*ные идеи ни высказывались, они никоим образом не могут свидетельствовать о наличии душевного заболевания».*<sup>19</sup>

Далее фон Байер утверждает, что установление произвольной связи между «идеями реформаторства» и «снижением критики, ответственности и самообладания» считалось бы недопустимым в немецкой школе психиатрии так же, как и в других известных ему школах. Поэтому фон Байер вынужден «заподозрить, что оценки эти обусловлены не научным и не клиническим анализом, а соображениями политической целесообразности».

## СУД НАД ГРИГОРЕНКО

Процесс по делу Григоренко состоялся в феврале 1970-го года в Ташкенте. Поскольку Григоренко объявили «слишком больным, чтобы вести свою защиту», на заседание суда он допущен не был. Суд принял рекомендацию комиссии Института имени Сербского и оставил без внимания заключение ташкентской комиссии. В результате Григоренко был признан невменяемым при совершении инкриминируемых ему преступных действий и направлен в специальную психиатрическую больницу в Черняховске. Адвокат С. В. Каллистратова ходатайствовала перед судом о назначении нового тщательного обследования состояния душевного здоровья ее клиента. Имеются, — логично указала она, — «два диаметрально противоположных заключения судебно-психиатрической экспертизы по вопросу о психическом состоянии Григоренко»<sup>20</sup>. В соответствии с УПК Узбекской ССР оба заключения подлежат оценке судом, и ни одно из них не имеет заранее установленной силы. Только третье мнение, аргументировала защита, могло бы склонить суд к тому или иному решению. Затем Каллистратова по пунктам перечислила недостатки заключения комиссии Института

имени Сербского: 1) отсутствие точного диагноза психического заболевания Григоренко; 2) ряд «неточностей, искажений и произвольных оценок»; 3) вывод о психическом заболевании не подкрепляется клиническими доказательствами. Каллистратова в своей речи ссылалась на научные работы авторитетных советских психиатров, в том числе членов комиссии, обследовавшей Григоренко в Институте имени Сербского — Г. В. Морозова и Д. Р. Лунца. Опираясь на опубликованные труды последнего, она доказывала несостоятельность заключения комиссии Института им. Сербского. Каллистратова настаивала на том, чтобы суд запросил и присоветовал к делу медицинские справки с конкретной информацией о психическом здоровье Григоренко. И, наконец, она ходатайствовала перед судом, в соответствии со статьей 144 УПК Узбекской Республики, о включении в состав третьей психиатрической комиссии экспертов, названных подзащитным\*.

Суд не отреагировал ни на одно из ходатайств Каллистратовой, судьба Григоренко предопределилась заключением Института имени Сербского. В апреле была отклонена апелляция Каллистратовой в Верховный Суд Узбекской Республики, который одобрил решение низшей инстанции. 26 мая 1970 года Григоренко прибыл в Черняховскую больницу.

Примерно в это время академик Андрей Сахаров и трое его коллег подали жалобу о деле Григоренко Генеральному Прокурору СССР. По закону, прокурор обладает полномочием вмешаться в юридическую процедуру для исправления вкравшихся в нее ошибок; любой гражданин вправе обратиться к нему с подобной просьбой. Среди множества нарушений, на которые указывала группа Сахарова, были названы «отсутствие обоснованного судом решения вопроса о вменяемости Григоренко и отклонение ходатайств защиты о назна-

---

\*) Докторов медицинских наук — главного психиатра Советской Армии генерал-майора Н. Н. Тимофеева, профессора института Психиатрии АМН СССР Э. Я. Штернберга и заслуженного деятеля наук профессора Института психиатрии Минздрава РСФСР Л. Л. Рохлина.

чении третьей экспертизы для разрешения противоречия между первой и второй»<sup>21</sup>.

Очевидно, этой жалобе не было уделено внимания, ибо Григоренко по-прежнему оставался в Черняховске и никакие дополнительные юридические процедуры в ход пущены не были.

## ГРИГОРЕНКО В БОЛЬНИЦЕ

Четырехлетнее пребывание Григоренко в психиатрических больницах (три с половиной года в Черняховске и последние шесть месяцев в психбольнице общего типа на Столбовой, неподалеку от Москвы) было, вероятно, мучительнее, чем такой же длительности заключение в лагере. Суд определил госпитализировать Григоренко с целью лечения, однако то, как к нему относились, мало чем напоминало общепринятую заботу о психически больных.

Режим в Черняховске значительно ближе к тюремному, нежели к больничному. Как и другие «пациенты», Григоренко был лишен элементарных человеческих прав. Персонал больницы запрещал ему работать, ручки и бумагу выдавали только, если Григоренко писал письма, которые сразу же подвергались жестокой цензуре. Ему чинили препятствия в свиданиях с родными, часто за «ослушание» наказывали одиночеством.

Каждые шесть месяцев «больного» обследовала комиссия и каждый раз обследование завершалось выводом о необходимости продлить срок принудительного лечения. Наконец, в январе 1973-го года, по истечении почти трех лет, комиссия в составе консультанта Института имени Сербского, главного психиатра Черняховской больницы и лечащего врача рекомендовала перевод Григоренко в психиатрическую больницу общего типа. Однако Черняховский городской суд не принял рекомендации комиссии на том основании, что «после первой выписки в 1965 году Григоренко занялся прежней деятельностью»<sup>22</sup>.

Юридически суд был вправе вынести такое определение, каким бы сомнительным оно ни было по существу, так как, будучи главной инстанцией в вопросе о госпитализации инакомыслящего, уголовный суд формально обладает полномочием распоряжаться судьбой своего «подопечного» и в дальнейшем. Но уж никакими формальными предписаниями не было предусмотрено проведение судебного заседания в отсутствие законного представителя Григоренко — его жены, которую не потрудились даже известить о суде. О решении суда жена Григоренко узнала лишь через три месяца, когда все законные сроки для апелляции давно уже истекли.

Тем не менее, она апеллировала в Калининградский областной суд, перечислив нарушения, допущенные низшей инстанцией. «Такое определение суда, — заявила она, — извращает смысл принудительных мер медицинского характера и превращает принудительное лечение в противозаконное бессрочное лишение свободы»<sup>23</sup>.

Калининградский суд отменил решение Черняховского городского суда и отослал дело на пересмотр<sup>24</sup>. В июле 1973-го года горсуд решил перевести Григоренко в больницу общего типа поблизости места жительства. Прокурор оспорил это решение, заявив, что суд в превышение своих полномочий определил не только тип больницы, но и место, где Григоренко предстояло продолжать свое лечение, а это по закону входит в компетенцию административных органов. В случае Григоренко избрание конкретной больницы возлагалось на Министерство здравоохранения. Суд тогда повторно вынес это решение, но уже без определения местности.

Страшно подумать, что Григоренко, несмотря на рекомендацию комиссии, согласно которой он более не нуждался в лечении в спецбольнице, мог бы томиться в Черняховске и по сей день. Избежать такой участи ему во многом помогла поддержка жены и сына, а также участников движения за права человека, разбирающихся во всех тонкостях советских законов.

## «ОБРАБОТКА» ЗАРУБЕЖНЫХ ПОСЕТИТЕЛЕЙ

Окончательное решение суда, принятое 31-го августа, дало возможность чиновникам от медицины не переводить Григоренко в больницу по его месту жительства, где он мог бы встречаться с различными посетителями, в том числе и с иностранными корреспондентами. Вместо этого Григоренко был помещен в больницу в 60-ти километрах от Москвы (как известно, иностранцы без специального разрешения не имеют права удаляться от столицы дальше, чем на 40 км). И все-таки, сам факт перевода Григоренко в больницу общего типа свидетельствует о том, что давление оказало свое воздействие<sup>25</sup>. 1-го сентября английская газета «Таймс» опубликовала письмо к психиатрам, направляющимся на конференцию Всемирной Психиатрической Ассоциации, которая должна была состояться в октябре 1973-го года в СССР, с призывом добиваться возможности посетить Григоренко в Черняховске<sup>26</sup>. С подобным же обращением на прессконференции 8-го сентября выступил ак. Сахаров<sup>27</sup>. Власти тут же сумели оценить обстановку и поторопились с переводом Григоренко на Столбовую, поскольку продемонстрировать иностранцам условия содержания в специальной психиатрической больнице никак не входило в их расчеты, ответить же отказом было бы неудобно.

19-го сентября 1973-го года Григоренко был переведен в психиатрическую больницу № 5 на станции Столбовая. В тот же день в больнице был объявлен «карантин», но загадочным образом охватил он лишь то отделение, где находился Григоренко. Ни принимать посетителей, ни получать передач Григоренко, разумеется, не мог<sup>28</sup>.

Вдобавок ко всему, Григоренко стал объектом сложнейших государственных манипуляций. Как только Генеральный секретарь Всемирной Психиатрической Ассоциации доктор Денис Ли прибыл до начала конференции в СССР для ее организации, его тотчас же



(5-го октября 1973-го года) пригласили к заместителю министра здравоохранения доктору Венедиктову, и тот, среди прочего, объявил о своей готовности разрешить западным психиатрам посетить Григоренко.<sup>29</sup> Сам Ли об этом не просил, но кампания против злоупотребления психиатрией в СССР достигла на Западе такой силы, что советским властям представлялось необходимым лишить протестующих почвы для новых выступлений.

Все действия властей были детально продуманы. Сделанное до прибытия делегатов на конференцию предложение посетить одного диссидента в условиях, специально подготовленных для очковтирательства, предупреждало возможные просьбы о посещении других диссидентов, находящихся в строго засекреченных спецбольницах.

Тактика оказалась правильной, и выбор на Григоренко пал не случайно, — его дело получило широкую огласку на Западе. Бывшего генерала поместили в больницу общего типа, расположенную за пределами сорокакилометровой зоны. Теперь он мог предстать перед психиатрами и журналистами в намеченный день и в намеченной больнице как «вылеченный по существу, в результате четырехлетнего тщательного лечения» и «предназначенный к скорой выписке».

Уловка была особенно хитроумна. В последнюю минуту, да так, что трудно было придраться, она лишила иностранных психиатров — тех, кто был истинно озабочен ситуацией, — возможности обследовать инакомыслящего в состоянии, которое, по заверению властей, требовало принудительного лечения.

15-го октября, по окончании конференции, доктора Ли и доктора Карло Перриса из Швеции повезли на Столбовую. Но тут план властей начал развиваться в непредвиденном направлении: Григоренко согласился отвечать на вопросы иностранных посетителей, но только в присутствии жены и переводчика, которому он мог бы доверять. Ни Ли, ни Перрис не сочли нужным

настаивать на удовлетворении требования Григоренко. Власти вздохнули свободней. Конечно, отказавшись от своей затеи из-за прозорливости Григоренко, они жертвовали престижем, но ведь в случае появления жены Григоренко с добросовестным переводчиком престиж советской психиатрии мог бы пострадать намного сильнее. Создалась бы ситуация, не поддающаяся контролю властей, Ли и Перрис узнали бы лишнее. К тому же содержание беседы попало бы в прессу не только в изложении больничных врачей и допущенных Ли и Перриса, но и в пересказе жены Григоренко и выбранного ею переводчика.

Пренебрежение Ли и Перриса предоставленной им возможностью открыть серьезную дискуссию, вызвало разочарование в семье Григоренко. Сын Петра Григоренко Андрей впоследствии писал:

*«Тот факт, что западные психиатры, посетившие отца в больнице, не предприняли шагов для того, чтобы добиться независимого переводчика, и проявили готовность вести беседу через официального советского переводчика, может объясняться лишь поразительным отсутствием понимания ситуации».<sup>30</sup>*

Ли и Перрис спросили все же Григоренко о его самочувствии. «По сравнению с Черняховском здесь лучше», — ответил им Григоренко<sup>31</sup>. Как с горечью отметили его жена и сын, слова эти, произнесенные человеком, столь измученным в то время, что он не мог даже писать, были грубо искажены и в исковерканном виде на все лады повторялись различными средствами информации<sup>32</sup>. Как ни странно, наиболее точный отчет исходил от доктора Георгия Морозова, который заявил, что ответ Григоренко звучал: «В последнее время я чувствую себя лучше»<sup>33</sup>. Ли сообщил прессе, будто Григоренко сказал, что теперь с ним обращаются «очень хорошо»<sup>34</sup>. А по широко распространенной версии одной советской медицинской корреспондентки, Ли сообщил ей, что «генерал Григоренко сказал ему, что он дово-

лен и уходом, и лечением, которое имело благоприятное воздействие на его здоровье»<sup>35</sup>.

Вопрос об окончательном освобождении Григоренко тоже был окружен тайной. Как сообщил корреспондентам Перрис, директор больницы заверил его в том, что комиссия собирается рекомендовать Григоренко к выписке через месяц<sup>36</sup>. Три дня спустя Ли дал интервью с целью опровергнуть сообщение Перриса: «Этого не может быть. — сказал Ли. — Ни один из советских врачей не высказывал предположения, что диссидента выпустят так скоро»<sup>37</sup>. Каким образом Ли мог знать содержание разговора директора больницы с Перрисом лучше, чем сам Перрис, так и осталось загадкой.

Еще большей тайной был окутан вопрос о душевном здоровье генерала. Перрис заявил корреспонденту одного из крупнейших в Западной Германии еженедельников — «Дер Штерн»:

*«К сожалению, он не захотел с нами разговаривать, а не имея возможности провести обследование и не побеседовав с ним, мы не можем судить, справедливо его содержание в больнице или нет».*<sup>38</sup>

Такой же позиции придерживался и Ли. Однако через три недели в заявлении ТАСС говорилось:

*«Шведский профессор Карло Перрис свидетельствует, что бывший генерал Григоренко «действительно болен» «Я считаю, что мои русские коллеги вынесли Григоренко правильный диагноз...»*<sup>39</sup>

Заявление было напечатано в стокгольмской вечерней газете «Экспрессен». Все попытки шведских членов Международной Амнистии добиться у Перриса объяснения такого внезапного изменения прежних убеждений остались безуспешны<sup>40</sup>.

Несмотря на то, что все эти загадки были скорее на руку советским властям, чем критикам их политики по отношению к инакомыслящим, и хотя ни Ли, ни Перрис не произнесли ни единого слова, которое могло быть использовано для осуждения советской психиатрии, — главный козырь пропаганды был бит благодаря дальню-

видности Григоренко. Тогда власти решили испробовать другой вариант и устроили посещение больницы специально подобранным западным журналистом.

Для этой цели был приглашен корреспондент «Дер Штерн» Клаус Лемпке. 17-го октября 1973-го года Лемпке вместе с фотографом отправился на Столбовую, а две недели спустя в газете появилась иллюстрированная статья объемом в восемь страниц. Потом она была перепечатана прессой других западных стран<sup>41</sup>. Лемпке писал о двух своих предварительных беседах с доктором Морозовым в Институте имени Сербского, о разговоре с врачами Столбовой, и наконец, об интервью с Перрисом.

Самого Григоренко больничная администрация разрешила фотографировать — интервьюировать его было запрещено.

В свете этих обстоятельств предвзятый характер статьи в «Дер Штерн» становится более или менее объяснимым. Непонятно одно: почему Лемпке не удосужился выслушать и другую сторону — родных и друзей Григоренко.

Содержание бесед в Институте имени Сербского было, по-видимому, тщательно обдуманно заранее. В своем пространном изложении методов советской судебной психиатрии Морозов высказал множество полуправд и несколько ложных утверждений (возможно, принявших такой вид из-за неправильного перевода), например: «Больному предоставлено право исключить того или иного врача из состава психиатрической комиссии». В ходе интервью Морозов вручил Лемпке экземпляр истории болезни Григоренко, пожелтевшие листы которой произвели на немецкого журналиста впечатление подлинности.

Между тем, этот цитируемый в статье документ несомненно является фальсифицированной сводкой официальных психиатрических отчетов и других справок. Несомненна и небрежность, с какой компилировалась эта фальшивка. Так, после слов о том, что в 1969 году

Григоренко был вторично арестован и снова признан невменяемым, на «пожелтевших листах» значится: «Госпитализация в Казанской спецбольнице». Как известно, ни в одной из казанских лечебниц Григоренко не был. В цитируемой Лемпке сводке заключена и более изощренная ложь, на этот раз касающаяся деятельности Григоренко в период, предшествующий его аресту в 1969 году: «Больной вновь прибегает к обращениям и листовкам: он-де единственный человек, способный реформировать государство». Ничего подобного Григоренко никогда не писал. Даже комиссия Института имени Сербского, обследовавшая Григоренко в 1969 году, при всей своей предвзятости этого не утверждала.

Затем Лемпке переходит к выводам. Выдающиеся люди протестовали против госпитализации Григоренко, «но откуда они могут знать, здоров он или болен? Когда они видели его в последний раз? Когда говорили с ним, жили с Григоренко бок о бок?» И, наконец, «где пролегает черта между нормой и сумасшествием в Советском Союзе?» Григоренко добивается основания собственной партии, а в СССР это рассматривается как безумие. «Предупреждения не останавливают его; напротив: его уверенность в том, что он единственный, кто способен спасти отечество, возрастает и крепнет» (здесь Лемпке повторяет ложь, заключенную в морозовском «документе»).

Заканчивает Лемпке статью апологией советской психиатрии. Благодаря фальшивке, оказавшейся в руках Лемпке, и из-за отсутствия свидетельств родных и близких Григоренко — доводы западно-германского корреспондента неосведомленному читателю могли показаться вполне убедительными: «Каков же результат? Акция его (Григоренко — *пер.*) рассматривается как иррациональная, самоубийственная. Удивительно ли, что психиатры Советского Союза рассматривают его поведение как проявление болезни?»

В последнем риторическом вопросе сказывается, по-

видимому, влияние «документа» Морозова, ни словом не упомянувшего о заключении комиссии в Ташкенте. Если бы Лемпке был добросовестней и взял на себя труд прочитать это заключение, опубликованное в Германии среди собранных Буковским материалов за год до этого, — у него наверняка появились бы сомнения в подлинности «пожелтевших листов». Он узнал бы много интересного. В первую очередь, открылось бы ему, что видные советские психиатры, такие, как Детенгоф, не находили в поведении Григоренко ничего иррационального.

Разумеется, статью Лемпке нельзя квалифицировать, как полную апологию, но безоговорочного оправдания психиатрии в СССР советским властям и не требовалось: это оттолкнуло бы западно-германского читателя. Опубликованная различными газетами и журналами статья Лемпке оказалась для Советского Союза еще полезнее, чем несостоявшаяся беседа с Григоренко Ли и Перриса, — протестам на Западе было оказано желанное противодействие. У самого же Григоренко статья эта, когда он получил возможность с ней ознакомиться, вызвала сдерживаемое негодование<sup>42</sup>.

## ОСВОБОЖДЕНИЕ И ПОСЛЕДУЮЩИЙ ХОД СОБЫТИЙ

В 1974 году комиссия рекомендовала продлить принудительное лечение ввиду отсутствия гарантий, что Григоренко не возобновит своей прежней деятельности. В беседе с сыном генерала, Андреем Григоренко, заместительница главврача на Столбовой доктор А. А. Кожемякина выдала свою затаенную надежду. «Смерти его устроила бы все стороны», — сказала она<sup>43</sup>.

Нам же думается, что Григоренко оказался на свободе 26 июня 1974-го года именно потому, что власти боялись его смерти. Они опасались реакции общественности на смерть Григоренко, наступи она во время его пребывания в психиатрической больнице.

Григоренко исполнилось уже 67 лет, здоровье его было расшатано, особое беспокойство внушало состояние сердца. В мае 1974-го года жена Григоренко и его сын созвали пресс-конференцию, на которой объявили, что психиатры Столбовой предупредили Институт имени Сербского о резком ухудшении физического состояния Григоренко и о необходимости выписать его из больницы. Через десять дней комиссия рекомендовала его на выписку. Суд принял эту рекомендацию лишь шесть недель спустя — 24-го июня. Жена Григоренко узнала о состоявшемся суде 25-го июня. В пять часов дня ей сообщили по телефону, что она может приехать за мужем на следующее утро.

Возможно, что освобождение Григоренко было приурочено к приезду Никсона. Этим демонстративным жестом власти пытались смягчить впечатление от открытого письма А. Сахарова, обратившегося к Никсону и Брежневу с призывом освободить 95 узников совести, в том числе и генерала Григоренко.

## ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ

В первый же день по выписке из больницы Григоренко беседовал с иностранными корреспондентами. По замечанию одного из них, «он казался очень утомленным после пяти лет заключения, но совершенно нормальным»<sup>44</sup>. Выразив свою благодарность «всем-всем людям, помогавшим мне вернуться в семью и тем самым продлить жизнь», генерал сказал, что испытывает сильную усталость: «Здоровье мое расшаталось, особенно сердце. Я хочу отдыхать и поправляться»<sup>45</sup>. О своих взглядах он ничего не говорил, однако жена его сообщила, что на протяжении всего срока заключения он ни разу не отказался от своей позиции по вопросу о гражданских правах. Не услышали отречения от его прежних убеждений и члены последней комиссии, рекомендовавшей его к выписке.

Через несколько дней после освобождения сотрудники КГБ посоветовали жене Григоренко увезти мужа в деревню. Это был первый и последний раз, когда пожелания Григоренко совпали с целями КГБ. Но, разумеется, властями руководили мотивы отнюдь не альтруистические, и они не заботились об улучшении здоровья Григоренко. Просто нужно было удалить всю семью из зоны досягаемости иностранных журналистов<sup>46</sup>.

Общественный темперамент и чуткая совесть не позволили Григоренко долго наслаждаться заслуженным покоем. Уже в 1975 году его подпись стояла рядом с именами одиннадцати других смельчаков под письмом, поздравляющим Сахарова с награждением Нобелевской премией и осуждающим поднятую против него в советской прессе злобную кампанию<sup>47</sup>. 5-го декабря того же года Григоренко вышел на Пушкинскую площадь и принял участие в традиционной демонстрации молчаливого протеста против нарушений Советской Конституции. Кроме того, Григоренко возобновил свою деятельность в защиту крымских татар. Он обратился в прокуратуру с просьбой выпустить Мустафу Джемилева ему на поруки. Прокуратура ответила отказом, и тогда Григоренко принял участие в пресс-конференции, во время которой передал иностранным журналистам материалы по делу Джемилева. Григоренко подписал письмо в ООН с требованием провести гласное расследование дела<sup>48</sup>, в мае он выпустил в самиздате статью о Джемилеве.

В том же месяце была основана Группа содействия выполнению Хельсинских соглашений в СССР<sup>49</sup>. Григоренко вошел в число девяти ее основателей.

По мере возрастания активности Григоренко, увеличивалось и недовольство КГБ. В начале 1976-го года сотрудники органов посоветовали Григоренко прекратить деятельность в защиту Мустафы Джемилева<sup>50</sup>. Это предупреждение совпало по времени со статьей в «Комсомольской правде», направленной против Григоренко и обвинявшей его жену в получении денег из



«сомнительных источников» за границей. Намек был ясен: если Григоренко не прекратит свои выступления по собственной воле, власти вынудят его к этому, возбудив уголовное дело против его жены<sup>51</sup>.

## ДЕЛО НАТАЛЬИ ГОРБАНЕВСКОЙ

Талантливая поэтесса Наталья Горбаневская получила широкую известность на Западе в 1970 году как активный деятель демократического движения, после опубликования ее книги «Полдень»<sup>52</sup>. В полдень 25-го августа 1968-го года она вместе с шестью другими инакомыслящими вышла на Красную площадь с развернутым транспарантом против советского вторжения в Чехословакию. Мирная демонстрация буквально через несколько минут была сорвана и разогнана работниками КГБ в штатском. В книге Горбаневской ярко описано это чрезвычайное событие и его последствия.

В дальнейшем Горбаневская продолжала бороться за права человека. КГБ удалось заставить ее замолчать лишь в декабре 1969-го года при помощи психиатрии. Как и в случае Григоренко, основную роль играли здесь психиатры Института имени Сербского, объявившие Горбаневскую душевнобольной и невменяемой.

Давно уже Горбаневская знала о том, что психиатрию в Советском Союзе используют для борьбы с инакомыслием. В 1966 году, когда ей стало известно о принудительной госпитализации ее друга Юрия Галанскова, — его дело на шумело на весь мир, — бывшего центральной фигурой в самиздатской деятельности середины шестидесятых годов, Горбаневская написала горькое стихотворение:

*В сумасшедшем доме  
выломай ладони,  
в стенку белый лоб,  
как лицо в сугроб.*

*Так во тьму насилья,  
лицом весела,  
падает Россия,  
словно в зеркала.*

*Для ее для сына —  
дозу стелазина.  
Для нее самой —  
потемский конвой.<sup>53</sup>*

Впервые чувствительность Горбаневской к правам человека и ее озабоченность политическими вопросами вообще проявились в 1956 году. Тогда — ей было двадцать лет — Горбаневская начала писать стихи с политическим звучанием. В следующем году на Лубянке произошло ее первое столкновение с КГБ. Об этом допросе Горбаневской особенно тяжело вспоминать: данные ею показания были использованы против ее товарищей. Через полтора дня ее выпустили, и она продолжала публиковать свои стихи в двух самиздатских сборниках — «Синтаксисе» и «Фениксе» — и продолжала критиковать несправедливости режима.

В 1959 году, в состоянии острого переутомления (ей приходилось совмещать работу с занятиями на заочных курсах) Горбаневская по собственной инициативе отправилась в больницу имени Каценко. Среди симптомов, на которые она жаловалась были раздражительность, бессонница, головные боли, — главное же, что ее мучило, это неприятное ощущение в кончиках пальцев. Ей было невыносимо прикасаться к бумаге, а также видеть, как к ней прикасаются другие. Услышав шелест бумаги, она приходила в раздраженное состояние. Когда Горбаневская упомянула в разговоре с психиатрами о допросе на Лубянке, те заметно насторожились: нет ли здесь мании преследования, компонента настоящего психоза? Врачи легко могли проверить правдивость ее рассказа, связавшись с КГБ, что они, по словам Горбаневской, вероятно и сделали. Тем не менее, диагноз ей поставленный был: шизофрения.

В апреле 1970-го года, когда комиссия Института имени Сербского обследовала Горбаневскую, чтобы выяснить, являлась ли она вменяемой во время распространения «клеветнических материалов», этот диагноз сыграл роковую роль. В отчете комиссии о госпитализации Горбаневской в больнице имени Кащенко в 1959 году говорилось следующее:

*«На больничное окружение не жаловалась, но вдруг попросила лечащего врача ее выписать, сказав, что опасается сойти с ума через самовнушение».*<sup>54</sup>

Горбаневская вспоминает иначе:

*«... за эти две недели мне стало там настолько худо, что, выбравшись из больницы, я поклялась никогда больше туда не попадать. Надо сказать, что несмотря на поставленный мне тогда диагноз «шизофрения», у меня за последующие годы не было повода помышлять о подобном лечении... да и врачам не приходило в голову предлагать мне это».*<sup>55</sup>

Нам не ясен характер заболевания Горбаневской в 1959 году. Она обнаружила ряд признаков неврастенической депрессии и тревоги. Неприятные ощущения в кончиках пальцев, по всей видимости, представляют собой определённый вид истерической реакции, которая выражается в воздействии невыносимых эмоций на сферу соматическую, и вызывает подчас локализованный паралич, потерю чувствительности, зрения или слуха; подобные изменения обратимы и исчезают при лечении гипнозом или при психотерапии и не имеют органического основания.

После выписки Горбаневская получила инвалидность 3-ей группы и в течение года состояла на учете при районном психдиспансере. Бессоница ее быстро прошла (Горбаневская нам сообщила, что о нарушениях сна в отчете Института имени Сербского за 1970 год говорится ошибочно). В 1963 году Горбаневская окончила Ленинградский Университет и начала работать в качестве переводчика и редактора. Вместе с тем все больше времени она отдавала своей поэзии, все активнее

участвовала в борьбе за права человека. Последующие пять лет были исключительно продуктивными: несколько сборников стихотворений, деятельное участие в правозащитном движении, — нужда в дальнейших психиатрических консультациях, по-видимому, отпала.

В январе 1968 года Горбаневская резко протестовала против суда над Гинзбургом и Галансковым. Она была вдохновительницей коллективного письма председателю Московского городского суда, авторы которого требовали открытого процесса и разрешения на нем присутствовать<sup>56</sup>. Горбаневская вошла также в число тридцати, пославших письмо в «Комсомольскую правду» с протестом против статьи о процессе, ибо факты в ней, как сказано в письме, были искажены до неузнаваемости.

Примерно через месяц — вероятно, из-за активных выступлений в защиту друзей, Горбаневскую в принудительном порядке перевели из родильного дома, куда она легла в связи с грозившим ей выкидышем, в больницу имени Кащенко. Перевод этот был осуществлен в чудовищных условиях, без предварительного извещения не только самой больной, но и ее близких.

Отчет Горбаневской об этом эпизоде, названный «Бесплатная медицинская помощь», читается как страницы из романа ужасов. Обстановка в родильном доме, пишет Горбаневская, действовала на нее угнетающе, она чувствовала, что дома ей было бы лучше. В течение трех суток врачи успокаивали ее, говорили: «Насильно держать не будем», но почему-то все же не выписывали. Неопределенность ее положения, таинственная тактика больничного персонала и заставшая Горбаневскую в роддоме весть о принудительной госпитализации Вольпина в больнице имени Кащенко — все это обостряло ее тревогу.

На четвертые сутки опасения Горбаневской оправдались. Произошло следующее: Горбаневскую посетил дежурный психиатр, начал спрашивать о ее пребывании в психиатрической больнице в 1959 году; он по-

интересовался также, почему накануне Горбаневская отказалась от пищи. Горбаневская объяснила ему, что была расстроена и потеряла аппетит, который вернулся, однако, к концу дня, и тогда она нормально поела. (Психиатры из Института имени Сербского впоследствии ложно мотивировали перевод из больницы имени Кащенко — «отказом от пищи»). На следующий день за Горбаневской пришли друзья, они надеялись забрать ее из больницы. Сделать это им не удалось. Друзьям Горбаневской сообщили, что накануне вечером ее перевели в больницу имени Кащенко — на основании странности в поведении, неоднократных просьб о выписке и отказа от пищи.

Парадоксальным образом, после недельного пребывания в больнице имени Кащенко Горбаневская была выписана как не нуждающаяся в лечении. По отчету Института имени Сербского за 1970 год, в течение этой недели она не проявляла никаких признаков активного нарушения психики; несмотря на это в больнице имени Кащенко у Горбаневской была обнаружена «вялотекущая шизофрения». В последних строках «Бесплатной медицинской помощи» Горбаневская пишет о своем настроении сразу после пережитого испытания:

*«Если меня хотели запугать, выбить из колеи, психически травмировать — из этого ничего не вышло. Я спокойна, спокойно жду ребенка, и ни ожидание, ни рождение его не помешают мне заниматься тем, чем я пожелаю, — в том числе участвовать в каждом протесте против каждого проявления произвола».*

На протяжении дальнейших лет Горбаневская неуклонно придерживалась этой программы.

Весной 1968-го года вышел первый номер «Хроники текущих событий». Горбаневская была зачинательницей этого смелого предприятия. Она «организовала выпуск «Хроники», ее деятельность во многом определяла стиль, структуру и принципы» этого издания<sup>57</sup>. Несколькими месяцами позже Горбаневская приняла участие в демонстрации на Красной площади и была

задержана сотрудниками КГБ. Правда, через несколько часов ее выпустили, но в покое оставили ненадолго: одиннадцать дней спустя ее повезли в Институт имени Сербского, где подвергли амбулаторному обследованию. Эту акцию власти легко могли объяснить давнишними жалобами Горбаневской на состояние ее психического здоровья и двухкратным ее пребыванием в больнице имени Кащенко.

Описанное Горбаневской обследование поражает своей абсурдностью. Председатель комиссии профессор Лунц повел беседу, очень мало походившую на обычное обследование:

*«Я прекрасно знала, кто такой Лунц, и что ни от каких моих ответов не будет зависеть результат экспертизы, но вела себя спокойно, отвечала на все вопросы — и о давней своей болезни, и о Чехословакии, и о том, нравится ли мне Вагнер. Вагнер мне не нравится. Какое значение этот вопрос может иметь для экспертизы? Кого можно считать вменяемым — того, кому нравится Вагнер или того, кому он не нравится? Нет, это я сейчас задаю вопросы. Лунцу я просто сказала: нет, не нравится. — А кто нравится? — Моцарт, Шуберт, Прокофьев».<sup>58</sup>*

Через неделю Горбаневская узнала о результатах обследования: «глубокая психопатия, не исключено наличие вялотекущей шизофрении», рекомендация комиссии — «считать невменяемой и направить на принудительное лечение в спецбольницу»<sup>59</sup>. Но, проявив редкую в таких случаях независимость, прокурор пренебрег рекомендацией Института имени Сербского и прекратил дело против Горбаневской ввиду ее психического заболевания, а также из-за того, что она является матерью двух малолетних детей. Вместо госпитализации ее отпустили под опеку матери...

«Полдень» появился в самиздате к концу 1969-го года и имел широкое хождение среди инакомыслящих. В мае того же года Горбаневская вошла в число основателей Инициативной группы по защите прав человека. В

первую годовщину вторжения в Чехословакию группа диссидентов, в состав которой входила Горбаневская, выпустила декларацию. В ней говорилось о «боли, испытываемой нами за свою родину, которую мы хотели бы видеть истинно великой, свободной и счастливой» и о том, что «народ, угнетающий другие народы, не может быть ни свободным, ни великим»<sup>60</sup>. Трое из семнадцати подписавших Декларацию — Горбаневская, Григоренко и Леонид Плющ — расплатились за свою смелость муками принудительного лечения в специальной психиатрической больнице.

В октябре 1969-го года Горбаневской позвонили из канцелярии главного психиатра Москвы доктора И. К. Янушевского и пригласили на обследование, поскольку считали желательным — было сказано по телефону — снять ее с психиатрического учета.

«Больная» провела в обществе Янушевского и примерно дюжины его коллег около получаса. Кое-кого из присутствующих она узнала — это были психиатры диспансера, с которыми она имела дело в прошлом. Комиссию интересовали, среди прочего, госпитализация Горбаневской почти два года назад, отказ от пищи в родильном доме и — как сама она оценивает свое поведение, не считает ли себя душевнобольной. После совещания, длившегося около двух часов, Янушевский сообщил ей заключение комиссии: «никаких симптомов шизофрении не обнаружено, однако установлены явные признаки психопатической личности». И хоть само по себе это не составляет болезни, а является лишь характерологической чертой — есть основания опасаться осложнений психического порядка. Следовательно, необходимо оставить ее на учете с тем, чтобы в случае надобности за ней было установлено наблюдение. В настоящее время, однако, в стационарном лечении она не нуждается<sup>61</sup>.

Горбаневская была озадачена поведением Янушевского. Даже в 1976 году, когда мы с ней беседовали, она по-прежнему затруднялась найти какое-либо объ-

яснение. У нее, правда, сложились за это время две гипотезы: или КГБ собирался отправить ее не в больницу, а в лагерь, и поэтому намекнул Янушевскому, чтобы тот снял диагноз вялотекущей шизофрении, поставленный в больнице имени Кащенко, или сам Янушевский, понимая неминучесть акции КГБ против инакомыслящей, по собственной инициативе решил сковать действия КГБ, лишить его возможности настаивать на принудительном лечении и таким образом и самому избежать участия в этой процедуре — ведь к тому времени злоупотребление психиатрией в СССР начало привлекать внимание мировой общественности. Так или иначе, намерения КГБ вскоре стали ясны.

24-го декабря 1969 года Горбаневской было предъявлено обвинение в клевете на советский строй — статья 190-1. Во время обыска, предшествовавшего аресту, у нее произошла стычка с одним из следователей из-за того, что он пытался конфисковать сугубо личный материал, и Горбаневской предъявили дополнительно обвинение по статье 191 — сопротивление должностному лицу, находящемуся при исполнении служебных обязанностей.

После трех месяцев предварительного заключения в Бутырьках Горбаневскую перевели в Институт имени Сербского. Там ее обследовала комиссия, в которую вошли доктор Г. Морозов и профессор Лунц. В заключении комиссии сказано:

*«Горбаневская страдает хроническим психическим заболеванием в форме шизофрении... настоящая психиатрическая экспертиза обнаружила у Горбаневской изменение эмоционально-волевой сферы и мышления и недостаточную критику, которые являются характерными при шизофрении. Поэтому, как психически больную, в отношении инкриминируемых акций, совершенных в болезненном состоянии, ее следует считать невменяемой. Ввиду ее психического состояния и в связи с настойчивостью патологических характеристик, обуславливающих ее пове-*



*дение, Горбаневская должна быть признана невменяемой и помещена на принудительное лечение в психиатрическую больницу специального типа».<sup>62</sup>*

## ЗАМЕЧАНИЯ ПО ЭКСПЕРТИЗЕ ИНСТИТУТА СЕРБСКОГО

Загадочным образом заключение комиссии Янушевского находится в остром противоречии с последовавшим в скором времени диагнозом *хронической шизофрении*, установленным в Институте имени Сербского. Последний вывод был сделан на основании изменения мыслительных процессов, якобы обнаруженного у Горбаневской и считающегося характерным для шизофрении. Однако о мыслительных процессах в заключении комиссии упоминается всего один раз, они характеризованы как «подчас паралогичные и непоследовательные». Никакими примерами это высказывание не подкреплено. Другие признаки болезни, будто бы установленные у Горбаневской Институтом имени Сербского — патологические изменения эмоциональной сферы и недостаточная критика — также ни одним из приведенных примеров не подтверждаются. Между тем, как раз эти симптомы и играют решающую роль при диагностировании шизофрении. Примеры же, которые приводятся, указывают, напротив, на то, что перед комиссией стоит человек, прекрасно понимающий, зачем его подвергают обследованию, охотно вступающий в контакт, соблюдающий спокойствие и не стремящийся скрыть наличие кратковременного душевного заблуждения в прошлом.

Удивительно и толкование комиссией политических взглядов Горбаневской. Во время обследования испытуемая изложила свое мнение о причинах, заставивших власти провести психиатрическую экспертизу и рассказала об этических принципах, на которых она строит свою деятельность. Ее замечания взяты в кавычки и

подаются с таким расчетом, чтобы произвести впечатление паранойального бреда. Несмотря на это, высказывания Горбаневской вполне разумны — для тех, по крайней мере, кто не считает ненормальным открытое проявление свободомыслия. По мнению Горбаневской, ее послали на экспертизу, т.к. это «на руку прокурору» и «способствует избежанию шума». Но ведь на самом деле использование психиатрии в политических целях во многом объясняется именно этими двумя факторами.

Далее цитируются слова Горбаневской: «Я поступала так, чтобы в будущем не пришлось краснеть перед собственными детьми». Искреннее объяснение моральной основы ее действий — истолковано психиатрами как потеря критики. Горбаневская «не осуждает свои поступки», — докладывает комиссия, — она «непоколебимо уверена в своей правоте». Интеллектуальные ее способности были настолько омрачены, — дается понять в заключении, — что публикация «Полдня», обращение в Комитет прав человека при ООН и другие подобные поступки не рассматривались ею как уголовные преступления по существу.

В ходе исследования всех доступных материалов о Горбаневской, а также ее собственных сочинений, сделанного одним из авторов этой книги (С. Б.) совместно с двумя другими психиатрами, не удалось обнаружить никаких значительных доводов для диагноза шизофрении<sup>63</sup>. Группа из 44-х английских и других европейских психиатров в своей оценке личности инакомыслящей признала, что в прошлом, как явствует из диагностических отчетов, Горбаневская испытывала некоторые симптомы психического заболевания, но симптомы эти были «незначительны, для борьбы с ними довольно было двухнедельного добровольного стационарирования, после чего на протяжении семи лет, предшествовавших демонстрации на Красной площади, симптомы ни разу не возобновлялись». Диагноз и госпитализация Горбаневской, — сделали вывод психиатры, —

объясняются скорее причинами политического характера, нежели медицинского<sup>64</sup>.

К подобному же выводу приходит еще один английский психиатр, доктор Сидней Кроун. В своем обширном докладе он пишет, что на основании тщательного анализа материалов он не находит...

*«...достаточно убедительных свидетельств, что Горбаневская страдает таким серьезным душевным заболеванием как шизофрения. В частности, представляется невозможным, чтобы за период в несколько месяцев, разделяющий две экспертизы, у нее могли произойти столь сильные изменения, что признаки истерии в психопатической личности, по определению доктора Янушевского, переросли в «хроническую душевную болезнь в форме шизофрении». К тому же, не представлен материал, который бы недвусмысленно и подробно говорил о нарушениях мыслительного и эмоционального процессов, необходимых для установления диагноза «шизофрения.»»<sup>65</sup>*

По мнению доктора Кроуна, стационарное лечение в случае Горбаневской не показано; она скорее, нуждается в амбулаторном лечении с помощью транквилизаторов, психотерапии и возвращения в домашние условия.

## СУД НАД ГОРБАНЕВСКОЙ

Процесс по делу Горбаневской состоялся 7-го июля 1970-го года в здании Московского городского суда. Подробный отчет о процессе объемом в 20 страниц стал вскоре достоянием самиздата<sup>66</sup>; своим появлением он во многом обязан активному участнику движения за права человека В. Чалидзе. Из двух десятков друзей Горбаневской, пытавшихся попасть на процесс, в зал суда допустили лишь его одного. Во время процесса (подсудимая не принимала в нем участия по «состоянию здоровья») адвокат Каллистратова, снова прибегнув к тактике, которая была использована ею в по-

пытке защитить Григоренко, заявила о необходимости проведения повторной экспертизы. Всего лишь через шесть месяцев, — аргументировала защита, — после заключения комиссии Янушевского о том, что основания для диагноза шизофрении и для госпитализации — нет, комиссия доктора Морозова пришла к прямо противоположному выводу. Далее защита утверждала, что в отчете комиссии Института имени Сербского легко увидеть целый ряд изъянов — так, «не указывается в нем форма шизофрении, не приводится ни одного симптома расстройства психической деятельности». Защита также ходатайствовала о приобщении к делу писем Горбаневской к детям и матери и о вызове в суд свидетелей, знавших Горбаневскую на протяжении многих лет, хорошо разбирающихся в ее характере, образе жизни и поведении.

Обвинение отвело все ходатайства защиты: необходимости в повторной экспертизе пока нет, поскольку заключение экспертов-психиатров нельзя объявлять необоснованным до его исследования в судебном заседании; дело достаточно полно документировано и необходимости в дополнительном материале, равно как и в свидетелях, не испытывается.

У нас, к сожалению, нет доступа к письмам Горбаневской, написанным до суда, но мы располагаем теми, что она отправила домой из Бутырской тюрьмы после приговора\*. Отраженные в них аспекты личности Горбаневской явно противоречат одному из главных пунктов заключения Института имени Сербского. Исполненные нежности к близким, логичные по изложению, письма эти не содержат в себе ничего, что говорило бы о нарушении мыслительных и эмоциональных процессов. Вот довольно типичная выдержка из ее письма к сыну Ясику, на его день рождения:

---

\*) Владимир Буковский к копиям этих писем, отправленных им на Запад, приложил записку от себя. В записке он сообщает, что ранние письма Горбаневской (на них ссылалась Каллистратова) не отличаются по стилю от этих и поэтому «не удивительно, что эксперты-психиатры отказались их изучать».

«... Вообще я все время вспоминаю всех, независимо от дней рождения, а вас — тебя, Осиньку и бабушку — всегда. Как ты помогаешь бабушке? Научился ли хорошо распоряжаться своим временем, чтобы его хватало на все: на занятия, удовольствия и домашние дела? Знаешь что, вот тебе задание: к следующему свиданию (оно будет в декабре) сделай так, чтобы у тебя не было бессмысленных потерь времени. Пришел из школы, быстро переоделся, быстро сделал уроки, и, пожалуйста, читай, гуляй, слушай музыку. И, конечно, помогай бабушке, особенно в заботах об Осике. А когда придешь на свидание, расскажешь, как выполнил мое задание. Договорились? Я уже жду этого свидания с нетерпением. Я была так счастлива видеть вас и очень хочу скорее увидеть снова. Пиши мне письма каждую неделю, выбери для этого время в субботу или в воскресенье. Присылай рисунки. Целую тебя крепко-крепко».<sup>67</sup>

Заключение Института имени Сербского относительно потери критики у Горбаневской никак не подтверждается следующей, например, выдержкой из ее письма к матери:

«Мамочка, мне очень жаль, что письма мои к тебе не доходили. Попытаюсь кратко сказать самое главное. Я считаю правильным и оправданным все, что я делаю. Но страдаю из-за того, что расплачиваться за мою правильную деятельность приходится тебе и детям. Тяжесть, которая приилась на тебя, эту тяжесть я вполне ощутила только в тюрьме — раньше мне казалось, что будут только мои мучения, мои лишения. Поэтому поверь: когда бы и откуда бы я ни вышла, я сделаю все, чтобы остаток своих лет ты дожидала спокойно, и воздержусь (как ни печально) от всей этой деятельности».<sup>68</sup>

Комиссия Института имени Сербского явно считала характер отношений Горбаневской с ее детьми и матерью немаловажным фактором для диагноза: «Не проявляет беспокойства по поводу судьбы детей»; «об-

наруживает недоброжелательное отношение к матери»<sup>69</sup>. Приведенные отрывки из писем Горбаневской несомненно опровергают подобные оценки ее личности. Более того, сама мать Горбаневской опровергла заключение комиссии Института имени Сербского: в своих показаниях на суде она заявила, что Горбаневская — «заботливая мать и очень любит своих детей». Она всегда была и заботливой дочерью, — сказала мать Горбаневской, — и хотя у них бывали разногласия — «ни о какой враждебности говорить нельзя»<sup>70</sup>.

О душевном здоровье Горбаневской свидетельствует показание двух ее подруг, обратившихся с открытым письмом к советским психиатрам. В письме говорится:

*«Мы, ее близкие друзья, давно и хорошо знаем Наташу, ее образ мыслей и действий, ее характер. И мы утверждаем, что заключение экспертизы неверно. Никаких признаков душевного заболевания мы у Наташи не наблюдали, а если бы таковые появились, мы первые приняли бы все необходимые меры для лечения ее.*

*Мы знаем, в противоположность утверждению экспертизы, что Наташа с нежной заботливостью и любовью относилась и относится к матери (об этом свидетельствуют ее письма), что переводы с различных языков давали ей возможность прокормить себя и свою семью».*<sup>71</sup>

Но вернемся к суду. В своих показаниях профессор Лунц отвечал на вопросы, поднятые Каллистратовой, в таких же туманных выражениях, какие характеризуют заключение комиссии. Он заявил, например, что...

*«... вялотекущая шизофрения не характеризуется яркими психопатическими явлениями, такими, как бред, галлюцинации и т. п. Болезнь протекает с сохранением трудоспособности и прежнего интеллектуального уровня и навыков».*<sup>72</sup>

Из одиннадцати вопросов, которые поставила Лунцу защита, суд разрешил лишь шесть. Последовавшая процедура весьма любопытна: она обнаруживает уязви-

мость утверждения советских психиатров, будто при судебном разбирательстве они функционируют как полностью независимые свидетели. Когда Лунцу был представлен список вопросов, профессор сослался на необходимость обратиться при составлении ответов к медицинской документации, хранящейся в архиве Института. Эта процедура заняла бы у него не менее суток. Судья объявил было перерыв до следующего дня, но тут же заменил свое решение другим, в результате чего перерыв был сокращен и длился один час. Лунц, судьи и прокурор направились тогда в смежную с залом суда комнату и провели там большую часть перерыва в тайном совещании. Затем заседание возобновилось, и Лунц стал отвечать на вопросы защиты.

По его словам, Горбаневская страдает вялотекущей шизофренией, при которой «отсутствует яркая симптоматика», но вместе с тем происходят изменения мышления и эмоционально-волевой сферы. Память, прошлые знания и навыки при этом сохраняются. В настоящее время у больной намечаются известные сдвиги, но несмотря на то, что, поверхностно говоря, они могут быть названы улучшением — «с теоретической точки зрения», так считать было бы ошибочно<sup>73</sup>. Какой бы нормальной Горбаневская ни представлялась своим знакомым, с точки зрения психиатра, она все еще больна.

Необходимость госпитализации Горбаневской в больнице *специального* типа Лунц объясняет тем, что тамошний режим облегчает адаптацию больной к условиям, в какие она попадет после выписки. В данный же момент общественная опасность Горбаневской особенно велика из-за того, что патологические изменения психики, — среди прочего, потеря критического отношения к собственному состоянию, — сочетаются у нее с сохранением отдельных сторон ее личности.

Профессор не стал объяснять, в чем заключается общественная опасность Горбаневской и какую она представляла собой угрозу обществу. Никаких дан-

ных, указывающих на агрессивность подсудимой, выдвинуто не было. Другое дело — убеждения Горбаневской — те самые, что побудили ее «клеветать на государственный строй». Не их ли имел в виду профессор Лунц?

Ответ на этот вопрос — в речи прокурора. Изъявив свое удовлетворение «подробным» отчетом Лунца о психическом состоянии подсудимой и сказав, что мнения авторитетных лиц надо уважать, он перешел к обвинениям, предъявленным Горбаневской по статье 190-1 в «клевете на советский строй».

В своей защитной речи Каллистратова сказала, что ее подзащитная, талантливая поэтесса и переводчица (об этом умалчивала экспертиза Института), до самого дня ареста успешно работала в своей области, зарабатывая достаточно для содержания своей семьи. Госпитализация Горбаневской отразится на ее близких. Факт психического заболевания не подтвержден никакими доказательствами. Экспертиза Института имени Сербского полна существенных недостатков, ее заключение противоречит выводам комиссии Янушевского. Отклонение всех ходатайств защиты, направленных на проверку, и исследование заключения экспертизы, является нарушением прав подсудимой.

Все это не оказало ни малейшего воздействия на суд, постановивший, что Горбаневская в состоянии невменяемости совершила действия, подпадающие под статьи 190-1 и 191, и подлежит помещению в психиатрическую больницу специального типа для принудительного лечения. Кассационная жалоба, заслушанная три месяца спустя, была отвергнута<sup>74</sup>, и в январе 1971-го года Горбаневскую перевели в Казанскую специальную психбольницу<sup>75</sup>. К этому времени она находилась в заключении уже более года. До окончательной выписки Горбаневской было суждено провести в заключении еще тринадцать месяцев: девять — в Казани и четыре — в Институте имени Сербского. В ожидании своего перевода из Бутырок в Казань она объявила голодовку.



Декларация Горбаневской свидетельствует о силе ее духа:

*«В знак солидарности с политзаключенными Мордовских лагерей, Владимирской, Лефортовской и Бутырской тюрем, Ленинградской, Казанской, Черняховской спецпсихбольниц и других мест заключения, в знак протеста против антиконституционных политических преследований и, в частности, против моего ареста, длительности заключения и заведомо ложного признания меня невменяемой, объявляю голодовку с 5-го декабря — Дня Конституции по 10 декабря — День Прав Человека».*<sup>76</sup>

## В КАЗАНИ

Горбаневская описала некоторые подробности пережитого ею в Казани. О лекарствах она вспоминает следующее:

*«Нам давали галоперидол каждый день без исключения. Вскоре я ощутила его тяжелое побочное действие; у меня появились симптомы болезни Паркинсона, т.е. дрожание рук. Я вдруг потеряла способность читать и последовательно писать. Начались трудности со сном».*

Отношение врачей было «абсолютно циничным». Двух из них она описывает так:

*«Фамилия начальницы одной секции была Волкова. Она была как бешеный зверь; политических заключенных она ненавидела. На мои слова, что я плохо переношу галсперидол, она ответила, что это оттого, что доза недостаточна, и удвоила ее. В другой секции главврачом была Никифорова. Она приятнее, хоть и не очень умна . . . Она меня жалела из-за детей. Она уменьшила дозу галоперидола и разрешила принимать корректоры (снижающие побочные явления), присланные из дома. В советских больницах не имеется достаточного количества этих корректоров».*<sup>77</sup>

Доктор Никифорова, по словам Горбаневской, женщина глубоко провинциальная, типичная конформистка. «Никогда еще мы не держали здесь такую антисоветчицу, как вы», — сказала она Горбаневской. Между тем, в Казани сидело много «больных», которым предъявлялось обвинение по статье 70. Горбаневская же обвинялась по относительно невинной — 190-1. Другое высказывание Никифоровой вполне в духе сталинской эпохи: жаль, что антисоветских писателей не приговаривают теперь к смертной казни, — посетовала она.

Врачи предлагали Горбаневской отречься от ее прежних убеждений. Согласившись в конце концов покаяться — но только в устной форме — Горбаневская руководствовалась лишь желанием вырваться как можно скорее из больницы и соединиться с детьми. Она признала, что противоправные действия были совершены ею в состоянии душевной болезни и обещала, что по выписке подобные действия не повторятся. По мнению Горбаневской, психиатры прекрасно понимали, сколь искренним было ее «покаяние» и расценивали всю процедуру как игру в «кто-кого», причем проявили себя большими знатоками этой игры: даже если Горбаневская способна симулировать покаяние, — шутили они, — все равно эта способность говорит об улучшении ее состояния.

Все понимали, конечно, что раскаяние Горбаневской несерьезно. Понимал это и Лунц, обследовавший Горбаневскую в июне 1971-го года. Он, правда, шутить расположен не был: «Если вас выпустят, ваши друзья тотчас вовлекут вас в прежнюю деятельность, несмотря на ваши сегодняшние заверения, — сказал он. — Вам бы следовало сменить круг ваших знакомых»<sup>78</sup>.

Отречение Горбаневской не получило огласки и ни разу не упоминалось врачами во время ее посещения районного диспансера, где она состояла на учете после выписки. Однако у властей оставалась возможность им воспользоваться в борьбе как против самой Горбанев-

ской, так и против всего демократического движения в целом.

Явное желание Лунца и казанских психиатров от нее отделаться было вызвано, как считает Горбаневская, тем, что о ней стало известно на Западе, и ее госпитализация все больше привлекала внимание общественности. Ее книга уже была издана в Германии и, что важнее, обнародованы были документы Буковского, — после их появления возросла озабоченность злоупотреблением психиатрией. Поскольку в материалах Буковского Горбаневской отводилась одна из ведущих ролей, а также в связи с приближением конгресса Всемирной Психиатрической Ассоциации в Мексике, она становилась далеко не самым «удобным» пациентом. Состоявшаяся в июне комиссия психиатров Института имени Сербского рекомендовала к выписке необычайно большое число обитателей Казанской больницы, значительный процент которых составляли политические. Комиссия решила «в принципе» рекомендовать Горбаневскую к выписке; окончательное решение зависело от результатов стационарного обследования в самом Институте.

Таким образом в октябре 1971-го года Горбаневская вновь очутилась в Институте имени Сербского. Через два месяца комиссия утвердила прежнюю рекомендацию об освобождении Горбаневской «в принципе». После этого прошло еще два месяца, и лишь тогда ее выписку санкционировал суд. Нерешительность властей, — только ею и можно объяснить неслыханно длительный срок пребывания в Институте им. Сербского, — по-видимому, была вызвана страхом перед конгрессом психиатров в Мексике. Поначалу Советский Союз опасался осуждений. Но когда конгресс закончился, так и не осудив методов психиатрии в СССР, КГБ, вероятно, заколебался, — Горбаневская могла разделить участь политических заключенных Ленинградской спецбольницы, намеченных было к выписке, но так и оставшихся в неволе. Надо сказать все же, что у Горбанев-

ской было преимущество: ее книга вышла на нескольких языках, и КГБ, конечно, должен был это учесть. Горбаневская вернулась домой в феврале 1972-го года, проведя в заключении в общей сложности два года и два месяца.

## ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ СОБЫТИЙ

В течение четырех лет после освобождения, вплоть до своей эмиграции во Францию, Горбаневская продолжала участвовать в демократическом движении. Правда, деятельность ее не была теперь такой заметной, как раньше. Горбаневская не подписывала воззваний, не вступала в правозащитные группы, не выходила на демонстрации. Вместо всего этого она анонимно собирала материал для «Хроники» и участвовала в оказании помощи узникам совести и их семьям, переписывалась с политическими заключенными (ей даже дважды удалось навестить одного из них, томящегося в Сычовской спецпсихбольнице). В 1973 году Горбаневская написала и распространила в самиздате стихотворение, посвященное Юрию Галанскому, которому ничем уже нельзя было помочь: он погиб в лагере в возрасте 33-х лет<sup>79</sup>.

Хотя эта деятельность не привела Горбаневскую к непосредственному столкновению с КГБ, органы не упускали ее из своего поля зрения. Они вели тщательное наблюдение за Горбаневской через психиатров ее районного диспансера. Так, например, в марте 1973-го года во время пребывания в Ленинграде она заметила за собою «хвост». Тотчас же после возвращения в Москву ее вызвали в диспансер.

«Зачем вы ездили в Ленинград? С кем встречались? У кого остановились?»<sup>80</sup> — спросили ее психиатры, обнаружив при этом не совсем профессиональное любопытство.

Подобные вопросы полицейского характера задава-

лись ей всякий раз, когда она приходила в диспансер. Горбаневская старалась избегать этих медицинских «консультаций» и ей удавалось являться в клинику лишь раз в два-три месяца, несмотря на то, что вызывали ее туда каждый месяц.

Формально психиатры обращались с ней как с амбулаторной больной, страдающей хроническим заболеванием, но о лечении почему-то никогда не заговаривали. Их метод помощи «больной» сильно отличался от подхода к Горбаневской в Институте им. Сербского, где два или три раза в день ее «лечили» галоперидолом, даже и в последние два месяца — после того, как ее рекомендовали к выписке. Специалисты из Института им. Сербского заверили Горбаневскую, что она обречена принимать лекарства всю жизнь, ибо шизофрения — пусть сейчас и в стадии ремиссии — будет ее пожизненным спутником.

В течение двух лет Горбаневская терпела психиатров диспансера, делала вид, будто регулярные полицейские допросы под маской медицины нисколько ее не раздражают. Но в 1974 году ее терпение лопнуло, и она написала заявление на имя директора диспансера с жалобой на то, что беседы с ней проводятся по сценарию КГБ, и отказалась участвовать в них в будущем.

Врач Огородникова владела, однако, внушительной властью. Горбаневская состояла на учете и не имела юридического права уклоняться от посещений клиники по вызову. «Это еще что за глупости! — возмутилась Огородникова. — Если вы отказываетесь прийти к нам, мы явимся к вам!»<sup>81</sup>. Тут Горбаневская вспомнила об обещании, данном матери — не причинять ей больше страданий, и уступила. Она сказала, что будет приходить в диспансер, но потребовала, чтобы заявление ее было занесено в протокол.

Несмотря на это свое отступление, Горбаневская продолжала бороться за освобождение из-под надзора психиатров диспансера по другим каналам. Как ей объяснили, такая просьба может быть удовлетворена

лишь по истечении не менее пяти лет со дня подачи заявления на имя главного психиатра Москвы. Обдумав свое положение, Горбаневская пришла к выводу, что и через пять лет ее шансы на успех минимальны — все равно она будет считаться «отъявленным диссидентом», и все так же КГБ будет руководить действиями психиатров. Свобода Горбаневской, хотя ей и удалось вырваться из Казанской СПБ, оказалась мнимой.

Не удивительно, что Горбаневская обратилась к единственному оставшемуся ей выходу — к эмиграции. Со дня подачи заявления с просьбой о выездной визе и до состоявшегося примерно через год выезда, диспансер ни разу ее не побеспокоил. Решение эмигрировать, по видимому, расценивалось властями как признак внезапного исцеления.

18-го декабря 1975-го года Горбаневская прибыла со своими двумя сыновьями в Вену. Через два дня она выпустила обращение в защиту ожидавшего суда одесского электротехника Вячеслава Игрунова<sup>82</sup>.

Игрунов был обвинен в распространении самиздата, после чего направлен на экспертизу в Институте им. Сербского, которая признала его невменяемым. Быть может, обращение Горбаневской подействовало: Игрунова поместили в больницу общего типа, а не в специальную.

Горбаневская обосновалась в Париже и вошла в редакцию «Континента» — литературно-политического журнала, созданного советскими эмигрантами в 1974 году. Она по-прежнему остро реагирует на нарушения прав человека в Советском Союзе и озабочена участью своих товарищей по инакомыслию, все еще томящихся в тюрьмах, лагерях и психиатрических больницах.

Эта ее озабоченность, а также сочувствие, здравый смысл и острый ум особенно поразили нас, когда дважды в июле 1976-го года нам довелось подолгу с ней беседовать. Трудно было поверить, что мы имеем дело с человеком, страдающим «вялотекущей шизофренией».

## ЦЕНТРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ СЕРБСКОГО

Центральный научно-исследовательский Институт им. Сербского играет ключевую роль в системе принудительной госпитализации и поэтому заслуживает хотя бы сжатого очерка. Единственное неофициальное подробное описание этого заведения содержится на 200-х страницах рукописи советского диссидента Виктора Некипелова. Фармацевт по специальности и поэт, Виктор Некипелов был арестован в 1973 году за распространение самиздата. Демократическая деятельность привела его к знакомству с Леонидом Плющем в Киеве и с многочисленными единомышленниками в Москве. Власти обвинили Некипелова по статье 190-1, и в январе 1974-го года он был направлен в Институт им. Сербского. Там он провел два месяца, но был признан вменяемым, — как он полагает, благодаря западной кампании 1973-го года против злоупотребления психиатрией в СССР. Некипелов был осужден на два года лагерей<sup>83</sup>. После освобождения в 1976 году он выпустил в самиздате свой труд под названием «Дурдом: Записки об Институте им. Сербского»<sup>84</sup>. Рукопись его основана частично на дневнике, который он вел во время своего пребывания в Институте, частично на воспоминаниях и — в меньшей мере — на рассказах товарищей по несчастью. В записках нет ничего особо сенсационного, их ценность в том, что они подтверждают сведения, известные нам из других источников (включая официальные) и представляют собой тщательный, систематизированный, подробный отчет, снабженный к тому же множеством примеров. На каждом шагу Некипелов добросовестно оговаривает пределы своей осведомленности. Так, он подчеркивает, что его информация охватывает лишь 4-е отделение, куда, по всей видимости, направляются инакомыслящие.

Некипелов не сомневается, что Институт, формально состоящий в ведении Минздрава, находится под стро-

гим контролем МВД. По мнению Некипелова, почти все члены персонала имеют тот или иной военный чин МВД: врачи там — офицеры; медсестры, санитары — сержанты и рядовые. Охрана, патрулировавшая коридор 4-го отделения, скрывала под белыми халатами звездочки погон. У Лунца, по словам «хорошо осведомленных людей» (служащих Института, вероятно), к 1974 году был чин генерал-майора.

Институт возглавляет доктор Георгий Морозов, играющий, как мы знаем, активную роль в деятельности отделения. Всего в Институте 7 отделений; в 1974 году в их пределах было заключено около 300 человек, два отделения были переполнены, так что люди лежали на полу. 4-е отделение специализировалось на шизофрениках определенного типа, 7-е — на алкоголиках, а в 5-ом содержались женщины. В Институте имеется большая аудитория, в ней постоянно проводятся семинары и всевозможные курсы для студентов юридических и медицинских институтов. В 4-м отд. расположены 34 койки, они распределены по шести палатам. Три палаты (в общей сложности 10 коек) отведены под «бокс» для обвиняющихся в наиболее серьезных политических и уголовных преступлениях. «Бокс» отделен от прочих палат и находится под усиленной охраной. За два месяца пребывания в Институте Некипелову ничего не удалось узнать о тех, кто заключен в «боксе». Самому ему туда попасть не пришлось. Поскольку в остальных трех палатах — в одной из них и очутился Некипелов — всего было 24 койки, а средний срок пребывания — не больше месяца, — он перевидал около 50-ти человек, с 30-ю из которых ему довелось побеседовать. Политическими оказались лишь двое. Пробел в сведениях Некипелова восполнила «Хроника»: согласно опубликованному в ней данным, в «боксе» было заключено тогда семь политических<sup>85</sup>. Если учесть, что в 5-ом, женском отделении, в среднем находится обычно двое политических, можно сказать, что за эти два месяца в Институте их было около 12-ти.



Некипелов описывает диагностические и исследовательские тесты, которым подвергали его и других заключенных, и приходит к выводу, что качество исследования и оборудования довольно низко. С другой стороны, условия содержания отличные — чистые палаты, обильная и вкусная пища, на койках — простыни, передачи от родственников принимаются каждую неделю. Многим — не политическим — разрешались свидания. Главное лишение — из-за отсутствия прогулок в зимнее время — недостаток свежего воздуха. Некипелов заявлял по этому поводу неоднократные протесты. В результате — ему в виде исключения были разрешены короткие прогулки в больничном дворе.

Более серьезный протест Некипелова вызывают используемые в 4-м отделении методы воздействия на обследуемых. Многих подвергали «разморозке»\*, после которой врачи вели допрос. Были даже случаи, Некипелову пришлось при одном присутствовать, когда женщины-врачи пускали в ход более естественное средство, — они пытались развязать больным язык при помощи заманчивых посулов. Широко практиковалось пользование транквилизаторами, применявшимися в особо больших дозах в качестве карательной меры. Некипелов расценивает это как самоуправство, ибо задача врачей — установление диагноза, а не принудительное лечение, предписание которого входит в компетенцию суда. Некипелов возмущен также и тем, что психиатры оказывают грубое давление на подсудимых, добиваясь их согласия на спинномозговую и желудочную пункцию. Он долго находился под тяжелым впечатлением от устрашающих воздействий, произведенных такой пункцией на его товарища, которого подвергли процедуре без соблюдения необходимых мер предосторожности.

В заключение Некипелов набросал портреты почти

---

\*) Т.е. уколом амитала для развязывания языка. Некипелов не разделяет убеждения Буковского и доктора Глузмана в их неэффективности.

всех сотрудников 4-го отделения, в том числе каждого из одиннадцати врачей. Возглавлял его Лунц, доктор Яков Ландау руководил им в его отсутствие и, очевидно, пользовался тем же статусом. Их заместительницей была доктор Маргарита Тальце, немного ниже ее по своему положению — четыре психиатра, имеющие степень доктора наук — Любовь Табакова (ведущая Некипелова), Альфред Азаматов, Альберт Фокин и некая Светлана Макаровна\*. Врачи старательно скрывали свои фамилии, и из младших врачей Некипелову удалось узнать лишь об одной — Валентине В. Лаврентьевой. Имена-отчества остальных — Геннадий Николаевич, Алла Ивановна и Мария Сергеевна.

С пониманием и даже с состраданием пишет Некипелов о судьбе этих врачей, оказавшихся в ситуации, словно бы позаимствованной из мрачного анекдота. часть своего времени они тратят на то, чтобы вырядить в одежды сумасшедших провинившихся диссидентов, а остающиеся часы уходят у них на разоблачение симуляции сумасшествия у уголовников, надеющихся спастись от 15-летнего срока заключения, а то и от смертной казни. Как и Морозов<sup>86</sup>, Некипелов подчеркивает, что в Институте им. Сербского занимаются наиболее сложными, почти неразрешимыми случаями. Обследуемые прибывают сюда со всех концов Советского Союза. По мнению Некипелова, невменяемыми в Институте признают обычно не более 15 процентов. По отношению к диссидентам, однако, — пишет он в конце своей книги, — большинство психиатров проявляет обыкновенный карьеризм, интеллектуальный и политический конформизм — вот в большинстве своем их мотивы. Не фанатизм движет этими людьми, а цинизм, лень или глупость. Это еще раз подтверждает теорию о банальности зла. Некипелов верит: наступит день, когда эти врачи предстанут за свои преступления перед судом. Но как гуманный и чувствительный человек, он выражает надежду, что грядущие суды будут преследовать цели общественно-воспитательные, а не мстительные.

\*) Возможно, С. М. Герасимова, см. Хронику 32.

### **ПРИНУДИТЕЛЬНАЯ ГОСПИТАЛИЗАЦИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫМ ПУТЕМ**

Альтернативой принудительной госпитализации через суд является госпитализация в обход юстиции. В этой главе рассматривается такая процедура в применении к инакомыслящим. Два примера могут служить иллюстрацией этого метода — дело Геннадия Шиманова и Жореса Медведева. История Шиманова также представляет собой пример использования психиатрии в борьбе с религией в СССР.

### **ПРОЦЕДУРА АДМИНИСТРАТИВНОЙ (ВНЕСУДЕБНОЙ) ГОСПИТАЛИЗАЦИИ**

В 1961 году Министерство здравоохранения совместно с Прокуратурой и Министерством Внутренних Дел выпустило «Инструкцию по неотложной госпитализации психически больных, представляющих общественную опасность»<sup>1</sup>. Этот чрезвычайно важный документ почти невозможно получить ни в СССР, ни за его пределами. С огромным трудом нам удалось достать русский текст «Инструкции»; новая редакция, вышедшая из печати в 1971 г., насколько нам известно, на Запад еще не поступала.

Инструкция 1961-го года содержит предписания медицинским работникам на случай срочной принудительной госпитализации; упор делается на предотвращение поступков больного, опасных для окружающих и для него самого. В инструкции сказано: «При наличии

явной опасности психически больного для окружающих и для самого себя, органы здравоохранения имеют право без согласия больного и его родственников и опекунов (в порядке неотложной медицинской помощи) поместить его в психиатрический стационар».

Для осуществления насильственной госпитализации административным путем достаточно решения одного-единственного психиатра, а в местах, где нет психиатрических заведений, любой врач может взять на себя такую ответственность. При этом он обязан подробно изложить медицинские и социальные причины принудительной госпитализации. Если сам больной или его близкие окажут врачу сопротивление — разрешается прибегнуть к содействию милиции. В течение 24-х часов госпитализированный должен быть освидетельствован комиссией из трех психиатров, которая обязана рассмотреть вопрос о правильности стационарирования и определить, нуждается ли больной в дальнейшем пребывании в стационаре. Ближайшие родственники должны быть извещены о постановлении комиссии.

Больной помещается для лечения в отделение больницы, соответствующее его состоянию. Комиссия из трех психиатров обязана переосвидетельствовать больного не реже одного раза в месяц (т.е. в шесть раз чаще, чем при принудительной госпитализации через суд) для решения вопроса о целесообразности дальнейшего пребывания в больнице. Как только психическое состояние больного улучшилось, и его общественная опасность миновала, комиссия врачей дает заключение о выписке. Близких больного оповещают о том, куда он должен являться для регулярных обследований в будущем, если его выпускают на таких условиях. За больными, не имеющими ни родственников, ни опекунов, надзор устанавливает сама больница\*.

---

\* ) Выписанный из больницы, в зависимости от обстоятельств, может подпасть под категории, перечисленные на стр. 26, с наложением на него соответствующих обязанностей и гласных и негласных ограничений.

В отличие от упомянутых пунктов инструкции, относительно четких и точных, перечень болезненных состояний, ведущих к насильственной госпитализации, составлен весьма смутно и допускает разные толкования: «Перечисленные показания к неотложной госпитализации не являются исчерпывающими, а представляют собой лишь перечень наиболее часто встречающихся болезненных состояний, представляющих общественную опасность». Эта оговорка позволяет предписывать принудительную госпитализацию больным (а также здоровым) с какими угодно показаниями. Расплывчатость перечня увеличивается еще из-за одного предложения. В нем говорится, что любое из названных состояний может «сопровождаться внешне правильным поведением и диссимуляцией . . .»

В терминологии списка показаний к госпитализации тоже заметно отсутствие четкости и точности. Так, например, «психомоторное возбуждение при склонности к агрессивным действиям» буквально означает лишь физическое и душевное возбуждение, а не является собой научно-психиатрическую оценку состояния человека. Более обоснована с психиатрической точки зрения следующая формулировка: «неправильное поведение, обусловленное наличием психического расстройства». Здесь перечислены конкретные патологические состояния, влекущие за собой общественную опасность: галлюцинации, бред, синдром психического автоматизма, синдромы расстроенного сознания, патологическая импульсивность. О бредовом состоянии говорится также в отдельной категории, связанной с распадом психики, что может расцениваться большей частью психиатров как потенциальный источник общественной опасности.

Термин «бред» входит и в последний пункт, но употребление его тут настолько странно, что не может не вызвать недоумения. Удобней всего этим пунктом обосновывать административную госпитализацию диссидентов: «Ипохондрические бредовые состояния, обуславливающие неправильное, агрессивное отношение

большого к отдельным лицам, организациям, учреждениям» (курсив наш). «Ипохондрический бред» — представление туманное, оно не встречается ни в западной диагностике, ни в учебниках психиатрии\*. Кроме того, поведение человека, агрессивного по отношению к какой-либо организации или учреждению, направляющего туда, например, письма с угрозами, отличается все же по своей природе от агрессивного отношения «к отдельным лицам». Последнее, разумеется, дает больше поводов для госпитализации. У нас есть свидетельства, наталкивающие на мысль, что указанный пункт инструкции применяется к лицам, упорствующим в своих претензиях к официальным организациям после того, как те их отвергли\*\*.

Еще больше способствовало процветанию произвольных интерпретаций, двусмысленности и неопределенности, порожденных инструкцией 1961-го года, опубликованное в 1969 году специальное постановление Минздрава и МВД «О мерах предупреждения опасных поступков со стороны психических больных». Историк Рой Медведев, тщательно изучивший этот новый документ, говорит о нем: «В постановлении отмечается, что инструкция 1961 г. не получила достаточно широкого применения, и указывается, что в будущем ее использование, необходимое для «предотвращения воз-

---

\*) В руководстве Американской Психиатрической Ассоциации термин «ипохондрический невроз» встречается, однако совсем невероятно, чтобы больной с таким диагнозом нуждался в срочной принудительной госпитализации. (См. «Руководство по диагностике и статистике психических расстройств». Изд. 2-ое. АПА, Вашингтон, 1968)

\*\*) Советский психиатр доктор Феликс Ярошевский, проживающий ныне в Канаде, рассказал нам о процедуре, применяемой к людям, настаивающим на рассмотрении их претензий к тому или иному государственному учреждению — по таким вопросам, как жилищный или пенсионный. По инициативе государственного учреждения, к которому адресуются претензии, жалобщика могут отправить в психиатрическую больницу. В своей книге «О стране и мире» Сахаров пишет: «отчаявшиеся люди осаждают высокие приемные, откуда многих из них, особенно надоедливых, прямым ходом увозят в психиатрические больницы». В 1976 г. диссидент Юрий Орлов утверждал, что ему достоверно известно, что из тех, кто обращается в Верховный Совет, примерно 12 человек в день направляется в принудительном порядке на обследование в психбольницу, причем около половины остается там.

возможности совершения опасных действий со стороны психически больного», станет обязательным»<sup>2</sup>.

Во втором документе речь идет уже о *предотвращении* агрессивных действий, — в связи с этим на психиатров возлагается новая роль: обнаружение «общественно опасных тенденций» у психически больных. Эта своеобразная концепция в постановлении не получает развернутого определения. На практике же была введена система учета, при которой история болезни лица с «общественно опасными тенденциями» хранится не только в местном психиатрическом диспансере, но и в других учреждениях здравоохранения общесоюзного значения, а также в учреждениях МВД\*.

Возможно, время появления нового постановления — 1969 г. — не случайно: за год до этого началось организованное движение в защиту прав человека. Ссылка на недостаточно широкое применение инструкции 1961-го года, по-видимому, привела к более свободному использованию административной госпитализации, — об этом может свидетельствовать заключение в психиатрическую лечебницу в 1970 году Жореса Медведева. Однако кампания протеста, вызванная его случаем, и опасения властей реакции со стороны участников приближавшегося конгресса Всемирной Психиатрической Ассоциации наверно заставили советские власти видоизменить (в августе 1971 г.) инструкцию 61 г. Новая её версия, с которой мы знакомы лишь по выдержкам, опубликованным в «Хронике», была одобрена Прокуратурой и МВД и утверждена Минздравом<sup>3</sup>. Она отличается от инструкции 1961-го года довольно существенно, но нельзя сказать, что замеченные нами изменения носят радикальный характер. Наиболее значительное из них — это опущение оговорки, согласно которой «перечисленные показания к неотложной госпитализации не являются исчерпывающими, а представляют

\*) Может быть, это является составной частью «централизованной системы сбора и анализа данных о больных в СССР»<sup>3</sup>, о которой писал сотрудник Ин-та им. Сербского А. Киселев в «Американском журнале психиатрии», 1972 г., Т. 128, стр. 1019-1022.

сбой лишь перечень наиболее часто встречающихся болезненных состояний, представляющих общественную опасность».

Таким образом, возможности для произвола при решении вопроса о принудительной госпитализации вроде бы ограничены. В новом постановлении также недвусмысленно оговариваются случаи, исключаящие принудительную госпитализацию:

*«Не являются показаниями к неотложной госпитализации аффективные реакции и антисоциальные формы поведения лиц, не страдающих психическим заболеванием, а обнаруживающих лишь такие психические аномалии, как психопатические черты характера, невротические реакции... В тех случаях, когда общественно опасное поведение лица вызывает подозрение о наличии у него психического расстройства, но последнее не является очевидным, это лицо не подлежит неотложной госпитализации»*

Еще два пункта изменены в новой инструкции. Отныне милиция обязана вмешиваться не только при сопротивлении больного или его близких, но и в случае возможности оказания подобного сопротивления. Второе новшество состоит в том, что ближайшие родственники больного должны быть извещены о его госпитализации «не позже, чем через сутки после освидетельствования комиссией». В прежнем варианте срок не указывался.

## ЮРИДИЧЕСКИЙ ПЕРЕСМОТР РЕШЕНИЯ О ГОСПИТАЛИЗАЦИИ

В любой стране — как бы точно ни были сформулированы инструкции по административной госпитализации — психиатры время от времени допускают ошибки и госпитализируют человека неоправданно. Ошибки эти исправляют обычно в результате пересмотра дела юридическими инстанциями. Советское законодательство, однако, исключает возможность такой процедуры. Больному запрещены встречи с адвокатом и — на всех



стадиях госпитализации — отказано в праве апелляции в суд. На эту странность в советском законодательстве обратил внимание американский судья Базелон, посетивший Советский Союз в составе делегации американских психиатров. Он заявил, что в Соединенных Штатах юридические инстанции обеспечивают профессиональный уровень психиатрических решений. «Судьи не считают, что их познания в области медицины глубже, чем у врачей. Суд лишь организует собрания для исследования и оценки действий врача другими экспертами в его области»<sup>4</sup>. Благодаря процедуре судебного пересмотра, — сказал Базелон, — общество оказывается в курсе того, как функционирует система охраны психического здоровья, и таким образом может эффективнее «контролировать государственных чиновников, следить, чтобы те соблюдали все существенные и процессуальные права».

В Советском Союзе, — сообщает Базелон, — отсутствие возможности судебного пересмотра решения о госпитализации объясняют несколькими причинами. Говорят: Министерство здравоохранения осуществляет постоянный надзор над процедурой госпитализации и тем самым гарантирует ее правильное применение; семья больного, предприятие, где он работает, профсоюзные и партийные организации протестовали бы против любой незаконной госпитализации; к тому же — сами психиатры действуют справедливо, поскольку у них нет никаких мотивов госпитализировать больного, кроме медицинских. Базелон оспаривает все эти заявления как сомнительные: о первом он говорит, что ничего не изменится от надзора бюрократии за самой собой; о втором — что семья и прочие названные выше инстанции сами порой поднимают вопрос о госпитализации, и поэтому на них нельзя опираться как на пекущихся о правах госпитализированного; если же они и заявляют протест, нет оснований ручаться, что он будет учтен; третий довод — самый уязвимый: институт судебного пересмотра — базируется как раз на

предположении, что психиатр даже с лучшими намерениями может иногда отклониться от медицинско-юридических норм.

Рой Медведев, после заключения в психиатрическую больницу в 1970 году его брата Жореса, написал критический обзор случаев административной принудительной госпитализации в СССР. Он предложил отменить инструкцию 1961-го года и постановление 1969-го и заменить их рядом новых положений, сформулированных так, чтобы возможность злоупотреблений была устранена. Помимо этого, он считает необходимым ввести дополнительную статью в Уголовный кодекс — об «уголовной ответственности психиатра за госпитализацию в психиатрические больницы здоровых людей»<sup>5</sup>.

## АДМИНИСТРАТИВНАЯ ГОСПИТАЛИЗАЦИЯ И ИНАКОМЫСЛИЕ

Мы располагаем обширным материалом, свидетельствующим, что принудительная госпитализация применяется в Советском Союзе к инакомыслящим, которые не представляли опасности ни для окружающих, ни для самих себя, и не проявляли показаний, отмеченных в инструкции 1961-го года. Впрочем, одно показание, которым власти, хотя и с сильной натяжкой, могут мотивировать расправу с диссидентами, в Инструкции содержится: «ипохондрические бредовые состояния, обуславливающие неправильное, агрессивное отношение больного к отдельным лицам, организациям, учреждениям». Смысл термина «ипохондрический бред» как психиатрического понятия крайне неясен; слова об «агрессивном отношении к организациям», также можно осмыслить как угодно, ибо они дают пищу для самых различных толкований. В чем именно должно выразиться «агрессивное отношение человека к организации», чтобы он был признан невменяемым? В обоих случаях, на которых мы останавли-

ваемся ниже, ответы на этот вопрос находятся в плоскости одного и того же толкования. Жорес Медведев и Геннадий Шиманов, столь разные по своим интересам: один — озабоченный социальными проблемами, другой — религиозной верой, — оба отнесены к категории «общественно опасных». Советский режим усмотрел в их деятельности угрозу и мобилизовал психиатрию в качестве союзника для сохранения установленного порядка.

### ВЕРА В БОГА КАК ИНАКОМЫСЛИЕ:

#### АДМИНИСТРАТИВНАЯ ГОСПИТАЛИЗАЦИЯ

#### ВЕРУЮЩИХ, ДЕЛО ГЕННАДИЯ ШИМАНОВА

О своей госпитализации в московской психиатрической больнице им. Кащенко Геннадий Шиманов рассказывает в захватывающих «Записках из Красного дома»<sup>6</sup>. «Красный дом» — двухэтажное здание, где в мае 1969-го года на протяжении трех недель он проходил «лечение». Никогда Шиманов не был политическим диссидентом, никогда не участвовал в движении за права человека. Он не ученый и не писатель с мировым именем, а всего-навсего — лифтер, но на свою беду — лифтер верующий.

### РЕЛИГИЯ И ЗАКОН

Все три советских конституции\* говорят о свободе совести и отделении церкви от государства. В действительности, однако, советское государство, исходя из марксистской идеологии, усиленной личной нетерпимостью Ленина к религии, начало оказывать давление на верующих вскоре же после Октябрьской революции. Руководители страны не раз пытались искоренить

\*) А ныне и четвертая.

все открытые проявления религии: Сталин провел массовое закрытие церквей в тридцатые годы, но был вынужден открыть их вновь, чтобы заручиться народной поддержкой в борьбе против Гитлера; при Хрущеве была закрыта по крайней мере половина религиозных помещений. Еще в 1929 году были утверждены законы, сводящие на нет принцип отделения и позволяющие государству взять церковь под эффективный контроль.

Особенно широко применялись в преследовании религиозных инакомыслящих две статьи, введенные в уголовный кодекс. Статья 142 предусматривает наказание сроком до одного года в лагерях или денежный штраф за первое нарушение и заключение сроком до трех лет при повторном. Нарушением считается любое из следующих: распространение документов, призывающих к несоблюдению законов о религиозных культах; распространение религиозных предрассудков среди населения; организация религиозных собраний и обрядов, подрывающих общественный порядок; религиозное воспитание малолетних. Статья 227 запрещает основание или руководство какой-либо группой, которое бы под видом исповедания религиозной веры или сотворения религиозного обряда наносило бы ущерб здоровью граждан, их правам, либо привлекало бы малолетних. Нарушители наказываются лишением свободы или ссылкой сроком до пяти лет. Активное участие в подобных группах либо систематическая пропаганда считаются незаконными и наказание за них — лишение свободы или ссылка сроком до трех лет.

Дополнение к статье 227 предусматривает возможность общественного — внесудебного — контролирования религиозной деятельности. «Если действия лиц . . . , а также сами лица не представляют собой большой общественной опасности, к ним могут быть применены меры общественного воздействия». Конкретно меры «общественного воздействия» не названы; расплывчатость формулировки вполне допускает превращение психиатра в единоличного выразителя «общественных

интересов». Похоже на то, что КГБ, привернув к принудительной госпитализации Шиманова, руководствовался дополнением к статье 227.

## ГОСПИТАЛИЗАЦИЯ ШИМАНОВА

В 1962 году в возрасте 25 лет Шиманов испытал духовное перерождение и обратился к религии. Описание начала религиозного пути Шиманова, приведшего его в больницу им. Ганнушкина, можно найти в его автобиографии, опубликованной в самиздате в 1969 году<sup>7</sup>. Жизнь Шиманова стала сплетением неурядиц: он ушел с работы, денег у него не было, над ним нависла угроза преследования за «тунеядство». Главное же, — по его словам, — ему необходимы были уединение и отрешенность от мелочных бытовых забот, чтобы полностью осознать происшедший в нем переворот. Как временное прибежище Шиманов избрал сумасшедший дом.

Симулируя психическую болезнь, он надеялся провести месяц-другой без забот о собственном пропитании. Шиманов пожаловался районному врачу на бессонницу, страх галлюцинаций и на всякий случай добавил, что слышит «голоса». Его не замедлили отправить в больницу им. Ганнушкина с предположительным диагнозом шизофрении.

Вскоре Шиманов обнаружил, что больничные психиатры рассматривают его веру в Бога как нечто патологическое. «Твоя религиозность — болезнь, — говорили они. — Будем лечить тебя и, пока не вылечим, ты отсюда не выйдешь». «Больному» стали впрыскивать инсулин. Шиманов, несмотря на это, вспоминает, что в целом в больнице было «довольно сносно».

Лечение не помогло. Религиозность Шиманова все возрастала, а с нею появилось и желание обратиться к своим друзьям. В конце концов он собрал вокруг себя группу единомышленников.

В мае 1969-го года, через шесть лет после первой

госпитализации, Шиманов получил приглашение явиться на проверку в районный психдиспансер. Поначалу он был несколько озадачен: мысль о том, что приглашение это связано с его религиозной деятельностью, ему в голову не пришла. Повестку он оставил без внимания, т.к. сам не имел оснований сомневаться в своем душевном здоровье. Но в диспансере, по-видимому, считали иначе: трижды в течение следующих четырех месяцев Шиманова навестила медсестра, пытавшаяся уговорить его явиться на обследование. Шиманов отказывался, заявлял, что прекрасно себя чувствует. Последний визит медсестры заметно отличался от предыдущих. Она сообщила, что от КГБ и начальника Шиманова по работе поступили запросы в диспансер о его «неправильном поведении», и врачи диспансера обязаны внести ясность в создавшуюся ситуацию. Обследование можно провести и на дому. В надежде разделаться с этой неприятной возней Шиманов уступил. Позднее в тот же день он узнал, что в его отсутствие приезжала «неотложка» якобы в связи с болезнью его ребенка, но, не застав никого дома, сразу уехала. Несколько дней спустя начальник по работе в присутствии представителя райкома партии сказал Шиманову, что «ходят слухи» о его предосудительном поведении, посоветовал своему подчиненному зайти в диспансер и, не откладывая в долгий ящик, выяснить в чем там дело. Шиманов снова уступил. Представитель райкома тотчас доставил его в диспансер, где врачи сделали Шиманову выговор за неявку по предыдущим приглашениям. Шиманов отстаивал свои права: закона, обязывающего являться к ним, нет, сам же он чувствует себя прекрасно. В таком случае, — возразили врачи, — чем объясняются запросы КГБ? — Ведь, не имея веских оснований, эта организация не станет справляться о чем-либо психическом здоровье — наверно, Шиманов распространял листовки, или участвовал в демонстрации, или — занимался религиозной деятельностью.

Шиманов не стал скрывать свои убеждения, и врачи

тут же вынесли решение о его госпитализации. Они, правда, пообещали Шиманову, что это

*... всего на несколько дней. Мы обязаны ответить КГБ, а что мы им можем сказать, если мы не имеем представления, здоровы вы или нет? Не думайте, будто мы заодно с КГБ. Напротив, наш долг помогать больным и защищать их».*<sup>8</sup>

Санитары проворно усадили Шиманова в машину, доставившую его в двухэтажный «Красный дом» — в больницу им. Кашенко. Там его поместили в 4-ое отделение. Принудительная госпитализация шла полным ходом.

Наутро «больной» предстал перед главным психиатром отделения Германом Шафраном. Как и врач диспансера, Шафран в первую очередь стремился обосновать принудительную госпитализацию Шиманова. И так же, как в диспансере, Шафран успокаивал своего подопечного:

*«Я не следователь, и наша беседа — не допрос. Просто нам с вами надо выяснить причину, вызвавшую ваше помещение в больницу. Кроме того, я позвоню в КГБ узнать, в чем вы обвиняетесь».*<sup>9</sup>

На самом деле, против Шиманова не было выдвинуто ни единого обвинения. КГБ не давал ордера на его арест и не вчинял ему никакого уголовного преступления. Шафран пытался установить, чем объясняется интерес КГБ к личности Шиманова, и спросил, бывали ли у него контакты с КГБ в прошлом. В 1967 году, — сказал Шиманов, — по делу Буковского и Добровольского его однажды вызвали на допрос, т.к. в их записных книжках был обнаружен номер его телефона. И с Буковским, и с Добровольским у Шиманова было лишь шапочное знакомство, но все же вскоре его сместили с поста заместителя командира отряда в Московской Военно-технической академии им. Куйбышева. Врач спросил, участвовал ли Шиманов в каких-либо политических акциях, не говорил ли он в присутствии

друзей такого, что могло быть неправильно понято и доведено до сведения КГБ. Шафран снова успокоил «больного» и пообещал выписать его через несколько дней.

Прошло два дня. Шиманова не выписывали. Вместо выполнения своего обещания, Шафран опять засыпал Шиманова вопросами. На этот раз они касались обращения в веру, госпитализации в больнице им. Ганнушкина и образа жизни за последнее время. Наконец, Шафран добрался до истинной причины госпитализации Шиманова. Проводим отрывок из этой беседы:

*«... Вы только что описали мне свое обращение в веру и православие... Как верующий, вы, конечно, стремитесь обратить и других? — Естественно. — Вот мы и дошли до сути! Видите ли, то, что вы делаете, называется религиозной пропагандой. Разумеется, у нас свобода совести и религиозных отправлений, но свобода религиозной пропаганды у нас отсутствует. Подобная деятельность преследуется по закону».<sup>10</sup>*

Шиманов возразил, что он никогда не выходил за рамки закона. Религиозную пропаганду можно толковать по-разному. Поскольку Конституция гарантирует свободу совести, термин «религиозная пропаганда» употребляется в ограниченном значении и применим лишь к определенному виду религиозной деятельности, которой сам он никогда не занимался. «Что касается разговоров о религии за чашкой чая, — сказал Шиманов, — то ни одним кодексом они не запрещены». «Возможно, нарушения закона и не было, но ведь всем известно, — перешел на доверительный тон психиатр, — что КГБ нет дела до законов». Привлекая людей к церкви, Шиманов наносит ущерб режиму. Нарушений закона здесь нет, и сейчас Шиманова, вероятно, выпустят, но в следующий раз его ожидает принудительная госпитализация через суд и лечение до тех пор, пока он не перестанет представлять собой опасность для общества. В заключение беседы Шафран



предположил, что Шиманов, как человек честный и искренний, не захочет отречься и этим навлечет серьезные неприятности на себя и на свою семью.

Трудно сказать, чем объясняется такая откровенность Шафрана. Может быть, это была попытка помочь «больному» избежать столкновения с карательными методами советской психиатрии. Допустим и другой вариант: врач действовал здесь строго прагматически, исходил из того, что Шиманов вполне здоров, но будет находиться под психиатрическим давлением, покуда не подчинится диктату КГБ. Возможно, конечно, что ничего этого не было: просто Шафран считал Шиманова нуждающимся в лечении от «религиозной мании». Мы располагаем лишь отчетом «больного» и поэтому не можем с уверенностью ответить на этот вопрос. Шиманов разъяснил нам, что врач, сам по себе человек порядочный и справедливый, не мог не подчиниться начальству — от этого зависела его дальнейшая карьера. Впоследствии Шиманов сделал любопытное открытие: 20 лет назад Шафран работал в лагере в должности офицера медслужбы. Шиманов узнал об этом от своего друга, оказавшегося в том же лагере и лечившегося там как-то раз у Шафрана. Друг Шиманова добавил, что в лагере Шафран отличался добротой и состраданием к заключенным.

Одно нам известно достоверно: подход к Шиманову в клинике не имел ничего общего с обычной психотерапией. «Лечение» Шиманова сводилось к воздействию на его религиозную совесть. Шиманову советовали заглушить ее и веру свою держать для себя во избежание тяжелых последствий в будущем — таких, например, как длительное, а то и пожизненное заключение в психиатрической больнице.

Вскоре жена Шиманова узнала от Шафрана, что КГБ предписал задержать ее мужа еще на неделю. Надежда на скорое освобождение стала улетучиваться. Разумеется, влияние Шафрана в вопросах подобного рода было ограничено, но все же через несколько дней

он пообещал, что лично будет настаивать на выписке Шиманова, так как «никакие лекарства образ мыслей больного не изменят».

Шиманов прислушался к совету врача и заявил, что скрепя сердце готов воздержаться от «религиозной пропаганды». Шафран посоветовал еще: «Повторите то, что вы сейчас сказали — в достаточно категорической форме — во время беседы с замдиректором медчасти, которая должна состояться через несколько дней. Ваше желание изменить свое поведение может сказаться на решении комиссии»<sup>11</sup>. Постепенно «терапия» начала приносить желанные плоды.

На следующий день Шиманов предстал перед комиссией из четырех врачей (по правилам административной госпитализации такая комиссия должна была состояться не позднее, чем через 24 часа после его доставки в больницу). Опять Шиманову пришлось отвечать на вопросы о семье, работе, о самочувствии с тех пор, как он выписался из больницы имени Ганнушкина. Наконец, психиатры добрались до главного: «Расскажите, как вы уверовали в Бога», — попросили Шиманова. Он стремился отвечать точно и внятно — так, чтобы его слова не могли быть истолкованы в пользу теории о его душевной болезни\*. Весьма тонко он сослался на авторитеты Шекспира, Толстого, Достоевского и Пушкина и поинтересовался: неужели эти великие писатели тоже были сумасшедшими?

Через несколько дней с Шимановым в присутствии Шафрана беседовала заместительница директора больницы доктор Масляева. Шиманов по-прежнему мог лишь гадать, сколько ему еще предстоит находиться в больнице. Прошло уже две недели, никаких лекарств ему пока не давали. Беседа с Масляевой производит странное впечатление. В первую очередь ей непременно хотелось знать, почему Шиманов носит бороду, —

---

\*) Через пять лет после описываемого случая Буковский и Глузман составили «Пособие» для инакомыслящих в психиатрических больницах. На страницах этого документа обсуждается ситуация, подобная шимановской.

может быть, он битник? Масляевой удалось выяснить, что бороду Шиманов отпустил после женитьбы. Масляева не успокоилась и продолжала расспросы:

*«Следовательно, жена влюбилась в вас безбородого? Почему же, если она полюбила вас, когда бороды не было, вы отпустили ее потом?*

*— Чтобы она полюбила меня еще больше».*<sup>12</sup>

Неизвестно, устроило Масляеву такое объяснение или нет, только неожиданно она переключилась на темы, имеющие более прямое отношение к медицине. Она спросила Шиманова, не испытывал ли он зрительных галлюцинаций:

*«У святых бывают видения, не так ли? Им является — как его — Христос, так?*

*— Это иногда случается, но крайне редко. Чаще у людей бывают галлюцинации, а не подлинные видения. У меня не бывало ни того, ни другого. У меня нет никаких талантов в этом направлении».*<sup>13</sup>

Как видим, Шиманов в ситуации, обстоятельства которой могли бы заставить потерять самообладание любого человека, сумел сохранить чувство юмора. В его ответах нет ничего, что говорило бы о нарушении мыслительных процессов. Напротив, они свидетельствуют о полном понимании создавшейся обстановки. Впрочем, это не помешало Масляевой — после неизбежного вопроса об обращении Шиманова в веру — заявить:

*«Видите ли, Геннадий Михайлович... Все, что вы только что рассказали нам, подтверждает наше мнение, что в основе вашего обращения лежит болезнь. Конечно, вы сами этого понять не можете, но вы должны положиться на нас: мы специалисты. Если бы вы выросли в религиозной семье или на Западе — что ж, тогда мы рассматривали бы вашу деятельность иначе. Но вы воспитывались в советской школе, в семье неверующих... Вы человек образованный, я даже допускаю, что вы знаете о философии и религии больше, чем я. И вдруг — бац! вы верующий. Это очень странно... и наводит на*

*мысль, что какие-то патологические процессы начались у вас уже в юности, и они-то вас и привели в дальнейшем к религии»...<sup>14</sup>*

Итак, обращение Шиманова к религии в зрелом возрасте трактовалось как плохая адаптация, а следовательно, — патология\*. В ответ Шиманов привел бесспорное доказательство несостоятельности вывода Масляевой, заговорив о судьбе митрополита Никодима, который тоже пришел к религии уже взрослым, несмотря на атеистическое воспитание в семье и в школе. Но вот, странное дело, — сказал Шиманов, — в советской прессе недавно было опубликовано пространное интервью с Никодимом, дающее понять, на каком хорошем счету у партии находится митрополит. «Мы обсуждаем не его, а вас», — замяла продолжение дискуссии Масляева.

Закончилась беседа обменом мнений на тему о совместимости религии и марксизма. В ходе этого интеллектуального диспута психиатр высказала свое соображение о том, что религия и марксизм взаимоисключены. Конечно, марксизм отрицает религиозные верования, — согласился Шиманов, — но государство гарантирует свободу совести; таким образом, — сказал он, — его собственный образ жизни не вступает в конфликт с принципами, на которых основано общество:

*«Все очень просто. Я работаю, зарабатываю деньги. Я возвращаюсь с работы, бегу в магазин, покупаю хлеб, молоко, масло... Никто меня не спрашивает там о моей вере... Затем я отдыхаю, занимаюсь воспитанием сына... Я пользуюсь городским транспортом, метро... Там меня тоже не спрашивают о моей вере... А если спросят, почему мне не ответить? Чего мне бояться? В настоящий момент религия у нас в стране не запрещена... Так что я никакого конфликта с обществом не ощущаю».<sup>15</sup>*

\*) Дело Шиманова прекрасно иллюстрирует взгляды ортодоксальной советской психиатрии на религию. См. М. К. Кокин и Г. А. Габинский «Религия и психические заболевания», Москва, 1969. Эти взгляды во многом отражают более раннюю тенденцию, см., например, книгу Я. В. Минца «Иисус Христос как тип душевнобольного», Москва, 1927.

Масляеву, по-видимому, эта речь не впечатлила, и она парировала: «Все советские люди марксисты; они признают лишь марксистскую философию; а вы верите в Бога, так что выпадаете из общества». Затем она стала доказывать, что Шиманов социально опасен — он больной человек, не осознающий своего состояния.

*«Религия может быть относительно безобидной, когда она идет на убыль, вымирает... Но когда она переходит в наступление, завоевывает себе все больше и больше сторонников, она становится общественно опасным явлением... Мы строим коммунизм, воспитываем людей в духе высокой общественной сознательности, а вы их сбиваете с толку».*<sup>16</sup>

*«... ваши симптомы — одностороннее увлечение религией. Вы отрезали себя от жизни... В результате болезни... вы сделали общественно опасным лицом. Так что мы должны вас подлечить... в интересах общества... и в ваших собственных, конечно».*<sup>17</sup>

Позднее Шафран описал характер намечавшегося лечения. Судя по упомянутым им побочным явлениям, лекарство, которое собирались назначить Шиманову, относилось к основной группе транквилизаторов, употребляемых обычно при лечении психозов. Шиманов попросил о немедленной выписке — ведь Шафран не раз обещал выпустить его в самое ближайшее время. Потом Шиманов объявил голодовку; он требовал положить конец «экспериментам в терроризировании и подавлении людей, думающих иначе, чем вы»<sup>18</sup>.

Шиманова выписали на третий день голодовки, через три недели после принудительного помещения в больницу им. Кащенко. Шафран сообщил ему, что мнения врачей разошлись. Сам он настаивал на освобождении Шиманова, т.к., на его взгляд, «больной» не поддается лечению.

Шиманов вывез из «Красного дома» записки. Ему удалось вести их тайно от врачей. «Это мое единственное оружие», — говорит он, имея в виду ту роль, которую может сыграть публикация дневника, если придется защищаться от госпитализации в будущем.

## ПОСЛЕ ГОСПИТАЛИЗАЦИИ

После освобождения Шиманова в мае 1969-го года районный диспансер регулярно поддерживал с ним связь — через медсестер, а иногда и через психиатров. Посланцы из клиники могли нагрянуть в любое время, но особое внимание они оказывали Шиманову в дни крупных государственных праздников — из них гости не пропустили ни одного. В июне 1976-го года, когда мы встретились с Шимановым в Москве, в этом отношении мало что изменилось. Зато медицинские работники проявляют теперь в обращении с ним больше сердечности и уважения, а раньше, в первые 18 месяцев после выписки, — сказал Шиманов, — они действовали грубо и бесчеловечно. Шиманов полагает, что улучшение вызвано вниманием Запада к нему лично и к его писательству, — власти боятся проделывать над ним новые эксперименты.

Как и другим диссидентам, Шиманову не было объявлено, что он стоит на учете как общественно опасное лицо. Однако об этом говорят регулярные посещения и запросы из диспансера. Вместе с тем, ему ни разу не грозили повторной госпитализацией, и Шиманов рассчитывает, что власти отказались от использования психиатрии в его случае. «Всякое, конечно, возможно», — заключил он.

Шиманов остался глубоко религиозным человеком. За последние годы в самиздате распространено множество его статей, посвященных религиозным и общественным проблемам. В них Шиманов заявляет о полной своей лояльности по отношению к советскому государству: он считает, что государство — от Бога, и предвидит постепенную трансформацию современного советского режима в авторитарную власть благожелательного христианского порядка. Публицистическая деятельность, — считает Шиманов, — не должна привести его к принудительной госпитализации. Чем объясняется такая уверенность — непонятно. Шиманов

соблюдает все же осторожность и не обсуждает вопросы религии на работе или в иных общественных местах. Молятся Шимановы в разных церквях, вместо того, чтобы посещать одну и ту же, находящуюся по соседству с их домом.

В течение шести месяцев до госпитализации у Шиманова каждую неделю собирались друзья. Хотя большей частью это были верующие, и разговор друзей среди прочих тем затрагивал религиозные, их встречи, — сказал Шиманов, — не являлись формальными религиозными собраниями. Но власти смотрели на это иначе и прибегли к психиатрии для того, чтобы положить этому конец. Тут они, однако, не преуспели. Шиманов по-прежнему убежден в своем праве принимать у себя друзей и беседовать с ними о чем угодно.

Психиатрическое обследование не было целью нашего посещения Шиманова, но из продолжительной с ним беседы мы вынесли впечатление, что человек он сердечный и остроумный. Ему сразу удалось установить с нами контакт. Он рассказывал о себе охотно и откровенно. С убедительными подробностями вспоминал он, между прочим, и о своих испытаниях в Красном доме. Никаких признаков психического расстройства во время нашего разговора Шиманов не обнаружил.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Шиманова подвергли травле и заключили в больницу из-за того, что он открыто исповедовал свои религиозные убеждения. Как мы полагаем, относительно скорое его освобождение объясняется в основном двумя факторами — его собственными энергичными протестами, голодовкой в особенности, и действиями доктора Шафрана, который, не имея решающего голоса, делал все-таки неоднократные попытки добиться выписки.

На Западе о Шиманове ничего не было бы известно, если бы не его записки. Во время госпитализации Ши-

манова ни на Западе, ни в СССР никто не выступил в его защиту. Это естественно: тогда о нем ничего не знали.

## ДЕЛО ЖОРЕСА МЕДВЕДЕВА

В отличие от злоключений Шиманова, история принудительной госпитализации известного советского биолога Жореса Медведева получила широкую огласку с самого начала. Медведева спасла энергичная поддержка ученых и общественных деятелей как в Советском Союзе, так и за рубежом. События, связанные с его госпитализацией в Калужской областной психиатрической больнице, подробно описаны в книге самого Жореса Медведева и его брата Роя «Кто сумасшедший?»<sup>19</sup>

Жорес Медведев не входил в группу защиты прав человека, свои политические и социальные убеждения он излагал независимо от других инакомыслящих — короче говоря, выступал он от своего собственного имени. Общественная активность Медведева затрагивала вопросы о роли ученого и об ущемлении его прав в Советском Союзе. Об этом говорилось в его книгах, характер которых был впоследствии расценен советскими психиатрами, как признак сдвига в психическом состоянии Медведева.

В 1962 году в узком кругу советской интеллигенции имел хождение по каналам самиздата труд Медведева о биологии в СССР при Лысенко<sup>20</sup>. Власти не замедлили откликнуться, выразителем их отношения к Медведеву был секретарь Московского комитета партии. Этот секретарь выразил свое возмущение в печати, после чего Медведев потерял работу. Но травля Медведева длилась недолго: после падения Хрущева теория Лысенко была официально признана псевдонаучной. На этот раз Медведева оставили в покое.



Потом в самиздате появилась еще одна работа Медведева — «Международное сотрудничество ученых и национальные границы»<sup>21</sup>. В ней говорилось о многочисленных попытках Жореса Медведева наладить контакт с западными коллегами по его профессии. Ученый считал, что препятствия, чинимые властями в поддержании профессиональных контактов с Западом, тормозили развитие советской науки. Он предупреждал о необходимости устранить ограничения и призывал к открытому обмену мнениями между учеными Советского Союза и стран Запада.

Контрдействия властей отразились на положении Медведева в марте 1969-го года: он был снят с должности заведующего отделением в Институте медицинской радиобиологии. Таким образом, ко времени госпитализации Медведева, высшие инстанции выявили уже свой взгляд на его интеллектуальную деятельность. Однако, разговора о его ненормальности они пока не заводили.

## ГОСПИТАЛИЗАЦИЯ ЖОРЕСА МЕДВЕДЕВА

29-го мая 1970-го года главный врач Калужской психиатрической больницы Александр Лифшиц и заведующий местным психдиспансером Кирюшин вломилась с помощью трех милиционеров в квартиру Медведева в Обнинске и увезли его в Калугу на «лечение». Непосредственная предыстория этих событий такова.

За месяц до госпитализации Медведеву позвонили из Обнинского горсовета и попросили зайти туда, чтобы обсудить «одно важное дело». Как выяснилось, касалось оно поведения сына Медведева. Во время разговора в отделе народного образования Медведеву посоветовали отправить сына на психиатрическую консультацию, хотя он уже был обследован психиатром и в данный момент готовился к выпускным экзаменам.

По окончании беседы в горсовете Медведев заподо-

зрил неладное и начал беспокоиться, не была ли вся эта болтовня прелюдией к госпитализации его самого. Медведеву было известно о судьбе заключенных в психиатрические лечебницы Григоренко и Яхимовича, и мысль, что ему, может быть, придется разделить их участь, сразу же пришла ему в голову.

Его подозрения усилились после еще одного собеседования. Теперь председатель горсовета вызвал Медведева для разговора в присутствии какого-то человека, отрекомендованного как представитель отдела народного образования, но интересовавшегося почему-то историей семьи Медведевых и походившего из-за этого на заправского психиатра. Его тоже волновал вопрос о поведении сына Медведева. Когда генеалогические связи были «исследованы», и сам Медведев попал в психиатрическую больницу, представитель отдела народного образования открыл свое истинное лицо — он и в самом деле оказался психиатром — доктором Владимиром Лежненко.

В начале мая доктор Кирюшин пригласил Жореса Медведева зайти вместе с сыном в психиатрическую клинику. Тут Медведев не заподозрил ничего странного — ведь Кирюшин консультировал их семью в связи с состоянием сына уже давно — независимо от звонков из горсовета. Странности начались в диспансере. Медведева попросили подождать в помещении, соседнем с кабинетом Кирюшина, где проходил осмотр сына. Случайно посмотрев в окно на улицу, Медведев увидел, что сын выходит из клиники. Отец попробовал выйти за ним вслед, но не смог — заперта была дверь. Комната, — пишет Жорес Медведев, — «по существу была не приемная для посетителей, а раздевалка для больных»<sup>22</sup>. Рискованность ситуации заставила Медведева действовать осторожно: «Я стал стучать в дверь изо всей силы, но быстро остановился, сообразив, что это может быть использовано против меня, если мое пребывание здесь — не случайная ошибка сестры»<sup>23</sup>. Мед-

ведеву удалось все же справиться с замком и, не задавая вопросов, он выбрался на улицу.

Кирюшин — по всей очевидности, под сильным нажимом — сделал еще несколько попыток заманить Медведева в клинику. Стало ясно, что не сын ученого интересуется Кирюшиным. 29-го мая, не сумев госпитализировать Медведева обманным путем, Кирюшин и скрывавшиеся за ним представители власти были вынуждены идти напролом и прибегнули к насильственной отправке Медведева в Калужскую психиатрическую лечебницу.

## В КАЛУЖСКОЙ ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ БОЛЬНИЦЕ

На следующий день после госпитализации Медведев предстал перед комиссией, состоявшей из Лифшица, Галины Бондаревой (заведующей той секцией, где находился Медведев) и раскрывшего свое «инкогнито» Владимира Лежненко (теперь отрекомендованного Медведеву как директор Калужского психиатрического диспансера). Комиссию занимали вопросы, относящиеся к публицистическим трудам Медведева. Было видно, что Лифшиц знаком лишь с отдельными местами из «Международного сотрудничества ученых...», осведомленность других членов комиссии равнялась нулю. Тем не менее, они пытались установить, чем руководился Медведев, работая над своей книгой, почему стремился опубликовать ее за границей, что натолкнуло его на мысль написать предыдущую книгу — о Лысенко. Вопросы, приличествующие осмотру — о семейной жизни, о сне больного и о его самооценке — беспокоили членов комиссии намного меньше, времени им было уделено сравнительно мало.

Через день Медведева пригласили на «главную» комиссию, в состав которой вошел четвертый психиатр — профессор Борис Шостакович из Института им. Сербского. Лифшиц объяснил Медведеву, что Шостакович

приехал в Калугу не как судебный психиатр, а как «консультант по общим вопросам».

Случившееся через четыре дня обнаружило нелепость заявления Лифшица — теперь уже не Шостакович, а специалисты, чья причастность к судебной психиатрии ни у кого не оставляет сомнений, провели обследование Медведева в Калужской психбольнице. В новую комиссию вошло двое «экспертов» из Института им. Сербского — Г. В. Морозов, В. М. Морозов, а также Р. А. Наджаров из Института психиатрии.

Вероятно, калужские врачи не имели достаточного опыта в обращении с политическими больными, и на помощь им был послан Шостакович, а потом уж целая группа проверенных специалистов. Шостакович, видимо, тоже не оправдал возложенного на него доверия. Как бы то ни было, он строго придерживался курса, взятого первой комиссией, и задавал примерно такие же вопросы, как и его калужские коллеги. Сходство с первой комиссией было и в том, что Шостакович упомянул те же отрывки из книг Медведева, что и Лифшиц, — по предположению Медведева, сведения обоих психиатров исходили из одного источника. Как впоследствии сообщил Медведеву Лифшиц, комиссии Шостаковича не удалось установить «острое психическое расстройство». Несмотря на это, калужским психиатрам посоветовали в течение нескольких дней вести за Медведевым клиническое наблюдение.

Пока следовали одна за другой психиатрические комиссии, брат Жореса Медведева Рой начал активную кампанию за освобождение брата. Рой Медведев досконально изучил инструкцию по госпитализации (1961 года) и потребовал от доктора Бондаревой назвать в инструкции пункты, на основании которых была осуществлена принудительная госпитализация Жореса. Бондарева сослалась на два показания: 1) «ипохондрические бредовые состояния, обуславливающие неправильное, агрессивное отношение больного к отдельным лицам, организациям, учреждениям»; 2) «систематизи-

рованные бредовые синдромы с хронически прогрессирующим течением, если они определяют общественно опасное поведение больного». К этому диагнозу пришел доктор Лежненко, расспрашивая Жореса Медведева под видом представителя народного образования. В день госпитализации диагноз Лежненко был подтвержден Лифшицем.

Г. В. и В. М. Морозовы и Наджаров, подобно своим предшественникам, главный упор делали на публицистические работы Медведева, говорили примерно о тех же отрывках из его книг, задавали все те же вопросы. Обследование Медведева специалистами из Москвы длилось всего полчаса. Лифшиц заверил родственников Медведева, что комиссия рекомендовала его к выписке, которая намечена на следующий день.

Но следующий день — пятница 5 июня — настал и прошел, а Медведева по-прежнему не выпускали. В субботу калужские врачи провели неврологический осмотр Медведева и сделали ему энцефаллограмму. Лифшиц и Бондарева снова с ним беседовали. Им хотелось узнать, не было ли душевнобольных в Медведевском роду — наверно, курс был взят на толкование болезни посредством генетического метода. Не успев в этом направлении, психиатры вернулись на проторенную дорожку — опять пошли вопросы о работах Медведева, о переписке с иностранными коллегами. В таком же духе расспрашивали Медведева на протяжении десяти дней до его окончательного освобождения.

В одном из разговоров с Медведевым Лифшиц разъяснил причину его «болезни». Согласно Жоресу Медведеву, Лифшиц сказал, что . . .

*« . . . занятия публицистикой в дополнение к обычной профессиональной деятельности, например, к научной работе, — это свидетельство «раздвоения» или «диссоциации» личности. Это, по его словам, очевидный признак заболевания.*

*— Больница вас со временем, конечно же, выпи-*

шет, — говорил он, — но вы должны полностью прекратить занятия публицистикой и сосредоточить внимание на научной работе. Если же продолжите свою деятельность, вы неизбежно снова попадете к нам».<sup>24</sup>

При выписке Лифшиц предупредил Медведева несколько иначе:

«Если же вы будете продолжать свою деятельность в прежнем направлении и не прекратите занятия публицистикой, то мы, врачи, уже ничем не сможем вам помочь».<sup>25</sup>

## ДИАГНОЗ

Жена Жореса Медведева сумела узнать о содержании диагноза: после долгих препирательств ей показали копию сводки, отправленной Бондаревой в районный психдиспансер. В книге «Кто сумасшедший?» Медведов перечисляет пункты поставленного ему диагноза:

*«Вялотекущая шизофрения с паранойяльным реформаторским бредом». Указывались в «карточке» и основные симптомы «заболевания»: «раздвоение личности, выражающееся в совмещении научной работы по специальности с занятиями публицистикой; переоценка собственной личности; ухудшение в последние годы качественных показателей научной продукции и повышенная скрупулезность в публицистических работах; отсутствие чувства реальной обстановки, плохая адаптация к социальной среде». Рекомендации больницы состояли в следующем: «амбулаторное лечение и трудоустройство».<sup>26</sup>*

На первом месте здесь, как и в случае с Григоренко, — «паранойяльный реформаторский бред». Свидетельством этих «болезненных» черт у Медведева служат его критические работы по биологии. Как ни странно, при этом не учитывается, что исследования «больного» в этой области завоевали уважение ученых разных стран мира.

Заявление о «раздвоении личности» на основании занятий Медведева двумя несхожими видами интеллектуальной деятельности не вызывает ничего, кроме смеха, и в связи с этим появился даже новый иронический термин — «синдром Леонардо да Винчи». Если его принять всерьез — пришлось бы объявить сумасшедшими бессчетное количество замечательных людей. В таком случае следовало бы признать сумасшедшим самого Лифшица: ведь и он, будучи психиатром, при обследовании Медведева взял на себя роль биохимика и литературного критика и, хотя, в отличие от великих людей, проявил некомпетентность даже и в своей области знаний, осмелился все-таки констатировать у Медведева «ухудшение в последние годы качественных показателей научной продукции». По мнению Лифшица, вторая книга, изданная на Западе в 1968 году, слабее первой оттого, что в ней больше теоретического материала. Между тем, высокое качество обеих книг Медведева подтверждается регулярными приглашениями на международные съезды, назначением его на почетную должность в Лондонском Институте медицинских исследований и научными публикациями, которых в настоящее время насчитывается более сотни.

Замечание о «повышенной скрупулезности» работ Медведева на менее сомнительно. Во-первых, формулировка эта мало чем напоминает психиатрическую оценку. Во-вторых, отклики западных ученых на первую и на вторую книгу Медведева противоречат «выводу» советских психиатров. Профессор Джон Зиман в предисловии к «Международному сотрудничеству ученых...» отзываясь о книге с большой похвалой. Он пишет, что «с самой первой страницы он (Медведев — *пер.*) обращается к нам с присущими ему одухотворенностью, остроумием, находчивостью и ироничностью. То, о чем он нам рассказывает — поражает своей простотой и ясностью»<sup>27</sup>.

Как известно, Медведев никогда не вступал в конфликт с советским законом, он добился видного поло-

жения в своей профессии и вел в провинции образ жизни тихого семейного человека. Поэтому нам остается предположить, что заключение комиссии о «плохой адаптации к социальной среде» вытекает из «публицистической деятельности» Жореса Медведева.

Все три комиссии не удостоили вниманием важнейшие факты: ни разу до своей госпитализации Медведев не обращался к психиатрам с жалобами на свое состояние, никогда не страдал он психическим расстройством. Никто из его родственников и друзей не замечал в его поведении ничего странного. Никогда в истории его семьи не было душевнобольных (некоторые странности в поведении его сына были вызваны не психическим расстройством, а переходным возрастом).

Лечение Медведева ограничилось, к счастью, лишь советами. Лифшиц затронул было вопрос о лекарствах, но Медведев сразу же заявил, что это не может не вызвать ассоциации с методами нацистских докторов, ставивших медицинские эксперименты над здоровыми людьми. Лифшиц ретировался: и без того в Калужскую психбольницу шел непрекращающийся поток писем и телеграмм протеста.

## БОРЬБА ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ МЕДВЕДЕВА

Инициатором кампании в защиту Жореса был его брат Рой. Он не давал покоя психиатрам и требовал от них юридических и медицинских объяснений госпитализации. Врачи были захвачены врасплох, подавлены его эрудицией и вынуждены были давать невразумительные ответы.

Рой Медведев заручился поддержкой видных представителей московской интеллектуальной элиты — многие из них были дружны или знакомы с семьей Медведевых. Телеграммы протеста все в большем и большем количестве скапливались в кабинетах Министра здраво-



охранения, Генерального прокурора и доктора Лифшица. Вскоре хлынула волна протестов с Запада.

В международных научных кругах звучный отклик нашло письмо Брежневу академика Сахарова. Он писал:

*«Вся эта акция с начала до конца является абсолютно незаконной. Никаких соответствующих требованиям инструкций данных о психической ненормальности Ж. Медведева, а тем более о его социальной опасности у органов здравоохранения не было и нет... Сейчас органы здравоохранения стали в отношении Медведева на путь уловок и оттяжек... Мне стало известно, что проводится и прямой обман родственников, психологическое давление, запугивание и нервирование Жореса Медведева... Необходимо немедленно освободить Ж. А. Медведева... Инициаторы и исполнители этой незаконной акции должны понести строгое наказание».*<sup>28</sup>

15-го июня защита Жореса Медведева была укреплена авторитетом Александра Солженицына. Протест Солженицына выходил за рамки случая с Медведевым, — писатель осуждал преступные действия врачей и призывал к ответу всех, кто замешан в использовании психиатрии в политических целях:

**«ВОТ КАК МЫ ЖИВЕМ:**

*Безо всякого ордера на арест или медицинского основания приезжают к здоровому человеку четыре милиционера и два врача. Врачи заявляют, что он помешанный, майор милиции кричит: «МЫ — ОРГАН НАСИЛИЯ! ВСТАТЬ!» — крутят ему руки и везут в сумасшедший дом.*

*Это может случиться завтра с любым из нас, а вот произошло с Жоресом Медведевым — ученым-генетиком и публицистом, человеком гибкого, точного, блестящего интеллекта и доброй души (лично знаю его бескорыстную помощь безвестным погибающим больным). Именно разнообразие его дарований вменено ему в ненормальность: «Раздвоение личности»! Именно отзывчивость его на несправедливость, на глупость и оказалась болезненным отклонением: «Плохая адаптация к социальной среде»! Раз ду-*

маешь не так, как ПОЛОЖЕНО, значит ты ненормальный! А адаптированные должны думать все одинаково. И управы нет — даже хлопоты наших лучших ученых и писателей отбиваются как от стенки горох.

Да если б это первый был случай! Но она в моду входит, кривая расправа без поиска вины, когда стыдно причину назвать. Одни пострадавшие известны широко, много более — неизвестных. Угодливые психиатры, клятвоотступники, квалифицируют как «душевную болезнь» и внимание к общественным проблемам, и избыточную горячность, и избыточное холоднокровие, и слишком яркие способности, и недостаток их.

А между тем даже простое благоразумие должно было бы удержать. Ведь Чаадаева в свое время не тронули пальцем — и то мы клянем палачей второе столетие. Пора бы разглядеть: захват свободомыслящих здоровых людей в сумасшедшие дома есть ДУХОВНОЕ УБИЙСТВО, это вариант ГАЗОВОЙ КАМЕРЫ и даже более жестокий: мучения убиваемых злей и протяжней. Как и газовые камеры, эти преступления не забудутся никогда, и все причастные к ним будут судимы без срока давности пожизненно и посмертно.

И в беззакониях, и в злодеяниях надо же помнить предел, где человек переступает в людоеда!

Это куцый расчет, что можно жить, постоянно опираясь только на силу, постоянно пренебрегая возражениями совести».<sup>29</sup>

## ОСВОБОЖДЕНИЕ

Власти не ожидали разразившейся бури протестов. Они надолго, по-видимому, собирались упрятать Медведева в психиатрическую лечебницу и дискредитировать перед всем миром идеи ученого и его самого, вынудить Медведева отказаться от социальной критики. КГБ рассчитывал, наверно, поставить Медведева после «изучения» на психиатрический учет, и таким образом

подчинить его полному своему контролю. Осуществлено было лишь начало этого сценария, дальнейшее развитие сорвалось: 17-го июня, через 19 дней после насильственной госпитализации, Жорес Медведев оказался на свободе.

## ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ

Выписывая Медведева из больницы, психиатры рекомендовали «амбулаторное лечение и трудоустройство». Но найти подходящее место Медведеву удалось лишь с огромным трудом. Хотя ему предложили работу в сельскохозяйственном институте, решение о его назначении было принято спустя несколько недель. Власти исподтишка мстили Медведеву за срыв их «психиатрической» акции. Медведева взяли в конце концов в сельскохозяйственный институт, но только на испытательный срок.

В июле 1972-го года Медведева лишили возможности участвовать в Девятом международном конгрессе геронтологов\*, куда он был приглашен Международной геронтологической ассоциацией, просившей его выступить там с докладом<sup>30</sup>. Приглашение было одобрено советским организационным комитетом. Однако перед самым началом конгресса приглашение аннулировали под предлогом сильной перегруженности повестки дня докладами. На просьбу Медведева разрешить ему принять участие в конгрессе было отвечено, что в киевских гостиницах — нехватка мест и что время для дополнительных запросов давно уже истекло. КГБ также не разрешил Медведеву присутствовать на сессиях в качестве наблюдателя и насильственно отправил его обратно в Москву.

Власти не прекращали демонстрировать свое враждебное отношение к Медведеву вплоть до его отъезда из СССР. В 1973 году Медведев принял приглашение Научного института медицинских исследований и от-

---

\*) В Киеве.

правился в Лондон. В августе того же года его вызвали в посольство СССР и сообщили, что президиум Верховного Совета лишил его советского гражданства «за действия, порочащие высокое звание...»<sup>31</sup>. Протесты Медведеву не помогли.

## НАРУШЕНИЯ ЗАКОНОВ В ДЕЛЕ МЕДВЕДЕВА

Следует отметить вереницу нарушений законов в деле Медведева, типичных при административной госпитализации инакомыслящих. Согласно Инструкции 1961 года, поводом к принудительной госпитализации служит «явная опасность... для окружающих и для самого себя». Но Медведев никогда не представлял собой такой опасности. Даже во время незаконного вторжения в его квартиру не проявил он никакой агрессивности. Инструкция разрешает прибегать к помощи милиции *в случае сопротивления «больного»*. К Медведеву врачи вломались в сопровождении милиционеров, заранее предупредив возможность такого *случая*.

Инструкция далее гласит, что больной подлежит выписке, если установлено, что: 1) он не является более общественно опасным, 2) состояние его здоровья улучшилось или 3) он не проявляет признаков психического заболевания. Комиссия, созванная (по закону) через сутки после госпитализации, не нашла у Медведева каких-либо признаков «острого психического расстройства». Положение Медведева предусмотрено третьим из названных условий, а значит, его сразу же должны были выписать. Врачи, однако, не торопились, ссылались на «повышенную нервозность» Медведева. Вторая комиссия нашла допустимым рекомендовать выписку из больницы, но до освобождения прошло еще две недели.

Нарушением, конечно, было участие во второй и в третьей комиссиях судебных психиатров из Института им. Сербского, — с судом, как известно, Медведеву никогда иметь дело не приходилось.

В октябре 1973-го года на встрече с зарубежными врачами советские психиатрические эксперты, в том числе доктор Г. Морозов и профессор А. Снежневский, дали объяснения по поводу госпитализации Медведева. Профессор Джон Уинг<sup>32</sup> записал отчет советских психиатров. Их версия радикально расходится с изложением самого Медведева в книге «Кто сумасшедший?». Так, советские психиатры утверждали, что Медведева вызывали на обследование для решения вопроса о предоставлении ему пенсии по инвалидности, поскольку в течение длительного периода ученый пребывал без работы. Отказ Медведева явиться на эту экспертизу привел к насильственной госпитализации, но теперь, — оправдывались психиатры, — стало ясно, что действия калужских врачей были ошибочны и опрометчивы. Иностранцы узнали еще один интересный «факт»: оказалось, милицию во время беседы с психиатрами вызвала жена Медведева. Как только пострадавшего осмотрела достаточно авторитетная комиссия, он был рекомендован к выписке.

Эти заявления полностью опровергаются отчетом братьев Медведевых, достоверность которого ни разу не ставилась под сомнение советской стороной. Прибегнув к незауалированной лжи, психиатры из Института им. Сербского пытались изобразить дело Медведева в более выгодном для себя освещении и скрыть темные краски, брошенные на репутацию советской психиатрии.

Мы неоднократно встречались с Жоресом Медведевым в Англии и знаем его интеллектуальные и душевные качества. В заключительных строках книги «Кто сумасшедший?» они выражены так:

*«Заканчивая настоящий очерк, я хочу специально подчеркнуть, что он написан совсем не потому, что психические заболевания могут компрометировать человека. Болезнь — это не порок, а несчастье, и она вызывает сочувствие и сострадание... И я решил выступить с этим очерком вовсе не для того, чтобы*

доказать, что автор его абсолютно здоровый человек. Цель этой работы не столь эгоцентрична. Ее задача состоит в том, чтобы обратить внимание общественности на опасную тенденцию политического использования психиатрии, навязывания медицине не свойственных ей по природе функций устрашения и наказания, на возникновение нового незаконного способа изоляции людей за их взгляды и убеждения». <sup>33</sup>

### **ПСИХЕОЛЬНИЦА И ЛЕЧЕНИЕ**

В этой главе мы рассмотрим условия содержания в психиатрических больницах в СССР и лечение, которому подвергаются там диссиденты. Судя по рассказам бывших «больных», злоупотребление психиатрией с особою силой проявляется в процессе «лечения». Даже если допустить (чего мы не допускаем), что диссиденты эти страдали психическим заболеванием и нуждались в медицинской помощи, испытанное ими психиатрическое лечение представляется нам совершенно неуместным — зачастую оно носило карательный характер и отрицательно сказывалось на состоянии здоровья тех, к кому его применяли.

Источник наших сведений — рассказы госпитализированных диссидентов и их близких. Мы подолгу беседовали с одиннадцатью бывшими «больными» и тщательно исследовали дневники и другие материалы Самиздата. Эти отчеты о медицинских процедурах в самых различных психиатрических учреждениях сходны в одном: обращение с психическими больными в СССР в той или иной степени отступает от общепринятой нормы.

Не все рассказы диссидентов одинаковы. Многое зависит от типа больницы. Большинство известных диссидентов было госпитализировано судебным порядком и чаще всего оказывалось в СПб. Немногие из направленных на принудительное лечение через суд попадали в больницы общего типа. Туда же доставляли всех, госпитализированных административным путем. Обращение с пациентами в больницах общего типа, как правило, было менее жестоким, чем в СПб.

## ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ БОЛЬНИЦА ОБЩЕГО ТИПА (ОПБ)

Илье Рипсу, проведенному в больнице общего типа восемнадцать месяцев, относительно повезло. Он был направлен туда Рижским городским судом, который счел его невменяемым во время совершения «антисоветских деяний». «Преступление» Рипса — попытка саможжения на людной площади Риги в знак протеста против вторжения советских войск в Чехословакию. Прокурор требовал помещения Рипса в СПб, но суд, не вняв этому призыву и нарушив таким образом установившуюся традицию, предписал «больному» заключение в психиатрическую больницу общего типа.

Рипс описал нам свое пребывание в больнице как довольно благополучное. В течение первого месяца его подвергали некоторым ограничениям — запрещалось, например, покидать свою палату. Но потом ему разрешили гулять по больничному участку в сопровождении родителей, которых допускали к сыну два раза в неделю. Через несколько месяцев к нему стали пускать и других посетителей. Наблюдения за свиданиями не велось, и Рипс мог свободно общаться со своими посетителями.

Без всяких препятствий он получал книги, карандаши и бумагу. Ему не мешали продолжать занятия математикой, и он написал несколько академических работ по своей специальности. Больничные врачи, по словам Рипса, в основном были доброжелательны. Они оставляли «больного» в покое, не прописывали ему ни лекарств, ни психотерапии. Роль медицины в воздействии на Рипса была невелика и сводилась к поверхностным вопросам о его самочувствии.

Больницы общего типа находятся в ведении Минздрава и главное их назначение — обслуживать местное население. Поскольку это более или менее открытые учреждения, деятельность медицинского персонала проходит — до известной степени — на виду у обще-



ственности. Этим, конечно, можно объяснить относительную мягкость заключения Рипса.

Не все диссиденты, попадающие в больницу общего типа, отделяются так легко, как Илья Рипс. Среди разнообразных воспоминаний выделяется яркий и подробный очерк об условиях в одной из таких больниц, написанный литературоведом и переводчиком с итальянского Юрием Мальцевым. В октябре 1969-го года, вскоре после того, как он вошел в Инициативную группу по защите прав человека, его поместили в больницу им. Кащенко (I). Сперва его, как офицера запаса, вызвали в военкомат для медицинского переосвидетельствования. Осмотрев Мальцева, комиссия направила его в больницу им. Кащенко, т. к. заподозрила психическое заболевание — чем же еще объяснить неоднократные заявления Мальцева с просьбой разрешить эмигрировать в Италию. В истории болезни не было зафиксировано каких-либо жалоб на психиатрическое заболевание и врач должен был заключить: «Лично я не нахожу у вас отклонений. Но вы понимаете, решаю не я один». Другой психиатр спросил у Мальцева: «Вы, верно, остро реагируете на несправедливость?» Мальцев ответил утвердительно. Тогда врач пояснил свою мысль: «К сожалению, мы не можем сильно облегчить вашу участь. Вам придется провести здесь минимум месяц, поскольку ваш случай очень сложный».

Мальцеву удалось сигнализировать о своем положении друзьям по Инициативной группе, которые в свою очередь передали информацию западным корреспондентам. В больнице зашевелились. Мальцева обследовал сначала главврач, а затем — в присутствии всех врачей отделения — профессор Виктор Морозов (с ним мы знакомы по делу Григоренко). «Он устало тер глаза, производя впечатление человека, которому все понятно и ужасно наскучило», — пишет Мальцев. На что собирался Мальцев жить в Италии? — спросил Морозов. — Как расценивает свои заявления об эмиграции? Мальцев ответил, что теперь понял их бесполезность и

жалеет о них. Морозов отнесся к этим словам благо-склонно — вероятно, оттого, что их можно было истолковать как раскаяние. Далее его заинтересовало утверждение Мальцева, сказавшего, что, пассивный в обычных ситуациях, он становится бескомпромиссным, если речь заходит о его убеждениях. Начальник отделения передал Мальцеву содержание своего разговора с Морозовым. «Профессор объясняет ваши поступки вашими личностными чертами и некоторой склонностью к сверхценным идеям» — сообщил начальник отделения. Диагноз, о котором Мальцев узнал неофициально, был таков: «Психопатия: держать под наблюдением районного психиатра».

Через месяц Мальцева освободили, но, как видим, он оказался под постоянной угрозой вторичной госпитализации. Возможно, именно этого КГБ и добивался: запугать Мальцева и парализовать его политическую деятельность. Мальцев, разумеется, не знал причин случившегося с ним и с таким же успехом мог предположить, что у властей были более серьезные намерения, но его осмотрительное поведение в больнице, а также поддержка Западом, помешали осуществлению далеко идущих планов.

Так или иначе, Мальцев был поражен извращением психиатрии. В больнице он встретил других, не знакомых ему диссидентов, — его случай был не единственный. Больничные условия произвели на Мальцева тяжелое впечатление. Едва он вошел в отделение, его сразу же обдал «отвратительный запах. Ни в одной больнице мне не доводилось встречать такой вони». Расстояние между койками в палате не больше 15 см, коридоры уставлены койками с обеих сторон. Окна зарешечены, двери поминутно запираются и отпираются. Большинство больных под сильным воздействием лекарств — или спит или двигается, как в полусне. Санитары курят в палатах, а по ночам, когда нет врачей, часто приходят пьяными. Придираясь к любой мелочи, они избивают больных и грозят им болезненными инъекциями. Гу-

лять выводили всего четыре раза за целый месяц. Мальцев не мог спать дольше, чем 5-6 часов в сутки — такой стоял шум. Еда большей частью была несъедобной.

Когда Мальцев пожаловался на условия санитарке, та вместо ответа рассказала ему об отделении для хронических больных: не только коридоры забиты там до отказа, но и в столовой приходится каждую ночь ставить дополнительно 30 раскладушек. Взглянув в зеркало после двухнедельного пребывания в больнице, 37-летний Мальцев увидел «осунувшееся желтое лицо... типичного арестанта».

Тотчас же по выписке из больницы Мальцев составил свой отчет, который опубликовал по прибытии в Италию пять лет спустя.

## СПЕЦИАЛЬНЫЕ ПСИХИАТРИЧЕСКИЕ БОЛЬНИЦЫ (СПБ)

Самые неприглядные больницы общего типа выигрывают в сравнении с СПБ. По существу своему спецпсихбольницы — тюремные учреждения, и до последнего времени они так и назывались: тюремно-психиатрические. Предназначены они для заключения лиц, совершивших особо тяжкие преступления (убийство, изнасилование, поджог и т.п.) и объявленных невменяемыми ввиду установленного у них психического заболевания. Определением суда невменяемые преступники направляются в эти больницы на неопределенный срок — до излечения. СПБ созданы не из одних медицинских соображений: спецпсихбольницы должны также служить защитой общества от опасных преступников. Учреждения такого типа существуют и в других странах.

## ИСТОРИЯ СПБ

История возникновения спецпсихбольниц в СССР полна неясностей. Неизвестно нам и точное число таких заведений. Отчасти это объясняется тем, что существует несколько видов психиатрических больниц тюремного режима. Основную группу составляют изолированные учреждения, носящие официально названия СПБ и содержащие лишь заключенных, направленных на принудительное лечение решением суда. Кроме того, следует учесть психиатрические отделения в больницах при некоторых тюрьмах.\* В них находятся (исключая заболевших в тюрьме) подследственные, либо проходящие психиатрическую экспертизу, либо ожидающие решения суда после нее, а также заключенные, невменяемость которых уже установлена — ожидающие перевода в СПБ.

Существует и третий вид тюремного психиатрического учреждения, предназначенный для заключенных, заболевших в лагерях. После курса лечения больных либо возвращают в лагерь, либо направляют в Институт им. Сербского для диагноза и возможного в дальнейшем перевода в СПБ. Нам известно о двух заведениях такого рода. Первое расположено в Рыбинске и, по-видимому, является самостоятельным. Второе — в 12-ом блоке больницы при мордовском лагере № 3. Сама больница обслуживает все мордовские лагеря, но в психиатрическое отделение, помимо этого, поступают также политические заключенные из лагерей Пермской области. Недавние сведения о блоке № 12 наводят на мысль, что это еще более бесчеловечное заведение, чем СПБ.<sup>2</sup> Грязно там и в прямом и в переносом смысле. Больных, по сообщениям, терроризируют санитары. И хотя сами они уголовные преступ-

---

\*) В начале 50-х гг. в некоторые из них направлялись также на принудительное лечение непосредственно через суд: так был госпитализирован Ярков — его поместили в психиатрическое отделение тюремной больницы в Горьком.

ники, отбывающие свой срок, им предоставлено право назначать заключенным инъекции в качестве наказания.

Первая СПБ, описание которой мы приводим со слов польского психиатра, работавшего там во время войны (см. гл. 3), была учреждена в тридцатые годы в Казани. После 1945-го года были основаны еще две больницы — в Сычевке (Смоленская область) и на Арсенальной улице в Ленинграде. «Арсенальная», как ее стали называть, помещается в здании бывшей (до 1948-го года) женской тюрьмы. Вероятно, в то же примерно время открылась больница в Чистополе. В 1953-54 гг. она еще функционировала — в ней находился Илья Ярков. Действует ли она сейчас — неизвестно, сведения о ней за последние годы к нам не доходили.

Прошло более десятилетия прежде, чем были созданы новые СПБ. Они стали появляться в разных концах Советского Союза в период между 1965 и 1972 гг. В 1965 году в здании бывшей немецкой каторжной тюрьмы открылась СПБ в Черняховске Калининградской области. В 1968-м — в Днепропетровске, также в помещении бывшей тюрьмы. В начале семидесятых годов — в Благовещенске (Дальний Восток), в Кзыл-Орде и в Смоленске.<sup>3</sup> Кроме того, существуют СПБ в Ташкенте и Алма-Ате, но когда они начали функционировать — мы не знаем.<sup>4</sup> По словам человека, отправленного на принудительное лечение в психиатрическую больницу общего типа в Архангельске (1967-69 гг.), имеется СПБ в Жаровихе: ее здание видно из окна больницы, где был заключен этот человек, и ему часто грозили переводом в Жаровиху. Информация об этой СПБ, равно как и о других — в Ростове, Ухте и Перми, — исходит из отдельных источников и не получила пока подтверждения.<sup>5</sup>

Очевидно, в последние годы возникло еще несколько СПБ, но наша информация о них — скудна. По непроверенному сообщению Горбаневской, например, строится новая СПБ в Биробиджане.

Причины происходящего сейчас увеличения числа

СПБ нам не ясны, но мы склонны предположить, что это — запоздалые попытки улучшить судебно-медицинское обслуживание. Может быть, появление новых СПБ отражает всеобщий рост количества психиатрических больниц, нехватка в которых ощущается на протяжении многих лет. Возможно также, что власти сочли невыгодным содержать опасных больных в палатах больниц общего типа и решили использовать новые СПБ, где психически больных опасных преступников контролировать намного легче.

## ОРГАНИЗАЦИЯ И ПЕРСОНАЛ СПБ

СПБ находятся в ведении МВД, а не Минздрава. Этот факт имеет особое значение, поскольку МВД подчиняются и милиция и карательные учреждения.

В СПБ, как и в тюрьмах, главная забота — обеспечение порядка; здоровье заключенных — вопрос второстепенный. Это положение сказывается на кадровой структуре и на распределении обязанностей в СПБ. Здесь преобладает параллельная система администрирования, охватывающая как работников охраны, и медицинских сотрудников. Ответственность за удовлетворительную работу больницы возложена на охрану. Все сотрудники набираются МВД; директор больницы, старшие административные работники и психиатры являются офицерами.

Так, директор Ленинградской СПБ в 1974 году имел звание полковника, главный психиатр — майора. Директор Орловской СПБ в 1971 году был подполковником МВД. Директор управляет больницей и обладает решающим словом по всем вопросам. Подчиняется директору и главный врач. По всей видимости, директор редко бывает психиатром по специальности. Занимавшие этот пост в последние годы в Черняховске и Днепрпетровске не имели психиатрической квалификации. Директор Орловской СПБ, по свидетельству

заклученного туда диссидента Владимира Гершуни, подполковник Барышников по специальности — хирург, а до своего назначения в Орел возглавлял туберкулезный санаторий.

Непосредственную ответственность за обеспечение порядка в больнице несут санитары и надзиратели. Надзиратель в СПБ играет такую же роль, как и в тюрьме, отчитывается он в своей деятельности только перед администрацией и психиатрам не подчиняется. Санитар подчиняется одновременно медицинским и немедицинским сотрудникам, на практике же его деятельность почти целиком зависит от надзирателя.

Виктор Файнберг — диссидент, прошедший четыре года в Ленинградской СПБ, подробно описал нам параллельную систему, обеспечивающую охрану порядка и психиатрическое наблюдение. Особенно интересно его описание санитаров. Как подтверждается и другими сведениями, санитарями становятся обыкновенные уголовники. Осужденные за такие преступления, как хулиганство, воровство, подлог и оскорбление действием, они прямо из следственной тюрьмы переводятся в СПБ, причем их не спрашивают, что они предпочитают: отбывать наказание в качестве санитаря СПБ или рядового заключенного. Никакой специальной процедуры по найму санитаров не существует; власти останавливают свой выбор на первом попавшемся уголовнике, как только назревает потребность в кадрах. Отчего сложилось такое положение дел, пока непонятно: возможно, его причина в нежелании вольнонаемных идти на столь непривлекательную и опасную работу.

Работа у санитаров однообразная, вознаграждения почти нет. Санитар сам является заключенным и содержится в общежитии, обычно в помещении СПБ.<sup>6</sup> Кормят его плохо, подчас даже хуже, чем больных. Продовольственные передачи разрешаются один раз в четыре месяца, свидания с родными редки. Срок заключения санитаря — в среднем от двух до пяти лет — как правило, отбывается им в СПБ, исключая те слу-

чай, когда за хорошее поведение его переводят в более благоприятные условия, например, на стройку, или за плохое — в лагерь или в тюрьму. Возможность последней санкции делает санитаря податливым. Он находится под неустанным контролем надзирателя и других сотрудников охраны. Однако в работе санитарю большей частью предоставляется неограниченная свобода. Это чрезвычайно важно, т. к. санитар находится в постоянном контакте с больными — он охраняет их, скручивает их во время инъекций, сопровождает на прогулки и т. п.

Таким образом, человек, наименее подготовленный к выполнению лечебных задач, проводит с больными больше времени, нежели все остальные сотрудники. Чувство безысходности, тюремное положение, скверная пища — все это способствует тому, что санитары быстро опускаются. Свое недовольство они вымещают на больных. Санитары вымогают у них еду и одежду в обмен на разрешение пойти лишний раз в уборную или получить дополнительную горсточку табака.

Влияние психиатра на обстановку в СПБ весьма незначительно. Необходимость соблюдения тюремного режима почти сводит его на нет. Файнберг, описывая систему администрирования СПБ, подчеркивает почти полное бессилие врача и всемогущество санитаря:

*«На низшей ступени двойного подчинения (охранникам и медработникам) стоит санитар, непосредственный контроль над которым — в руках надзирателя, т.е. человека, не имеющего ни малейшего отношения к медицине. Такая система не только не мешает произволу, но в результате круговой поруки и прочных больничных традиций всячески его стимулирует. Известны случаи, когда санитары по приказу надзирателя и без ведома сестер врываются в палату, связывают и избивают больного. В настоящее время система такова, что даже люди, которые испытывают долю человеческого сочувствия к больным, не в состоянии практически им помочь. Так что врач, который хотел бы оградить больного от издевательств*



*и побоев надзирателей и начальников отделений, совершенно беспомощен. Сестра может лишь просить, но не требовать, чтобы надзиратель не прибегал к грубости и насилию».<sup>7</sup>*

## ЖИЗНЬ В СПБ

Несмотря на переименование в середине 50-х годов «тюремных» псих. больниц в «специальные», учреждения эти сохранили тюремный характер. Многие из них помещаются в зданиях бывших тюрем. У нас имеются подробные сведения о Днепропетровской СПБ.<sup>8</sup> Размещена она на территории городской тюрьмы и огорожена двойной кирпичной стеной, увенчанной на всякий случай, колючей проволокой. Над обеими стенами в сторожевых вышках дежурит вооруженная охрана — с автоматами наготове следит, как бы кто не сбежал. Сходство с тюрьмой несомненно и внутри СПБ. Так, некоторые больные находятся не в палатах, а в камерах, запирающихся извне. Заключение вынуждены проводить в палатах (или в камерах) более 20 часов в сутки. Прогулки в тесном дворике длятся обычно — час зимой, два часа летом. Жизнь больного почти ничем не отличается от быта заключенного. Не лучше обстоит дело в Орловской СПБ. Вот как описывает тамошние условия Владимир Гершуни (в дневнике за 9 марта 1971-го года):

*«27 февраля прибыл очередной этап из Бутырок, камеры переполнены — было по семь, теперь по восемь человек на 16-17 метровую камеру, т.е. по 2 кв.м. на больного. Так это и предполагалось. Двигаться негде. По коридору можно ходить только по крайней нужде — в туалет, за продуктами к сестре, курить в туалет. Туалет здесь — клоака, 4 отверстия и два крана на 54 человека — очень напоминает привокзальный в худшем смысле слова. Меньше половины всех больных работает на плетении сеток — работа тоже весьма нединамичная. Прогулка — один*

час в маленьких дворах, намного меньше, чем в Бутырьках. В комнатах нет ни одной тумбочки, писать можно только присев на пол у койки. Свет плохой».

Через два дня Гершуни писал:

*«По вечерам, т.е. с 7 до 8.30 нам дают возможность пользоваться помещением столовой. Пишут письма и играют в домино, шахматы. Шалман, бедлам. Голова пухнет. Письма получаются странные.*

*... Гуляем только по часу (в Бутырьках давали два). В прогулочных двориках тесно, толчея, от которой тоже голова идет кругом».*<sup>9</sup>

Примерно в таких же условиях находился в Черняховской СПБ генерал Григоренко:

*«Камера размером в 6 кв.м. . . В ней помещены двое: Петр Григоренко и его сокамерник . . . Свободного места — два шага. Прогулка сводится к двум часам в сутки — остальное время больной на замке».*<sup>10</sup>

Но физическими лишениями дело не ограничивается, заключенных обрекают и на духовные мучения. Об этом в разное время писали разные диссиденты: Зинаида Григоренко обращалась в советские и международные инстанции<sup>11</sup> с письмами, в которых говорилось, что больничная администрация не разрешает ее мужу ни заниматься физическим трудом, ни пользоваться пером и бумагой:

*«Нашел как-то кусочек грифеля. Зажимая ногтями, делал пометки в книгах. Отобрали грифель. Делал книжные закладки из газетной бумаги. Выбросили закладки. Просил какую-нибудь работу, в порядке трудотерапии, хоть двор убирать. Отказано».*<sup>12</sup>

Письменные принадлежности можно приобрести только с санкции начальства. В своем дневнике Гершуни пишет, что он и его товарищи по палате были предупреждены о предстоящем изъятии карандашей и ручек, которые впредь решено было выдавать лишь в случае необходимости — для писания писем.<sup>13</sup>

Но и в случае необходимости, когда хочется написать

родным, больных ожидают очередные препятствия: отсылать письма разрешается всего два раза в месяц. Корреспонденция проходит цензуру администрации СПБ, причем до заключенных доходят лишь письма от родственников. Владимир Борисов рассказывает, как осуществляются эти ограничения в Ленинградской СПБ:

*«Мне разрешили пользоваться авторучкой и бумагой, но я обязан каждую строчку сдавать на хранение лечащему врачу (в моих собственных интересах, разумеется), дабы ни одна из них не покинула больницу без проверки».<sup>14</sup>*

Строгая проверка охватывает и другие стороны больничного быта. Свидания разрешены лишь с родными и происходят в присутствии сотрудников СПБ. Обсуждать дозволено лишь семейные дела, говорить о больничных условиях запрещается. Охрана зорко следит за больными и посетителями, пресекая возможность передачи каких-либо писем или рукописей<sup>15</sup>. Подвергают цензуре то, что читают больные. Файнберг рассказывает, что проверяются все книги, присылаемые извне, а литература на иностранных языках запрещена полностью — без исключения.<sup>16</sup>

Свидания разрешены один раз в месяц. Но и это право заключенного администрация облечена властью отнять. Петру Григоренко, например, директор отказал в свидании с женой, сыном и невестой сына. Молодые приехали из Москвы в Черняховск (более 1000 км) специально для того, чтобы получить благословение отца на брак.<sup>17</sup>

Странное отношение администрации к посещению родственников иллюстрирует случай Леонида Плюща, содержавшегося в Днепропетровской СПБ с июля 1973-го года по январь 1976-го. Прежде, чем увидеться с мужем, Татьяне Плющ не раз пришлось столкнуться со всевозможными помехами. Первое свидание состоялось лишь 22-го августа 1973-го года, на 38-ой день после его поступления в больницу, через 19 месяцев со дня его ареста.

## ЖЕСТОКОСТЬ ОБРАЩЕНИЯ, НАКАЗАНИЯ

Все эти условия переносились бы легче, если бы человечнее и великодушнее был больничный персонал. Однако свидетельства указывают как раз на его жестокость и зверство. Угнетающая карательная атмосфера, зловещее пренебрежение основными гуманными правилами обращения с психическими больными — такая картина очерчивается сразу несколькими сообщениями. Не только СПБ, да и не один Советский Союз, обвиняли в неприемлемых условиях содержания психических больных. Во многих странах психиатрические учреждения, в особенности те, куда помещаются буйные больные, в различные периоды были разоблачены как карательные и бесчеловечные. Но нет среди них таких, которые могли бы сравняться по своей жестокости с СПБ.\*

Разговор о зверствах в СПБ следует начать с санитаров. Именно они играют доминирующую роль в создании угнетающей атмосферы. Жестокость санитаров запечатлена Файнбергом в его обращении к международным организациям прав человека:

*«Летом 1969-го года два санитары из 8-го отделения вошли в камеру без сестры или дежурного и избили больного Станислава Арбузова. В конце апреля 1970 года в 4-ом отделении сестра Анастасия Алексеевна сделала укол больному Владимиру Алексееву и покинула палату, дабы дать санитарам возможность избить его, сохранив при этом собственные руки незапятнанными. Иногда, «для удобства», больного привязывают к койке перед тем, как избить. В августе 1970-го года в 3-ем отделении санитары избили больного Ефимова, предварительно повалив его на койку. Дежурные и надзиратели не отстают от*

\*) Названные здесь СПБ отнюдь не представляют собой исключения. Условия в Смоленской и Сычевской СПБ в 1972-73 гг., описанные Яном Крыльским в еще не опубликованном сборнике, составленном его отцом Юлиусом Крыльским, весьма сходны с теми, которые приводятся нами, а в отдельных отношениях превосходят их своей жестокостью.

санитаров в подвигах такого рода. В июне 1969-го г. в I-ом отделении больного Владимира Степанова грубо затащили не в ту прогулочную кабину (тяжело больные гуляют в так называемых «кабинах», т.е. малюсеньких двориках, более похожих на деревянные ящики без крыши), в которую он хотел; больной, сопротивляясь, ударил начальника блока Георгия Русского; тот, вместе с санитарями, схватил его и отвел в палату, где продолжал избивать».<sup>18</sup>

Бывали случаи, когда такие избиения кончались смертью больного. В «Хронике» говорилось об избиении до смерти больного Попова в Черняховске. В истории его болезни было записано, что смерть наступила в результате кровоизлияния в мозг.<sup>19</sup>

Гершуни описывает жестокость персонала Орловской СПБ. В ответ на объявленную голодовку Гершуни запретили прогулку. Но он настаивал на своем праве и сделал попытку присоединиться к заключенным, когда их выводили в прогулочный дворик . . .

*. . . «меня схватили, скрутили руки, вернули в камеру, и в дверях прогулочной мент нанес мне удар по челюсти. Десны были слабы, это происходило на 42-ой день голодовки . . .».*<sup>20</sup>

Врачи и сестры, по-видимому, потворствуют избиениям или не имеют возможности вступить за жертву. Все, что может сделать врач, — это перевести больного в другое отделение. И Файнберг и Гершуни с горечью отмечают полную безнаказанность тех, кто прибегает к насилию. Нанесенные больному физические увечья санитары объясняют чем придется. Как пишет Буковский,

*« . . . никакого контроля над санитарями со стороны врачей нет, и они безнаказанно могут избивать больных. Они всегда могут сослаться на то, что больной вел себя недопустимо, что был в болезненном состоянии, слишком раздражительный, что у них не было возможности поступить с ним иначе. Такого объяснения хватает: они не понесут никакого наказания».*<sup>21</sup>

Ряд диссидентов рассказывает, что в дополнение к стихийным побоям существует целая система наказания, основная функция которой — сохранение строгой дисциплины.

Видное место в этой системе занимает «укрутка» (см. гл. 3) — мера, которая когда-то применялась в советской лечебной психиатрии для успокоения и сдерживания больного и от которой давно уже отказались. Ныне она является чисто карательной. Эту процедуру описывают Буковский и Файнберг.<sup>22</sup> «Хроника» сообщает еще об одном способе наказания — его применяют в Казани:

*«В случаях провинностей — отказ от приема лекарства, препирательство с врачами, драки — больных привязывают к кровати на три дня и больше. При этом виде наказания не соблюдаются элементарные санитарные условия: больного не отпускают в туалет, а судно не подается».*<sup>23</sup>

По словам очевидца, к этой мере прибегают и в Сычевской СПБ. Иной раз там привязывают больного к кровати на несколько дней.<sup>24</sup>

## ЛЕКАРСТВО КАК ЛЕЧЕБНО-КАРАТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО

Более распространенная форма наказания — применение лекарств. Инъекция сульфазина, например, вызывает целый ряд неприятных симптомов — жар, физическую боль, слабость. Как лечебное, это средство употреблялось психиатрами в тридцатые годы, но от него отказались, когда выяснилось, что оно не имеет никакого терапевтического эффекта. В современной медицине, во всяком случае в западной фармакопее, сульфазин не числится. О карательном применении сульфазина свидетельствуют показания диссидентов. Плющ сообщает о его назначении в качестве кары за «дурное поведение». Невыносимая боль длится 24 часа.<sup>25</sup>

Файнберг отмечает, что лекарство это «применяется почти исключительно как наказание: температура больного повышается до 40<sup>0</sup>, и в течение трех последующих дней ему больно пошевелиться».<sup>26</sup>

С начала пятидесятых годов большую роль в психиатрической практике стала играть группа сильнодействующих транквилизаторов. Не подлежит сомнению их ценность в лечении некоторых тяжелых психических заболеваний, главным образом, шизофрении и связанных с ней психозов, а также при борьбе с острой возбудимостью. Первым успешно примененным препаратом этой группы был хлорпромазин (на Западе известен под названием ларгактила, аминазина — в СССР). Позднее вошли в медицинский обиход близкие к аминазину соединения — трифлуоперазин (стелазин на Западе, трифтазин — в СССР) и галоперидол. Наиболее распространенными транквилизаторами тяжелых психиатрических заболеваний в советской психиатрии стали аминазин и галоперидол.

У больного шизофренией эти транквилизаторы уменьшают симптомы тревоги и возбуждения; затем он постепенно начинает избавляться от таких решающих симптомов, как галлюцинации и бред, в некоторых случаях они полностью исчезают. Принято давать больному поначалу усиленные дозы — либо внутрь, либо в виде инъекций — особенно при острой шизофрении; потом доза снижается до определенного уровня, достаточного для сохранения достигнутого эффекта.

Не исключены побочные явления и осложнения, такие, как падение кровяного давления, желтуха, аллергическая кожная реакция, пигментация, прибавление в весе, нарушение зрения, сонливость. Врачи поэтому часто воздерживаются от применения этих транквилизаторов. Еще большая опасность связана с довольно часто встречающимся побочным явлением, сказывающимся на экстрапирамидальной системе мозга, которая управляет координацией движений. Их замедленность и скудность, а также ригидность, дрожание, моторное

беспокойство и произвольные движения рта, языка, лицевых мышц и пр. — все эти явления в легкой форме возникают нередко, но они обратимы по прекращении курса. Кроме того, их обычно можно избежать, принимая корректоры (в качестве таковых в основном прописывают лекарства, предназначенные для страдающих болезнью Паркинсона). Однако в отдельных случаях существует угроза необратимости перечисленных выше симптомов.

Большинство психиатров признает и бесценные терапевтические свойства транквилизаторов в лечении психозов, и опасность серьезных побочных явлений. При дозировке соблюдается особая осторожность, побочные явления тщательно контролируются; когда необходимо, используются корректоры. Судя по разным отчетам, советские психиатры подходят к лечению транквилизаторами точно так же, как и на Западе. Но вот, по сведениям диссидентов, лекарства эти получили в СССР дополнительное применение — не лечебного характера. Приводим сообщение Гершуни:

*«По прибытии нашего этапа из Бутырок (60 человек) всем шестидесяти было назначено лечение без всякого терапевтического осмотра. Мне, например, было измерено давление, а другим и этого не делали. Подавляющее большинство прибывших начало получать аминазин, в драже и инъекционно...»<sup>27</sup>*

Транквилизаторы употребляются в целях запугивания и деморализации диссидента, подавления его воли — все направлено к тому, чтобы вынудить его отказаться от своих убеждений.

Анти-терапевтическое применение лекарств отражено в записях Гершуни о его пребывании в Орле в 1970 г.:

*«Во время голодовки в январе... я чувствовал себя все хуже и хуже, и в ответ на жалобы стал получать уколы аминазина — максимальную или близкую к максимальной дозу (6 кубиков или около этого)\*. Я*

---

\*) Установить с точностью дозировку не представляется возможным, т.к. концентрация аминазина бывает разной.



*совершенно лишился сна, но аминазин, не снижая дозы, кололи 12 дней подряд, пока не убедились, что сна все равно нет, а голодовка из-за уколов не прекращается. Кололи по два раза в день, с 4-го по 18 января, а с 19-го января по сей день (и надолго, уверяет Козич\*), дают галоперидол, по две таблетки дважды в день, т.е. по 4 таблетки. От этого лекарства состояние самое отвратительное, не изведенное никогда раньше: едва прилег, тянет встать, чуть шагнул, тянет присесть, а присев, уже хочешь опять ходить, а ходить негде. Впрочем, это не мне одному так достается. Тут все мучаются от трифтазина, аминазина и от других активных средств».<sup>28</sup>*

Мы полагаем, что психиатры прописали Владимиру Гершуни крупные дозы аминазина в расчете на то, что он прекратит голодовку. Голодовка — единственное, но довольно действенное средство защиты политических заключенных от больничного произвола. В предыдущей главе мы писали об эффективности голодовки Шиманова, которая во многом способствовала его освобождению.

К длительным голодовкам ради обеспечения законного обращения с собой и со своими товарищами по несчастью прибегали Владимир Борисов и Виктор Файнберг.

Самое вопиющее злоупотребление медикаментами испытал на себе Леонид Плющ. Он родился в 1939 г., в 1962-м — окончил Киевский университет и до июля 1968 г. работал в качестве математика в Институте кибернетики Украинской Академии Наук, откуда его уволили после того, как он обратился в редакцию газеты с критикой статьи о политическом процессе. Год спустя Плющ стал одним из основателей Инициативной группы защиты прав человека. Его арестовали в январе 1972-го года. Верховный суд УССР, по рекомендации психиатрической комиссии, в июле 1973-го года направил его на принудительное лечение в СПб. Плющ про-

---

\*) Главный психиатр.

вел два с половиной года в Днепропетровской спецпсихбольнице. По окончании этого срока он эмигрировал во Францию.

Когда жена посетила Плюща в Днепропетровске 22-го октября 1973-го года, через три месяца после начала госпитализации, ее муж был неузнаваем:

*«Леонид Плющ стал задыхаться, у него начались судороги. Было заметно, что временами он перестает слышать. Иногда прерывалась речь. Плющ сам просил досрочно окончить свидание... Несколько позже стало известно, что Л. Плюща стали насильственно лечить галоперидолом. На последующих свиданиях с женой... судорог не было — возможно начали давать корректор — но общее состояние очень подавленное, апатия, сонливость, разбитость»...»<sup>29</sup>*

Можно, конечно, допустить, что ухудшение состояния Плюща произошло не из-за «лечения» галоперидолом, а в результате чего-либо еще. Однако нельзя упускать из виду причинную связь. Сыграли здесь роль и другие факторы, но все они обусловлены незаконным помещением здорового человека в психиатрическую лечебницу. Леонид Плющ страдал от окружения тяжелых больных, от чувства безысходности, неопределенности срока заключения, от разлуки и тревоги за семью. Бесспорное свидетельство ухудшения здоровья Плюща — его письма. Как сообщает «Хроника», «в августе-сентябре Плющ написал много писем, больших и содержательных. После того, как началось лечение, он почти перестал писать и даже читать не может»<sup>30</sup>. Позднее эти письма попали на Запад и полностью подтвердили оценку «Хроники».<sup>31</sup>

В июле 1974-го года свидание с Плющом произвело на его жену страшное впечатление: он с трудом двигался и «взгляд его потерял обычную живость».<sup>32</sup> За два месяца до этого галоперидол заменили инъекциями инсулина.\* Перед сменой лекарств Плюща на некото-

\*) Устаревший вид лечения, состоявший в том, что больному, страдающему шизофренией, сразу давали дозу, достаточную для приведения его в предкоматозное состояние.

рое время оставили в покое. Тогда — его самочувствие улучшилось, он снова стал читать и писать письма.<sup>33</sup> Дело в том, что Плющ пожаловался на боли в области желудка. Врачи были, по-видимому, смущены — лечение прекратили. Но смущение, надо полагать, длилось недолго: с галоперидола психиатры вскоре переключились на инсулин.

В январе 1975-го года Плющу вновь прописали сильный транквилизатор. Предсказать результат не составляло особого труда: «Снова апатия, безразличие, усталость. Он пишет теперь одно письмо из 5-10 строчек в месяц; не может читать, не гуляет».<sup>34</sup> А дальше — еще хуже. Курс продолжался и в начале марта...

*«к сонливости и апатии добавилась сильная отечность. Он все еще в надзорной палате и принимает все те же таблетки. В палате старается отключиться, уйти в себя. Такое, теперь уже привычное для него, отключение случалось с ним и во время свидания. Жена замечала, что взгляд его потухал и устремлялся куда-то мимо нее. В это время он ничего не видел и не слышал. Приходилось его окликать, и тогда он «возвращался». На вопросы о здоровье отвечал: «Все хорошо»».*<sup>35</sup>

Оказавшись на Западе, Плющ сам рассказал о действии этих лекарств. Его показания убеждают, что мотивы назначения этих средств отнюдь не медицинские. Так, например, украинскому поэту-диссиденту Анатолию Лупиносу прописали высокие лекарственные дозы в наказание за протест против больничной администрации. Ранее — он получал меньшие дозы, чем Плющ. Другому «больному» — Виктору Рафальскому, директору школы на Украине и автору работ марксистского направления, стали давать в крупных дозах сульфазин. Сестра признала в разговоре с Плющом карательную сущность «лечения» Рафальского, хотя врач это и отрицал.

Плющу лекарства назначались не только в целях наказания: они рассчитаны были на уничтожение его

личности. Как отмечает сам Плющ, лекарства оказывали вредное воздействие на весь организм:

*«Я убедился на собственном случае, что первые дни служат для того, чтобы сломить человека морально тотчас, подавить его волю к борьбе. Затем начинается «лечение» нейролептиками. Я с ужасом наблюдал, как изо дня в день понижается мой интеллектуальный, эмоциональный и нравственный уровень. Вскорости у меня пропал интерес к политическим проблемам, затем — к научным, а затем к жене и детям. Последнее сменилось тревогой за них. Речь моя сделалась судорожной и внезапной. Ухудшилась память».*<sup>36</sup>

Кроме того, при помощи «лечения» можно было шантажировать жену заключенного. Ее предупредили, что лечение Плюща будет менее интенсивным, если она замолчит, воздержится от огласки.<sup>37</sup>

Поразительно, что на протяжении длительного заключения в больнице ни разу не были использованы лекарства против Григоренко и Рипса; Файнбергу за пять лет сделали всего два укола. Возможно, в случае Григоренко врачей останавливали возраст «больного» и его физическое состояние — нельзя было предугадать, во что выльются побочные явления от транквилизаторов в медицинском отношении, в политическом — они точно не предвещали ничего хорошего. Файнберг грозил покончить с собой, если ему введут лекарства — вероятно, врачи понимали, что это не пустая угроза. Может быть, сдерживало врачей и заболевание щитовидной железы — хроническое у Файнберга. Рипс содержался в больнице общего типа и не причинял хлопот персоналу; он не был связан с диссидентским движением, ограничился личным политическим протестом, выразившимся в попытке саможжения. Наверно, имело значение и то, что он был местным жителем, «своим» для латышского персонала больницы, и хорошее отношение к нему — следствие нелюбви латышей к русским «хозяевам».

С Плющом дело обстояло иначе. Он был одним из основателей Инициативной группы, все попытки оказать на него давление оказались тщетными. Он упорствовал в своей деятельности, и тогда власти обратились к радикальным мерам. Думается, что неприкрытое психиатрическое изуверство над Плющом было использовано для устрашения других инакомыслящих. Власти словно бы предупреждали диссидентов, к чему могут привести выступления против режима. Если мы правы в своем предположении, и это действительно так, то становится понятен смысл нечеловеческой расправы над Леонидом Плющом. Но зловещий план КГБ был сорван. Под угрозой поголовной расправы диссиденты не прекратили своей борьбы — напротив, незаконное обращение с Плющом усилило их активность. Умноженная поддержкою с Запада, активность эта стала для властей непереносимой. Леонида Плюща пришлось отпустить.

## НЕВОЗМОЖНОСТЬ АПЕЛЛИРОВАТЬ К ЗАКОНУ

Человек, попадающий в СПБ, автоматически теряет все свои основные права — он беспомощен. Каким бы несправедливым ни было обращение с ним, как бы его ни избивали, ни калечили психику лекарствами, как бы ни наказывали без повода, — возможности апеллировать к закону у него не существует. В этом отношении его судьба хуже участи тех, кто заключен в лагере или тюрьме.

В лагере или тюрьме заключенный по крайней мере имеет право заявлять протесты местному прокурору, который теоретически ответственен за соблюдение закона на вверенном ему участке. Несмотря на всю бесполезность такой акции, тюремная и лагерная администрация обязаны пропустить заявление. У письменных протестов «больного» шансов выйти за пределы лечебницы практически нет. Его заявление тут же

будет квалифицировано как бред сумасшедшего. К тому же начальники больниц, в отличие от своих сослуживцев по МВД, ведающих тюрьмами и лагерями, не обязаны пропускать заявления прокурору. О беспомощности обитателя СПБ писал Григоренко:

*«У больного СПБ нет даже тех мизерных прав, которые имеются у заключенных. У него вообще нет никаких прав. Врачи могут делать с ним все, что угодно, и никто не вмешается, никто не защитит, никакие его жалобы или жалобы тех, кто с ним находится, из больницы нигуда не уйдут. У него остается лишь одна надежда — на честность врачей».*<sup>38</sup>

Правами, отсутствующими у больного, формально обладают его родственники. Семья госпитализированного, по закону, вправе просить прокурора возбудить дело против персонала больницы. Нам известна всего одна попытка воспользоваться этим правом — к такому средству прибегнула жена Плюща, Татьяна Житникова. В декабре 1974-го года, после того, как ее муж провел в Днепропетровске 18 месяцев, и прогрессирующее ухудшение его состояния было очевидно, она обратилась к прокурору Днепропетровской области с требованием привлечь к уголовной ответственности начальника больницы подполковника Ф. К. Прусса и врачей, лечащих Плюща — Л. А. Любарскую и Э. П. Каменецкую. Эта акция была вполне законной. Т. Житникова писала, что «преднамеренное разрушение физического и психического здоровья Л. Плюща усиленными дозами медицинских препаратов в течение длительного времени в антисанитарных условиях»<sup>39</sup> подпадает под соответствующие статьи УК УССР.

Прокурор ответил отказом. Возбуждение уголовного дела исключено, — сказал прокурор Житниковой, — потому что медицинская комиссия проверила в марте лечение и условия содержания Плюща и не нашла никаких нарушений. (Потом выяснилось, что комиссии в марте — не было).<sup>40</sup>

Неизвестно еще случая, чтобы врач или какой-нибудь

другой сотрудник СПБ был осужден за преступную небрежность или преднамеренное злоупотребление психиатрией. И хотя для юридических начинаний подобного рода имеется законная возможность, ее претворение в жизнь практически неосуществимо. Так что прав, наверно, в своем утверждении Григоренко: действительно, честность врача — единственное, на что остается уповать диссиденту. Можно надеяться и на поддержку Запада, но заполучить ее — удел очень немногих.

## ОТНОШЕНИЕ К СЕМЬЕ ГОСПИТАЛИЗИРОВАННОГО

В обычной психиатрии врачи поощряют общение больного с родственниками и опираются на их помощь. При «лечении» диссидентов психиатру на помощь семьи госпитализированного рассчитывать не приходится. Не удивительно, что между врачом и близкими «больного» сразу же устанавливаются враждебные отношения.

Можно привести несколько случаев, демонстрирующих недоброжелательное и даже презрительное обращение психиатра с родственниками госпитализированного. Так, Прусс, разрешив, наконец, жене Плюща свидание с мужем, добавил следующее: «Поскольку вы любите затевать шумиху, вы получите, несмотря на карантин (тогда в больнице в самом деле был карантин), 10 минут свидания с мужем». Другой врач на вопрос Татьяны Плющ о лекарствах, ответила: «Я ничего говорить не буду: ни диагноза, ни чем мы лечим».<sup>41</sup> Майор Белокопытов, начальник Черняховской СПБ, сыну Григоренко, приехавшему со своей невестой к отцу за благословением, отказал в свидании так: «Не просите меня, на работе у меня нет чувств — только инструкции».<sup>42</sup>

## БЕССРОЧНАЯ ГОСПИТАЛИЗАЦИЯ

Как бы ни было тяжело обычному заключенному — ему известен все-таки день окончания срока. Другое дело — заточение в сумасшедшем доме. Пребывание в больнице общего типа может длиться до тех пор, пока «больной не перестанет представлять опасность для себя или окружающих». Он не имеет права апелляции, и только от врачей зависит решение вопроса о его выписке.

Заключение в СПБ может оказаться пожизненным. Даже если заседающая всего два раза в году комиссия направляет больного на выписку, эта рекомендация может быть отвергнута судом. Вот что пишет Григоренко о воздействии неопределенности срока заключения на состояние госпитализированного:

*«Особо тяжело сознавать полную неопределенность времени, на какое человека определили в это положение. У врачей существуют какие-то минимальные нормы. Мне они неизвестны. Однако, достоверно знаю, что совершивших убийство держат не менее пяти лет. Говорят, что политические в этом отношении приравнены к убийцам. Но их, если они не раскаиваются, могут не выпустить и после этого».*<sup>43</sup>

Так диссидент и живет от комиссии до комиссии, дожидаясь той, которая примет, наконец, решение о его выписке. Ожидание зачастую длится целые годы: с 1970-го по 1974-ый находился в психиатрических больницах Григоренко, пять лет — Виктор Файнберг и Владимир Борисов, восемь лет — Николай Самсонов. Хорошо известен теперь длинный перечень случаев такой же или даже большей протяженности заключения.

Неопределенность срока во многом обусловлена туманностью заключения психиатрической экспертизы и судебного приговора. Комиссия, рекомендуя принудительное лечение, не оговаривает ни срока, ни характера лечения. Суд обычно принимает рекомендацию комиссии, но тип и длительность лечения тоже не уточняет.



Суд полномочен принять или отвергнуть рекомендации периодических комиссий. Диссидент не может рассчитывать на автоматическое утверждение судом рекомендации комиссии о выписке или о переводе в больницу общего типа. Часто создается впечатление, что суд пользуется негласным правилом, по которому длительность госпитализации определяется сроком, грозившим бы диссиденту, окажись он по мнению комиссии вменяемым. Следовательно, существует, по видимому, прямая зависимость между сроком лечения и тяжестью инкриминируемого преступления. Связь эта отчетливо проступила в деле Петра Григоренко. В январе 1973-го года комиссия сочла, что он не нуждается более в лечении в СПБ, и рекомендовала перевод в больницу общего типа. Суд, тем не менее, отверг рекомендацию, высказав в качестве мотива опасение, что Григоренко вновь вернется к своей «преступной» деятельности. Судебное решение было кассировано только после апелляции жены Григоренко — к этому времени ее муж провел еще шесть месяцев в СПБ.<sup>44</sup> Точно так же ответил суд в ноябре 1970-го года на рекомендацию о выписке из Казанской СПБ Виктора Кузнецова. Суд мотивировал свой отказ «тяжестью вины» госпитализированного<sup>45</sup> — фразой, исходившей от прокурора. Показательно, что к мнению прокурора, а не психиатров, прислушался суд, несмотря на медицинскую сущность этого вопроса. Кузнецов был выписан в августе 1971-го г., через девять месяцев после рекомендации комиссии.

## ТРЕБОВАНИЕ ОТКАЗА ОТ УБЕЖДЕНИЙ

Одно из первых сообщений о том, какой ценой власти советуют диссидентам купить освобождение из психиатрических больниц, пришло от Владимира Буковского:

*«Из этого учреждения значительно труднее выйти, чем попасть в него. Прежде всего, чтобы выйти,*

*нужно официально и открыто заявить врачам, что ты признаешь себя больным... и все, что делал, делал в состоянии невменяемости. Второе, это нужно заявить, что поступал неправильно, что отрекаешься от всего, что делал. Я знаю несколько примеров, когда люди, не желавшие таким образом отречься от своей деятельности, пробыли много лет в этой больнице».<sup>46</sup>*

Далее Буковский рассказывает о Николае Самсонове, который в отчаянной борьбе отстаивал свои убеждения. Самсонов держался восемь изнурительных лет и только после серьезного ухудшения здоровья вынужден был примириться с неизбежным и подписал заявление о том, что был психически болен.

Пытаясь добиться «раскаяния» от политических или религиозных инакомыслящих, власти наталкиваются на нестигаемое сопротивление, и в большинстве случаев — остаются ни с чем. Ни разу на протяжении насильственной госпитализации не отрекся от своих убеждений Григоренко. На комиссии в 1971 году его спросили, изменил ли он свои взгляды. Григоренко ответил: «Убеждения не перчатки, их легко не меняют».<sup>47</sup> Как и можно было ожидать, в наказание за непреклонность ему продлили «лечение».

Файнберг называет отречение «моральным самоубийством».<sup>48</sup> Но и покончив со своими прежними убеждениями, — говорит Файнберг, — диссидент не может надеяться на немедленную выписку. Врачи помучат его еще год-другой, подержат его под «медицинским» надзором, постараются сломить его окончательно и добиться полного «выздоровления». Сам Файнберг, несмотря на сильнейшее давление, выстоял и не пошел на отречение. Главному психиатру не удалось осуществить свой план. Файнберг не отрекся даже в марте 1970-го г., когда услышал угрозу: «Мы отнимем у вас все письменные принадлежности и т. п. Мы хотим дать вам возможность побыть наедине с собой, подумать и прийти к правильному выводу. Когда человек приходит

к правильному выводу, он перестает быть опасным обществу и его выпускают». <sup>49</sup>

Жене Плюща один из врачей Днепропетровской СПБ сказал, что «взгляды и убеждения» ее мужа являются симптомами психической болезни — именно от них Плюща и хотят вылечить. Сам Плющ сообщил жене на свидании, что врачи требуют письменного отречения, но он отказывается идти на какие-либо уступки. <sup>50</sup>

В таком же положении оказываются госпитализированные за веру в Бога. Ранее (гл. 6) мы говорили уже об испытаниях, выпавших на долю Геннадия Шиманова.

Добивались письменного отречения от Горбаневской. Однако психиатрам пришлось довольствоваться лишь устным «признанием»: Горбаневская сказала, что была больна в момент совершения «антисоветских деяний».

Не всякий может выдержать психическую атаку такого рода на свои убеждения. Госпитализация Юрия Шихановича, с которым мы познакомились в Москве в 1976 году, длилась «всего» шесть месяцев — в больнице общего типа. Он был арестован в сентябре 1972-го года и обвинен по статье 70 в распространении «Хроники» и других материалов самиздата. Комиссия Института им. Сербского во главе с Лунцем и Г. Морозовым нашла у Шихановича: «глубокую психопатизацию личности шизоидного круга; возможен вялотекущий шизофренический процесс», и признала невменяемым. Шиханович сделал заявление до суда, пообещал «впредь не предпринимать инкриминируемых ему действий и по освобождении заниматься только педагогической и редакторской работой». <sup>51</sup>

Этого, видимо, властям показалось мало. Следователь КГБ решил удостовериться, как «поправляется» Шиханович после отречения и, посетив его в больнице за несколько недель до выписки, осведомился о дальнейших планах Шихановича. На всякий случай он посоветовал: «Не встречайтесь с Сахаровым», и «по-дружески» предложил Шихановичу помощь в трудоустройстве. Столь ласковое обращение было, вероятно,

наградой за обещание Шихановича. Одновременно власти действовали с оглядкой на Запад, где широкую кампанию в защиту Шихановича развернули математики.

## СОВМЕСТНОЕ СОДЕРЖАНИЕ С БУЙНЫМИ БОЛЬНЫМИ

Самое изощренное воображение не в состоянии нарисовать картину, которая открывается нормальному человеку, помещенному среди буйнопомешанных. Обитатели СПБ в большинстве своем страдают тяжелыми формами психических заболеваний. Много здесь насильников и убийц. Впервые (1964 г.) попав в СПБ и познакомившись с тамошней обстановкой, Григоренко писал:

*«Весь ужас положения здорового, попавшего в эти условия, состоит в том, что он сам начинает понимать, что со временем может превратиться в одного из тех, кого он видит вокруг себя».*<sup>52</sup>

Один из товарищей Григоренко по несчастью был инженер Петр Лысак, оказавшийся в сумасшедшем доме за «нелойяльное» выступление на собрании. До встречи с Григоренко Лысак провел в СПБ семь лет, но об отречении он и не думал — наоборот, с энергией, близкой к помешательству, он осыпал начальство заявлениями протеста. Однажды Григоренко не выдержал и сказал Лысаку:

*«Вы настолько нереально рассуждаете, что я начинаю сомневаться в Вашей нормальности». Он вдруг остановился, посмотрел на меня взглядом, который нельзя забыть до смерти, и тихо, очень тихо, с какой-то горькой укоризной спросил: «А неужели Вы думаете, что здесь можно пробыть 7 лет и остаться нормальным?»*<sup>53</sup>

Глядя на вызванные медикаментами муки других заключенных в СПБ и отмечая ухудшение собственного состояния, стал опасаться за свою судьбу Леонид Плющ:

*«Я смотрел на действительно больных, тяжелых, которые, как говорили, еще несколько лет назад были совершенно здоровыми... У меня на глазах сложились и сдали свои позиции несколько политических».*<sup>54</sup>

Диссидент окружен в СПБ десятками больных с чудовищными, пугающими проявлениями болезни. Юрий Иофе описал обстановку в палате Казанской СПБ, где содержалась его 20-летняя дочь Ольга:

*«Вера, зарубившая мать топором и воображающая себя английской королевой, все время отрещивается от чертей... одолевают ее и рептилии. То и дело умоляет Ольгу снять у нее со спины змею. Анида, по национальности немка, изувечила своего отца. Помешана на том, что лечат только русских, немцев же калечат. Люба убила своего любовника: «померещилось, что он стащил 20 рублей». Мария... урожденная имбецилка. Испражняется под себя... роется в уборных, тщательно собирает их содержимое, тщательно прячет его в карманах халата».*<sup>55</sup>

Таковы несчастные жертвы сумасшествия, насильно введенные в мир Ольги Иофе.

Плющ описал атмосферу в палате № 9 Днепропетровской СПБ:

*«Меня поместили в так называемую «поднадзорную палату», куда помещают тяжелых буйных больных — одни дерутся, другие корчатся в эпилептическом припадке, кто-то плачет, кто-то хохочет, другой распевает блатные песни, третий громко рассказывает о своем деле и сексуальных подвигах, кто-то просится в туалет... Он страдает недержанием и имеет разрешение врача ходить туда во всякое время. Но санитары не обращают на это внимания, и он мочится тут же в палате, на пол. И он не единственный, кто прибегает к такой форме протеста...*

*В туалете картина еще непригляднее — народу полно, идут драки за стульчак, люди ищут окурки среди использованной бумаги. Иные из больных едят экскременты, мастурбируют. Не хочу сгущать краски — последнее случается не каждый день».*<sup>56</sup>

Плющ сумел перенести обступавшие его изо дня в день кошмары лишь благодаря сознательной апатии и безразличию, погрузившись, по его словам, «в зимнюю спячку». Поначалу он остро переживал страдания своих соседей, но вскоре перестал на них реагировать:

*«Я не хотел слышать криков, драк, хохота, рыданий, бреда. Целыми днями лежал и старался заснуть. Транквилизаторы способствовали этому.*

*В голове не было ни единой мысли. Единственные мысли, в ней оставшиеся — туалет, курило и «чайные», которые приходилось давать санитарам, чтобы я мог получить лишний выход в туалет. И еще одна — что я должен запомнить все, что видел там, чтобы впоследствии описать».<sup>57</sup>*

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Испытания, ожидающие помещенного в больницу общего типа, несмотря на всю их тяжесть и суровость, лишь отдаленно напоминают муки попадающих в СПб. Помощь настоящим психическим больным с преступными наклонностями — задача нелегкая, и как следует не решена она ни в одной из стран мира. Сталкиваясь с больными, представляющими опасность для общества, психиатры довольно часто не знают, что предпринять. Конечно, общество должно быть ограждено от психически больного с преступными наклонностями, но, ограждая себя, нельзя забывать, что это как-никак больные, которых можно попробовать вылечить. Атмосфера же, господствующая в СПб до такой степени чудовищна, что не только не способствует излечению больных, но, напротив, калечит их души еще больше. Как было показано в этой главе, СПб ограждают общество от опасных весьма надежно. Только вот родственникам этих жертв психического расстройства не приходится надеяться на их выздоровление.

После всего сказанного нам остается сделать вывод,

что обстановка в СПБ сравнима лишь с условиями тюрьмы. Но для диссидента СПБ, наверно, еще страшнее, ибо здесь он лишен всех своих прав и брошен на полный произвол властей. Кроме того, окружение больных, их патологическое поведение является страшным духовным испытанием для нормального человека — чтобы сохранить свою душу неизуродованной, нужно обладать поистине недюжинной выдержкой.

### ПСИХИАТР И ЕГО ДИАГНОЗ

В предыдущих главах мы показали, как происходит в СССР злоупотребление психиатрией, но лишь вскользь говорили о тех, кто несет ответственность за превышение медицинских полномочий. В этой главе мы восполним это упущение и постараемся установить мотивы, движущие психиатрами, замешанными в преступлениях против человечества. Ответственно ли только меньшинство психиатров? Каковы подлинные мотивы злоупотреблений? Вопрос, заслуживающий пристального внимания и рассматриваемый нами поэтому в данной главе, мы сформулируем так: предоставляет ли возможность для преступных толкований сама принятая в психиатрии система диагностики, или интерпретации советских психиатров не имеют с ней ничего общего и вытекают из их непрофессионального толкования очередных требований вышестоящих инстанций? Как относится западная психиатрия к советским психиатрическим диагнозам диссидентов?

#### КТО ПРИЧАСТЕН?

Прежде всего надо сказать, что «идеологи» злоупотребления психиатрией, несущие самую тяжкую ответственность за госпитализацию нормальных людей, составляют среди советских психиатров незначительное меньшинство. Еще меньше таких, которые осмеливаются открыто заявить о своем несогласии с практикой карательной психиатрии. Подавляющее большинство советских психиатров нельзя отнести ни к активным защитникам и проводникам карательной ме-



дицины, ни к ее открытым противникам. Не говоря уже о психиатрах, восстающих против произвола, необходимо сделать различие между «идеологами» и молчаливым большинством, прячущим иной раз под маской послушания сочувствие к жертвам и желание им помочь.

## КЛЮЧЕВЫЕ ФИГУРЫ

Использование психиатрии в целях подавления свободомыслия в Советском Союзе возглавляют: директор Института психиатрии Академии Медицинских Наук СССР профессор Андрей Снежневский, директор Института им. Сербского доктор Георгий Морозов, заместитель директора Института психиатрии профессор Рубен Наджаров и начальник специального диагностического отделения Института им. Сербского профессор Даниил Лунц.

Наибольшей известностью и влиянием, вне всякого сомнения, обладает профессор Андрей Снежневский. Он — один из немногих психиатров, удостоенных почетного звания действительного члена Академии Медицинских Наук. К его советам по специальным психиатрическим вопросам прислушиваются в Министерстве здравоохранения. Снежневский является редактором журнала «Невропатология и психиатрия» им. С. С. Корсакова, членом Президиума АМН и Всесоюзного общества невропатологов и психиатров. Ему также принадлежит ведущая роль в международных мероприятиях советской психиатрии. Влияние Снежневского усиливается почетным членством во Всемирной Психиатрической Ассоциации, Американской Психиатрической Ассоциации и Королевской Коллегии Психиатров Великобритании.

Андрей Снежневский родился в 1904 году. Карьеру свою он сделал в 1950-м. Тогда состоялась объединенная сессия Академии Наук и Академии Медицинских Наук СССР на тему о внедрении в советскую психиатричес-

кую практику идей академика Павлова. Поборники теории Павлова победили. Снежневский находился в их стане, и волна, сокрушившая разгромленных, вынесла его на вершины медицинской иерархии. Снежневский получил кафедру в Институте усовершенствования врачей, в 1950-51 гг. стал директором Института им. Сербского, а в 1962-м его облекли наивысшим доверием: Снежневский сделался директором Института психиатрии.

Вскоре после того, как по приказу партии доктрина Павлова вытеснила из официальной советской психиатрии почти все остальные научные подходы, Снежневский, зарекомендовав себя непоколебимым павловцем, начал развивать собственную теорию шизофрении. По сути дела, Снежневский ввел новое толкование болезни, в результате чего стало возможным трактовать идеологическое инакомыслие как симптом тяжелого психического расстройства.

Взгляды Снежневского на шизофрению вызвали длительную борьбу с другими направлениями в психиатрии, сторонники которых были сосредоточены главным образом в Киеве и Ленинграде. Обе эти школы решительно выступали против расплывчатой теории Снежневского и против участвовавших из-за нее диагнозов шизофрении. Главным противником Снежневского в Ленинграде был доктор А. С. Чистович; в середине пятидесятых годов борьба шла с переменным успехом. Так, диссидента Виктора Рафальского трижды признавали тогда здоровым в Ленинграде и столько же раз шизофреником — в Институте им. Сербского. К концу десятилетия не было уже никаких сомнений в том, кто вышел победителем: заручившись поддержкой сверху, Снежневский и его сторонники прочно закрепили свою установку в теории и практике психиатрии. Самые влиятельные оппоненты переведены на менее ответственные посты — зачастую в провинции.

Дольше других не сдавался Ленинградский институт им. Бехтерева. Возглавлявший его доктор И. Случев-

ский сумел сохранить свои принципы неприкосновенными даже в начале шестидесятых годов. Благородные традиции Института оборвались в 1966 г. вместе с кончиной Случевского — его сотрудники вынуждены были встать на официальные позиции. Доктор Феликс Ярошевский, ныне проживающий в Торонто, а ранее практиковавший в Ленинграде, рассказал нам о заметном сдвиге психиатрического направления в Институте им. Бехтерева (1965-1972 гг.): к диагнозу шизофрении стали прибегать чаще.

Честолюбивый, хитрый, искусный в манипулировании людьми и жонглирования словами, Снежневский, по свидетельству многих, кто его знает, является хорошим клиницистом и обладает большим человеческим обаянием. Сталкивавшиеся с ним психиатры говорят о сложности его личности. Добившись верховной власти в своей области, он стал защитником советской психиатрии от западных критиков. Яростно отрицал он обвинения, выдвинутые против Советского Союза на конгрессе Всемирной Психиатрической Ассоциации в Мексике в 1971 году. Как тогда, он и сейчас продолжает утверждать, что критика эта не что иное как «злостная фальсификация»<sup>1</sup>.

В качестве консультанта или одного из членов комиссии Снежневский принимал участие в обследовании нескольких диссидентов с мировым именем. Широко известны — оценка Снежневским психического состояния Плюща и его роль в деле Жореса Медведева.

В 1972 году Снежневский возглавил комиссию, обследовавшую Плюща, диагностировал у него шизофрению и рекомендовал принудительную госпитализацию.<sup>2</sup> После почти двух лет «лечения» и заметного ухудшения в состоянии Плюща, жене госпитализированного и другу семьи Юрию Орлову удалось попасть к Снежневскому домой. Орлов описал напряженный разговор, в ходе которого Снежневский озадачил пришедших вопросом — по их мнению, лицемерным: «Разве лучше

было бы для Плюща получить семь лет строгого режима?»<sup>3</sup>

Ни в госпитализации, ни в диагнозе Медведева Снежневский открыто не участвовал, но его закулисная роль в этом деле не подлежит сомнению. Как рассказано в книге «Кто сумасшедший?», один из друзей Медведева добился свидания со Снежневским и услышал от того, что хотя Жорес и является психопатологической личностью «с повышенной самооценкой», в принудительном лечении он не нуждается и должен быть освобожден и поставлен на психиатрический учет. На следующий день со Снежневским, приехавшим в Министерство здравоохранения вместе с группой врачей, встретился академик Сахаров. После общих слов о достижениях советской психиатрии Снежневский согласился, что, действительно, ошибки иногда случаются, в особенности в провинции, где отдельные психиатры не освоили еще современных методов. Если врачи, обследовавшие Медведева допустили ошибку, — пояснил Снежневский, — ее можно исправить при помощи Минздрава. Зачем шуметь на весь мир? — общественные протесты подрывают ведь престиж советской психиатрии.<sup>4</sup> Стало известно также, что за несколько дней до этого разговора Снежневский присутствовал на совещании ответственных сотрудников Минздрава, которое было посвящено делу Медведева. К тому времени международная кампания протеста набрала уже ощутимую силу. Снежневский воспользовался случаем и предупредил собравшихся, что продолжение госпитализации Медведева поставит в затруднительное положение советскую делегацию на конгрессе в Мексике; министр здравоохранения доктор Петровский и главный психиатр министерства доктор Серебрякова не хотели идти на уступки и решили, что Медведева следует содержать в больнице в течение неопределенного срока.

Этот эпизод иллюстрирует одно из основных качеств Снежневского — политический прагматизм. Сознвая ошибочность госпитализации Медведева, он забо-

тился не столько о благосостоянии больного, сколько о престиже своей профессии.

Директор Института им. Сербского Георгий Морозов родился в 1920 году. Главенствующее положение в Институте им. Сербского он занял в 1957-м. С 1974-го г. он стал действительным членом АМН СССР, а с 1975-го — председателем президиума Всесоюзного общества. Как и Снежневский, Морозов занимается не только практикой, но и теорией: он является одним из составителей учебника по судебной психиатрии.<sup>5</sup>

Имя Морозова неразрывно связано с использованием психиатрии в политических целях. Он участвовал — иногда и в качестве председателя — в комиссиях, обследовавших таких диссидентов, как Григоренко, Горбаневская, Медведев, Файнберг, Шиханович и Плющ. Георгий Морозов — один из наиболее активных защитников советской психиатрической практики.

Доктор Рубен Наджаров занимает пост заместителя Снежневского в Институте психиатрии. Он неоднократно участвовал в комиссиях, обследовавших диссидентов и не раз пытался парировать западную критику.

Наджаров вошел в состав комиссии, заключившей, что Медведев страдает вялотекущей шизофренией. Он же рекомендовал принудительное лечение для Виктора Кузнецова. Осмотрев его, Наджаров нашел вялотекущую шизофрению ввиду наличия у «больного» реформаторских идей и недостаточного понимания собственной болезни.<sup>6</sup> В результате — Кузнецов провел два года в Казанской СПБ.

Оправдания Наджаровым советской психиатрии были напечатаны и в СССР («Известия», 1973)<sup>7</sup> и на Западе («Гардиан», 1973).<sup>8</sup> Последнее письмо подписали также Снежневский и Морозов. Аргументация Наджарова сводится к обвинению критиков в «неблаговидных целях» и антисоветской клевете.

Самой печальной известностью среди диссидентов пользуется профессор Даниил Романович Лунц<sup>9</sup>. Отец

его был до революции педиатром, мать — профессором Московской Консерватории.

В середине тридцатых годов Лунц работал психиатром в больничном отделении главной тюрьмы в Горьком, потом перевелся в Институт им. Сербского, где в 1940 году сделался старшим научным сотрудником и получил звание доктора. В конце сороковых годов он читал лекции на курсах Министерства Госбезопасности.

Несмотря на свое еврейское происхождение, Лунц благополучно перенес погромную кампанию начала пятидесятых годов, захлестнувшую и Институт им. Сербского, однако, положение его в Институте по-настоящему упрочилось лишь в 1957 году, когда на пост директора назначили Г. Морозова. К началу шестидесятых годов Лунц стал главой диагностического отделения, занимающегося обследованием политических нарушителей.

По утверждению диссидента Наума Коржавина, Лунц начал работать в отделении еще в 1948 году. Он сильно отличался от других врачей, вспоминает Коржавин: «Маленький... вечно настороже, мрачный, недоброжелательный. Однажды я обратился к нему с простым вопросом, как привык обращаться к другим врачам, которые все относились ко мне с уважением, а он что-то пролаял мне в ответ. Был ли он сотрудником органов тогда или нет... я не знаю. Но все больные чувствовали в нем врага».

Клинические методы Лунца меняются в зависимости от потребностей КГБ. В 1968 году он объявил вменяемыми двух диссидентов, которым прежде поставил диаметрально противоположный диагноз. Первое свое заключение он осудил как ошибочное, сказав, что взгляды его с тех пор изменились — шизофрению он стал теперь толковать уже.

Эта «комедия» с Лунцем в роли переродившегося злодея была поставлена режиссерами из КГБ — органам удалось сломить одного из диссидентов и необходимо было «вернуть» его во вменяемое состояние, чтобы

не впустую прошли его ложные показания на суде. Разумеется, по окончании этой инсценировки Лунц снова расширил свое понимание душевной болезни.<sup>10</sup> На полузакрытой лекции в Москве в 1973 году он говорил о разных стадиях одной и той же формы шизофрении. Сначала больной критикует советскую общественно-политическую систему, — сказал Лунц, — затем его охватывает принципиальная ненависть к милиции, а кончает он покушением на жизнь вышестоящих представителей власти. Задача психиатра, — предупредил Лунц, — как можно раньше установить наличие болезни и с помощью лечения не дать ей развиваться. После лекции председательствующий отказался прочесть вслух записки, адресованные Лунцу, на том основании, что они носили оскорбительный характер.<sup>11</sup> Как бы то ни было, Лунц пользуется доверием высших инстанций и не раз обследовал диссидентов, в том числе Синявского, Вольпина (1959), Григоренко (1969), Горбаневскую, Яхимовича, Файнберга, Буковского (1963 и 1967) и Шихановича.

О других психиатрах, принадлежащих к группе «идеологов», наша информация, к сожалению, скудна. По-видимому, немалая доля вины за злоупотребление психиатрией лежит на Зое Серебряковой, главном психиатре Минздрава. Не вызывает сомнения ее причастность к делу Медведева. Обследуя Файнберга, она нечаянно проговорила о том, что ей известно о помещении в СПБ нормальных людей. В деле Медведева, а также и Плюща замешан сам министр здравоохранения Борис Петровский. Жена Плюща сообщила, правда, что в конце 1975-го года Петровский добивался прекращения госпитализации ее мужа.<sup>12</sup> Но это совпало по времени с апогеем кампании в защиту Плюща на Западе.

Одним из главных апологетов советской психиатрии с 1971-го года стал профессор Марат Вартанян. Его избрание на пост заместителя председателя ВПА облегчило Советскому Союзу защиту психиатрических преступлений против нормальных людей. Хотя лично

Вартанян не участвовал ни в лечении, ни в обследовании диссидентов, его тесное сотрудничество со Снежневским и с другими «идеологами» — очевидно.

Известно еще около 50 имен психиатров, повинных в госпитализации диссидентов. В нескольких комиссиях, решивших судьбу инакомыслящих, участвовали доктора Виктор Морозов и Яков Ландау. Дополнительное свидетельство — высокие посты, занимаемые ими: Ландау, например, как уже говорилось, является непосредственным заместителем Лунца.

## МОТИВЫ «ИДЕОЛОГОВ»

Причины, побуждающие этих психиатров всегда сотрудничать властями и записывать в душевнобольные нормальных диссидентов, не всегда одинаковы. Во всяком случае, причин здесь несколько. Все они переплетены и взаимосвязаны.

Безусловно, дает себя знать идеологический фактор: психиатры придерживаются взгляда (притворно или искренне — другое дело), что «партии виднее» и что сомневающиеся в ее правоте, ее критикующие и не осознающие своих ошибок должны быть людьми психически неполноценными и плохо адаптированными к окружающей среде. Мы однако, считаем, что преданность партии может служить лишь попыткой как-то оправдать самих себя. Весь клинический подход врачей вроде Морозова и Лунца основан на их собственном последовательном утверждении, будто диссиденты, предлагающие свои планы изменений общественного строя, страдают бредом реформизма.

Представляется возможным в крайнем случае допустить, что эти психиатры искренне верят в душевную болезнь диссидентов, но совершенно недопустимо «лечение», применяемое к инакомыслящим и связанное с ним злоупотребление медицинским авторитетом.

Это наше мнение разделяет проживающий ныне в



США психиатр Борис Зубок. Он работал раньше под началом Снежневского в больнице им. Кашенко. В недавней беседе с авторами этой книги Зубок высказал предположение, что его бывшие коллеги действительно верят в свой диагностический метод и в концепцию идеологического инакомыслия как психического заболевания. Резко расходясь с ними во взглядах, Зубок считает их убежденность правомерной: в конце концов существует множество различных теорий диагностики душевной болезни. На рекомендацию режима СПБ для больных (по теории «идеологов») Зубок смотрит иначе: тут никаких оправданий быть не может, так как психиатры прекрасно знают, на что они обрекают своего пациента.

Не последнюю роль среди мотивов, определяющих поведение психиатров обсуждаемой нами группы, играет стремление достичь высокого положения в своей области. В системе здравоохранения так же, как и в других ведомствах, восхождение на желанные вершины сильно облегчается наличием партбилета. Ясно, что врачи типа Серебряковой, Снежневского и Морозова были хорошо подкованы политически и поэтому удачно совершили свое восхождение. Таких «преданных» встречают с распростертыми объятиями и без колебаний посвящают в правительственные тайны.

Само собой понятно, что броня верховного доверия предохраняет сподобившегося от притязаний его жертв, пробующих привлечь его к уголовной ответственности или — тем более — нравственной. Чем прислушиваться к голосу совести, если она у него еще осталась, «идеолог» примет лучше к сведению известие об очередной возможности отправиться за границу, сходит в закрытый магазин, сделает пристройку к даче, да и отдохнуть ему хочется — можно тогда вне очереди в дом отдыха или санаторий.

Конечно, власти расплачиваются не только натурой, но и чистоганом: доходы «идеологов» втрое превосходят зарплату рядовых психиатров.

## РОЛЬ РЯДОВОГО ПСИХИАТРА

Из разговоров с бывшими советскими врачами, эмигрировавшими в Великобританию, Израиль и США, нам стало очевидно, что рядовой психиатр имел до самого последнего времени ограниченные сведения об использовании его профессии в политических целях. В этом нет ничего удивительного. Большинство ложных диагнозов ставится в одном учреждении — в Институте им. Сербского. В системе СПб, куда направляются на лечение известные диссиденты, работает лишь незначительная часть советских психиатров. Основная масса — занята в больницах общего типа. Доступа к документам, связанным со злоупотреблениями, у простых смертных — нет.

Косвенным образом рядовой психиатр начал узнавать о злоупотреблениях из советских газет, с осени 1971-го года печатавших возмущенные статьи по поводу западных обвинений. Один советский психиатр, эмигрировавший в США, рассказывал нам о появлении на конференции в Эстонии Георгия Морозова, который в своей речи посоветовал присутствующим игнорировать западные сообщения как «антисоветскую пропаганду».<sup>13</sup> Трудно сказать, какую реакцию вызвал этот совет у слушателей — вероятно, была она неоднородна.

Многих ввели в курс творящегося в СССР передачи западных радиостанций.

Насколько мы можем судить, рядовой психиатр относительно мало информирован о злоупотреблениях, но, даже если ему кое-что известно, он не проявляет никакой активности — главным образом, из-за конформизма, пронизывающего все слои советского общества. Как и прочие советские граждане, психиатр соблюдает общепринятые условности и из страха за свою судьбу не станет высказывать мнения, чреватые неприятными последствиями.

Подобно своим высокостоящим коллегам — «идеологам», рядовой психиатр на лету схватывает сущность

дела и без всяких инструкций понимает, что требуется от него в той или иной ситуации. Скажем, он узнает: человек, которого предстоит обследовать, обвиняется в политических преступлениях. Чутье не обманет психиатра, он догадывается, кого КГБ направляет на экспертизу, и каких органы ждут диагноза. Не меньшей понятливостью отличается психиатр и в тех случаях, когда его предупреждают о сомнениях в психической полноценности инакомыслящего — из горкома (см. описание госпитализации Жореса Медведева).

Впрочем, «понимание» не означает еще активное сотрудничество. Все опрошенные нами психиатры-эмигранты подчеркивают, что рядовой психиатр по возможности уклоняется от возложенной на него задачи или, если выбора нет, старается выпутаться как можно скорее и уйти от ответственности, переложив ее на другого. Берется рядовой психиатр за выполнение задания только тогда, когда все пути к отступлению у него закрыты. По рассказам киевского врача, работавшего в области судебной психиатрии, киевляне умывали руки, передавая политических «больных» на усмотрение Института им. Сербского. Другой психиатр находил самой удобной игру «под дурачка» — как только чувствовался малейший подвох, этот человек сразу же надевал маску наивности.

Но бывает и так, что уклончивость и отступление становятся невозможны. Тогда применяются другие маневры, из которых самый обезболивающий — моральное забытие. Стоит рядовому психиатру задуматься над этической стороной порученной ему задачи, и немедленно его начинает подтачивать самоанализ, влекущий за собой иногда переоценку ценностей, а та в свой черед может вызвать чувство вины и безысходности. Поделиться своими раздумьями — вдруг да донесут куда следует, а что из этого следует, ясно в Советском Союзе любому. Никто из опрошенных нами психиатров, за исключением одной Войханской, не говорил со своими коллегами насчет злоупотреблений.

Они опасались нарушить молчание, даже когда неуязки в диагнозе, поставленном диссиденту, были очевидны.

Но не надо оглульно приписывать трусость и конформизм всем рядовым психиатрам. Находятся люди, которым честь и верность профессиональным принципам дороже внешнего благополучия. Так, профессор Детенгоф в Ташкенте объявил генерала Григоренко здоровым, отказавшись, по всей видимости, действовать по указке КГБ (см. гл. 5). Точно так же доктор Янушевский не обнаружил «оснований для диагноза шизофрении у Горбаневской и пришел к выводу, что она «не нуждается в госпитализации в психиатрической больнице».<sup>14</sup> Сотрудники Киевской областной больницы, первыми обследовавшие Плюща, нашли его вменяемым и диагностировали его лишь как психопатическую личность. В каждом из этих трех случаев для опровержения диагнозов «некомпетентных» психиатров КГБ вынужден был прибегнуть к услугам корифеев психиатрии из Института им. Сербского.

Психиатры, под чьим наблюдением оказываются диссиденты во время госпитализации, тоже ведут себя по-разному. Григоренко, Файнберг, Гершуни и Плющ подвергались в СПБ жестокости при попустительстве и активном сотрудничестве психиатров.

Но другим встречались врачи, проявлявшие сочувствие и даже желание помочь диссидентам выбраться из больницы. Некоторые осуществляли это желание, рекомендуя выписку из больницы в наикратчайший срок и делая это так, чтобы не возразило начальство.

В частности, окружили врачи сочувствием Илью Рипса. Как уже говорилось, 18 месяцев его пребывания в больнице общего типа в Риге прошли в довольно сносных условиях. Врачи были вполне заботливы, они избавили Рипса от «лечения» и других видов психиатрического воздействия. Известны случаи, когда врачи благоволили к инакомыслящим даже в СПБ и пере-

правляли из больницы их письма и материалы сам-издата. По понятным причинам, их имена мы не называем.

Как правило, однако, до такой активной поддержки дело не доходит. Психиатры заботятся все же и о само-сохранении. Рядовой психиатр не высказывает своего сочувствия вслух, не может себе позволить хотя бы намекнуть диссиденту, что считает его госпитализацию необоснованной.

Эта двойственность в поведении отдельных психиатров хорошо видна на примере взаимоотношений Геннадия Шиманова и доктора Шафрана, пытавшегося, но очень осторожно и продуманно, подсказать «больному», как вести себя на комиссии.

Оправдаться перед самими собою психиатрам-соучастникам — трудно. Многие, наверно, тешат свою совесть надеждой, что год-другой в психиатрической больнице менее тяжелое наказание, чем длительный срок в лагере или тюрьме. Оправдывающиеся таким образом вряд ли принимают собственные аргументы всерьез — особенно, если речь идет о СПБ, где во многих отношениях, гораздо тяжелее чем в тюрьме или в лагере.

## ПСИХИАТР-ДИССИДЕНТ

Психиатров, которые проявляют сочувствие к диссидентам, а следовательно, молчаливо протестуют против злоупотребления своей специальностью, — немало. Но к началу 1977 г. было известно лишь о двух психиатрах, осмелившихся на открытый протест. Были и другие, но они выступали анонимно.\*

---

\*) Встречаются психиатры, которые позволяют себе не признавать обследуемых невменяемыми, игнорируя нужды КГБ. Буковский ссылается на молодых психиатров, признавших его вменяемым в 1965 году в психиатрической б-це № 13 в Люблино, а также на профессоров Лукомского и Д. Е. Мелехова, поступивших подобным образом в Ин-те им. Сербского в 1971 году. Кроме того см. Приложение о роли доктора М. Дьяконовой в деле Г. Супрунюка.

Первым психиатром-диссидентом стал доктор Семен Глузман. Он родился в 1946 году в семье киевского профессора медицины. От отца он, наверно, и унаследовал любовь и уважение к своей профессии. После окончания в 1969 году медицинского факультета и двух лет работы в украинских областных больницах Семену Глузману предложили место психиатра в Днепропетровской СРБ. Зная, что туда заключают нормальных людей и не желая идти против своей совести, Глузман отказался. После этого он с трудом устроился работать в «скорой помощи» в Киеве.

В марте 1972-го года у него произвели обыск, а через два месяца арестовали и предъявили обвинение по ст. 62 Украинского УК (эквивалент ст. 70 УК РСФСР) за чтение и распространение материалов самиздата. На суде прокурор в главный пункт обвинения включил тот факт, что Глузман давал кому-то читать «Раковый корпус» Солженицына. За это прогрешение Глузмана приговорили к 7 (!) годам лагерей строгого режима с последующей ссылкой на три года. Суровость приговора совершенно непонятна, если не знать подоплеку суда над Глузманом. Его обвиняли не в изготовлении, а лишь в распространении самиздата, и поскольку ранее он к уголовной ответственности не привлекался — из сказанного на суде вытекало, что Глузману полагается не больше трех лет лагерей. Истинная причина столь тяжкого наказания — анонимный документ, составленный Глузманом совместно с двумя его коллегами и пущенный по каналам самиздата. Попав под следствие, Глузман отказался назвать своих соавторов, и это вдвойне увеличило бешенство КГБ. Документ был озаглавлен «Психиатрическая заочная экспертиза по делу П. Г. Григоренко».<sup>15</sup> Циркулировать в самиздате он начал в 1971 году. Проанализировав отчеты обеих комиссий, обследовавших Григоренко в 1969 году, киевские психиатры развили детально обоснованную критику заключения комиссии Института им. Сербского. Авторы утверждали также, что, исходя из данных

обеих комиссий и письменных показаний Григоренко, они в состоянии провести самостоятельную судебно-психиатрическую экспертизу.

Документ отличается объективностью и добросовестностью. Не вызывает сомнения знакомство авторов не только с тонкостями психиатрических характеристик, затронутых в деле Григоренко, но и с мельчайшими подробностями юридических аспектов принудительной госпитализации. Это не полемический памфлет. Если составители и приходят к некоторым общим выводам относительно использования психиатрии в политических целях, то опираются они не на произвольные домыслы, а на неоспоримые факты:

*«Мы рассматриваем данную работу не только как попытку восстановления истины по делу Григоренко П. Г., но и как профессиональный протест против системы подобных дел вообще.*

*... Психиатрия — область медицины, а не пенитенциарного права. Устранение инакомыслящих без огласки, заключением их в психиатрические лечебницы, должно быть прекращено, а против врачей, сознательно совершающих античеловеческие действия, должно быть возбуждено судебное расследование, согласно нормам международной и отечественной юрисдикции, подобно судебному расследованию по делу профессора д-ра Германа Пауля Ниче (одного из главных советников-врачей в гитлеровской программе «эйтаназии» и прямой ликвидации посредством «спецлечения» расовых и пр. «нежелательных» групп) и его сообщников».*

Далее в документе говорилось, что эксперты из Института им. Сербского, объявившие Григоренко невменяемым, либо профессионально некомпетентны, либо сознательно дали ложное заключение. В последнем случае их надлежит привлечь к уголовной ответственности.

Власти не могли допустить столь откровенной критики, поэтому они решили искоренить сразу оппозиции в стане психиатров с такой жестокостью. Тяжелая

кара, постигшая Глузмана, явилась предостережением для его возможных последователей.\*

Участники демократического движения в Советском Союзе не замедлили выступить с протестами. Академик Сахаров обратился к международной психиатрической общественности с призывом оказать Глузману поддержку<sup>16</sup>. На Западе сперва отказывались верить, что человека лишили свободы за профессиональную критику своих коллег (психиатров из Института им. Сербского), но когда доказательства были налицо, зарубежные психиатры, спохватившись, ответили на призыв Сахарова. К концу 1973 г. советские власти вынуждены были прибегнуть к контрманеврам. В открытом письме к родителям Глузман рассказывает о том, как в сентябре 1973 г. ему пришлось вести «переговоры» с приехавшим в лагерь из Москвы сотрудником КГБ<sup>17</sup>. На протяжении трех суток Глузмана пытались вынудить к отречению: очень властям хотелось добиться от него опровержения «измышлений на Западе». Но, несмотря на обещанные вознаграждения, Глузман остался верен своим принципам. Он не захотел «стать коллегой Эльзы Кох и Даниила Лунца».

Тяготы лагерной жизни не помешали Глузману активно бороться за права своих товарищей по заключению. Он делал все возможное, чтобы оградить их здоровье. Участие в голодовках протеста сказалось на физическом состоянии самого Глузмана: в ноябре 1974-го года он перенес сердечное заболевание. Но и болезнь не сломила его. В конце 1974-го года Глузман писал:

*«На свободе я мог бы активнее и эффективнее бороться с преступным квалифицированием здоровых людей психически больными. Я психиатр и поэтому имею такие возможности. К сожалению, среди активно протестующих против необоснованных диагнозов имеются представители всевозможных профессий, кроме психиатров. А я здесь лишен возмож-*

---

\* Авторство «Заочной экспертизы» было оглашено лишь после суда.



ности присоединиться к ним. Но у меня имеются еще и личные причины протестовать: мой близкий друг Леонид Плющ находится в специальной психиатрической больнице МВД. Это и есть мой «пепел Класаса». В некоторых отношениях я могу расширять свои специальные познания даже здесь. В этом лагере я наблюдал садизм, так сказать, в жизни, за пределами стен клиники. Приходится утешаться хотя бы этим».<sup>18</sup>

Примерно тогда же в соавторстве с Буковским Глузман написал «Пособие по психиатрии для инакомыслящих». В сентябре 1975-го года его информировали о том, что против него будет возбуждено новое дело<sup>19</sup>. В марте 1976-го года Глузмана перевели в Пермскую тюрьму. Здесь КГБ вновь предупредил его о возможности возбуждения нового дела. Однако все попытки «перевоспитания» провалились, и месяц спустя Глузман был возвращен в лагерь<sup>20</sup>.

Кроме Глузмана, открыто протестовал против злоупотреблений психиатрии всего один психиатр — доктор Марина Войханская. Она была врачом одной из общих психиатрических больниц Ленинграда. В 1974 году Войханская узнала, что в больнице находится художник Юрий Иванов. Войханская попросила лечащего врача показать ей историю болезни Иванова, но тот был совершенно здоров, и лечащий психиатр, сообщив это Войханской, посоветовал ей молчать<sup>21</sup>. Войханская была поражена. Она стала навещать Иванова, снабжать его сигаретами и книгами. Коллеги сторонились ее. Когда начальник Войханской в своих интересах и в ее собственных запретил ей встречаться с «большим» — она стала навещать Иванова по воскресеньям, в часы для обычных посетителей. Предостережения ее не остановили. В конце концов директор пригрозил увольнением. Сохранив свою профессиональную честность, Войханская пожертвовала дружбой почти всех своих сослуживцев. Очень немногие продолжали относиться к ней по-прежнему, но и они не решались проявить свою смелость на людях.

Впоследствии Войханская активно вступилась за Виктора Файнберга, которого госпитализировали повторно — за письмо в защиту Буковского и других политических заключенных. Узнав о грозившем Файнбергу насильственным лечению и о решимости инакомыслящего покончить в знак протеста самоубийством, Войханская сумела отговорить своих коллег — психиатров от применения инъекций.

Вскоре Войханская присоединилась к демократическому движению. Ее деятельность заинтересовала КГБ. В апреле 1975-го года Войханской пришлось эмигрировать — власти могли сфабриковать против нее обвинение, подобно тому, как они проделали это с Глуzmanом. Так или иначе, КГБ взял свое, задержав в Союзе девятилетнего сына Войханской — лишь совсем недавно его отпустили к матери в Англию.

К горстке советских психиатров-диссидентов следует отнести автора нескольких самиздатовских статей о советской психиатрии, написанных в Москве в 1969-70 гг. Имя его неизвестно по простой причине: статьи были напечатаны анонимно. Одна из них — опубликованная на Западе — не оставляет сомнений в том, что автор — психиатр с многолетним стажем, хорошо осведомленный о происходящем в области советской психиатрии. Статья направлена против «филистеров», забывших об «освященных веками человеческих ценностях»:

*«История принудительной госпитализации Александра Вольпина, описанная им самим, чаадаевский ярлык сумасшедшего, навешанный на генерала Григоренко, и подобные «подвиги» психиатрии не могут оставить равнодушными тех, кто располагает квалифицированной информацией по этому вопросу. Тем более, что события эти не являются исключением: со всё возрастающей частотой узнаем мы о вторжении психиатров в мысли и действия граждан, чье психическое здоровье ранее никак не ставилось под сомнение.*

*Цель этих статей — оградить психиатрию и объяснить неспециалистам, испытывающим острый инте-*

рес к проблеме, что ответственность за эти безобразия лежит не на науке, а на тех, кто захватил власть в науке».<sup>22</sup>

По-видимому, имена виновных в этих «подвигах» автору статьи хорошо известны. Он воссоздает историю советской психиатрии со всеми ее внутренними междоусобицами. Из рассказанного в анонимной статье становится понятно, как были захвачены ключевые позиции.

Публично критиковали злоупотребление психиатрией еще трое врачей — не психиатров.

В марте 1975-го года по случаю 4-ой годовщины ареста Буковского с открытым заявлением выступил научный работник Московского медицинского института Леонард Терновский. Он писал:

*«Буковский сделал то, что должен был сделать каждый порядочный человек. То, что способен сделать только герой... Себя я считаю в особом долгу перед Буковским. Против постыдного использования медицины во вред людям первыми должны были выступить медики, врачи. А я один из них. Исполни я тогда свой долг — я был бы сегодня там, где теперь Буковский. Но он это сделал вместо меня».*<sup>23</sup>

Доктор Елена Боннэр (жена Сахарова) подписала обращение в защиту Шихановича. В обращении говорится:

*«... этому лечению будет подвергнут здоровый человек. Шиханович — наш близкий друг. Мы постоянно и много общались с ним и считаем своим долгом заявить, что убеждены в его психической полноценности. Один из нас — врач и, руководствуясь профессиональным знанием и врачебным долгом, свидетельствует, что во всех проявлениях личности Шихановича никогда не замечалось ни малейших признаков душевного нездоровья... Мы живем в обществе, где никто, в том числе и авторы этого письма, не могут быть уверены, что их никогда не постигнет судьба Шихановича, Плюща, Борисова, Файнберга, Григоренко, Убожко и многих других узников психиатрических больниц».*<sup>24</sup>

Выступал с протестами против злоупотребления психиатрией Илья Глезер, проработавший некоторое время под началом Снежневского в Институте психиатрии. Глезер развил новую теорию математического изучения мозга, он — автор двух книг и целого ряда научных статей. В феврале 1972-го года, после того, как он подал заявление о желании эмигрировать в Израиль, его арестовали по ст. 70 и осудили на три года лагерей и на три года ссылки. По словам одного бывшего советского психиатра, Глезер подвергался всякого рода репрессиям еще до ареста. Он находился под надзором КГБ, был лишен возможности защитить докторскую диссертацию, переведен из старших научных сотрудников в младшие, а в 1970 году — вынужден был уйти с работы<sup>25</sup>. Суровость приговора, по всей очевидности, вызвана протестами Глезера против использования психиатрии в политических целях.

## ДРУГОЙ ПОДХОД К КЛАССИФИКАЦИИ СОВЕТСКИХ ПСИХИАТРОВ

Мы разделили советских психиатров на три группы («идеолог», рядовой психиатр, психиатр-диссидент). В основе нашей классификации — отношение этих людей к карательным свойствам советской психиатрии. Глузман и Буковский предлагают другую классификацию. В своем «Пособии» они исходят из отношения психиатров к диагнозу: 1) *Начинающий психиатр*. — Верит в научную безупречность психиатрии и по своей увлеченности и малоопытности склонен при диагностировании психического заболевания к переборам; он может поэтому искренне считать идеологическое инакомыслие одной из форм психического расстройства. 2) *Ученый*. — Рассматривает психиатрию как науку, но, как правило, диссидентство болезнью не считает и старается избегать щекотливых судебно-психиатрических дел; он сознает потенциальную возможность злоупотребе-

ния психиатрией и не хочет марать руки. 3) *Диссертант*. — Склонен расширять определение заболевания, о котором трактуется в его диссертации. 4) *Вольтерьянец*. — Умный, опытный врач, давно разочаровавшийся в психиатрии как науке и прекрасно сознающий, что ею злоупотребляют. Несмотря на свою циничность, он не станет диагностировать диссидента как психически больного — даже «под давлением». 5) *Обыватель*. — Обладает средним интеллектом, отличается рутинным подходом и интересами. Считает себя умным, опытным врачом, свою жизнь — моделью для подражания. Конформизм заставляет его скептически относиться к современной поэзии и абстрактному искусству. Ему непонятно неумение диссидента «адаптироваться к обществу». «Ведь была квартира, семья, работа. Зачем же вы?» — удивляется он. По мнению Глузмана и Буковского, этот тип психиатров опасен, так как легко поддается давлению начальства, ссылаясь при самооправдании на авторитетных психиатров. 6) *Профессиональный палач*. — В большинстве случаев — грамотный специалист. Сознательно ставит здоровому диагноз психически больного.

## СОВЕТСКИЕ МЕТОДЫ ДИАГНОСТИКИ

Важнее, чем энтузиазм «начинающего», конформизм «обывателя» или изуверство «палача», — сама теория советской диагностики шизофрении. На шизофрении мы и сосредоточим наше внимание, ибо этот диагноз применяется к диссидентам чаще всего. Занимаются психиатры и «лечением» диссидентов от психопатии — паранойяльного типа, в особенности, но такой диагноз встречается реже.\*

\*) В главе «Психопатия» советского судебно-медицинского руководства авторы определяют паранойяльного психопата как человека с прирожденными либо приобретенными в раннем детстве дефектами. Симптомы этих нарушений психики могут, однако, проявиться в любом возрасте. У больного может оказаться повышенное самомнение, ему мерещится, что он является объектом все-

## ЧТО ТАКОЕ ШИЗОФРЕНИЯ?

Термин «шизофрения» был введен в международный психиатрический обиход в 1911 году Ойгеном Блейлером. Но многолетняя психиатрическая практика обнаружила недостатки этого термина, связанные в первую очередь с расплывчатостью симптоматики шизофрении, и в последнее время в употреблении термина «шизофрения» стала наблюдаться некоторая сдержанность, хотя о его уточнении психиатры пока не договорились.

Самая большая трудность при диагностике шизофрении заключается в отсутствии объективных критериев. До сих пор в распоряжении психиатров нет ни одного специфического теста на шизофрению. К тому же, по-прежнему остаются не выяснены причины заболевания. Ни одна из бессчётного множества научных работ на эту тему не смогла ее по-настоящему осветить.

Из-за указанных ограничений диагноз шизофрении ставится обычно на основании клинических показателей. Первая попытка классификации психозов была предпринята в начале века немецким психиатром Крепелином (термин психоз в данном контексте означает потерю чувства реальности). Характерным для этого состояния симптомами Крепелин считает: галлюцинации, преимущественно — звуковые и осязательные; необычные, либо нелогичные ассоциации мыслей, выражающиеся в бессвязной речи; бредовые представления; отсутствие сознания своего болезненного состояния; отход от действительности; притупление эмоций и стереотип поведения<sup>26</sup>

Блейлер развил концепцию Крепелина, введя в нее разделение на первичные и вторичные симптомы. К общего внимания. Сюда же относится «страсть к научным изобретениям и реформаторской деятельности. Проекты и планы его обычно обнаруживают узкий круг интересов и познаний, к тому же ошибочных». «С точки зрения судебной медицины, психопаты как правило способны отдавать отчет в своих действиях и признаются вменяемыми». В исключительных случаях, «изменения характера психопатической личности бывают столь глубоки, что ... состояние психопатии можно приравнять к состоянию психической болезни и признать психопата невменяемым».

первичным симптомам Блейлер относит расстройство мышления и нарушение ассоциаций, притупление эмоций и уход от действительности в мир фантазии; ко вторичным — галлюцинации, бредовые представления и различные изменения в поведении<sup>27</sup>.

Вскоре наметились два течения в психиатрии. Первое, возглавляемое немецким психиатром Куртом Шнейдером<sup>28</sup>, стремилось к более строгому методу диагностирования шизофрении. Второе — двигалось к прямо противоположной цели: Хох и Полатин, например, ввели концепцию псевдоневротической шизофрении — психического расстройства, характеризующегося рядом невротических симптомов (тревога, фобии, навязчивые идеи, тенденция к уходу от реальности) при возможном отсутствии явных психотических черт, таких, как бред и галлюцинации<sup>29</sup>. Руководство по диагностике психических болезней, выпущенное Американской Психиатрической Ассоциацией, включает в описание шизофрении следующие термины: «начальная», «пред-психотическая» и «пограничная»<sup>30</sup>. В британском руководстве встречается термин «латентная шизофрения» — «для обозначения тех ненормальных состояний, которые, при отсутствии явных шизофренических симптомов, вызывают *сильное подозрение* (курсив наш — П.Р. и С.Б.), что мы имеем дело с шизофренией. Основанием для такого подозрения может служить бессмысленное поведение и эмоциональные аномалии»<sup>31</sup>. Как видим, все выше приведенные черты почти столь же туманны, как и советское понятие «кажущейся нормальности».

Датский психиатр Эрик Стрёмгрен отмечает быстроту, с какой меняются психиатрические термины и концепции<sup>32</sup>. Он указывает также на опасность употребления терминов *без концепций*. И без того психиатрические термины не отличаются точностью и часто меняют свое значение. Если же ко всему допустить их произвольное использование, то путаница будет неизбежна. Взять хотя бы формулировку показателей к «пограничному психозу» и психозу «латентному». Эти показатели при-

меняются в случаях, «когда обследование и осмысление не дали достаточного материала для вынесения какого бы то ни было определенного диагноза».

В шестидесятых годах был предпринят ряд исследований методов диагностики, результаты которых доказывают правоту Стрёмгрена. Группа ученых сравнила диагнозы, поставленные американскими и английскими психиатрами, и нашла громадные расхождения, в частности, в диапазоне толкования понятия «шизофрения». Несмотря на равное число обследованных с одинаковыми симптомами, диагноз шизофрении в Нью-Йорке (в Америке понятие «шизофрения» толкуется в широком смысле) ставился вдвое чаще, чем в Лондоне. Нью-йоркская школа включала в категорию шизофреников больных, которые в Лондоне классифицировались бы как страдающие депрессией, неврозом и личностными отклонениями<sup>33</sup>.

## СОВЕТСКИЙ ПОДХОД К ШИЗОФРЕНИИ

Из того же исследования, проведенного Всемирной Организацией Здравоохранения, видно, что в Москве не только широко толкуют шизофрению, но и вполне уникально ее классифицируют. Создателем этой системы классификации является Снежневский, сотрудники Института психиатрии — его верные помощники<sup>34</sup>. Они признают три формы шизофрении: хроническую, перемежающуюся и периодическую; каждая из них в свою очередь разбита на несколько подвидов в зависимости от клинических характеристик. Окончательный критерий для классификации болезни — ход развития ее. В соображение принимаются все обстоятельства жизни больного: характерологические особенности до начала болезни, возраст, в каком она наступила, проявления каких-либо других психических заболеваний в прошлом, взаимоотношения с окружающими в период видимого здоровья и темп развития болезни.



При хронической форме, охватывающей от 25 до 30 проц. диагностированных случаев шизофрении (согласно серии исследований), больной прогрессивно деградирует, возможность ремиссии исключена. Сперва наблюдаются изменения в характере, называемые «вторичными» симптомами — уход в себя, апатия, сужение интересов. Нарастание этих симптомов бывает столь постепенным, что первый приступ болезни зачастую остается незамеченным.

«Вторичные» симптомы влекут за собой «положительные» или собственно психотические — такие, как бред и галлюцинации. Подвиды хронической формы зависят от темпа прогрессирования болезни и именуются соответственно быстротекущими (или злокачественными), умеренными и вялотекущими (легкими). При злокачественной форме симптоматика очевидна. Умеренные формы сопровождаются медленно развивающейся паранойей (нарастает мания преследования). При вялотекущей — больной почти полностью сохраняет способность функционирования в обществе; симптомы принимают характер, встречающийся при неврозах, и содержат черты мании, истерии, ипохондрии — или психопатии и паранойи. Больной с паранойяльной симптоматикой обычно среднего возраста, частично сохраняет критику своего состояния, но склонен *переоценивать значение собственной личности, развивать грандиозные идеи реформации мира*, предлагать новые изобретения выдающегося значения. Несмотря на легкий характер вялотекущей формы, она не может не развиваться в сторону ухудшения, а значит и шансы на излечение — минимальны.

Диагноз вялотекущей хронической шизофрении столь часто применяется к диссиденту потому, что не составляет особого труда приспособить к инакомыслящему показатели болезни, выделенные нами курсивом.

Перемежающаяся шизофрения (40% всех случаев) представляет срединную форму. Она прогрессивно нарастает, как и хроническая, но, подобно периоди-

ческой, приступы болезни сменяются здесь ремиссиями — неполными, однако, так что больной никогда уже не возвращается к уровню прежнего функционирования в обществе. Как и в других основных формах, в перемежающийся шизофрении различаются подвиды — тяжелые, умеренные и легкие.

Периодическая шизофрения охватывает 30-35% больных. У попадающих в эту категорию характерологический тип близок к норме, и болезнь проявляется в приступах бреда либо в ненормальной смене настроений, все остальное время поведение больного от нормы не отклоняется. По истечении нескольких лет возможны легкие личностные изменения.

Школа Снежневского утверждает, что, хотя три основные типа шизофрении различимы клинически и обуславливают суровость заболевания, все они — по учению Снежневского — взаимосвязаны ввиду общего генетического происхождения. Внешним факторам принадлежит второстепенная роль, они являются лишь поводом для проявления болезни.

Больной с диагнозом шизофрении остается для врачей шизофреником навсегда: возвращение в нормальное состояние, как это происходит в случаях периодической формы, ни о чем не говорит. Диагноз ранней шизофрении может применяться к лицам со вторичной симптоматикой, даже если черты психоза у них отсутствуют. Умеренные проявления болезни связываются психиатрами генетически с более тяжелыми формами и рассматриваются как прелюдия к последним.

Советский подход к шизофрении как к необратимому заложенному от рождения заболеванию с чрезвычайно широким диагностическим диапазоном ведет к серьезным последствиям для тех, кто имеет несчастье быть заклеянным этим диагнозом: их могут не принять на работу или в институт, лишит водительских прав и т. п.<sup>35</sup>.

## СУДЕБНЫЙ АСПЕКТ ШИЗОФРЕНИИ

«Шизофрения означает невменяемость», — так охарактеризовал советский подход доктор Эдгар Гольдштейн, работавший ранее в Ленинграде, а ныне проживающий в США. «Идеологи» советской психиатрии признаются в этом сами. Доктор Морозов, например, заявил, что «шизофрения — заболевание, при котором больные, за редким исключением, считаются невменяемыми»<sup>36</sup>. Вполне понятно, что при таком отношении в Советском Союзе не может быть статей, предусматривающих уменьшенную или частичную вменяемость подсудимого. Закон требует от психиатра однозначного ответа на вопрос: был подсудимый болен во время совершения инкриминируемого ему действия или нет?

Представим себе положение обвиняемого в уголовном преступлении с подозрением в психическом расстройстве. Растяжимость психиатрических понятий в СССР делает возможным установление диагноза шизофрении на самых шатких основаниях. Тут же больного объявляют невменяемым. Морозов признает, что «судебные психиатры подчас испытывают трудности при установлении диагноза шизофрении, когда психопатические симптомы слабо выражены, либо, когда возникает вопрос дифференциального диагноза или оценки ремиссий»<sup>37</sup>. Тогда психиатры обращаются к истории психиатрической симптоматики в прошлом. Подсудимый может оказаться абсолютно нормальным во время обследования и не проявить симптомов болезни в момент совершения «преступных деяний», однако, в соответствии с советскими психиатрическими представлениями, — это не аргумент: все ведь «взаимосвязано» и генетически обусловлено.

Теория и практика советской психиатрии тоже взаимосвязаны. Защищая на процессе Горбаневской диагноз вялотекущей шизофрении, профессор Лунц утверждал, что четко выраженных психопатических явлений, таких, как галлюцинации и бред, может не быть, по-

сколько в данной форме шизофрении «отсутствует яркая симптоматика». Психические изменения, которые поверхностно походят на улучшение, не должны рассматриваться как таковые «с теоретической точки зрения»<sup>38</sup>.

«С теоретической точки зрения», речь самого Лунца нелогичностью своей очень напоминает бред сумасшедшего, — о теоретическом наличии болезни при клиническом ее отсутствии (!) в медицине до сих пор не говорилось. Не смущаясь нелепостью своих заявлений, советские психиатры бредят, как и положено, в организованном порядке. Следующее письмо западным критикам было подписано Снежневским, Г. Морозовым, Наджаровым, Серебряковой и другими:

*«В любой стране мира имеется небольшое число психически больных, болезнь которых вследствие расстройства мышления, бредовых идей и других психо-патологических симптомов может вызвать анти-общественные поступки, подпадающие под признаки деяний, запрещенных законом, такие, как нарушение общественного порядка, распространение клеветы, проявление агрессивных намерений и т.п. Они могут это сделать с предварительной подготовкой, с «хитро рассчитанным планом действий», как писал еще широко известный своими прогрессивными взглядами основоположник отечественной судебной психиатрии В. П. Сербский. Подобные больные не производят на окружающих впечатления явно «помешанных». Чаще всего это больные, страдающие шизофренией или бредовым (паранойальным) патологическим развитием личности. Такие случаи хорошо известны и советским, и зарубежным психиатрам.*

*Внешняя нормальность таких больных при совершении ими общественно опасных действий используется антисоветской пропагандой для заведомо кле-*

---

\*) За последние годы, правда, было несколько случаев (Ковгар, Плахотнюк, Даварашвили), когда подсудимых направляли в СПБ с тем, чтобы по «излечении» — судить. Подобная процедура советским законом не предусмотрена.

*ветнических утверждений об отсутствии у них психического заболевания».*<sup>39</sup>

Очередной вклад Советского Союза в психиатрию ознаменовался таким образом появлением нового медицинского термина — внешняя нормальность, проще говоря, психическое расстройство возможно при отсутствии каких бы то ни было симптомов болезни. Впервые получили психиатры такой простор для исследований. Проницательность советских психиатров при столкновении с «внешней нормальностью» дальше всего пошла на суде над Ольгой Иофе. Приводим диалог между членом комиссии Института им. Сербского доктором Мартыновой и защитником Поздеевым:

**ПОЗДЕЕВ:** *Какие именно физиологические исследования были проведены для установления заболевания?*

**МАРТЫНОВА:** *Такие физиологические исследования проводятся для всех без исключения. Отсутствие признаков заболевания не может свидетельствовать об отсутствии самого заболевания.*

**ПОЗДЕЕВ:** *На основании каких именно высказываний была установлена экспертизой разноплановость ее мышления? Приведите хотя бы один из тестов, дававшихся Ольге, при которых были установлены серьезные нарушения мышления, или приведите хотя бы одно высказывание Ольги, свидетельствующее об этом.*

**МАРТЫНОВА:** *Конкретно я ответить не могу, если суду интересно, то надо послать за историей болезни в Институт имени Сербского. Она знала, куда ее доставили, понимала, что это значит, но не проявляла никакой аффектации и у нее даже голос не был модулирован.*

**ПОЗДЕЕВ:** *Не приписываете ли вы поведение Ольги ее выдержке, силе воли и спокойствию, о котором говорили товарищи и свидетели?*

**МАРТЫНОВА:** *Так владеть собой невозможно.*

**ПОЗДЕЕВ:** *Как вы объясните тот факт, что наличие болезни, которая развивалась у Иофе с 14 лет,*

как пишет экспертиза, — вероятно, имеется в виду, что болезнь началась с 1966 г., когда Ольга с друзьями распространила в школе листовки, — не помешала ей успешно закончить математическую школу и поступить в университет?

*МАРТЫНОВА: Наличие этой формы шизофрении не предполагает изменения личности, заметного для окружающих».*<sup>40</sup>

## ШИЗОФРЕНИЯ И ДИССИДЕНТ

Поскольку объективного критерия для диагноза шизофрении в психиатрии нет, было бы бессмысленно утверждать, что советская концепция шизофрении ошибочна как таковая. Существует множество различных теорий шизофрении. Наша цель не в том, чтобы доказать правоту какой-либо одной психиатрической школы. Нас беспокоит другое, а именно — основные черты советской модели, среди них — широта диагностического диапазона, крайний схематизм в классификации и стопроцентно пессимистический прогноз. Но даже советский диапазон не охватывает диагноза шизофрении, поставленного диссидентам — тем, по крайней мере, чьи истории болезни были отправлены на Запад Буковским.

Больше других распространены формулировки: «паранойяльные реформистские бредовые идеи» (вариант: «паранойяльный бред реформирования общества или реорганизации государственного аппарата»), «некритическое отношение к собственному ненормальному состоянию» (или — «положению»), «резонирует» (или «придерживается мнений резонерского характера»), «повышенная самооценка» («раздувание своих способностей») и «плохая адаптация к социальному окружению». Из этого списка в каждом отдельном случае психиатры обычно выбирают два или три «болезненных признака» инакомыслящего. Например:

*«С удивлением и большой охваченностью высказывает идеи реформаторства по отношению к учению классиков марксизма, обнаруживая при этом явно повышенную самооценку...»<sup>41</sup>*

*«бредовые идеи реформаторства и отсутствие критики к своему состоянию и создавшейся ситуации».<sup>42</sup>*

*«В политических размышлениях много грубых противоречий. Свои действия недооценивает, не понимает их преступлений, предательский характер... Считает себя политическим деятелем мирового масштаба, которого будет защищать Комитет защиты гражданских прав при ООН».<sup>43</sup>*

Приведенные оценки взяты из отчетов — соответственно — о Файнберге, Кузнецове и Яхимовиче. Во всех трех заключениях доминирующим критерием является мнение диссидента о необходимости перемен в обществе, государстве или теории марксизма. «Идеям реформаторства» совершенно произвольно психиатры приписывают бредовый характер, т.е., по их же определению, говорится, что диссидент держится за свои заблуждения с непоколебимым упорством. Однако, совершенно очевидно, что общественные и политические взгляды диссидента — бредовые, по словам психиатров, — в действительности, содержат в себе критику конкретных акций советского правительства, таких, как нарушения конституции, подавления прав национальных меньшинств и вторжение в Чехословакию в 1968 г.

Из заключений психиатров не вытекает, что они подвергли серьезному анализу критические высказывания диссидентов с целью установления элементов болезненного бреда. Напротив, психиатры всячески искажают эти высказывания с тем, чтобы преподнести их как проявления болезни. Так, убеждение Яхимовича в поддержке со стороны Запада превращается в манию величия. Пародируются, извращаются взгляды на гражданские права генерала Григоренко:

*«Вся его энергия, деятельность были «отданы»*

*борьбе за «правду» и создание условий, исключающих несправедливость общественной жизни».<sup>44</sup>*

Утверждение Горбаневской, что ее подвергают психиатрическому обследованию, т. к. не хотят дать ей возможность выступить на собственном процессе, толкуется как проявление паранойи: «Полагает, что ее послали на экспертизу, «чтобы не было шума»; «это устраивало общественного обвинителя»<sup>45</sup>. Значит, человек, констатирующий действия властей, — параноик.

Никто из известных нам диссидентов не предлагал какого-либо необычного проекта коренного переустройства общества. Все они действовали в пределах международно признанного движения за права человека в Советском Союзе. Мысли их ничем не похожи на бред умалишенных. Это — политические и общественные воззрения целой группы людей, прекрасно учитывающих реальную ситуацию.

Нет также никаких оснований для выводов о «переоценке личности». Не было еще случая, чтобы госпитализированный диссидент верил, что он способен своими силами изменить советское общество, и надеялся, что власти моментально прислушаются к его словам. Большинство инакомыслящих осознает, сколь длительной обещает быть борьба за права человека и сколь минимальны текущие ее результаты. Они понимают, что движение малочисленное и уменьшается из-за арестов, вынужденных отъездов за границу и принудительной госпитализации.

«Плохая адаптация к общественной среде» — термин, принятый не только в советской, но и в международной психиатрии. При всей его расплывчатости этот критерий можно, конечно, применить к человеку, который фанатически отдает свою энергию распространению своей «уникальной системы», игнорируя при этом собственные интересы и интересы семьи, пренебрегая средствами к существованию и проявляя враждебность к тем, кто не разделяют его взглядов. Не так в случае



советских диссидентов. От реальности они не уходят, свою борьбу проводят в рамках советского закона, ибо призывают власти соблюдать положения, зафиксированные в конституции. Борьба за права человека — не единственное их занятие; они продолжают работать как физики, электрики, математики, писатели, художники, строители (если их насильственно не лишают этой возможности). Более того, многие из них известны своими профессиональными достижениями: Григоренко — в качестве крупного военного специалиста, Медведев — биолога, Горбаневская — литератора, Плющ — кибернетика, Яхимович — председателя колхоза\*, Шиханович — математика. Отметим, что эти важнейшие факты игнорируются в психиатрических заключениях.

Даже оказавшись за границей, многие из диссидентов, подвергавшихся принудительной госпитализации, быстро и успешно адаптировались. В 1976 году Рипс и Вольпин преподавали в университете математику, Фейгин сделался профсоюзным работником, Медведев занимался научными исследованиями и одновременно продолжал свою публицистическую деятельность, Плющ готовился приступить к преподаванию математики, Горбаневская писала и занималась редакторской работой.

В поддержку своего утверждения о плохой адаптации диссидента психиатры указывают подчас на упорство, с каким инакомыслящий, невзирая на бесконечные препятствия, стремится следовать своим убеждениям. Некоторые, зная бесполезность дискуссий с психиатрами-софистами, ограничиваются вполне красноречивым вопросом: не считает ли психиатр «плохо адаптированным» Ленина и его соратников, боровшихся с царским режимом под постоянной угрозой ссылки и тюрьмы?

---

\*) Прежде, чем Яхимович сделался активистом демократического движения, в советской прессе о нем упоминали как об одном из лучших председателей колхозов (46).

## МОЖЕТ ЛИ ДИССИДЕНТ ОТВРАТИТЬ ДИАГНОЗ ПСИХИЧЕСКОГО ЗАБОЛЕВАНИЯ?

В своем «Пособии» Буковский и Глузман предлагают ценные советы диссиденту, которому угрожает необоснованный диагноз психического заболевания. Прежде всего обследуемому надо быть готовым пожертвовать своей нравственной установкой и в случае необходимости — прибегнуть ко лжи. Так, рассказывая о своем прошлом, он должен делать упор на такие пункты: рождение его не сопровождалось никакими осложнениями, в детстве развивался нормально, был общителен, никаких невротических явлений не наблюдалось, учение в школе проходило благополучно, в соответствующем возрасте начал испытывать интерес к лицам противоположного пола, в выборе профессии колебаний не было, семейная жизнь гармонична. Далее следует сообщить о потребности в общении с людьми, об удовлетворении от контактов с ними, о своих «безобидных» интересах (философия, современное искусство и религия к таковым не относятся).

Центральная роль отводится в «Пособии» объяснению диссидентом его политических воззрений. Буковский и Глузман рекомендуют:

*«Как это ни неприятно, но наилучшей мотивировкой вменяемых в вину деяний является: хотел прославиться, стать известным; не понимал серьезности последствий, не посмотрел на себя со стороны; не понял, что зашел слишком далеко и тому подобное. К сожалению, именно такие (некрасивые) мотивировки положительно воспримутся на экспертизе».\**

Естественно, что услышав такой ответ диссидента, психиатр, по крайней мере, не сумеет пустить в ход аргумент о «преувеличенной самооценке». Авторы также предостерегают против использования образных выра-

\*) Авторы «Пособия» подчеркивают, что они не настаивают «на использовании этого совета всеми и всегда», однако «обстоятельства могут потребовать и такой меры защиты».

жений, ибо они могут быть расценены психиатром как символические ассоциации. В случае Григоренко, например, психиатры нашли символику во фразе генерала: «Я не мог дышать», которой он объяснил свою политическую деятельность. Диссиденту рекомендуется также воздержаться от замечаний о том, что власти не оставляли его в покое, следили за ним. Это не может быть доказано, а значит, будет рассматриваться как паранойяльная реакция. Голодовки стоит приберечь на черный день, т. к. слишком частое их повторение является для советских психиатров признаком «психопатического негативизма». Диссидент должен говорить об озабоченности своим будущим, судьбой семьи и друзей — с тем, чтобы не дать психиатрам возможности применить формулировку «эмоционально притуплен и холоден».

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нас часто спрашивают, насколько искренни советские психиатры, заявляющие, что диссидентство — форма психического заболевания. Мы думаем, большинство психиатров прекрасно понимает причину «заболеваний» диссидентов. По рассказам Буковского, основная часть психиатров Ленинградской СПБ (а с ними Буковскому пришлось иметь дело в середине 60-х годов) не принимала инакомыслящих за психически больных. Двое психиатров — Л. А. Калинин и Келчевская — считали Николая Самсонова здоровым, но, как сообщает Хроника, «рекомендовали ему признать в письменной форме, что он был болен во время написания своего письма в ЦК. Такое признание, сказали они, свидетельствовало бы о его «выздоровлении».<sup>47</sup> Казанские психиатры были вполне удовлетворены формальным отречением Горбаневской, хотя у них не было ни малейшего сомнения относительно ее намерений. В случаях Григоренко и Файнберга черняховские и ленинградские психиатры

тоже намекали, что удовлетворились бы чисто формальным отречением. Единственное известное нам исключение — опыт Леонида Плюща: он столкнулся с психиатром — Лидией Любарской, уверовавшей в его болезнь искренне.

В среде психиатров господствует цинизм. Большинство держит его про себя, но иногда истинные принципы советской психиатрии облачаются в соответствующую демагогическую форму и произносятся вслух. Войханская приводит излюбленное изречение проф. В. М. Морозова: «Ни для кого не секрет, что бывает шизофрения без шизофрении». В ашхабадской психбольнице общего типа поэтессе Аннасолтан Кекиловой врачи сказали, что она «вполне здорова», но предупредили: «если ты не дашь расписку о том, что в ЦК КПСС нервничала, поэтому писала, то останешься в больнице навечно»<sup>48</sup>. Начальник психиатрического отделения при московских лагерях доктор В. В. Кокорев «ответил на вопрос родителей (Игоря Огурцова), что их сын, по его мнению, психически здоров, но отказался дать гарантию, что так будет написано в заключении, ссылаясь на какие-то особые указания в отношении государственных преступников»<sup>49</sup>.

### ОТПОР ПСИХИАТРИЧЕСКОМУ ПРОИЗВОЛУ

«Предательство при помощи психиатрии» — так называлась статья американского журналиста И. Ф. Стоуна, опубликованная в 1972 г. в февральском выпуске «Нью-Йорк Ревью оф Букс»<sup>1</sup>. Стоун обвинял мировую психиатрическую общественность в преступном безразличии к судьбе Буковского: сняв вопрос о советских злоупотреблениях с повестки дня в Мексике, психиатры отдали Буковского на расправу тюремщикам. В первую очередь Стоун осуждал Всемирную Психиатрическую Ассоциацию (ВПА) и Американскую Психиатрическую Ассоциацию (АПА).

АПА выступила против использования психиатрии в политических целях за месяц до появления статьи Стоуна, но не назвала ни имен, ни стран. В итоге, благочестивое заявление американских психиатров свелось к мысли, что «грех — это зло». ВПА, как видно из гл. 4, не способна была во время конгресса в Мексике даже и на осторожный протест.

Стоун пришел к следующим выводам:

*«Бюрократия Всемирной организации, совместно с АПА, по существу помогла советской бюрократии замалчивать протесты и положить их под сукно... Вся процедура, включая выбор делегации на конгресс, покрыта густым бюрократическим туманом. Руководят конгрессом сами себя избирающие клики... Те, в чьих руках рычаги Генеральной Ассамблеи, пошли навстречу советским пожеланиям... Самым трагическим последствием конгресса явился зверский приговор, вынесенный Буковскому за отправку на Запад психиатрических документов, на которые конгресс так и не отреагировал».*

Статья Стоуна отражает настроение как советских диссидентов, так и хорошо информированной западной общественности. «Нью-Йорк Таймс», за 10 дней до конгресса призывавшая психиатров осудить советские злоупотребления, не отступилась от своих принципов и вслед за «Нью-Йорк Ревью оф Букс» поместила статью того же Стоуна, написанную специально для газеты»<sup>2</sup>.

Отказ конгресса выступить с осуждением использования в СССР психиатрии в политических целях резко ухудшил положение госпитализированных диссидентов. Вот что писал Файнберг: «До Мехико, в СПБ и в других областях советской психиатрии царил хаос. Множество политзаключенных готовили к выписке, и власти нехотя улучшали их условия... Когда же до них дошли результаты конгресса, власти «как с цепи сорвались». Попытки, которые психиатры мира решили игнорировать, начались с новой силой»<sup>3</sup>.

Члены Инициативной группы защиты прав человека — те, кто находились вне стен СПБ, были, наверно, столь же тяжело разочарованы, хотя и не выступили с публичными заявлениями. Их отношение к конгрессу в Мексике было видно из призыва, отправленного до конгресса — в связи с документами Буковского:

*«Мы убеждены, что мнение участников международного конгресса будет иметь большой вес и что он в состоянии положить конец практике госпитализации людей в психиатрические больницы без достаточных к тому оснований».*

Инициативная группа дала понять, что судьба Буковского — в руках психиатров мира, ибо именно к ним были направлены обращения, вызвавшие его арест<sup>4</sup>.

Накануне суда над Буковским, в открытом письме от 2-го января 1972-го г., Инициативная группа высказалась более определенно:

*«Мировая известность Буковского и выступления в его защиту (в частности, заявление 44-х британских психиатров) уже сыграли положительную роль. Из восьми месяцев, какие он находился под следствием,*

*два с половиной он провел в Институте им. Сербского на обследовании: психиатры уже готовились объявить его невменяемым, как вдруг — поворот: нет, он вменяем! Нелепость иного решения была бы слишком вопиющей, позор — слишком явным».*

Авторы письма утверждали, что «в наше время можно многое сделать, чтобы спасти человека» и ссылались на быстрое вызволение из больницы Жореса Медведева. Заканчивалось письмо обращением ко всем тем, кто был в курсе советских злоупотреблений, откликнуться на призыв — «Свободу Владимиру Буковскому!»<sup>5</sup>.

Нерешительность ВПА и АПА вызвала у советских властей уверенность в своей безнаказанности. Как вскоре выяснилось, уверенность была преждевременной. Весть о расправе над Буковским всколыхнула западную общественность, в том числе и психиатров, отличных от своих вялых и равнодушных коллег.

Помимо Стоуна, с протестами выступили: Международная комиссия юристов, назвавшая процесс над Буковским «насмешкой над правосудием»<sup>6</sup>; Голландская лейбористская партия и Швейцарская ассоциация писателей<sup>7</sup>; французские врачи, основавшие Комитет против Специальных Психиатрических Больниц в СССР<sup>8</sup>; Королевское медицинское общество в Нидерландах, посоветовавшее советским коллегам придерживаться в диагнозах чисто медицинских критериев<sup>9</sup>; западно-германская и австрийская пресса и телевидение, уделившие серьезное внимание Буковскому и практике советских злоупотреблений психиатрией<sup>10</sup>. В Англии «Таймс» опубликовала два письма: «первое подписали 39 выдающихся деятелей культуры, политики и науки, второе — 36 видных психиатров»<sup>11</sup>. «Владимир Буковский, — говорилось в последнем письме, — не только не заслужил судебного приговора, напротив, он достоин всяческого уважения и восхищения. Расплатившись страшной ценой, он заставил врачей и психиатров всего мира задуматься о необходимости поддерживать самый

высокий этический уровень». В конце письма содержался упрек ВПА и коллегам в других странах: «Те, к кому он писал, должны иметь мужество протестовать против злоупотребления психиатрией в Советском Союзе, дабы страдания его не оказались напрасными».

Вскоре документы, присланные Буковским, вышли отдельной книгой — сначала на французском, затем на английском и немецком языках<sup>12</sup>. Теперь свидетельства были доступны каждому интересующемуся вопросом, а не только одним психиатрам. До появления книги была издана брошюра «Заключение советских диссидентов в психиатрические больницы», анализирующая документы Буковского. Брошюру издала в марте 1971-го года Рабочая группа<sup>13</sup>. Выход в свет первоисточника, а также влияние брошюры, всколыхнули общественное мнение и вызвали новые волны протеста. Не давал иссякнуть протестам на Западе и поток корреспонденций из Москвы. Сообщалось об обращении 52-х друзей Буковского к Генеральному секретарю ООН Вальдхайму<sup>14</sup>, о голодовке в Ленинградской СПБ Файнберга и Борисова, разоблачивших больничные условия, о призывах Сахарова и других в их защиту<sup>15</sup>.

## СОВЕТСКАЯ ТАКТИКА В ОТНОШЕНИИ ЗАПАДНЫХ ПРОТЕСТОВ

Встревоженные протестами с Запада, власти постепенно выработали в ответ координированную тактику. К концу 1972-го года она сформировалась полностью. Этой тактики с тех пор и придерживались. За все время в нее были внесены лишь два существенных изменения.

В 1972 году решено было идти на уступки, хотя и минимальные. По мере осуществления этого плана, каждая такая уступка сопровождалась взрывами пропагандного негодования, рассчитанными на отвлечение внимания общественности от очередной сдачи позиций. Одновременно происходили попытки манипулирования



международными психиатрическими организациями — советские власти стремились нейтрализовать возможные нападки в будущем. Вынужденное отступление Советского Союза отчасти объясняется политикой разрядки, начатой в 1971 году и обязывавшей власти быть более эластичными. Кроме того, еще в 1950-е годы советское правительство стремилось любой ценой добиваться членства в основных международных организациях и во что бы то ни стало закреплять там свои позиции.

Власти начали отвечать на западные протесты лишь в октябре 1971-го г. Уступок они пока не делали, но, имея в виду намечавшееся их проведение, возводили наперед пропагандные прикрития. Помимо интервью Снежневского в «Известиях», заявлений советских психиатров в Мексике и двух пропагандистских статей<sup>16</sup>, вызванных непосредственно или косвенно обращением Буковского и съездом ВПА, единственной реакцией на высшем уровне была пресс-конференция, данная Косыгиным в декабре 1971-го года во время его визита в Скандинавию. Уклонившись от ответа на вопрос, касавшийся Григоренко и злоупотреблений психиатрией, Косыгин заявил, что все западные обвинения — ложь, и посоветовал любопытствовавшему журналисту съездить в СССР и убедиться в этом на месте<sup>17</sup>.

Для внутреннего употребления была предназначена кампания по поднятию авторитета Института им. Сербского. Репутация этого учреждения пострадала из-за широкого распространения таких материалов, как хорошо документированная критика Института Сергеем Писаревым<sup>18</sup> и тюремный дневник Григоренко. В июле 1971-го года критики Института, обладающие известным положением в советской иерархии, воспользовались благоприятной обстановкой и опубликовали в советской печати заметки о недостатках в работе Института, не затронув, правда, политических аспектов его деятельности<sup>19</sup>.

Власти, конечно, не разделяли этих критических на-

строений. В конце 1971-го года Институт им. Сербского был награжден орденом Трудового Красного знамени. В указе, подписанном Подгорным, говорилось о «достижениях в развитии общественного здравоохранения, медицинской науки и подготовки кадров»<sup>20</sup>. Торжественное событие ознаменовалось появлением в газетах ряда статей, посвященных доктору Морозову и его Институту<sup>21</sup>. Авторы статей не скупились на лестные выражения. Для критиков как отечественных, так и зарубежных, у них не нашлось даже слов негодования — критики упомянуты не были.

Массированное пропагандное противодействие западным протестам было пущено в ход в июле 1972-го года. Это произошло через несколько недель после визита в Советский Союз Ричарда Никсона. Среди договоров, подписанных во время пребывания Никсона в Москве, особое значение имело соглашение о сотрудничестве в области здравоохранения и о совместном изучении шизофрении. Приступая к защите советской психиатрии, власти чувствовали таким образом свою безнаказанность. Заручившись подписью Никсона и — косвенно — поддержкой АПА, советская администрация избавилась от страха бойкотов и других мер, подорвавших бы престиж Советского Союза.

Так или иначе, когда один из членов французского кабинета сказал, что в СССР «осмеливающихся критиковать режим или вождей объявляют ненормальными и асоциальными и заключают в психиатрические лечебницы», советский посол заявил официальный протест французскому правительству и лично президенту Помпиду<sup>22</sup>. Неоправданно бурная реакция (замечание члена кабинета было сделано вскользь, в контексте, не имеющем прямого отношения к советской психиатрии) была признаком тактической перемены советских властей.

Удивленные советские читатели, знакомые с вопросом о злоупотреблении психиатрией по «сообщениям» «Литературной газеты» о заключении в психиатрические лечебницы инакомыслящих в Израиле<sup>23</sup>, обна-

ружили, что кому-то взбрело в голову обвинять в таких преступлениях Советский Союз<sup>24</sup>. Публикация, о которой идет речь, появилась в ответ на серию статей в западно-германской прессе об интернированных советских писателях — Валерии Тарсисе, Геннадии Шиманове и других<sup>25</sup>. Автор статьи в «Литературной газете» А. Кривицкий утверждал, что хотя Валерий Тарсис и числился членом Союза писателей, он был психически болен, а что до остальных, то все они графоманы, не состоящие в Союзе писателей и мнящие себя непризнанными гениями.

Текст этой статьи транслировался без сокращений из Москвы за границу. Через неделю после этого московское радио пустило в эфир передачу, в течение которой восхвалялись советские психиатрические учреждения и, в частности, Институт им. Сербского<sup>26</sup>. Составитель программы привел всевозможные высказывания, приписываемые западным авторитетным лицам. Слушателям было сообщено, что британский психиатр Джон Уинг, посетив Институт им. Сербского и некоторые другие психиатрические учреждения, сказал будто: «Я восхищен советской системой, так как в СССР делается все для возвращения пациента к нормальной жизни... Я не нахожу ничего, что мне хотелось бы критиковать. Я нахожу все прекрасным». Генеральный инспектор французского Министерства Юстиции Жорж Фули, изучавший работу Института им. Сербского, по заверению советского радио, отозвался на статьи в западной прессе следующим образом: «Я располагаю достаточными основаниями заявить, что все в них написанное является всего лишь антисоветской пропагандой». Жоржа Фули не успели спросить, говорил ли он что-либо подобное, Генеральный инспектор французского Министерства умер вскоре после радиопередачи. Однако точно известно, что были извращены слова Уинга: он никогда не выступал с одобрением работы советской психиатрии. Об этом мы узнали от самого Уинга.

Деятельность апологетов советской психиатрии рас-

ширялась. Были опубликованы статьи, подписанные профессором психологии Константином Платоновым и Георгием Морозовым. Морозов, не вдаваясь в полемику, ограничился отчетом о работе советской судебной психиатрии<sup>27</sup>. В отличие от него, Платонов упомянул о западных утверждениях и назвал их «чепухой» «Как и многие другие психологи и психиатры, я часто давал консультации в Институте им. Сербского и могу заявить, — сказал он, — что Д. Р. Лунц и Г. В. Морозов являются выдающимися советскими психиатрами»<sup>28</sup>.

В личных встречах с представителями Запада посланцы советской психиатрии утрачивали уверенность в своей правоте и пытались замять неудобные вопросы. Даже Министр Здравоохранения академик Петровский не знал, что сказать, когда на пресс-конференции в США в августе 1972-го года его спросили, может ли он гарантировать западным посетителям доступ к госпитализированным диссидентам. Петровский отказался что-либо обещать<sup>29</sup>. Во время визита в США Петровский встретился с группой авторов научно-популярных книг. Впечатление писателей от беседы таково:

*«Когда мы спросили Петровского о госпитализации в психиатрических больницах инакомыслящих, Петровский сказал: «Я ничего не имею против трудных вопросов», и пояснил, что сам по себе акт протеста не может квалифицироваться как симптом психического заболевания». Наш скептицизм, вызванный его последующим замечанием о том, что, по его наблюдениям, «протест часто влечет за собой такие заболевания», вызвал у него улыбку».*<sup>30</sup>

Как бы то ни было, советская пропаганда занялась маскировкой психиатрических преступлений всерьез. Уже говорилось, что второй из основных задач советских властей было привлечение на свою сторону психиатрической общественности и, в первую очередь, двух центральных организаций — ВПА и АПА. Эти намерения советские правители обнаружили еще в начале 1971-го г., после обращения Буковского.

С АПА нельзя было не считаться. Это — самая крупная национальная ассоциация за пределами СССР, связанная к тому же с Национальным Институтом Психического Здравоохранения — американской организацией, ответственной за соглашение по изучению шизофрении, подписанное США и СССР в Москве в 1971 году. А ВПА — самая представительная международная психиатрическая организация в мире располагающая большими средствами — с ней тоже нужно было считаться.

Третья установка советской тактики — решение прекратить госпитализацию известных на Западе диссидентов в СПБ (но не в психиатрических больницах общего типа!)\*. С осени 1972-го года по сентябрь 1975-го новые рекомендации госпитализировать известных диссидентов в СПБ не выносились\*\*. Рекомендация Института им. Сербского от сентября 1975-го года о госпитализации Вячеслава Игрунова в СПБ через шесть месяцев была заменена направлением в больницу общего типа. Власти остались верны своей тактике и в 1976 г.

Четвертая установка — не направлять известных диссидентов даже в больницы общего типа — стала осуществляться лишь с лета 1973-го г. (о ней мы и говорили в начале этой главы) и соблюдалась в течение почти трех лет — до заключения Игрунова.

Пятая установка — в противовес третьей и четвертой — предусматривала продолжение практики госпитализации и в СПБ, и в больницах общего типа диссидентов мало известных или вовсе не известных на Западе. В таких случаях гласность не грозила, и власти расправлялись со своими жертвами, не опасаясь последствий.

Шестая установка разработанной в середине 1972-го г. тактики состояла в том, чтобы не выпускать хорошо

---

\*) Мы имеем в виду тех диссидентов, чьи друзья связаны с правозащитными группами в Москве и могут обеспечить достаточно подробную информацию в «Хронике».

\*\*) Правда, Плюща направили в СПБ в июле 1973 г., но рекомендация к госпитализации была выписана за год до этого.

известных диссидентов, попавших в психиатрические больницы до 1972-го г. Тут сказалось желание властей сохранить свой престиж, который пошатнулся бы, пойдя власти на слишком большое число уступок одновременно. Но в ноябре 1973-го г. Советский Союз вынужден был все же пойти на попятный. После освобождения Файнберга и, позднее, Гершуни, к октябрю 1974-го г. все наиболее известные диссиденты, за исключением Плюща, оказались на свободе. Выпустив в январе 1976-го г. Плюща, власти могли не беспокоиться о шестой установке своей тактики — она отпала окончательно. К середине 1976-го года освобождены были все наиболее известные Западу диссиденты, мало известных — таких, как Игрунов, — в психиатрических больницах оставалось относительно немного. Зато те, о которых некому было сообщить, по-прежнему пребывали в заточении. Пятая установка не менялась.

Седьмая и последняя установка не стала частью реализованных намерений Москвы. Однако стоит отметить и намерения, несмотря на явную их фантастичность. Согласно самиздатовскому материалу за 1974 г.<sup>31</sup>, проф. Снежневский почувствовал неустойчивость своей позиции в Мехико, и

*«решил внимательно изучить положение по своему возвращении и добиться исправления недостатков. Он добросовестно принялся за дело. По его инициативе Министерство Здравоохранения назначило специальную комиссию для ревизии психиатрических больниц, особенно знаменитых тюремных. Комиссия была потрясена увиденным. Общее заключение членов ее: тюрьма есть тюрьма. Их рекомендация: преобразовать тюрьмы в больницы. В результате МВД в инструкции № 022-С от 16 февраля 1973 г. приказало изменить облик больниц, чтобы они походили не на тюрьмы, а на больницы».*

Тем не менее, пишет автор, «положение не улучшилось, а, согласно некоторым отчетам, даже ухудшилось».

Это подтверждается свидетельствами Плюща о Днепропетровской СПБ.

По поводу исходных намерений Снежневского, можно предположить, что он руководствовался вполне прагматическими соображениями. Учитывая возможную необходимость удовлетворения желания иностранных психиатров взглянуть на условия в СПБ, Снежневский хотел привести эти учреждения в более или менее приглядное состояние. До настоящего времени ни одному человеку с Запада не удавалось проникнуть в СПБ<sup>32</sup>. Самой удобной для иностранцев — в географическом отношении — является Ленинградская СПБ. Поэтому, вероятно, в 1972 г. все без исключения госпитализированные диссиденты были переведены оттуда в другие больницы<sup>33</sup>.

Таковы общие черты тактики, разработанной в 1972 г. Если не считать незначительных отклонений, она осталась неизменной и по сей день. Заметим, что главная уступка — прекращение госпитализации хорошо известных диссидентов (с 1972-го по 1976-ой гг. был госпитализирован один Игрунов) — сама по себе свидетельствует о политическом управлении советской психиатрией. Диссидентов продолжали арестовывать и обвинять по политическим статьям с тою же, примерно, частотой, что и в предыдущие годы, но пропорция направлений в СПБ снизилась по сравнению с 1973 г. с 25% почти до нуля. Такой большой сдвиг трудно объяснить простой случайностью. Еще раз подчеркиваем, что направление мало известных диссидентов на принудительное лечение и в судебном, и в административном порядке, в период с 1973-го г. проводится все так же неуклонно, как и в прежние годы.

Начиная с 1968-го г. американские психиатры получили возможность ознакомиться с обильной информацией о госпитализации диссидентов в СССР. Информация поступала от американских корреспондентов из Москвы; в «Америкэн джорнал оф Сайкайетри» печатались «Письма наблюдателя», вышла в свет книга Медведевых «Кто сумасшедший?» По западному телевидению передали интервью Буковского. В мае 1971-го года во время конгресса ВПА Американская Психиатрическая Ассоциация уже располагала документами Буковского и его обращением, но, подобно ВПА, АПА не уделила должного внимания этому ценному материалу и ограничилась вялым заявлением, предусмотрительно обойдя все острые углы.

Одна из причин такой слабой реакции — в том, что американские психиатры, интересующиеся положением психиатрии в СССР, были заняты в конце 60-х годов составлением книги «Отчет о первой миссии психического здравоохранения США в СССР»<sup>34</sup>, содержание которой шло вразрез с сообщениями о советских злоупотреблениях. Авторы готовившейся книги посетили советские психиатрические учреждения в 1967 году и в своем отчете недостаток критических наблюдений возместили наивным энтузиазмом. Выделялась лишь статья судьи Базелона, высказавшего недоумение по поводу отсутствия юридического контроля над административной госпитализацией<sup>35</sup>. Сборник свидетельствовал о полной неосведомленности авторов об использовании психиатрии в политических целях. Отчасти это объясняется тем, что подлинная, серьезная информация о психиатрических преступлениях в СССР начала поступать на Запад уже после завершения миссии в Советский Союз.

Кроме того, в середине 1971-го г. открылись переговоры между США и СССР о соглашении в области



здравоохранения. Незадолго до конгресса в Мехико профессор Наджаров посетил директора Национального института психического здравоохранения доктора Бертрама Брауна и предложил включить в проект соглашения статью о совместном исследовании шизофрении<sup>36</sup>. Браун и его коллеги, занимающиеся шизофренией, отнеслись к предложению Наджарова положительно, упустив при этом из виду непривлекательную роль самого Наджарова в деле Жореса Медведева и в одном из случаев, приведенных в списке Буковского. Так или иначе, в мае 1972-го года соглашение о сотрудничестве в области здравоохранения, в том числе статья о шизофрении, в торжественной обстановке было подписано в Москве Никсоном и Брежневым. Как известно, тогда же были подписаны другие соглашения, положившие начало политике разрядки.

Официальные переговоры с лидерами советской психиатрии во многом способствуют пониманию длительного бездействия АПА, получившей документы Буковского в мае 1971-го года и взявшей за их изучение лишь год спустя. Повторные упоминания Снежневского о благоприятных отзывах миссии американских психиатров не вызвали у американцев никакой реакции и вывели из равновесия одного И. Ф. Стоуна. Он обратился к членам миссии с призывом высказаться насчет документов Буковского, но члены миссии переадресовали обращение Стоуна в АПА на том основании, что, кроме Базелона, никто из них не является специалистом по судебной психиатрии.

В результате, Американская ассоциация назначила «Специальный комитет по изучению использования психиатрических учреждений для госпитализации политических диссидентов», в который вошли Базелон и трое видных психиатров. Комитет провел заседание 21-го апреля 1972-го года. Отчет<sup>37</sup> об этом заседании начинается так:

*«Комитет, назначенный правлением АПА, рассмотрел ряд документов, имеющих касательство к сведе-*

ниями об использовании психиатрических средств в Советском Союзе в целях подавления политического инакомыслия. Члены комитета ознакомились с представленным материалом. Не будучи компетентными высказать окончательное суждение относительно подлинности и точности документов, члены комитета вынесли сильное впечатление от разносторонности и качества представленного материала. Исходя из положения о серьезности документов, комитет поддерживает упомянутые обвинения... Суждение комитета усиливается тем фактом, что в Советском Союзе отсутствует процедура юридического контроля над административной госпитализацией».

Комитет обсудил вопрос о возможностях злоупотреблений не только в СССР, но и в любом другом обществе, отметив, что при реализации этих возможностей, огромную роль играет система ценностей, принятая в том или ином обществе. Комитет поддержал программное заявление АПА за 1971 г., осуждающее «злоупотребление средствами психиатрии в целях лишения людей свободы исключительно на основании их политического инакомыслия, где бы эти злоупотребления ни имели места». В заключение Комитет предложил две рекомендации, принятые безоговорочно правлением АПА в начале мая:

*«а. Просить президента Всемирной Психиатрической Ассоциации довести программное заявление АПА до сведения всех национальных ассоциаций... для того, чтобы те поддержали принцип, изложенный в резолюции АПА.*

*б. Настаивать на том, чтобы соответствующая международная организация (такая, например, как Всемирная Психиатрическая Ассоциация, Всемирная Федерация Психического Здоровья, Всемирная Организация здравоохранения или соответствующий орган при ООН) основала агентство с подходящим подбором кадров, которое сформулировало бы приемлемые международные стандарты и руководства по защите процедуры принудительной госпитализации от политических влияний и расследовало бы жалобы,*

поступающие от отдельных лиц или организаций в каждой стране».

В дополнение к единогласной резолюции института было опубликовано отдельное заявление Базелона, поддержанное председателем Комитета Раймондом Ваггером. Базелон писал:

*«Я полагаю, что мы можем извлечь урок из советских документов, если, конечно, они подлинны. Эти документы показывают, что медицинская модель «болезни» подменена юридическими критериями общественно и политически неприемлемого поведения. Большая часть рассмотренных нами материалов касается лиц, обвиненных в уголовных преступлениях, но лишенных возможности участвовать в судебной процедуре. Вместо суда и доказательства их «виновности» лица эти квалифицируются как «невменяемые» в отношении деяний, совершение которых не доказано судом.*

*Однако главный упор нам сейчас следует сделать на то, что упоминаемые советские психиатры исходили не из интересов вверенных им «больных», а использовали психиатрическую терминологию и методiku, выполняя поручение государства, на потребу его политических целей. К такому выводу меня приводят несколько фактов. Во-первых, — даже если мы признаем ради аргумента, что приведенные истории болезни обнаруживают наличие психопатологии\*, — проявление этой патологии у указанных лиц ни в коей мере не соответствует определению «опасности», необходимого показания для принудительной госпитализации в психиатрическом учреждении. Я не могу допустить, чтобы убеждения, какого бы они ни были характера, либо высказывание этих убеждений, могли явиться таким показанием. Во-вторых, большая часть описанных лиц помещена в «специальные» или тюремные больницы, чрезвычайно суровые условия*

---

\*) По мнению 44-х английских психиатров, ни один из описанных случаев не подходит под категорию психопатологии. Если приведенные черты «романтизма», «повышенной самооценки», «негибкого мышления» и «некритической оценки» собственного состояния являются симптомами психического заболевания, то почти все мы — больные (примечание Базелона).

которых исключают возможность «лечения», соответствующего поставленному диагнозу.

Впрочем, если бы пациенты были помещены не в столь суровые условия, если бы они подвергались принудительному лечению хотя бы амбулаторно или не подвергались бы никакому лечению, но квалифицировались бы как «психически больные», все равно можно было бы говорить о злоупотреблении психиатрией. Все перечисленные акции подходили бы под статью об использовании психиатрических средств для подавления политического инакомыслия — т.е. навешивания медицинского ярлыка «патология» в политических целях.

Этот тип злоупотребления психиатрической наукой не ограничивается подавлением явных политических активистов. Злоупотребление неизбежно всякий раз, когда психиатры отрекаются от своей роли союзника пациента и используют свою квалификацию на потребу государственных учреждений».

Далее Базелон призвал к «глубокому изучению психиатрической практики также и в наших учреждениях». Но в последнем абзаце он подчеркнул все же:

*«ничего из сказанного здесь не следует воспринимать как смягчение нашего осуждения той практики, которая представлена в советских документах. Правление должно всеми имеющимися в его распоряжении средствами протестовать против госпитализации этих советских граждан и добиваться их освобождения».*

Вопреки призыву Базелона, АПА долго не обращалась к имеющимся в ее распоряжении средствам. Акции АПА, предпринятые до 1976-го года, были немногочисленны и неэффективны. Правление с радостью ухватилось за обе рекомендации комитета (см. выше), поскольку они освобождали от обязанности более глубокого изучения советской практики и неприятностей, связанных с необходимостью четких выводов об этической стороне вопроса. Рекомендация Комитета давала возможность переложить ответственность на другие организации.

Этой возможностью АПА сразу же воспользовалась, причем руководство организации, по-видимому, сочло лишним проверить, готовы ли другие психиатрические ассоциации возложить на себя ответственность, от которой увиливали американцы. АПА продолжала бездействовать и тогда, когда стало ясно, что брать на себя чужую ответственность — желающих нет.

Комитет собрался накануне поездки Никсона в Москву и вынес следующую резолюцию:

*«Комитет воздержится от углубления в вопрос о советских порядках, а вместо этого займется исследованием проблем, существующих в США».*

Базелон, желая быть объективным и сказав в своем заявлении, что необходимо «изучить психиатрическую практику также и в наших учреждениях», вряд ли догадывался, сколь предвзято будут истолкованы его слова. Комитет решил не утруждать себя объяснением своего довольно-таки несуразного заявления.

Как бы то ни было, обсуждение советских злоупотреблений в США приостановилось до осени 1973-го года. В сентябре 1972-го года группа Национального института психического здравоохранения совершила турне по Советскому Союзу; в марте 1973-го года состоялась вторая сессия совместного Комитета по здравоохранению; летом того же года состоялся визит в США Брежнева. АПА бездействовала как и прежде, не обращая внимания на шедший вразрез с курсом политической разрядки поток информации о злоупотреблении советской психиатрией<sup>38</sup>. Не вывели АПА из неподвижности и показания, данные в Сенатском подкомитете в 1972 году Александром Вольпиным, который испытал психиатрические злоупотребления на себе. Даже публикация его показаний с приложением материалов Буковского вызвала мало откликов<sup>39</sup>. Такая же судьба постигла напечатанное в журнале «Сайенс» письмо пяти психиатров<sup>40</sup> и обстоятельный доклад, подготовленный доктором Полем Чодофф, в котором он дал анализ документов Буковского и при-

шел к выводам, сходным с позицией авторов «Письма 44-х» в Англии<sup>41</sup>. Чодофф зачитал доклад во время конференции АПА в Гонолулу в мае 1973-го года. На этой конференции выступил чешский психиатр, недавний эмигрант, сообщивший об оказывавшемся на него в Чехословакии давлении — его пытались заставить направлять на госпитализацию здоровых людей<sup>42</sup>. АПА могла сделать соответствующие выводы о роли психиатрии в Восточной Европе, но эта возможность была упущена так же равнодушно, как и все предыдущие.

## ШАГИ, ПРЕДПРИНЯТЫЕ В АНГЛИИ

Королевская коллегия психиатров в Великобритании проявила еще большую осторожность, чем американская Ассоциация, несмотря на очевидные поводы к действию — такие, например, как «Письмо 44-х». Вплоть до конца 1973-го года одна лишь Рабочая группа занималась активной деятельностью. Ее члены публиковали статьи о советских злоупотреблениях, писали в газеты многочисленные письма, вовлекавшие в дискуссии широкую общественность<sup>43</sup>. Рабочая группа призывала не проходить мимо психиатрической практики в Советском Союзе, указывала на необходимость обеспечения гарантии против незаконной госпитализации — повсюду. Доктора Шоу, Блох и Виккерс опубликовали статью, которая свидетельствовала о тщательном изучении вопроса. Авторы статьи исследовали два случая принудительной госпитализации диссидентов. Факты привели психиатров к выводу, что обвинения в злоупотреблении имеют реальную основу. Шоу, Блох и Виккерс посоветовали ВПА создать международную комиссию «для охраны врачебной этики и психиатрических стандартов с тем, чтобы предотвратить применение психиатрии в целях, противоречащих благополучию пациента». «Такая комиссия, — написано далее, — могла бы беспристрастно рассмотреть все

жалобы на злоупотребления психиатрией, где бы те ни возникли»<sup>44</sup>.

Профессор Дженнер и авторы этой книги — в качестве представителей Рабочей группы — приняли участие в радиопрограмме Би-Би-Си «Протест или безумие?»<sup>45</sup>. Дженнер написал также непосредственно Снежневскому: «Согласитесь, что располагая доводами лишь одной стороны, я вправе задавать вопросы и — в случае отсутствия убедительных опровержений — предполагать худшее». Снежневский ответил, что он достаточно подробно осветил советскую позицию во время конгресса в Мексике, и сослался на «клеветнический характер» статьи Шоу и др. «Организаторы анти-советской кампании, — писал Снежневский, — не гнушаются ничем», в том числе передергиваньем фактов и «тенденциозной интерпретацией». В случаях госпитализированных диссидентов, — утверждал Снежневский далее, были соблюдены все соответствующие процедуры и в поведении советских психиатров не было ничего предосудительного<sup>46</sup>.

Активность Рабочей группы еще более усилилась после того, как стало известно о процессе Глузмана<sup>47</sup>. В ноябре 1972-го года «Таймс» опубликовала обращение Сахарова, в котором говорилось:

*«Глузман осужден за профессиональную честность. Я призываю врачей-психиатров всего мира выступить в защиту своего молодого коллеги, я призываю требовать немедленного международного расследования всех фактов психиатрических репрессий».*<sup>48</sup>

Вынесенный Глузману суровый приговор явился новым свидетельством против советской политики: единственное чего добивался Глузман — это защиты принципов психиатрии от злоупотреблений, зафиксированных в документах Буковского. Весть о расправе над Глузманом подтвердила самые худшие подозрения и вынудила к действию даже наиболее скептических западных психиатров. В начале 1973-го г. члену Группы

доктору Лоу-Биру, посвятившему свое время сбору подписей под телеграммой в поддержку обращения Сахарова, уже не пришлось встретиться с непониманием коллег. Первая телеграмма была отправлена 28 февраля 1973-го г. Узнав, что Сахаров телеграммы не получил, отправители написали Подгорному<sup>49</sup>, включив в свое обращение текст телеграммы:

*«Академику Сахарову. Нижеподписавшиеся психиатры и врачи взволнованы Вашим обращением от 15-го ноября 1972 г. и чрезвычайно озабочены положением Глузмана, Григоренко и других. Мировая психиатрическая общественность начинает понимать проблему и реакция на нее растет. Будем предавать гласности всеми допустимыми способами факты, включая эту телеграмму. Наилучшие пожелания».*<sup>50</sup>

Телеграмму подписали около 200 человек. В это число вошли виднейшие английские психиатры. Напомним, что первоначальное число протестовавших — 44. Телеграмма Сахарову была отправлена через 18 месяцев после «Письма 44-х» в «Таймс». Все больше и больше английских психиатров переходило от бездействия и скептицизма к активному участию в борьбе против нарушения психиатрических принципов.

Член Рабочей группы доктор Дэвид Кларк ознакомил своих товарищей по Совету Королевской коллегии с текстом сахаровского обращения. Нежелание реагировать на материалы, которые доктор Кларк представлял прежде, было преодолено, и в январе 1973-го г. Совет Коллегии вынес резолюцию:

*«Королевская коллегия психиатров решительно протестует против использования психиатрии в целях лишения свободы лиц, исключительно на основании их политического инакомыслия — где бы оно ни имело место».*<sup>51</sup>

Примеру Королевской коллегии последовали другие медицинские организации Великобритании:

*«Британская медицинская ассоциация осуждает использование врачей для объявления психически*



*больными политических и религиозных инакомыслящих, а также практику ненужных обследований и лечения».*<sup>52</sup>

Общество психиатров-клиницистов подавляющим большинством голосов приняло такую резолюцию:

*«Мы считаем, что исконное право всякого гражданина иметь дело с врачами, свободными от политического давления, мешающего высказывать свободное медицинское мнение».*<sup>53</sup>

Как видим, ни одна из трех ассоциаций Советский Союз не назвала. Подобно заявлению АПА, сделанному на год раньше, английские документы обнаружили большую осторожность их составителей, однако сам факт принятия резолюций говорил о намерении бороться против злоупотреблений.

Британская национальная ассоциация психического здоровья — филиал Всемирной Ассоциации — пошла дальше. Специалисты и неспециалисты, состоящие ее членами, решили напомнить общественности о заявлении, сделанном в 1971 г. Всемирной Ассоциацией, и подчеркнуть:

*«Мы подтверждаем, что резолюция (1971 г. — пер.) была бы применима в случаях злоупотребления психиатрией в нашей стране, и обязуемся проявлять в этом отношении высокую бдительность. Однако мы с возрастающей озабоченностью следим за сообщениями о репрессивных психиатрических злоупотреблениях в политических целях в СССР. Мы осуждаем происходящее в СССР, поскольку подобные действия позорят психиатров и вселяют в пациентов недоверие к психиатрической помощи где бы то ни было».*<sup>54</sup>

## ДАЛЬНЕЙШЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ В ВПА

Впервые представители советской психиатрии столкнулись лицом к лицу с западными критиками в 1971 году. Два года спустя в СССР состоялся международный симпозиум по шизофрении, во время которого советские психиатры вновь подверглись критике. События, предшествовавшие симпозиуму, таковы.

В ноябре 1972-го года советская сторона решила прибегнуть к дипломатии. Двух влиятельных сотрудников ВПА — Генерального секретаря доктора Ли и казначея проф. Линфорда Риса — произвели в почетные члены Всесоюзного общества невропатологов и психиатров. Это были единственные иностранцы, удостоенные такой чести в 1972 году<sup>55</sup>.

Согласие Ли и Риса принять почетное звание явилось большой победой официальной советской психиатрии. На фоне сгущающейся озабоченности советскими злоупотреблениями медициной, поведение виднейших представителей ВПА надо было истолковывать как признак недоверия ВПА к свидетельствам об использовании психиатрии в политических целях.

Высказывания свежееиспечённых членов Всесоюзного общества подтверждают правильность такого толкования. В частных беседах Ли несколько раз повторил, что кампания против советских злоупотреблений — это хитроумная и щедро субсидированная операция, проводимая не без участия ЦРУ. Ли говорил также, что сомневается в подлинности свидетельств: Буковский-де действительно является шизофреником или, по крайней мере, страдал психическим заболеванием в прошлом. В 1972 г. один из авторов этой книги (П. Р.) безуспешно пытался добиться от Ли мотивировки этих утверждений. И хотя с тех пор прошло достаточно времени — убедительных доказательств того, что свидетельства были тщательно расследованы ВПА, нет ни в публичных, ни в частных заявлениях Ли, нет их ни

в протоколах заседаний Исполнительного комитета ВПА, ни в заявлениях ВПА относительно психиатрической этики. В 1975 г. профессор Рис по-прежнему говорил о якобы совершаемых в СССР злоупотреблениях, невзирая на вполне недвусмысленное осуждение, обнародованное за 2 года до этого Королевской коллегией. Позиция ВПА не претерпела особых изменений и в 1976 году. Представители Ассоциации не удосужились даже расспросить бывших узников советских психиатрических больниц и советских психиатров, эмигрировавших из СССР после 1971-го года.

В ноябре 1972-го г. Исполнительный комитет ВПА обсудил программное заявление АПА и распорядился разослать его копии всем обществам-членам ВПА; исполнительный комитет также принял во внимание заявление представителей Западно-германского общества\*.<sup>56</sup> Согласно протоколам, профессор Вартанян «указал, что психиатрия нуждается в этических принципах и что ВПА следовало бы заняться этой проблемой». Советская администрация полагала, видимо, что создание комитета для разработки всеобщих этических принципов отвлечет внимание от конкретных проявлений психиатрической беспринципности. Так или иначе, Исполнительный комитет решил ограничиться рассылкой национальным обществам заявлений АПА и западно-германских психиатров.

Примечательно, что для распространения были выбраны именно эти два документа, а не резолюции канадских психиатров и Всемирного общества психического здравоохранения или «Письмо 44-х», которые могли бы вызвать дебаты и озабоченность. Что касается амери-

---

\*) Западно-германские психиатры, признавая, что использование психиатрии в политических целях противоречит медицинской этике и является нарушением прав человека, не считали вместе с тем, что научное общество компетентно расследовать действительные или мнимые случаи злоупотреблений где бы они ни имели место — в Западной Германии или вне ее. Кроме того, немецкие психиатры упрекали средства информации в том что, публикуя сообщения о злоупотреблениях психиатрией, они возбуждают общественное мнение против психиатрии в целом (57).

канского и западно-германского документов, то они фактически санкционировали бездействие. Хотело руководство ВПА этого или нет, но так получилось. Ни одно из обществ-членов не отозвалось на эти заявления. Это и немудрено: ни ханжество американской Ассоциации, ни двойственность западно-германского заявления никого не могли задеть за живое.

Одновременно с заседанием Исполнительного комитета ВПА собрала конференцию по шизофрении в Лондоне. Ли запретил Рабочей группе распространять на конференции литературу о психиатрии в СССР. Вместо того, чтобы дать делегатам возможность ознакомиться со свидетельствами жертв советской психиатрии, Ли организовал интервью Вартаняна в «Таймс»<sup>58</sup>, во время которого советский представитель . . .

*«сообщил, что протестующие ссылаются на специфический разряд больных, нуждающихся в лечении. Он сказал, что бред их несет политическую окраску «Я могу поручиться, что в Советском Союзе нет психически здоровых людей, которые содержались бы в психиатрических больницах» . . . Доктор Вартанян сказал, что, насколько ему известно, процедура освидетельствования больных в Советском Союзе немногим отличается от соответствующей процедуры в Великобритании».\**

## ИНТЕРЕС К ПРОБЛЕМЕ ВСПЫХИВАЕТ С НОВОЙ СИЛОЙ

В течение первой половины 1973-го г. царило обманчивое спокойствие. Протесты, да и то не слишком частые, раздавались лишь в Великобритании<sup>59</sup>.

В Советском Союзе КГБ безнаказанно продолжал поход на инакомыслие. Главным достижением органов

---

\*) Показательна неточность этого утверждения: граждане Великобритании, госпитализированные в административном порядке, имеют автоматическое право по закону от 1959 г. апеллировать в независимый кассационный суд — право, которого советские граждане лишены.

было прекращение выхода Хроники. Все же власти стали действовать осмотрительнее: ни один из известных активистов движения не был госпитализирован по суду. Последнее обстоятельство способствовало снижению озабоченности западной общественности. Способствовало этому и правительство США, воодушевленное перспективами разрядки и поддерживавшее во время визита Брежнева в Штаты советское предложение об обмене опыта в области медицины.

Руководители советской психиатрии могли быть довольны. Новости с Запада приходили одна утешительнее другой. Через несколько дней после визита Брежнева в США состоялась международная конференция психотерапевтов в Осло, участники которой последовали примеру психиатров, заседавших в Мексике.

Несмотря на многочисленные петиции разных групп с призывом к делегатам уделить внимание советской психиатрической практике, съезд этот вопрос обсуждать не стал. Организаторы дали понять, что восточно-европейские делегации угрожали покинуть съезд в случае таких обсуждений; это могло привести к срыву диалога между Западом и Востоком. Впрочем, диссиденты не были обойдены вниманием многих участников съезда: 175 человек подписало довольно сильное обращение к Брежневу<sup>60</sup>.

Двойной успех — американская поездка Брежнева и срыв официального осуждения в Осло психиатрических злоупотреблений — позволили КГБ усилить натиск на инакомыслие. Теперь можно было возобновить запугивание активистов методом, от которого недавно КГБ пришлось временно отказаться — вновь была пущена в ход госпитализация через суд.

28-го июня психиатры Института им. Сербского рекомендовали направить на принудительное лечение Шихановича. Неделью спустя Верховный совет Украины отменил приговор низшей инстанции и направил в СПБ Леонида Плюща.

В конце июня и начале июля из Москвы от инако-

мыслящих, встревоженных зловещими симптомами, поступили обращения с просьбой о помощи. Одно из них было непосредственной реакцией на события в Осло. Сахаров и его коллеги по Комитету прав писали<sup>61</sup>:

*«Нам стало известно, что Международному съезду психотерапевтов в Осло были направлены многочисленные обращения частных лиц, международных и национальных организаций, предлагавшие обсудить практику психиатрической госпитализации по политическим мотивам в СССР и странах Восточной Европы. Съезд отказался высказаться по этому поводу, чтобы не помешать наиболее прогрессивному сейчас процессу сближения со странами Восточной Европы. Комитет с недоумением и горечью узнал о решении съезда. Заточение здоровых людей в психиатрические больницы навсегда останется пятном на нашем веке, как «испанский сапог» на средних веках.*

*Закрывать глаза на эти жестокости — значит поощрять их применение и предавать их жертвы. Психиатрические репрессии не только калечат жизни людей, они разрушают нравственные и правовые основы человеческого общежития. Одним из проявлений их разрушительного действия является решение конгресса психотерапевтов. Где же найдутся силы для борьбы с этой опасностью, если даже врачи не хотят о ней ни слышать, ни говорить?*

*Мы горячо желаем сближения стран с различным политическим укладом, видя его смысл в том, чтобы обе стороны помогали друг другу развиваться в направлении большей человечности. Но решение съезда психотерапевтов придает идее сближения прямо противоположный, отпугивающий смысл.*

*Мы призываем всех психиатров, чувствующих свою ответственность перед больными, своей наукой и человечеством, добиться пересмотра этого решения».*

Подобный же призыв содержался в выступлении Сахарова и других в защиту Шихановича (гл. 8). Третье обращение было адресовано Генеральному секретарю ООН; его просили встать на защиту Леонида Плюща и Владимира Борисова<sup>62</sup>. Четвертое — объемом в 30

стр. — было отправлено во Всемирную ассоциацию психического здоровья и Международную ассоциацию юристов. Автор этого документа Татьяна Ходорович, лингвист по специальности, один из зачинателей демократического движения, просила юристов и психиатров изучить присланные ею материалы и сообщить Организации Объединенных Наций выводы.

В заключительной части своего труда Ходорович объясняет, почему власти решили посадить Плюща в СПБ:

*«Некто почувствовал в Леониде Плюще мозговую опасность. Заключение в лагерь... этой опасности не снимало. Ведь там Плющ мог бы общаться с нормальными людьми и иметь друзей... Сумасшедший же дом надежен, бессрочен, молчалив. В нынешних условиях не надо даже прибегать к смирительной рубашке — нескольких инъекций какого-нибудь нейролептика достаточно, чтобы «выправить» любой мятежный мозг, т.е. окутать его безразличием и тишиной».<sup>63</sup>*

Эти обращения не могли пройти незамеченными. В лондонской «Таймс» появились две статьи журналиста Бернарда Левина<sup>64</sup>, занимавшегося вопросами, связанными с использованием психиатрии в политических целях и сумевшего поэтому убедительно изложить свои мысли:

*«возникшая картина представляется мне столь ужасающей, детали ее столь мало известными в Великобритании, история ее столь густо усеянной призывами жертв оказать общественное давление на советскую администрацию извне, что... я почувствовал необходимость написать о ней подробно».*

Левин описал дело Буковского, Глузмана и других, чью деятельность он назвал героической. Английский журналист осудил ВПА за отказ поддержать их, а также подверг резкой критике Ли за то, что Председатель ВПА принял почетное членство в Советском психиатрическом обществе. В заключение Левин приз-

вал Королевскую коллегияу безоговорочно осудить советские злоупотребления на предстоящем общем собрании.

Впервые в западной печати вопрос получил такое яркое освещение. Некоторые члены Коллегии, отозвавшись на статьи Левина, выступили с критикой ВПА и высказали свои сомнения относительно правильности позиции, занимаемой Всемирной Ассоциацией<sup>65</sup>. Международный Пэн-клуб выразил протест против расправы над Буковским<sup>66</sup>, а «Обсервер» опубликовал статью, в которой процитировал горькое обращение московского Комитета прав человека и упрекнул конференцию в Осло за отказ действовать<sup>67</sup>.

Однако по-настоящему в центре международного внимания советская психиатрическая практика оказалась лишь 29 июля 1973-го года. В этот день «Обсервер» оповестил читателей, что в октябре ВПА организует симпозиум по шизофрении, на котором будут выступать такие скомпрометированные психиатры, как Георгий Морозов. Кроме того, газета сообщила:

*«Доктор Ли... утверждает, что ни одно общество-член Ассоциации не поднимало вопроса о советских злоупотреблениях на собраниях ВПА и что, помимо этого, устав Ассоциации запрещает своим членам обсуждать этические установки другого члена...»*

То же самое Ли говорил и в 1971 году. Зачем ему понадобилось повторять свое ложное предположение — непонятно. Его заявления, как уже говорилось, искажали устав Ассоциации и единственно, для чего Ли воспользовался ими снова — это для увиливания от ответа на критику о бездействии ВПА.

Советская администрация была встревожена новыми нападениями на ВПА, которая исполняла теперь роль защитницы советской психиатрии. Советская сторона ответила услугой за услугу и поручила Наджарову защищать ВПА. Его интервью ТАСС было опубликовано огромным тиражом. Профессор выразил удовлетворе-



ние тем, что ВПА, а также ряд выдающихся (не названных, впрочем) психиатров «отмежевался от клеветников-антисоветчиков», чья ложь «рассчитана на то, чтобы угодить . . . кругам, которые заинтересованы в отравлении международной атмосферы»<sup>68</sup>.

Положение обострилось из-за начавшейся в СССР кампании против акад. А. Сахарова.

Сигнал к травле Сахарова был дан в советской печати 24-го августа. Многие опасались, что власти решили Сахарова арестовать. Солженицын и другие развернули широкую контр-кампанию, которую тотчас подхватила западная общественность<sup>69</sup>. В последующие недели кампания против преследования Сахарова слилась с усиленной критикой психиатрических злоупотреблений. Систематические выступления Сахарова против извращения функции психиатрии, не прекратившиеся и тогда, когда он сам находился под огнем, связали оба явления, хотя их совпадение по времени было в основном случайным.

«Таймс» опубликовала серию писем читателей, вызванную страстным письмом Генерального секретаря Международного Пэн-клуба Дэвида Карвера. Карвер был потрясен тем, что июньские статьи Бернарда Левина не нашли никакого отклика у психиатров и что Королевская коллегия поддерживает участие своих членов в симпозиуме ВПА, на котором будут выступать Морозов и ему подобные<sup>70</sup>. В ответ на письма Карвера и его единомышленников президент Коллегии сэр Мартин Рот заявил, что участие в работе симпозиума является делом личной совести каждого. Сам Рот, а вместе с ним и Совет Коллегии считает однако, «что обращение, которому, по сообщениям из Москвы, подвергли таких людей, как Медведев, Глузман и Григоренко, мерзко, отвратительно и абсолютно неприемлемо в любом цивилизованном обществе». Если в конференции примет участие проф. Морозов, — сказал сэр Мартин, — «надо надеяться, что западные психиатры воспользуются возможностью призвать его к ответу за некоторые из

диагнозов, которые он вынес согласно ряду сообщений»<sup>71</sup>.

Советская сторона ответила на беспрецедентную по суровости критику, появившуюся в британской прессе, 31-го августа. В «Известиях» были опубликованы показания Снежневского на процессе Петра Якира и Виктора Красина — двух диссидентов, сломленных КГБ на следствии:

*«А. В. Снежневский заявил, что за 50 лет работы в советском здравоохранении он не знает случая, когда бы здоровый человек попал в психиатрическую больницу».*

Письма Якира, в которых говорилось о злоупотреблениях, — пожаловался Снежневский, — осложнили работу советских психиатров за рубежом<sup>72</sup>. После того, как Якир «раскаялся» и сказал, что он все придумал, работать, по-видимому, стало легче. Вскоре состоялась пресс-конференция: Якир официально отрицал наличие злоупотреблений психиатрией в СССР<sup>73</sup>.

7-го сентября ТАСС в ответ на «побасенки» Рота опубликовал интервью со Снежневским. Тот «указал, что сожалеет о письме профессора Рота, являющемся, разумеется, безнадежной попыткой гальванизировать антисоветскую ложь, давно уже сделавшуюся пропагандным трупом»<sup>74</sup>.

Не успел иссякнуть поток корреспонденций в «Таймс», как хлынула волна писем в другие газеты. Благодаря активности Рота, вопрос о злоупотреблениях попал на страницы «Гардиан». В новом просторном письме Рот подчеркнул, что идея симпозиума по шизофрении — целиком детище ВПА.

*«Королевская коллегия не играла никакой роли в организации симпозиума и избрании Советского Союза местом для его проведения; ни на одной стадии с Советом Коллегии не было проведено консультаций по поводу этих планов».*<sup>75</sup>

Поскольку Королевская коллегия — третье по величине национальное общество, входящее во ВПА, это

заявление заставляет нас по-новому взглянуть на утверждения Ли относительно федеративного характера Всемирной организации. Сообщение Рота волея-неволей наталкивает на размышления о методах работы организаторов симпозиума. Интервью Ли, появившееся на следующий день в «Обсервере», не способствовало прояснению дела. Зато внесена была достаточная ясность в отношении других аспектов поведения ВПА:

*«Доктор Ли на прошлой неделе сказал: критики ВПА «вольны говорить, что им вздумается, а мы вольны делать, что нам вздумается... Нас не интересует политика. Мы являемся ассоциацией, подобной ООН, и дела наших филиалов — это их собственные национальные дела... Шизофрения является наиболее важной проблемой в психиатрии. Это бич всего мира. В СССР ее исследованием занимается около 200 человек, и есть шансы, что их попытки увенчаются успехом. Вот и все. Мне надоели эти нападки салонных социалистов».*

Ли уклонился от обсуждения доказательств злоупотреблений психиатрией в Советском Союзе: «Это не мое дело. Я подобен генеральному секретарю тред-юнионов: я выполняю волю Исполнительного комитета»<sup>76</sup>.

По мнению «Бритиш Мэдикал Джорнал», ВПА оказалась перед дилеммой: отказаться от участия в симпозиуме или нет. Но в одном пункте сомнений не было. В журнале писалось:

*«Какого бы ни было решение ВПА, следует ожидать от нее решительного заявления о том, что факты ей известны и что она их осуждает».<sup>77</sup>*

Принял участие в дискуссии и английский коммунист доктор Леонард Кром, председатель общества культурных связей с СССР, невропатолог по специальности. Кром писал в «Таймс», что изучив свидетельства, пришел к убеждению, «что в них нет ни малейшей достоверности». Более того, его знакомство с советскими врачами и высокое мнение о них, а также о советских больницах и научно-исследовательских институтах не

позволяет допустить основательность этих обвинений<sup>78</sup>.

Письмо Крома вызвало целую серию возмущенных писем, в том числе и от Фонда мира им. Бертрана Рассела<sup>79</sup>. Фонд предлагал учредить совместно с Обществом культурных связей комиссию для изучения обвинений, выдвинутых в книге братьев Медведевых и в статье Жореса Медведева в «Нэйчэр». Кром от прямого ответа уклонился. Однако он дал интервью, с бесчестным выпадом против Жореса Медведева:

*«Я полагаю, что он (Медведев) был искренен и добросовестен в своей книге, впрочем, люди обычно избегают публиковать сведения, противоречащие тому, что требуется доказать. Возможно, в его истории болезни заключались намеки на некоторую его психическую неполноценность».*<sup>80</sup>

Между тем, в США произошли события, придавшие подготовке к конференции несколько иную окраску. 7-го сентября Министр здравоохранения, образования и социального обеспечения США Каспар Вайнбергер, на совместной пресс-конференции с советским Министром здравоохранения Петровским (пресс-конференция состоялась в Москве) промолчал во время нападок своего собеседника на сенатскую публикацию за декабрь 1972-го года относительно злоупотреблений психиатрией в СССР. Эта публикация не имела под собой «научной почвы», — сказал Петровский, и в качестве подтверждения своих слов сослался на заявления американской миссии, сделанные в 1967 г. Вывод Петровского был предостережением. «Такая публикация безусловно не способствует укреплению сотрудничества между нашими двумя странами», — сказал он. После этих слов, министры торжественно открыли прямую телесвязь между двумя министерствами<sup>81</sup>. Итак, Советский Союз мог торжествовать.

Однако в течение следующей недели радость сменилась паникой. Во-первых, Сахаров предложил участникам симпозиума настаивать на том, чтобы их допустили к диссидентам, содержащимся в СПБ; в случае запрета

Сахаров советовал отказаться от участия в симпозиуме<sup>82</sup>. На следующий же день Национальная Академия Наук США по телефону предупредила АН СССР, что, возможно, будет вынуждена прекратить с СССР научные контакты, если Сахарова, члена-корреспондента американской Академии Наук, арестуют и преследованиям его не будет положен конец<sup>83</sup>. Поскольку научным обменом с американской стороны ведала американская Академия Наук, и выгоды обмена для Советского Союза не подлежали сомнению, предупреждение было воспринято с достаточной серьезностью.

В результате всех этих событий, в первую очередь, из-за предупреждения американской Академии Наук, вышла, наконец, из апатии Американская Психиатрическая Ассоциация. Президент ее доктор Альфред Фридман направил Снежневскому следующую телеграмму:

*«Вот уже несколько лет, как Американская Психиатрическая Ассоциация испытывает озабоченность в связи с утверждениями о принудительной госпитализации в психиатрических больницах политических диссидентов. Некоторые члены Ассоциации в порядке личной инициативы запрашивали об этом своих советских коллег и сообщили нам, что ответов не получили.»*

*Нельзя игнорировать повторенные обвинения в том, что госпитализация в психиатрические больницы производится необоснованно, с пренебрежением к правам человека, и является мерой подавления политического инакомыслия.*

*Поэтому АПА предлагает советским коллегам встретиться с делегацией ведущих психиатров США в соответствующей научной обстановке, которая обеспечила бы конфиденциальность, и обсудить принудительную госпитализацию, а также отдельные случаи, расцененные как злоупотребления, учитывая возможную необходимость обследовать отдельных больных.*

*Мы также признаем возможность выдвижения обвинений в политически мотивированном использова-*

нии психиатрии — в адрес любой страны. Поэтому наша делегация готова обсудить возможные обвинения в злоупотреблениях в США и других странах.

Растущие во всем мире подозрения в том, что психиатрия как профессия может допускать злоупотребления такого порядка, являются причиной беспокойства психиатров всего мира. Если такие злоупотребления имеют место, их следует публично разоблачить и положить им конец. Мы очень надеемся, что советские коллеги присоединятся к нам в этом начинании, особенно теперь, после соглашений между нашими народами о научном сотрудничестве».<sup>84</sup>

Только что имевшие дело с дружественно настроенным Вайнбергером советские власти были поражены столь внезапной переменой. Плоды американского плюрализма долго переваривались на советских верхах: прошло целых две недели прежде, чем случившееся было усвоено, и Снежневский отозвался на телеграмму:

*«Прошу извинить за задержку с ответом. Удивлен Вашей телеграммой от 11-го сентября 1973-го года. Советские специалисты не возражают против обсуждения вопросов, представляющих профессиональный интерес, после симпозиума».*<sup>85</sup>

Фридман заявил, что АПА «весьма ободрена» ответом и «надеется, что началось устранение барьеров на пути к осмысленному диалогу с нашими советскими коллегами»<sup>86</sup>.

Но вскоре обнаружилось, что относительно любезный тон телеграммы Снежневского не был признаком сдвига в советской позиции. В «Гардиан», а позднее и в других газетах, появилось письмо от 21-го члена Президиума Всесоюзного общества невропатологов и психиатров, подписанное, среди прочих, Снежневским, Наджаровым, Г. Морозовым и Серебряковой. Письмо это представляет собой классический образец советской психиатрической риторики и заслуживает того, чтобы быть приведенным целиком:

*«В течение последнего времени в некоторых органах печати, по радио и телевидению западных стран,*

в заявлениях отдельных западных психиатров распространяются злостные измышления о том, что якобы в Советском Союзе психически здоровых людей помещают в психиатрические больницы за их политическое «инакомыслие».

Осуществляется это будто бы путем признания таких лиц невменяемыми при судебно-психиатрической экспертизе. Не ограничиваясь подобными утверждениями, заявляют также о том, что таким лицам даются лекарства, вредно действующие на их здоровье.

Видные советские психиатры в своих выступлениях в печати, во время научных контактов с зарубежными коллегами, в частности, на международном конгрессе психиатров в Мехико в 1971 году, уже указывали на полное несоответствие таких заявлений действительности.

Однако продолжающиеся недостойные попытки дезинформировать общественное мнение вынуждают президиум Всесоюзного научного общества невропатологов и психиатров, объединяющего всех врачей этих специальностей в Советском Союзе, выразить свое негодование и категорический протест против клеветы, возводимой на советскую психиатрию и тем самым на медицину вообще.

В нашей стране судебно-психиатрическая экспертиза и помещение психически больных в психиатрические лечебные учреждения осуществляются строго в соответствии с законодательством о здравоохранении.

Экспертиза находится в ведении органов здравоохранения и проводится квалифицированными психиатрами-клиницистами, при необходимости — в стационарных условиях.

В особо сложных случаях к участию в экспертизе привлекаются ведущие психиатры страны.

Одной из форм предупреждения особо опасных действий, которые могут совершать психически больные, является неотложная госпитализация тех, которые могут нанести вред себе и окружающим.

Такая госпитализация предусмотрена ст. 36 Основ общесоюзного законодательства о здравоохранении и осуществляется органами здравоохранения на период

опасного состояния больного. Такого рода практика имеется, как известно, в большинстве стран, в некоторых из них ее осуществляет после соответствующего медицинского заключения полиция, хотя последние годы и там намечается тенденция передать неотложную госпитализацию в руки врачей, как наиболее компетентных лиц.

Детальная регламентация неотложной госпитализации ее обоснованность, контроль за ее поведением и выпиской больных определяются специальной инструкцией Министерства здравоохранения СССР, в которой четко оговорены показания и противопоказания к неотложной госпитализации.

Столь же точно регламентированы и находятся под строгим медицинским контролем показания и противопоказания к применению в психиатрической практике различных лечебных мероприятий.

В соответствии с этим во время проведения судебно-психиатрической экспертизы и принудительного лечения психически больных, признанных невменяемыми, применяются только такие методы медицинского обследования и лечения, которые допущены во всех лечебных учреждениях страны и являются общепринятыми за рубежом. Только глубоким заблуждением или злостными намерениями можно объяснить высказывания о каком-либо вредном воздействии на больных применяемых лекарственных препаратов.

Ведущие клинические психиатрические учреждения страны, в том числе и Центральный ордена Трудового Красного Знамени научно-исследовательский институт судебной психиатрии имени В. П. Сербского, систематически и широко знакомят со своей работой медицинскую и юридическую общественность нашей страны и многих деятелей психиатрии и юриспруденции зарубежных стран, которые неоднократно давали высокую оценку деятельности этих учреждений.

На каком же основании позволяют себе авторы вымыслов, порочащих советскую психиатрию, судить, не видя и не зная больных, о правильности психиатрических заключений и проводимом лечении?

Между тем, подобные клеветнические вымыслы,



использующие обывательские представления о возможности помещения в психиатрические больницы здоровых людей, являются далеко не новым на Западе.

На это указывал еще в 1911 году на I съезде Союза русских невропатологов и психиатров известный психиатр Н. Н. Баженов в докладе «Проект законодательства о душевнобольных». Он отметил, что «в печати, особенно западно-европейской, нередко заходит речь о произвольном заточении в психиатрических учреждениях здоровых людей ради корыстных, или даже политических целей». В то же время он подчеркнул, что подобные рассуждения для русского общественного мнения неприемлемы.

И на Западе есть серьезные врачи-психиатры, которые отвергают измышления по этому поводу. Так, в вышедшем в 1973 году в ФРГ капитальном труде по судебной психиатрии его авторы указывают, что они полностью оставляют без внимания так называемые «открытые дискуссии» по судебно-психиатрическим вопросам. Эти «дискуссии» отличаются большой эмоциональностью, но малыми специальными познаниями, находя себе место в публикациях профанов.

В любой стране мира имеется небольшое число психически больных, которые вследствие расстройства мышления, бредовых идей и других психопатологических симптомов, могут совершать антиобщественные поступки, подпадающие под признаки деяний, запрещенных законом, такие, как нарушение общественного порядка, распространение клеветы, проявление агрессивных намерений и т.п. Они могут это делать с предварительной подготовкой, с «хитро рассчитанным планом действий», как писал еще широко известный своими прогрессивными взглядами основоположник отечественной судебной психиатрии В. П. Сербский. Подобные больные не производят на окружающих впечатление явно «помешанных». Чаще всего это больные, страдающие шизофренией или бредовым (паранойальным) патологическим развитием личности. Такие случаи хорошо известны советским и зарубежным психиатрам.

Внешняя сохранность таких больных при совер-

шении общественно опасных деяний используется антисоветской пропагандой для заведомо клеветнических утверждений об отсутствии у них психического заблуждения.

В то же самое время следует подчеркнуть, что среди лиц, привлекаемых к уголовной ответственности и направляемых на судебно-психиатрическую экспертизу, большая часть признается вменяемыми. Однако это упорно замалчивается всеми, кто клеветает на советскую психиатрию, точно так же, как замалчивается и то, что большинство упоминаемых ими больных лечилось у психиатров задолго до проведения в отношении них судебно-психиатрической экспертизы.

Пропагандистская клеветническая шумиха против советской психиатрии глубоко противоречит благородным задачам этой науки и интересам здоровья людей.

Она является ни чем иным, как попыткой помешать международному сотрудничеству врачей, нанести ущерб развивающимся плодотворным контактам между деятелями науки и культуры различных стран».

Письмо подписали: Е. Шмидт, Г. Морозов, Л. Бадалян, В. Михеев, Н. Боголепов, А. Снежневский, Г. Авруцкий, Ю. Александровский, Э. Бабаян, В. Банщиков, Е. Борисов, Н. Жариков, Г. Лукачер, Т. Морозова, Р. Мурашкин, Р. Наджаров, Л. Петелин, И. Сапожникова, С. Семенов, З. Серебрякова, Г. Ушаков<sup>87</sup>.

Публикация письма вызвала новые протесты в британской прессе, поступившие от Медведева и других<sup>88</sup>. Высказался, наконец, и британский медицинский журнал «Лансет», воздерживавшийся до той поры от обсуждения вопроса об использовании психиатрии в СССР в политических целях. Письмо советских психиатров, по мнению «Лансет», является . . .

*«... самым убедительным свидетельством неблагополучия в советской психиатрии . . . Трудно поверить, чтобы какой-либо ученый, посвятивший себя объективному поиску истины, мог подписаться под таким потоком эмоциональной риторики и недоказанных*

утверждений . . . Больше всего подвела их концепция «кажущейся нормальности» . . . И, наконец, кто эти зарубежные эксперты, которые якобы хвалят практику советских психиатров, что именно видели они и где опубликовали свою хвалу?»<sup>89</sup>

Письмо советских деятелей науки вызвало также решительные опровержения со стороны диссидентов. Члены Инициативной группы писали:

*«Мы продолжаем утверждать, что в нашей стране психиатрия в ряде случаев используется для расправы с неугодными властям людьми. Никакие утверждения академика АМН А. Снежневского и профессора Р. Наджарова, покаяния П. Якира и В. Красина, обвинительные заключения и решения судов не могут, к сожалению, отменить чудовищную действительность.*

*Мы обращаем внимание на то, что А. Снежневский и Р. Наджаров, публично отрицающие, что в СССР психиатрия используется для борьбы с инакомыслием, сами являются соучастниками этого преступления. Их подписи стоят под судебнопсихиатрическими экспертизами людей, обвиняемых по идеологическим мотивам . . . Мы констатируем, что Якир и Красин на следствии, суде и пресс-конференции выступили с ложными заявлениями.*

*Трагично, что эта ложь касается также судьбы и репутации всех политических заключенных в лагерях, тюрьмах и психиатрических больницах СССР».*<sup>90</sup>

1-го октября с аналогичным заявлением выступил Комитет прав человека<sup>91</sup>.

Комитет призвал общественность, национальные и международные психиатрические ассоциации: 1) требовать, чтобы родственникам лиц, проходящих судебнопсихиатрическую экспертизу, было предоставлено право выбора экспертов, в том числе, зарубежных; 2) требовать, чтобы ВОЗ (Всемирная Организация Здравоохранения), Красный крест и подобные им международные организации учредили комиссии для рассмотрения жалоб на злоупотребления психиатрией, поступающих

из той или иной страны, в частности, произвести международное обследование пяти советских СПБ; 3) добиваться передачи зарубежным психиатрическим учреждениям некоторых пациентов, госпитализированных в советских соответствующих учреждениях, для обследования и, в случае надобности, лечения\*; 4) организовать подробное обсуждение положения в советской психиатрии.

## СИМПОЗИУМ ВПА ПО ШИЗОФРЕНИИ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Вскоре после опубликования статьи Медведева в «Нойчур», вопрос о советских злоупотреблениях оказался в центре внимания международной общественности. В этой связи с особым нетерпением ожидалось открытие симпозиума ВПА в Ереване. Как уже говорилось в гл. 5, доктор Ли прибыл в Советский Союз заранее и 5 октября 1973-го года был принят зам. министра здравоохранения доктором Венедиктовым, который предложил ему встретиться с Григоренко, а также объявил о намерении Всесоюзного общества пригласить зарубежных участников после симпозиума в Институт им. Сербского. Ли приветствовал эти предложения и...

*... поблагодарил министра за его неизменно доброжелательное отношение к ВПА с 1968 г., когда Исполнительный комитет Ассоциации впервые посетил СССР, а также за понимание тех многочисленных трудностей, с какими приходится иметь дело неправительственной организации типа ВПА.*

После этого Ли осведомился о результатах запроса, сделанного им еще в ноябре 1973-го г., насчет доктора Глузмана. По словам Венедиктова, Глузмана пока разыскать не удалось, однако поиски продолжаются<sup>92</sup>.

Через три дня Снежневский открыл симпозиум по шизофрении в Ереване и формально подтвердил приглашение участникам посетить Институт им Сербского.

Наджаров, несмотря на то, что его выступление занесено было в повестку дня, отсутствовал под незначительным предлогом, явно избегая критики, направленной лично против него. Как сказал впоследствии один из участников, «похоже, что правительство поручило задушить критику Министерству Здравоохранения, Снежневскому и Варганяну». «Вы нам причинили большую неприятность», — прямо сказал Фридману Венедиктов<sup>93</sup>.

Эта «неприятность» отодвинула сессии чисто научного характера на второй план. Согласно одному психиатру, «советские представители не пытались вникнуть в иностранные доклады, а гости не оценили советских. Не говоря уже о более низком научном уровне советских докладов, их многословие плохо поддавалось переводу». Так или иначе, научные доклады сделались прикрытием основного вопроса на повестке дня — предстоящего посещения Института им. Сербского<sup>94</sup>.

Пригласив западных участников в Институт им. Сербского после симпозиума, советская сторона поступила весьма хитро: недоверчивые гости лишены были возможности обсуждать злоупотребления во время симпозиума. Только профессор Уинг коснулся этой темы в своем докладе, но сделал это так осторожно, что не вызвал никаких дебатов. Другой американец, решивший было осторожность отбросить, поддался на уговоры одного из своих коллег, который опасался за будущее советско-американского совместного изучения шизофрении. В своем дневнике этот американец писал:

*«Все прячутся за науку, между тем, как главный вопрос заключается в извращении науки в политических целях! Другая уловка: да ведь и наша система несовершенна! Согласен, но тем более важно поставить вопрос об о б е и х».*<sup>95</sup>

После обсуждения в Исполнительном комитете ВПА, в ходе которого выступали среди прочих Фридман и Снежневский, приглашение было принято. Надо отме-

титель, что Ли «лихорадочно добивался»<sup>96</sup> этого еще до начала заседаний Исполнительного комитета. Фридман, заранее поставивший под сомнение результаты поездки в Институт им. Сербского из-за отсутствия юридической экспертизы и трудностей, связанных с переводом, оказался в изоляции. Если после этого однодневного осмотра Института будет созвана пресс-конференция, — предупредил Фридман, — распространение ложной информации — неизбежно. Те, кто заинтересованы в серьезном изучении и признают ответственность ситуации, должны относиться к этому посещению как к первому в ряду многих. Далее в протоколах Исполнительного комитета говорится:

*«Ответное слово взял профессор Вартамян. Советские психиатры оскорблены письмом сэра Мартина Рота и ввиду поднятой против них кампании в прессе и на международных съездах, таких, как последний съезд психотерапевтов в Осло, советские психиатры не могут промолчать перед коллегами... Взывший вслед за ним слово профессор Снежневский напомнил собравшимся о письме Президиума Всесоюзного общества, опубликованном в «Гардиан». Он хочет предоставить всем участникам возможность посетить Институт, ознакомиться с историями болезней и принять участие в работе комиссии».*

Исполнительный комитет поручил доктору Ли известить всех участников симпозиума о приглашении Общества. Кроме того, комитет принял предложение Ли об учреждении специального этического комитета<sup>97</sup>.

Один из участников рассказывает в своем дневнике о том, как на неофициальном собрании Ли уговаривал западных психиатров принять приглашение. Ли утверждал, что ВПА никакого отношения к этой инициативе не имеет.

*«Вместе с тем он лично передал приглашение и говорил о необходимости посетить Институт им. Сербского. Похоже, что он хочет быть официальным и неофициальным лицом одновременно... Вся дискус-*

*сия была чрезвычайно неприятной, видно было, что Ли темнил и постоянно отвлекал внимание от существа дела. Он прятался за устав ВПА, ссылаясь на тот или иной пункт, когда ему это было удобно».<sup>98</sup>*

На третий день симпозиума в Ереване несколько участников встретились, чтобы решить, как отреагировать на приглашение. В случае отказа советская сторона обвинила бы западных психиатров в нежелании знать правду. Решено было приглашение принять, но при условии, что психиатрам будет дозволено сделать следующее заявление для прессы:

*«Группа ученых, принявших участие в симпозиуме «Аспекты шизофрении», неоднократно обсуждала предложение о встрече в Москве после конференции. Эта встреча ставила бы целью обсуждение обвинений, выдвинутых в недавнее время против советской судебной психиатрии. Группа решила приглашение принять. Участвовавшие во встрече ученые будут присутствовать на встрече как частные лица, а не как представители какой-либо организации. Группа настаивает на своей позиции по двум пунктам:*

*1) Принятие приглашения членами группы само по себе не должно расцениваться как выражение ее отношения к выдвинутым обвинениям.*

*2) Столь сложные вопросы не могут быть адекватно оценены в один день. Поэтому маловероятно, что в результате этой встречи будет вынесено какое-либо категорическое заявление одобрения либо осуждения. Эта встреча рассматривается лишь как первая, за которой, надо надеяться, последует ряд других профессиональных дискуссий».<sup>99</sup>*

Заявление подписали 20 психиатров, среди них — три члена Исполнительного комитета ВПА (выступивших, однако, от своего имени).

В пятый и последний день симпозиума, переместившегося к этому времени в Тбилиси, советская сторона выразила свой протест: если заявление будет передано в печать до посещения Института, встреча будет отме-

нена. Группа приняла условие и нехотя согласилась не публиковать текста заявления до поездки в Москву.\*

15 ноября тринадцать западных психиатров прибыли в Институт им. Сербского<sup>101</sup>. Одновременно было объявлено о разрешении посетить Григоренко. Таким образом, создалась искусственная ситуация: иностранные гости вынуждены были выбирать между посещением Института им. Сербского и больницы, где был госпитализирован Григоренко. Большинство предпочло осмотреть Институт им. Сербского; к Григоренко отправились Ли и Перрис. После того, как Григоренко потребовал независимого переводчика и беседа с ним была сорвана, советские психиатры объяснили осмотрительность генерала его «паранойей». (Вартанян не отказался от такой интерпретации и позднее — в 1976 году)<sup>102</sup>. Ли доложил о случившемся Исполнительному комитету в тот же вечер, и в протоколах появилась запись, правду сказать, весьма странная: «решено информировать прессу, что обследование проведено не было в связи с пожеланиями самого генерала». О желании Григоренко иметь независимого переводчика ничего сказано не было.

В Институте им. Сербского гостей встретил Снежневский. Затем, после короткого вступительного доклада Г. Морозова о советской судебной психиатрии и ответов на вопросы, были продемонстрированы истории болезни шести известных на Западе диссидентов, среди них — Григоренко, Плюща и Медведева. Каждая история болезни сопровождалась кратким отчетом на английском языке. Уингу удалось переписать материалы о Плюще<sup>103</sup>; однако копии историй болезни никому из участников взять с собой не разрешили. Используемые во время встречи материалы по делу Григоренко были, по-видимому, теми же самыми «пожелтевшими листами», которые двумя днями позже были предъявлены немецкому журналисту Лемпке. Как мы говорили уже в гл. 5, «документ» содержал фальсификацию

\* ) Существенная часть заявления просочилась все же в печать через корреспондента агентства «Рейтер» (100).



разного качества — была там и явная ложь. Таким же методом составлен документ о Медведеве (см. гл. 6). Что касается Плюща, то и в его случае не обошлось без извращений — достаточно сравнить записи, сделанные во время встречи в Институте им. Сербского профессором Уингом, с информацией из других источников.

Во время ответов на вопросы ничего нового иностранцы не узнали. О Глузмানে им сказали, что «до сих пор не удалось найти его следов». Содержательная встреча с советскими психиатрами достигла кульминации, когда зарубежным гостям было доверено присутствовать при обследовании какого-то больного, который должен был изображать собою диссидента. Диссидентом больной никогда не был, зато он страдал шизофренией, в чем западные психиатры легко могли убедиться — хозяева милостиво разрешили задавать вопросы больному и обследующим психиатрам.

Уинг, Фридман и Христиан Шарфеттер — единственные, кто опубликовал свои впечатления от визита в Институт — вынуждены были отметить, что процедура «обследования диссидента» полностью подтвердила обоснованность заявления, подписанного группой до посещения Института<sup>104</sup>.

После встречи в Институте им. Сербского Фридман писал:

*«Встреча в Институте им. Сербского полностью подтвердила мои предположения. Чтобы прийти к разумным выводам, следовало бы организовать тщательно подобранную группу ученых, обладающих опытом и эрудицией в судебной психиатрии, в ее состав нужно было бы включить юриста или судью со специфическим опытом и познаниями в этой области. Бесценно также было бы присутствие психиатров, владеющих русским языком. Этой группе следовало бы тщательно подготовиться, изучить советскую систему правосудия и психиатрическую практику, а также судебную психиатрию в СССР. Следовало бы предоставить широкие возможности для бесед с ответственными советскими гражданами, для лично-*

го обследования больных и конфиденциальных бесед с медперсоналом. Иными словами, следовало бы организовать все так, как мы организовали бы у себя в стране, если бы нас просили посетить учреждение, которое обвинялось бы в злоупотреблениях того или иного порядка.

Я уведомил советских коллег об этом предложении. Хотя они не отвергли его категорически, однако сомневались в реальной возможности его осуществить. В итоге они сказали, что принять решение может лишь Министерство Здравоохранения, к которому и рекомендовали мне обратиться. Однако сами они смотрели на такие требования как на необоснованное вмешательство в дела Советского Союза». <sup>105</sup>

Намерение Фридмана действовать в духе телеграммы АПА и рассматривать посещение Института им. Сербского как начало длительного исследования советской судебной психиатрии потерпело крах. Но и советские психиатры не добились своего: западные гости оказались достаточно догадливыми, чтобы раскусить истинный смысл спектакля в Институте им. Сербского, — Снежневскому и другим постановщикам этого фарса предстояло неприятное объяснение с начальством.

Раньше других спохватился Вартамян. Не прошло и часа после встречи в Институте им. Сербского, а он представил уже проект отчета Исполнительному комитету ВПА для занесения в протокол. Относительно пяти диссидентов, подвергшихся судебно-психиатрическому обследованию (шестой — Медведев — был госпитализирован административным путем), Вартамян писал: «Все они страдали психическим заболеванием во время прохождения экспертизы». Трудно сказать, какими соображениями руководствовался Вартамян при включении в протокол этой фразы: то ли он рассчитывал, что комитет ее не заметит, то ли всерьез надеялся склонить на свою сторону тех, кому запрещено было встретиться с диссидентами и кто сделал из этого правильные выводы. Так или иначе, ложное заявление Вартамяна было вычеркнуто из протокола <sup>106</sup>. Это не

помешало Вартаняну опубликовать свое утверждение в ведущем советском психиатрическом журнале:

*«Члены исполкома выразили свое удовлетворение состоявшимся обсуждением и дружественной атмосферой, в которой оно проходило. Было констатировано, что все пять так называемых инакомыслящих, которые обсуждались на этой встрече, страдали психическими заболеваниями во время прохождения экспертизы».*<sup>107</sup>

Взялись за дело и советские журналисты. Согласно испытанной тактике, надо было вовлечь отдельных посетителей в интервью, а потом опубликовать их высказывания в извращенном виде и со смещением акцента. Первый отчет такого рода ТАСС выпустил 17 октября. Автор этого сообщения воздержался от грубых методов Вартаняна, но ложь от этого в правду не превратилась:

*«Президент ВПА Говард Роум (США) выразил удовлетворение работой Института им. Сербского... В интервью данном ТАССу, Роум заявил, что иностранным гостям была предоставлена полная возможность свободы обсуждения всех вопросов, и они были удовлетворены результатами, которые им показали, уровнем научного анализа и профессиональной деятельностью советских психиатров.*

*Ознакомив гостей с методами судебно-психиатрического обследования, советские ученые показали им подробные истории болезни пяти лиц, чьи имена упоминались в зарубежной прессе в связи с обвинениями в том, что они, будучи якобы совершенно здоровыми, содержались в больнице по политическим мотивам. Гостям была предоставлена возможность принять участие в обследовании... «Мы убедились, — сказал заместитель президента ВПА Рамон де ла Фуенте (Мексика), что медицинское обследование проводится со всей серьезностью и учетом всех аспектов прав больного».*<sup>108</sup>

Этого показалось мало, и «Известия» перешли к далеко идущим выводам и обобщениям:

*«... гости сделали положительное заключение о практике судебно-психиатрической экспертизы в СССР, отвергли все клеветнические утверждения».*<sup>109</sup>

Все же эти выводы сочтены были, вероятно, чересчур уж голословными. Тогда на помощь пришла «Литературная газета», пояснившая заявление «Известий» «примером»:

*«Шведский ученый профессор Карло Перрис подчеркнул, что тщательный анализ историй болезни не оставляет никаких сомнений в необходимости специального лечения пациентов, имена которых появлялись в западной прессе».*<sup>110</sup>

Опровержений с Запада не последовало, и советские журналисты осмелели еще больше. Так, медицинский корреспондент «Совет Уикли» Е. Горбунова заверила читателей, что иностранные психиатры...

*«... имели возможность убедиться, что все больные, чьи «права» защищаются западной прессой, находились под наблюдением психиатров задолго до совершения каких-либо антиобщественных деяний, наказуемых советским законом».*<sup>111</sup>

Далее в своей статье журналистка обрушивается с нападками на Фридмана и благосклонно цитирует Шарфеттера, де ла Фуенте и доктора Д. Ангста. Последнему она приписала следующие слова:

*«Пресса искажает факты, утверждая, будто диссиденты помещаются в психиатрические больницы в СССР. Я считаю, что лица, историю болезни которых мы читали, являются психически больными».*

О статье в «Совет Уикли» Ангст в частном письме отозвался так: «Это заявление, приписанное мне, в данной форме от меня не исходило»<sup>112</sup>. Но поскольку официального протеста Ангст не опубликовал, формулировка эта на протяжении последующих лет неоднократно повторялась в печати<sup>113</sup>.

В действительности, однако, не все обстояло так благополучно, как на страницах советских газет. Доктор

Малкольм Ладер, например, отказался от своего поста консультанта по симпозиумам ВПА после того, как во время пребывания в СССР он узнал о советских злоупотреблениях<sup>114</sup>. Нанес также удар по советскому престижу один бельгийский пацифист, выступивший на Конгрессе миролюбивых сил в Москве и призвавший советские власти объявить амнистию всем политическим заключенным:

*«Из Праги и Советского Союза к нам поступает поток обращений, которые мы не можем игнорировать. Совесть не позволяет пройти мимо молчаливого меньшинства в лагерях, тюрьмах и психиатрических больницах».*<sup>115</sup>

Всемирная организация психического здравоохранения, встретив советскую инициативу (разрешение посетить Институт им. Сербского) приветствием, высказала дальнейшие пожелания, которые вряд ли могли прийтись по вкусу советским властям:

*«Всемирная организация психического здравоохранения приветствует готовность Министерства здравоохранения СССР дать возможность независимым наблюдателям ознакомиться с процедурой психиатрического обследования и считает необходимым распространить это на все случаи, где были выражены сомнения в правильности поставленных диагнозов».*<sup>116</sup>

## КОРОЛЕВСКАЯ КОЛЛЕГИЯ ПСИХИАТРОВ ОСУЖДАЕТ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПСИХИАТРИЕЙ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Сразу после ереванского симпозиума и встречи в Институте им. Сербского создалось впечатление, что борьба между западными критиками злоупотреблений и советскими властями зашла в тупик. Советской стороне не удалось убедить иностранцев в необоснованности их беспокойства, но и критики не сумели как следует использовать обнаружившуюся слабость советского пропагандного аппарата.

Через месяц положение изменилось. Британская Королевская Коллегия психиатров приняла резолюцию (предложенную Лоу-Биром и Мерски и поддержанную рядом психиатров, в том числе Уингом и Ладером):

*«Королевская коллегия психиатров сожалеет об имеющей в настоящее время место в Советском Союзе практике использования психиатрии как средства для политических репрессий и осуждает деятельность врачей, принимающих в этом участие».*

Кроме того, Коллегия психиатров обратилась в соответствующие организации четырнадцати стран (включая СССР) с предложением создать независимую комиссию для расследования использования психиатрии в целях политических репрессий где бы то ни было. Поскольку Всемирная организация здравоохранения и ВПА показали себя неспособными к действию, Коллегия рекомендовала создание специальной группы. «Мы считаем, — говорилось в резолюции, — делом срочной необходимости предпринять в ближайшем будущем практические шаги»<sup>117</sup>. Таким образом, хотя бы в одной стране широкая огласка привела к результатам, диаметрально противоположным тем, на какие рассчитывали в Советском Союзе.

## ДЕЛА ПЛЮЩА И ШИХАНОВИЧА. РАЗВИТИЕ СОБЫТИЙ ВО ФРАНЦИИ

На этом фоне суд над Шихановичем сулил властям множество неприятностей. Со дня ареста Шихановича прошло уже больше года, кампания в поддержку диссидента охватила широкие круги западной общественности, так что продолжать откладывать суд становилось невозможным. В январе 1973-го года Шихановича пригласили прочитать курс лекций в Великобритании; в течение следующего месяца математики Голландии Америки, Израиля и Великобритании засыпали советское руководство письмами протеста<sup>118</sup>. Разумеется, не

прекращал борьбы в защиту Шихановича Сахаров со своими единомышленниками. Их обращения — хотя в сокращенном виде — попадали в мировую печать<sup>119</sup>. В сентябре было напечатано в «Монд» волнующее письмо французского друга Шихановича, содержавшее убедительные доказательства психической полноценности заключенного диссидента. Аналогичное заявление сделал через месяц корреспондент БиБиСи в Москве<sup>120</sup>.

В конце ноября, накануне суда над Шихановичем, в борьбу за его освобождение вступили виднейшие психиатры США. В Советский Союз была отправлена телеграмма пяти членов Миссии психического здравоохранения США, посетившей СССР в 1967 г. (среди них — судья Базелон), и пяти других влиятельных американских психиатров, в число которых вошли президент ВПА доктор Роум, президент АПА доктор Фридман и будущий преемник Фридмана доктор Шпигель (все трое представляли самих себя, а не возглавляемые ими организации):

*«Мы глубоко обеспокоены тем, что на основании предшествующего психиатрического определения он может быть признан психически неполноценным или душевнобольным, в то время как имеющиеся данные свидетелей говорят о его совершенной психической полноценности. Мы глубоко озабочены тем, что вследствие этого могут быть нарушены основные принципы как психиатрической практики, так и уголовного права. Мы, знакомые с советскими специалистами и работавшие вместе с ними в области психиатрии и права, призываем вас рассеять наше беспокойство и провести открытый суд над Шихановичем, разрешив присутствовать на нем иностранным наблюдателям».*<sup>121</sup>

Несмотря на то, что эта телеграмма осталась без ответа, она безусловно возымела желанное действие. Шихановича направили не в СПб, а в больницу общего типа, и в беспрецедентно короткий срок — шесть месяцев — он оказался на свободе.

Между тем, огласка дела Шихановича возродила оза-

боченность французов — протесты против злоупотребления психиатрией в СССР, иссякнувши было во Франции после кратковременной вспышки в июне 1972-го года, раздались с новой силой.

В июне 1972-го года Комитет против специальных психиатрических больниц в СССР отправил недвусмысленное письмо за подписью 35-ти врачей на имя Петровского<sup>122</sup>. В сентябре 1973-го г. та же группа подписала обращение к ВПА, а также к психиатрам, собиравшимся принять участие в ереванском симпозиуме. В обращении говорилось, что Петровский не ответил на прошлогодний запрос, поэтому, — писали французские врачи:

*«... мы просим президента ВПА взять на себя ответственность и вмешаться. Мы поддерживаем тех психиатров — участников симпозиума, которые, разделяя нашу озабоченность и тревогу, готовы поставить эти вопросы, являющиеся на наш взгляд существующими».*<sup>123</sup>

В результате всех этих и других шагов, в новом, 1974 году, образовался Международный Комитет Математиков в защиту Юрия Шихановича и Леонида Плюща (МКМ)<sup>124</sup>. На основателей комитета бесспорно повлиял тот факт, что Шиханович в свое время перевел на русский язык труды нескольких известных французских математиков. Этим объясняется легкость, с какой МКМ собрал подписи 550-ти математиков под обращением, призывающем к немедленному освобождению коллеги. В феврале 1974-го года делегация МКМ вручила обращение сотрудникам советского посольства в Париже. Кроме того, французские математики просили переслать Шихановичу подарок — несколько томов математических трудов, надписанных авторами. Книги в посольстве приняли, но, как утверждалось, о Шихановиче и о Плюще там почти ничего не знали, к тому же, там заверяли, что и специальных психиатрических больниц в СССР никогда не существовало. Единствен-



ные специальные больницы, известные сотрудникам посольства, — «это больницы улучшенного типа, вроде как для академиков». Делегаты встретили это заявление скептически и просили разрешить французским математикам посетить своих коллег — Шихановича и Плюща<sup>125</sup>.

Через несколько недель посольство направило в МКМ официальную версию о состоянии Плюща и Шихановича. Французских математиков пытались заверить в том, что Роум, Фридман, де ла Фуенте и другие психиатры, ознакомившиеся недавно с историями болезни Плюща и Шихановича, не выразили никаких сомнений относительно их «психического заболевания, а следовательно, и невменяемости». В ответном письме Анри Картан и Лоран Шварц — наиболее известные из организаторов МКМ — позволили себе выразить сомнение и приложили к письму копию американской телеграммы в защиту Шихановича, подписанную Роумом и Фридманом.

Деятельность МКМ вышла вскоре за пределы Франции и вовлекла в борьбу против насилия над Шихановичем и Плющом представителей из 13 стран. Один за другим появлялись новые протесты. 662 математика подписали петицию в США, 243 — в Японии, 133 — в Индии<sup>126</sup>. После того, как под давлением общественности Шиханович был освобожден, Комитет сосредоточил свое внимание на Плюще.

В августе 1973-го года Сахаров обратился к Международному съезду математиков в Ванкувере с просьбой «вынести резолюцию в защиту Плюща и сделать все возможное для его спасения». МКМ отвечал: «Восхищены мужеством, с каким вы защищаете советского математика Леонида Плюща. Будем добиваться его спасения». Помимо этого, во время съезда Комитет организовал неофициальный митинг, по окончании которого почти все из тысячи участников, представлявших 31 страну, подписали петицию, призывающую к освобождению Плюща<sup>127</sup>.

## НЕУСПЕХ ВТОРОЙ КАМПАНИИ В США

Интерес к проблеме советских злоупотреблений, вспыхнувший в США в сентябре 1973-го года в связи с телеграммой АПА, вскоре начал иссякать и оказался столь же недолговечным, как и американская кампания в феврале — апреле 1972-го года.

Попытка АПА открыть серьезный диалог о злоупотреблениях — сорвалась. Предложение Фридмана возобновить обсуждение в 1974 г. отклика не встретило. Следует все же отметить, что АПА выступила с рядом инициатив: Американская ассоциация наметила консультации с ВПА насчет «совместных действий протеста против советской практики, если таковые показаны»<sup>128</sup>; известила Снежневского о своем осуждении использования психиатрии в СССР в ходе «тоталитарного подавления прав человека»<sup>129</sup>; орган АПА «Сайкиатрик ньюз» опубликовал обращение сахаровской группы в защиту Плюща от февраля 1974-го г.<sup>130</sup> и, наконец, журнал «Сайкиатрик опинион» посвятил большую часть своего февральского выпуска вопросу о принудительной госпитализации диссидентов в Советском Союзе<sup>131</sup>.

Однако член специальной группы АПА Чодофф — интервью с ним появилось в мартовском номере «Сайкиатрик ньюз» — считал эти меры недостаточными:

*«Мне кажется, что АПА должна бы быть решительнее и менее наивной... следует всерьез задуматься над курсом, которого придерживается Академия Наук СССР. Следует задуматься о том, разумно ли продолжать отношения на столь дружественных началах».*<sup>132</sup>

Чодофф сказал, что майская резолюция АПА за 1972 г. о необходимости создания международного агентства по предупреждению госпитализации политических инакомыслящих не принесла каких-либо ощутимых результатов. Чодофф поделился также своим

опасением, что, во время встречи в Институте им. Сербского, западных психиатров, мягко говоря, ввели в заблуждение.

Несмотря на справедливость этой оценки, интервью прошло незамеченным. Это можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, АПА основные свои усилия направила на пересмотр роли психиатра в американском обществе и пожинала теперь плоды самоанализа. Во-вторых, после срыва американо-советского диалога не было выработано никакой определенной альтернативной тактики. Третья причина — надежды американцев на установление важных научных контактов с СССР в рамках политики разрядки.

Но надежды не сбывались, контакты не устанавливались. Хотя известное число американцев посетило СССР, ни один советский психиатр с ответным визитом не прибыл. Составленный в октябре 1973-го г. взаимно приемлемый протокол был подписан директором Национального института психического здравоохранения Брауном — в ноябре, советская сторона медлила целых четыре месяца.

Американские психиатры, побывавшие в СССР, были «убеждены, что выдвинутые Буковским и Медведевыми обвинения — во всяком случае частично — подтверждаются». «Соглашение о совместном изучении шизофрении является ширмой для обеих сторон», — сказал доктор Ирвин Копин, — «советские власти используют его для того чтобы обелить себя, Никсон — для проведения политики разрядки».

В июне 1974 г. выяснились причины, заставлявшие Советский Союз тормозить обмен. Во время встречи совместной комиссии по здравоохранению в Москве советские представители потребовали от американцев категорического опровержения сообщений о незаконной госпитализации диссидентов. Американский делегат Поль Эрлих рассказал об этом в печати:

*«Мы дали понять, что такого заявления сделать не можем, поскольку не располагаем данными. Мы из-*

*бегали какого бы то ни было заявления, подтверждающего использование психиатрии в расправе с диссидентами или отрицающего его».<sup>133</sup>*

Затем, по словам Эрлиха, американцы высказали пожелание . . .

*«Чтобы этот вопрос не мешал развитию наших отношений. Они (советские представители) не считают, что средства психического здравоохранения используются ими не по назначению».*

Нам следует добавить, что заявление Эрлиха о том, будто правительство США не в состоянии занять ту или иную позицию из-за отсутствия данных, звучит несколько странно: за год до этого Королевская коллегия нашла достаточно данных для безоговорочного осуждения советских злоупотреблений.

Как бы то ни было, интерес общественности к вопросу пропал и появился вновь лишь через два года.

## ОБЩАЯ ОБСТАНОВКА К СЕРЕДИНЕ 1974 ГОДА

После освобождения летом и осенью 1974 г. Шихановича, Григоренко и Герщуни — единственным известным диссидентом, заключенным в СПБ, был Леонид Плющ. Стали, наконец, поступать сведения о Семене Глузмани. До января 1976 г., когда был освобожден Плющ, основной целью общественной кампании на Западе было освобождение трех человек — Плюща, Глузмана и Буковского.

## СОБЫТИЯ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ В 1974-76 ГГ.

Деятельность западных психиатров в защиту Глузмана в 1972-73 гг. особой интенсивностью не отличалась. Хотя его имя довольно часто упоминали в британской прессе во время газетных дебатов с июня по октябрь 1973 г., широкой кампании не последовало. Сказыва-

лись: 1) дальновидность расчета КГБ, инкриминировавшего Глузману деяния, которые не имели непосредственного отношения к аресту (см. тл. 8), и 2) неоднократные заявления Венедиктова и других о том, что «следы Глузмана затерялись». Замалчиванию расправы над Глузманом способствовал доктор Ли. В составленном им и распространенном в ноябре 1973-го г. меморандуме<sup>134</sup> было сказано о «твердо установленных фактах»: Глузман не психиатр, и его дело никакого отношения к Григоренко не имеет. Не говоря уже о том, что факты эти были «твердо установлены» не кем иным как советскими представителями, вызывает удивление спокойствие, с каким Ли игнорировал опубликованный отчет академика Сахарова о деле Глузмана — факты, содержащиеся в отчете, довольно сильно расшатывали «твердую установку».

Но в 1974 г. положение изменилось. Королевская коллегия занялась делом Глузмана всерьез. В мае появились сведения о суде над Глузманом в «Хронике», тогда же дал показания друг Глузмана, эмигрировавший из СССР. В сентябре были получены новые свидетельства, исходившие от земляка Глузмана — писателя Виктора Некрасова, эмигрировавшего и живущего в Париже<sup>135</sup>. Через два месяца видный западногерманский психиатр профессор фон Байер посвятил Глузману значительную часть своего письма в «Бритиш медикэл джорнал»<sup>136</sup>. С новым призывом выступил Сахаров. На этот раз он обращался к президентам девяти национальных психиатрических ассоциаций:

*«Я обращаюсь к вам, рассчитывая на ваше понимание и сочувствие и на вашу профессиональную солидарность. Глузман — один из тех людей, которыми должны гордиться коллеги. Сегодня он нуждается в вашей защите. Попогите ему!»<sup>137</sup>*

В конце концов Снежневский, отвечая на письмо президента Коллегии сэра Мартина Рота, вынужден был признать, что Глузман действительно получил

психиатрическое образование и обладает клиническим опытом<sup>138</sup>. Снежневский сделал это вовремя, ибо вскоре на Запад попало написанное Глуzmanом и Буковским «Пособие» и западные психиатры смогли убедиться в клиническом опыте Глузмана. «Пособие» (книгу перевели на иностранные языки) произвело сильное впечатление не только на психиатров, но и на журналистов. Они снова стали писать о советских злоупотреблениях<sup>139</sup>.

Кампания усилилась в октябре 1974 г. в связи с приездом в Англию бывшего узника психиатрических тюрем Виктора Файнберга, сразу включившегося в борьбу против использования психиатрии в политических целях. В апреле 1975 г. из Ленинграда в Лондон прибыла Марина Войханская<sup>140</sup>.

В марте 1975 г. Рот опубликовал свой ответ на письмо Снежневского. Прокомментировав призыв Сахарова, а также другие документы, Рот сделал следующий вывод:

*«Я считаю, что на психиатрах СССР лежит особая ответственность по отношению к нашей профессии — опубликовать полный отчет обо всем, что известно по делу доктора Глузмана и сделать все возможное для облегчения его участи. Должно быть сделано все необходимое для освобождения этого молодого человека из заключения. Надеюсь, что Вы найдете возможным за него вступиться».*<sup>141</sup>

В июле 1975 г. Снежневский получил от Рота напоминание. Тон президента Коллегии утратил первоначальную вежливость:

*«От имени Королевской коллегии психиатров я хочу заявить недвусмысленный протест против дальнейшего заключения Глузмана, Буковского и Плюща, которое является извращением психиатрической практики и отречением от естественной справедливости. Ваш упорный отказ предпринять какие-либо действия и откликнуться на призыв кладет пятно на нашу профессию».*<sup>142</sup>

После этой телеграммы состоялось ежегодное заседание Коллегии. Английские психиатры отправили еще одну телеграмму — на этот раз в лагерь самому Глузману:

*«Мы посылаем Вам эту весть в знак поддержки и дружбы и заверяем Вас в том, что не прекратим усилий, направленных на облегчение Вашей участи».*<sup>143</sup>

На этом же заседании казначей ВПА проф. Рис, сменивший Рота на посту президента Коллегии, отметил, что «национальные профессиональные организации могли бы оказать большое влияние на поведение тех стран, где имеют место злоупотребления психиатрией»<sup>144</sup>.

Общественный интерес возрастал. В сентябре 1975 г. был основан филиал Рабочей группы — «Кампания против злоупотреблений психиатрии». Ею председателем стал доктор Генри Дикс — ветеран английской психиатрии, предшественник Рота и Риса. При содействии «Кампании» Файнберг и другие активисты организовали ряд многолюдных митингов<sup>145</sup>, участники которых направили телеграммы представителям советской администрации по поводу Глузмана, Буковского и Плюща, а также требовали информации о судьбе новых — Вячеслава Игрунова и Валентина Мороза.

В ноябре 1975 г. Международная амнистия опубликовала тщательно документированный отчет «Узники совести в СССР: обращение с ними и условия заключения». Часть работы была посвящена политическим заключенным в психиатрических лечебницах. К выходу отчета в свет была приурочена широкая кампания, организованная Международной амнистией в нескольких западных странах<sup>146</sup>.

В связи с опубликованием переводов «Пособия» получило огласку дело Глузмана. Это было своевременно: Глузману как раз грозил новый суд<sup>147</sup>. В ноябре Королевская коллегия вынесла резолюцию:

*«Настоящее собрание, учитывая сообщения о про-*

должающихся злоупотреблениях психиатрией в политических целях, призывает сотрудников, членов Совета и членов Коллегии: 1) продолжать усилия на национальном уровне, используя контакты с ВПА и другими международными организациями, дабы прекратить такие злоупотребления где бы они ни составляли часть правительственной политики и в частности 2) пытаться смягчить длительные страдания, испытываемые советскими гражданами Леонидом Плющом, доктором Семеном Глузманом, Владимиром Буковским и Зиновием Красивским — для этого мы призываем к рассмотрению возможностей образования и направления в СССР комиссии психиатров и юристов в целях изучения положения этих лиц».<sup>148</sup>

Снежневского, как почетного члена Коллегии, известили о подготовке резолюции заранее. В ответ он написал президенту письмо:

*«Королевская коллегия берет на себя сомнительную функцию вмешательства во внутренние дела национальных психиатрических ассоциаций и использования психически больных для политических целей. Я искренне надеюсь, что никто из членов Коллегии... не верит всерьёз, что в Советском Союзе могут насильно госпитализировать психически здоровых людей».*<sup>149</sup>

Но расстроить планы Коллегии Снежневскому не удалось. Английские психиатры вынесли резолюцию и перешли к изысканию средств, необходимых для осуществления замысла о комиссии психиатров и юристов. Совет юристов разделял тревогу психиатров и отнесся к этой идее с сочувствием<sup>150</sup>.

## КАМПАНИЯ В ЗАЩИТУ ПЛЮЩА И СОБЫТИЯ ВО ФРАНЦИИ И ШВЕЙЦАРИИ

В декабре 1974 г. распространились слухи о намерении Советского Союза обменяться с Чили видными политическими заключенными<sup>151</sup>. Несмотря на то, что



Москва эти слухи опровергла, возможность такого обмена представлялась вполне реальной, — власти выпустили всех известных диссидентов, кроме Плюща, из психиатрических больниц и разрешили эмигрировать двум политзаключенным, отбывшим лишь половину тюремнолагерного срока\*

Однако в 1974 г. обмен не состоялся. Виновато в этом, по-видимому, чилийское правительство, до времени разгласившее тайные приготовления Кремля. Как известно, слухи оправдались только через два года.

Надежда на освобождение Плюща улетучивалась. Резкое ухудшение отношений между СССР и США не обещало радостных перспектив. Советские власти столкнулись с требованием американцев о свободной эмиграции, отказ от полного удовлетворения которого препятствовал получению американских кредитов. Не зная, как выправить создавшуюся обстановку, московские политики воспользовались старым приемом запугивания и с новым приливом злобы и изоциренности взялись за «лечение» Плюща.

Как бы то ни было, в декабре 1974 г. состояние Леонида Плюща вызвало у его жены серьезные опасения. Одно за другим поступали на Запад обращения друзей Плюща из Москвы<sup>152</sup>. Татьяна Ходорович и Юрий Орлов просили помощи у Международного Комитета Математиков:

*«... Вот уже полтора года, как ему насильственно вводят огромные дозы нейролептиков... Цель «лечения» — уничтожить его личность и вынудить его принять официальную идеологию. Жену Плюща терроризируют... Агенты КГБ на глазах у всех следуют за ней по пятам. Цель: заставить ее замолчать. Мы обращаем ваше внимание на особую опасность того, что в крупнейшей стране, обладающей огромной мощью, входит в обычай насильственное и бесконтрольное использование современных медицинских*

---

\*) Сильва Залмансон и Симас Кудирка, оба осужденные на 10 лет, эмигрировали соответственно в Израиль и США.

*препаратов в целях «исправления» свободного интеллекта и уничтожения совести» . . .<sup>153</sup>*

Татьяна Житникова (Плющ) требовала привлечь к уголовной ответственности сотрудников СПБ за преднамеренное разрушение здоровья мужа. Она обратилась за поддержкой к «независимым ассоциациям юристов и психиатров». В частности, Татьяна Плющ просила принять участие в процессе психиатра доктора Лоу-Бира, а также кого-либо из западных юристов. В феврале 1975 г. д-р Лоу-Бир сообщил о своем согласии. Его письмо было опубликовано в журнале «Нэйчур». С аналогичным заявлением выступил известный французский юрист Жан-Жак де Фелис<sup>154</sup>. Разумеется ничего из этого не вышло, советские власти отказались возбудить судебное дело. Тем не менее, инициатива Татьяны Плющ доставила советскому руководству немало волнений, и им пришлось обороняться. Такой же эффект имело появление на Западе «Пособия» Глузмана и Буковского с посвящением Леониду Плющу — жертве психиатрического террора». Тогда же Виктор Некрасов начал выступать не только в защиту Глузмана, но также и Плюща — обоих писатель хорошо знал по Киеву<sup>155</sup>.

Продолжал свою благородную деятельность Международный Комитет Математиков. Согласно предложению МКМ, 23 апреля 1975 г. было объявлено Международным днем защиты Леонида Плюща. В газетах появились многочисленные статьи и письма читателей, обеспокоенных судьбой Плюща. В Советский Союз направлялись телеграммы<sup>156</sup>. Письмо из Австралии подписали 88 математиков, телеграмму из Торонто — 153 человека — ученых, психиатров и юристов. К подписавшим письмо из Рима присоединился член ЦК итальянской компартии. Международный Комитет Математиков и Международная Амнистия созвали в Париже прессконференцию, во время которой были оглашены два специальных обращения. Автор первого — Татьяна Плющ. В ее обращении говорилось:

*«Леонида Ивановича Плюща, которого знала я, дети его, родные и близкие, такого Леонида Ивановича больше не существует. Есть доведенный до предела мучений, теряющий память, способность к чтению, размышлению, бесконечно больной, уставший человек... Я безмерно благодарна всем зарубежным математикам, всем, кто озабочен судьбой Леонида Ивановича... Пусть отдадут мне мужа — больного, каким они сделали его, и пусть разрешат нам всем уехать из этой страны».*<sup>157</sup>

Второе письмо исходило от известного московского математика и члена Комитета прав человека Игоря Шафаревича:

*«Есть люди, чья судьба выходит далеко за пределы их биографии и среды. Они обобщают опыт многих других и становятся символом. Имя Григоренко являлось таким символом на протяжении пяти лет. То же теперь справедливо о математике Леониде Плюще... Размах и интенсивность ваших усилий — луч надежды в наше горькое время. Но вы защищаете больше, чем одного человека. Вы заступаетесь за всех тех, у кого та же участь, что и у него... но чьи имена вам не известны.*

*Я убежден, что в конечном счете ваши усилия не пропадут даром для вас самих. Символическая участь Плюща является уроком, который поможет вам лучше понять вашу собственную жизнь, оценить и взвесить свое будущее, будущее ваших детей, вашей страны, будущего человечества».*<sup>158</sup>

Усилению кампании в защиту Леонида Плюща способствовал симпозиум в Женеве, созданный Международной амнистией. Главная тема симпозиума была использование психиатрии в политических целях. На заседаниях в Женеве выступили Виктор Файнберг, Виктор Некрасов и Марина Войханская<sup>159</sup>.

Участники симпозиума приняли «Женевскую декларацию». В ней говорилось, что медицинские организации должны выступать против советских злоупотреблений более настойчиво и бойкотировать тех, кто

замешан в психиатрических преступлениях. Был избран постоянный комитет для сбора подписей под Декларацией и для поощрения и координации действий, предпринимаемых в разных странах. Швейцарское психиатрическое общество, активно пытавшееся облегчить судьбу жертв психиатрического террора еще в 1973 г., поддержало участников симпозиума<sup>160</sup>.

23 октября 1973 г. благодаря усилиям МКМ в Париже, в Мютюалитэ, одной из самых вместительных аудиторий французской столицы, удалось собрать 5000 человек. Все они были возмущены расправой над Леонидом Плющом и объединились, чтобы требовать его освобождения. В числе выступавших на митинге были представители математиков, психиатров, учителей, юристов и студентов. Взяли слово и руководители украинских организаций. От имени Лондонской рабочей группы выступил д-р Лоу-Бир<sup>161</sup>.

На следующий день по оппортунистическим причинам была вынуждена примкнуть к протестующим французская компартия, дорожившая, естественно, доверием левых сил. «Юманите» заявила:

*«Если верно — а до настоящего времени у нас нет, к сожалению, доказательств противного — что этот математик содержится в психиатрической больнице исключительно в силу того, что он отрицает некоторые аспекты советской политики или — пусть и так — весь режим в целом, мы можем только подтвердить со всей ясностью наше полное неодобрение и требовать, чтобы он был освобожден немедленно».*<sup>162</sup>

Наконец, через день после этого Татьяну Плющ вызвали в Киевское отделение МВД и сообщили, что ее просьба удовлетворена: Плющам разрешено эмигрировать. 10 января Леонид Плющ прибыл с семьей в Австрию. Власти освободили его из-под конвоя лишь на советско-венгерской границе, не дав Плющу возможности встретиться с киевскими и московскими друзьями, которые неумоимо боролись за его жизнь. Месяц спустя, более или менее оправившись от крайнего исто-

щения и паркинсонизма, вызванного препаратами, Плющ рассказал западным журналистам о пережитом в застенках СПБ и призвал к усиленной защите Буковского, Глузмана и диссидентов, заключенных в СПБ Днепропетровска<sup>163</sup>

Кампания, проведенная Международным Комитетом Математиков и Международной амнистией, публикация книги о Плюще на французском языке и его пресс-конференция — все это привело в действие те силы французской психиатрии, которые прежде сомневались в обоснованности злобещих сообщений из СССР<sup>164</sup>. В 1976 г. четыре профессиональные организации Франции, сплотившись, стали оказывать давление на советское правительство: французские психиатры требовали разрешения провести независимое расследование обвинений. Кроме того, французы обратились за поддержкой в Королевскую коллегия. Психологи Франции инициативу психиатров встретили с энтузиазмом; к тому же у них был двухлетний опыт борьбы против злоупотреблений — в июле 1976 г. на Международном конгрессе психологов в Париже они провели успешную кампанию в защиту жертв психиатрического террора<sup>165</sup>.

## СОВЕТСКОЕ КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ

Выпустив Плюща, советские власти стали прикрывать уступку Западу залпами пропаганды. Из архивов извлекались высказывания, приписываемые д-рам Роуму, Перрису, Ангсту, де ла Фуенте и другим, о благополучии в области советской психиатрии. Кроме того, в заученных ролях апологетов советской психиатрии выступили Наджаров и Морозов. Были предприняты энергичные усилия по отысканию и обобщению примеров злоупотреблений психиатрией на Западе<sup>166</sup>.

Единственное, что было в кампании впервые, — это голословное утверждение, будто большая часть диссидентов, прошедших до эмиграции госпитализацию в

СССР, была вынуждена подвергнуться лечению и на Западе, — так легче было рассуждать о реальности и хроническом характере их заболевания. Например, среди других, таким образом значилось имя Виктора Файнберга, который, раскрывши очередной номер английской коммунистической газеты (перепечатавшей советское заявление), узнал о себе интересную новость. Он сообщил о своем впечатлении в газету и подал на коммунистов в суд за клевету. Нерадивым журналистам пришлось заплатить Файнбергу 750 фунтов и извиниться перед ним в печати\*.

(167).

Был также и случай когда медицинская корреспондентка АПН, дав волю еще большей фантазии, написала, что Александр Вольпин . . .

*«вернулся в СССР, и несмотря на свои «взгляды», получил соответствующие его состоянию работу и пенсию и пользуется всеми благами, которые обеспечиваются всем инвалидам его типа в Советском Союзе».*<sup>168</sup>

В действительности, Вольпин преподавал тогда математику в Бостонском университете.

## ВПА И 6-ОЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС В ГОНОЛУЛУ

В 1975 г. Американская Психиатрическая Ассоциация согласилась провести очередной международный съезд ВПА в 1977 г. в США — в Гонолулу.

После того, как договоренность о съезде была достигнута, д-р Ли почувствовал, что свою позицию относительно Советского Союза ему придется изменить. Слишком сильно было влияние на Генерального секретаря со стороны членов АПА. Прежняя тактика д-ра Ли, считали американцы, способствовала оправданию серьезных злоупотреблений; вместе с тем, устав ВПА

\*) Аналогичное извинение принесла газета и Борису Цукерману

никоим образом не препятствует искреннему обсуждению советской психиатрической практики. Поскольку четверть бюджета ВПА финансируется АПА, которая к тому же выделила 40 000 долларов на проведение конгресса в Гонолулу, американская ассоциация имела все основания полагать, что члены ВПА рассмотрят выдвинутые требования всерьез<sup>170</sup>.

Немаловажное влияние на ход событий оказала угроза английских психиатров: группа представителей Королевской коллегии собиралась порвать с ВПА, если Ли не откажется от своей тактики. И тактика Ли начала меняться. В июльском отчете о собрании Королевской коллегии сообщается, что

*«... Генеральный секретарь ВПА от себя лично и от имени ВПА поддерживает письмо, направленное доктору Глузману, а также решение глубже вникнуть в проблему злоупотреблений психиатрией и искать способы оказания давления на те страны, где такие злоупотребления имеют место».*<sup>171</sup>

До перехода Ли на новые позиции противники его прежней тактики были в особенности озабочены тем, что Генеральный секретарь ВПА оставил без опровержения письмо Морозова — оно было напечатано в «Бритиш медикэл джорнэл». Директор Института им. Сербского еще раз повторил ложь Вартаняна: во время посещения западными психиатрами его института, — сказал он, — Исполнительный комитет ВПА подтвердил, что все пять так называемых диссидентов страдали психическими заболеваниями в момент судебно-психиатрического обследования<sup>172</sup>. Через год после опубликования письма Морозова один журналист, спросивший Ли, отчего тот не напечатал опровержения, услышал в ответ, что вопрос будет обсуждаться на заседании Исполнительного комитета в ноябре 1975-го года.

Выяснилось всё же, что в случае необходимости Ли может быть гибким. Оценив настроение Коллегии и направленность статей в медицинской и общей прессе, он понял, что подошло время дать публичное опроверже-

ние сведений Морозова и объяснить политику ВПА. «Таймс», например, писала в передовой:

*«Теперь уже имеются убедительные и подавляющие доказательства того, что власти в СССР преднамеренно используют психиатрическую службу для наказания и запугивания диссидентов. Эта правительственная акция отвратительна и безнравственна. Подобно тому, как национальная медицинская организация не может игнорировать неправильное поведение своих отдельных членов, не может и Всемирная организация закрывать глаза на сознательные извращения; советские психиатры, которые соглашаются участвовать в таком страшном деле, несут столь же полную ответственность, как и политики, дающие им указания... Следует открыто и свободно обсудить советскую практику, невзирая на то, что это может повести к разрыву с советскими представителями. Если они хотят порвать связи со свободными ассоциациями, никто им не станет препятствовать».*<sup>173</sup>

Ли опубликовал опровержение письма Морозова 30 августа 1975 г. однако этим решил и ограничиться. Ли игнорировал обращения редакторов «Таймс» и редколлегии «Бритиш медикэл джорнэл»<sup>174</sup>. Вместо того, чтобы призвать Всесоюзное общество к ответственности, он пустился в описания событий в Мексике, своих совещаний с медицинскими и общественными гуманитарными организациями. Ли рассказал также о создании Рабочего комитета по этике, о проведении семинара о правах человека в Страсбурге и поделился своими соображениями насчет проекта посвятить одно из заседаний в Гонолулу этическим вопросам. Перечень заслуг заканчивался риторикой: «Можно ли после всего сделанного говорить, что ВПА топталась на месте и двойственно относилась к этическим вопросам психиатрии?» Коснувшись далее предложения провести объективное расследование, Ли сообщил об изучении Ассоциацией обширных возможностей Комиссии по правам человека при Европейском совете и сделал следующий вывод:



*«Поскольку речь идет о восстановлении справедливости, надлежит пользоваться методами права, как это делает Комиссия по правам человека. Создание подобной комиссии совершенно вне финансовых, профессиональных и организационных возможностей международных ассоциаций типа ВПА. Отрицающие это проявляют либо наивность, либо невежество, либо лицемерие».*

Далее Ли отметил, что ВПА присоединилась к последней телеграмме Глузману от Королевской коллегии. Не надо забывать, — сказал Ли, — об одном преимуществе Всемирной Ассоциации: ее сотрудники беспрепятственно могут встречаться с представителями Советского Союза и «вполне свободно обсуждать положение там некоторых врачей». В информационном бюллетене, выпущенном два месяца спустя, Ли развил постулаты своей новой тактики:

*«Я бы предложил на Гавайях обнародовать декларацию, в которой излагались бы общие этические принципы, лежащие в основе психиатрической практики, по образцу деклараций, принимаемых на заседаниях ВПА. Каждой национальной ассоциации предоставлялось бы на ее усмотрение выработать детализированный кодекс по вопросам, касающимся практики в данной стране. Таким образом, мы избегаем проблем, связанных с религией, национальной политикой, формами политических убеждений и т.п., и могли бы сосредоточить внимание на самих принципах».<sup>175</sup>*

Значит, этическому комитету, за создание которого Ли ратовал с 1971 г., предстояло заниматься лишь общими принципами, а не конкретными их нарушениями. Углубляться в расследование советских злоупотреблений — бесполезно, ибо, не говоря уж о ВПА, даже такая мощная организация, как Европейская комиссия прав человека, не располагает нужными средствами для проведения юридической процедуры. Выходит, что единственный реальный путь — тихая дипломатия; именно к ней, как надо понимать, ВПА и собиралась прибегнуть.

Еще больше настораживало двойственное отношение Ли к конкретным случаям советских злоупотреблений. В декабре 1975 г. он отправился в качестве гостя на съезд Всесоюзного общества психиатров, причем газеты писали, что советская психиатрия не вызывает у Ли ничего, кроме восхищения<sup>178</sup>. В июне 1976 г. Ли энергично защищал прибывшего в Лондон на заседание ВПА по этике Вартаняна<sup>177</sup>. После перехода на новые позиции, оказавшиеся лишь тактическим маневром, Ли невозмутимо заявлял в 1976 г.: «Я не располагаю сведениями о жестокостях; лично я считаю их гипотетическими»<sup>178</sup>.

В мае 1976 г. встревоженная этими событиями, Королевская коллегия приняла резолюцию:

*«Королевская коллегия психиатров повторяет свое заявление о поддержке мер, предпринятых Советом против злоупотреблений в СССР и просит Совет сделать все, что в его силах, для обеспечения принятия на будущем съезде ВПА следующей, либо аналогичной, резолюции: «Всемирная Психиатрическая Ассоциация, учитывая подавляющие доказательства систематического злоупотребления психиатрией в политических целях в СССР, присоединяется к осуждению этой практики, которое было высказано Британской королевской коллегией психиатров, а также другими организациями».*<sup>179</sup>

В сентябре 1976 г. АПА направила во Всемирную Ассоциацию требование, чтобы в повестку дня съезда в Гонолулу было внесено рассмотрение конкретных случаев злоупотребления психиатрией<sup>180</sup>. Предлагалось провести с этой целью специальную сессию.

Таким образом два крупнейших национальных общества — английское и американское — перешли в открытое наступление, да и некоторые другие страны стали проявлять новую инициативу. К примеру, при почетном председательстве профессора фон Байера<sup>181</sup> была образована Немецкая Ассоциация против использования психиатрии в политических целях. Благодаря информации и призывам Ассоциации, в июне 1977 года

совет Немецкого общества психиатрии и неврологии принял следующую резолюцию:

*«Данное общество в заявлении своего Исполнительного комитета от 21. 12. 1972 года недвусмысленно осудило использование психиатрических методов и учреждений в политических целях. В последние годы появились многочисленные сообщения и убедительные материалы, которые свидетельствуют о том, что в советской судебной практике злоупотребляют психиатрией и психиатрическими учреждениями. Совместно с профессиональными ассоциациями психиатров различных стран данное общество осуждает подобную практику, где бы она ни имела место. Данное общество призывает всех, кто имеет к этому отношение, положить конец злоупотреблениям медициной для подавления инакомыслящих».*

## ШИРИТСЯ ПРОТЕСТ И В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

В 1976 г. советские власти несомненно ещё более усугубили положение вещей для себя сами же. Прежде всего, они вызвали мощную и широкую кампанию протеста, когда пригрозили перевести Валентина Мороза — украинского историка и политического узника, осужденного на долгий срок, из тюрьмы в психиатрическую больницу специального типа. Позже, правда, под давлением общественности они постепенно отступили. Затем советские власти задержали на основании обвинений по статьям Гражданского кодекса целый ряд инакомыслящих, среди которых были Владимир Борисов, Петр Старчик и Александр Аргентов, которые или были хорошо известны или становились известными, — все это вызвало новые протесты. В декабре советские власти освободили Владимира Буковского, после того как он отбыл только половину своего срока. Буковского обменяли на чилийского коммунистического руководи-

теля Луиса Корвалана<sup>182</sup>. Таким образом, Буковский смог беспрепятственно встречаться с психиатрами всего мира еще задолго до открытия конгресса психиатров в Гонолулу. Обращение Владимира Буковского к участникам ежегодной сессии АПА в Торонто в мае 1977 года произвело большое впечатление на американских и канадских психиатров и получило широкое освещение в прессе<sup>183</sup>. В августе он обратился с новым призывом ко Всемирной Психиатрической Ассоциации (впервые со времени своего, тогда бесплодного, призыва 1971-го года), в котором сообщил делегатам предстоящего съезда в Гонолулу следующее: «Позиция, которую вы займете... решит судьбу сотен людей и, кроме того, судьбу самой советской психиатрии на ближайшее будущее»<sup>184</sup>.

Осенью 1976 года группа инакомыслящих решила начать борьбу за освобождение Петра Старчика. Вскоре эта группа превратилась в Рабочую комиссию по расследованию использования психиатрии в политических целях<sup>185</sup>. В то же время к этой комиссии примкнули два психиатра, которые себя не назвали. После успешного завершения кампании за освобождение Старчика, все они сосредоточили свое внимание на других узниках совести, среди которых были Владимир Борисов и Юрий Белов. В марте 1977 года на квартире у члена комиссии Александра Подрабинека были захвачены документы примерно о 210 инакомыслящих. Это произошло сразу после того, как группа объявила об освобождении Борисова<sup>186</sup>. Группа объяснила его освобождение давлением Запада и выразила надежду на то, что «поддержка значительной части мирового общественного мнения является самым важным фактором в борьбе против использования психиатрии в политических целях». И далее было сказано: «Однако все еще сотни узников совести томятся в советских психиатрических лечебницах, и эти узники нуждаются в поддержке и защите. Их имена мало известны или не известны вообще, что усугубляет их положение, давая

возможность карательным органам и психиатрам действовать произвольно».

Вскоре члены Рабочей комиссии и сами испытали на себе произвольность действий карательных органов. Власти, совершенно очевидно, были намерены разгромить группу как можно быстрее, и уж наверняка до того, как соберется конгресс Всемирной Психиатрической Ассоциации. В апреле по подложному обвинению на пятнадцать суток был посажен Подрабинек, КГБ пригрозил ему при этом десятилетним заключением. А в августе к году тюремного заключения был приговорен Феликс Серебров, 47-летний металлург и поэт. Состав его преступления включал в себя малозначащее обвинение, основанное на присвоении книги девятнадцать лет назад. В этой связи на квартирах двух его товарищей были произведены обыски<sup>187</sup>.

Несмотря на препятствия, эта группа продолжала свою работу; в июле на Запад попала рукопись Подрабиника «Карательная медицина» — 265-страничная монография о злоупотреблениях психиатрией. Правозащитная организация Международная Амнистия<sup>188</sup> широко распространила выдержки из этой книги, переведенные на английский язык. В этой книге Подрабинек призвал всех психиатров, которым предстояло участвовать в конгрессе Всемирной Психиатрической Ассоциации, осудить злоупотребления психиатрией в Советском Союзе и организовать соответствующую комиссию для обследования, прежде всего, психиатрических лечебниц специального типа<sup>189</sup>.

Накануне конгресса в адрес делегатов раздался еще один призыв, на этот раз он исходил от доктора Автандила Папиашвили. Этот 30-летний психиатр из Грузии, совершая туристическую поездку, попросил в Австрии политическое убежище. На пресс-конференции в Лондоне Папиашвили рассказал о том, как он был свидетелем незаконного помещения трех инакомыслящих в психиатрическую больницу. Поскольку управление общественным поведением с помощью психиатрических

средств широко распространяется в Советском Союзе, сказал он, необычайно важно, чтобы Всемирная Психиатрическая Ассоциация откровенно осудила подобную практику<sup>100</sup>.

## КОНГРЕСС В ГОНОЛУЛУ И ПОСЛЕ НЕГО

Как только 4000 участников конгресса Всемирной Психиатрической Ассоциации прибыли в Гонолулу, стало ясно, что вопрос о злоупотреблениях психиатрией в Советском Союзе будет преобладать при обсуждениях. Местные журналисты подготовились к этому событию и за день до открытия конгресса составили точный список проблем, стоящих перед собравшимися психиатрами. На следующий день исполком Всемирной Психиатрической Ассоциации организовал пленарную сессию для обсуждения этических сторон психиатрии. Это заседание прошло спокойно и на нем все участники согласились, что этические стороны психиатрии не только важны, но и сложны. Среди выступавших был и доктор Бабаян — ответственный работник советского Министерства здравоохранения. Он с помощью докторов Венедиктова и Снежневского играл наиболее активную роль, защищая руководство своей страны от критических выступлений Запада, которые раздавались не только во время недельного съезда в Гонолулу, но и после него.

На второй день работы конгресса группа американских и западноевропейских психиатров устроила пресс-конференцию, на которой было сказано следующее: Всемирная Психиатрическая Ассоциация должна отказаться от своей нейтральной позиции, которая была присуща ей со времени предыдущего конгресса, и проголосовать в поддержку резолюции британских психиатров, осуждавших советские злоупотребления, а также американских, призывавших основать комитет по наблюдению за использованием психиатрии. В этой

пресс-конференции приняли также участие бывшие советские психиатры — Марина Войханская и Борис Зубок, а также инакомыслящий в изгнании Леонид Плющ. Каждый из них предложил свидетельствовать о своих личных наблюдениях, связанных с советскими психиатрическими больницами. Группа психиатров, устроившая эту пресс-конференцию, не снижала своей активности в течение всей работы конгресса, распространяя литературу, приготовленную правозащитной организацией Международная Амнистия. Эта литература представляла собой выдержки из монографии Подрабинека. Кроме того, психиатры этой инициативной группы давали интервью работникам печати, делая все возможное для того, чтобы делегаты конгресса были в полной мере информированы. На полках книжных магазинов в Гонолулу можно было найти американское издание этой книги, чем и воспользовалось несколько сот делегатов.

Члены советской делегации, состоявшей из 24 человек, видимо, также располагали экземплярами нашей книги, поскольку во время пресс-конференции заявили, что «в этой книге нет и крупницы правды»<sup>191</sup>. Об авторах этой книги говорили так, что не позавидуешь. С доктором Бабаяном сомкнули по этому случаю ряды такие столпы советской психиатрии, как профессора Снежневский, Наджаров, Вартанян и Георгий Морозов. Все они решительно отметали все обвинения и заявляли, что эти обвинения продиктованы политическими причинами и представляют собой ни что иное, как анти-советскую пропаганду.

За этой пресс-конференцией последовало официальное заседание, которое обсуждало конкретные злоупотребления психиатрией. Советская делегация бойкотировала это обсуждение, которое было предложено АПА. Огромный интерес к заседанию был подчеркнут тем, что на нем присутствовало около 3000 психиатров. Выступлению доктора Войханской все они аплодировали стоя.

31 августа 55 делегатов, которые входили в правление Всемирной Психиатрической Ассоциации, решили обсудить, среди прочих вопросов, резолюции Королевской коллегии и АПА. Кроме того, собравшиеся обсуждали возможность принятия принципиального заявления об этических нормах психиатрии. Эти принципы были разработаны Комитетом по психиатрической этике при Всемирной Психиатрической Ассоциации. Заявление, названное Гавайской Декларацией, не вызвало возражений и было принято. Не удивительно, что никто из делегатов не подверг сомнению его содержание или полезность в качестве руководства практикующего психиатра.

В отличие от этого, резолюции конгресса обсуждались чрезвычайно горячо. К британскому предложению была внесена поправка представителями Австралийской и Новозеландской коллегий психиатров. Она сводилась к следующему:

*«Всемирная Психиатрическая Ассоциация обращает внимание на злоупотребления психиатрией в политических целях и осуждает такие злоупотребления, в каких бы странах их ни совершали. Данная Ассоциация призывает профессиональные объединения психиатров тех стран, в которых практикуются злоупотребления психиатрией, осудить подобные явления и полностью их ликвидировать. Всемирная Психиатрическая Ассоциация вносит эту резолюцию, прежде всего, с учетом весомых свидетельств систематических злоупотреблений психиатрией в политических целях в Советском Союзе».*

Такое предложение было принято в штыки советским делегатом доктором Бабаяном, которого поддержали делегаты большинства Восточно-Европейских стран и некоторых стран Третьего мира. Доктор Бабаян настаивал на том, чтобы ему показали подписанные западными психиатрами свидетельства обследования инакомыслящих, находившихся в советских психиатрических больницах. Он хотел увидеть письменные за-



явления западных психиатров о том, что эти инакомыслящие были здоровы. Когда стало известно, что такие документы представить немедленно невозможно, Бабаян приступил к распространению выписок из своего собственного досье, которое содержало истории болезни около десятка инакомыслящих. Позже авторы этой книги смогли внимательно изучить представленные Бабаяном материалы и обнаружили их существенную неполноту, в частности пропуск важных биографических и клинических подробностей. Например, в деле Григоренко не было никакого упоминания о том, что на судебном заседании в Ташкенте было признано, что он является вменяемым и ответственным за свои поступки. В деле же Горбаневской таким же манером был пропущен важный для конкретного случая эпизод (подробнее об этом — в главе 5).

В конце концов председательствовавший настоял на прекращении прений, после чего состоялось тайное голосование. Для того чтобы лучше понять это голосование, мы должны сказать несколько слов о самой процедуре: каждое общество, входившее в Ассоциацию, было представлено одним делегатом, с правом голоса за каждые 100 членов его общества, но с таким расчетом, чтобы это не превышало 30 голосов. Однако если делегат представлял общество, которое не заплатило полностью свои взносы Всемирной Психиатрической Ассоциации, то количество голосов, которыми располагал данный делегат, уменьшалось пропорционально неуплаченным взносам.

Именно таким пропорциональным уменьшением голосов можно объяснить то, что резолюция была принята только 90 голосами против 88. Среди 33 обществ, выступавших против резолюции, были некоторые западные, в частности из Скандинавских стран, которые утверждали следующее: «Связи с советскими психиатрами имеют очень важное значение, и принятие резолюции может их подорвать, и если советской делегации будет выражено недоверие, то Советский Союз может

вообще выйти из Всемирной Психиатрической Ассоциации».

И хотя данная система голосования была общепринятой в то время, когда советское общество вступило во Всемирную Психиатрическую Ассоциацию, не сделав при этом никаких попыток изменить эту систему, после голосования на конгрессе советские делегаты высказали негодующий протест, заявив: «При голосовании должна быть использована та же система, какая принята в ООН, то есть «одно общество — один голос». Не говоря уж о том, что такой протест был запоздалым, он не учитывал, что Всемирная Психиатрическая Ассоциация — профессиональная организация, а не политическая. Интересно отметить, что правила, предусматривающие необходимость платить членские взносы, и ограничения, предусмотренные в случае их неуплаты, весьма ощутимо сыграли на руку советским представителям. Хотя это означало, что у них только 23 голоса вместо 30, но и у британских психиатров было только 5 голосов вместо 30, а у японских, которые так же горячо выступали за принятие резолюции, — только 4 голоса вместо 30. Таким образом, если бы все эти 3 наиболее представительных общества полностью платили свои взносы, то при голосовании соотношение выглядело бы как 141 против 95, а не 90 против 88.

Еще советская делегация возражала против резолюции АПА, призывавшей к созданию комиссии по наблюдению за использованием психиатрии. Основное возражение доктора Бабаяна сводилось к тому, что такая комиссия, имея дело с другими странами, вмешивалась бы в их внутренние дела, причем эти страны представлены во Всемирной Ассоциации своими обществами. И другая проблема заключалась в оплате создания и работы такой комиссии: кто оплачивал бы ее расходы? Дебаты в этой связи были менее ожесточенными, и предложение было принято 121 голосом против 66. Согласно резолюции, президент Всемирной Психиатрической Ассоциации должен был назначить членов

комиссии по наблюдению за использованием психиатрии, кандидатуры которых, в свою очередь, должны быть одобрены исполкомом этой Ассоциации. Исполнительному комитету было предложено учредить фонд для финансирования этой комиссии и изыскивать поступления в этот фонд. А сама комиссия, при условии ее создания, должна была бы расследовать сообщения о злоупотреблениях психиатрией. Предполагалось, что эти сообщения могут быть переданы устно или поступить в письменном виде, в любом случае сбор информации должен был осуществляться из любых необходимых источников. А это включало бы поездки на места, упомянутые в сообщениях, а также принятие мер в соответствии с рекомендациями исполкома Всемирной Психиатрической Ассоциации.

На конгрессе в Гонолулу был избран новый президент Всемирной Психиатрической Ассоциации профессор Пьер Пишо, который выразил сомнения в связи с образованием комиссии по наблюдению за использованием психиатрии и ее работы. И действительно, путь впереди был не прост и не легок, и Всемирной Психиатрической Ассоциации потребуется не только настойчивость, но и поддержка входящих в нее обществ, да и всей общественности в целом, поскольку в то время как в Москве Рабочая комиссия горячо приветствовала решения конгресса в Гонолулу<sup>192</sup>, официальные советские заявления были, по понятным причинам, едкими и оборонительными (при этом советские власти всегда утверждали, что психиатрические учреждения страны открыты для посещения западных психиатров). Между январем 1977 и маем 1980 гг. Рабочая комиссия\* опубликовала более 1000 страниц различных материалов, помещенных, в большей своей части, в 22-х выпусках (по сей день) «Информационного Бюллетеня»<sup>193</sup> и 40 экспертиз, сделанных главным советником по вопросам психиатрии д-ром Александром Волошановичем, работавшим открыто с августа 1978 вплоть до своей эми-

\*) См. стр. 326.

грации в Англию в феврале 1980 года. Эти психиатрические экспертизы проводились по просьбе инакомыслящих, которые имели основание полагать, что КГБ собирается поместить их — в первый раз или снова — в психушки. Д-р А. Волошанович основывая свои диагнозы на глубоком исследовании состояния здоровья этих людей, используя также все материалы, которые были ему доступны. Его работа произвела глубокое впечатление на иностранных психиатров своей объективностью и серьезностью. Очевидно также, что его скрупулёзная работа спасла от принудительного заключения в психушки большое количество людей, которые к нему обращались.

Д-р Волошанович не был посажен, как д-р Глузман, благодаря исключительно быстрой и уверенной поддержке его иностранных коллег. Многие из них его пригласили работать на год или два за границу, но вначале советские власти запретили ему выезд. Советское общество психиатров даже создало свою собственную комиссию, чтобы опровергнуть его диагнозы. Тем не менее эта комиссия их дискредитировать не смогла — настолько высоким было их научное качество.

«Информационные бюллетени» Рабочей комиссии проводили детальную документацию относительно постоянных помещений в психиатрические больницы различных инакомыслящих, в разных местах страны. Известность комиссии быстро распространилась, помогая сопротивляться политической психиатрии. К этой помощи прибегали и её потенциальные жертвы, и друзья угрожаемых, и их семьи. Эта помощь была оказана и некоторым психиатрам. Часто «Информационный Бюллетень» предавал гласности угрозу насильственного помещения в психушку и вынуждал КГБ отступить от избранной жертвы. Комиссия помогала и тем людям, которые были уже заключены в психушки, организовывала кампании протеста, иногда добиваясь освобождения этих людей. Если число новых насильственных помещений в психбольницы осталось неизмен-

ным, то большинство людей помещают теперь в психушки административным путем, и они обычно находятся там в течение недель или месяцев, вместо лет. Таким образом, можно отметить некоторый прогресс в этой области.

Естественно, всё это привлекло к работе Комиссии интерес КГБ. Если бы деятельность Комиссии не была совершенно легальной, публикации не были бы столь точны; если бы ее не поддерживало международное общественное мнение, то официальные репрессии были бы скорыми и более жесткими. После ареста Сереброва в 1977 году первая тяжелая репрессия обрушилась на Александра Подрабиника, который был активным инакомыслящим не только в борьбе против злоупотреблений психиатрией, но и в других общественных сферах. В мае 1978 года он был арестован в связи с тем, что его книга «Карательная медицина» была квалифицирована как «клевета на советский строй».

В его защиту сразу была организована кампания и в СССР, и за границей. Судебный процесс напоминал спектакль и был проведен в августе, но и на нем власти не решались приговорить Подрабиника к десяти годам заключения, как угрожал ему КГБ в 1977 г. Подрабинек был осужден на пять лет ссылки в Сибирь. Процесс выглядел инсценировкой не только потому, что на нем объективностью и не пахло. Одна забавная впрочем, деталь: в ходе процесса один из свидетелей обвинения — психиатр, провалил спектакль, разработанный КГБ, и опроверг наиболее серьезное обвинение прокурора.

Самые недавние репрессии против членов Комиссии — арест Вячеслава Бахмина (февраль 1980 г.) и д-ра Леонарда Терновского (апрель 1980 г.). Эти два ареста составляли часть предрелигиозной чистки и были попыткой разгромить Комиссию.

В защите Комиссии, в моральной и практической помощи из-за границы большую роль играли, в частности,

Международная Амнистия, Королевская коллегия психиатров, различные медицинские и общественные группы, борющиеся за права человека. Между прочим, членов Комиссии навестили сочувствующие им западные психиатры, как д-р Джерард Лоу-Бир (Великобритания) и д-р Гаральд Бломберг (Швеция), которые приняли непосредственное участие в работе Комиссии, исследуя тех инакомыслящих, которые хотели дополнительно заручиться их диагнозом против опасности насильственного помещения в психушки. Эти гости были поражены смелостью и серьезностью работы таких людей, как Волошанович, Подрабинек, Бахмин, Терновский, Феликс Серебров, Ирина Гривнина.

Не удивительно, что «Информационные Бюллетени» и диагнозы иностранных врачей, познакомившихся с Комиссией, оказали влияние на различные круги психиатров, которые оставались до 1977 года более или менее пассивными, в особенности в Японии и в Скандинавии. Например, Японское общество неврологии и психиатрии заявило советским властям решительный протест против злоупотребления психиатрией в политических целях и потребовало освободить д-ра Глузмана.

Таким образом, Всемирная Психиатрическая Ассоциация также оказалась вынужденной выполнить резолюции конгресса 1977 года. В декабре 1978 года она организует комитет для исследования злоупотреблений психиатрией и он начинает работать с августа 1979 года. Сейчас еще рано судить о результатах — многое будет зависеть от того, с каким упорством проведут эту работу члены ВПА, с какой полнотой будут расследованы нарушения в области психиатрии, и будет ли необходимая информация в руках этого комитета.

Советские власти всегда были в оборонительной позиции и оставались весьма чувствительны ко всем формам протеста. Поэтому с 1973 года они не помещали насильственно — разве лишь на короткое время — инакомыслящих, известных за границей, и освободили инакомыслящих, достаточно известных. Советские

власти были задеты категорическим заключением группы американских психиатров и психологов (в которую входил президент Ассоциации американских психиатров), которая, исследовав генерала Григоренко, заявила: «Изучив необходимые документы, проведя интервью, и обратившись к разнообразным способам исследования, мы не нашли у Григоренко никаких признаков душевного заболевания. Мы также не нашли никаких следов, которые бы указывали на душевное расстройство Григоренко в прошлом»<sup>184</sup>.

Когда это заключение было передано проф. Снежневскому, то он ответил, что американцы плохо знают некоторые стороны советской жизни, и что, кроме того, есть столько же различных форм параноидного расстройства, сколько и людей, которые страдают от него. Впоследствии Снежневский был вынужден снять с себя звание члена Королевской Британской Коллегии Психиатров под угрозой быть исключенным.

Напротив, заключения американских психиатров были с большим удовлетворением приняты московской Рабочей комиссией и Хельсинкской группой. В своем заявлении № 89 о «Злоупотреблении психиатрией в политических целях» эта группа требует «...серьезного и объективного исследования, после Григоренко, также всех лиц, известных как несправедливо помещенные в психиатрические больницы. Такое исследование должно быть произведено с активным участием различных социальных групп, с привлечением иностранных психиатров. Необходимо потребовать наказания тех, кто виновен в этих злоупотреблениях».

Эта группа критикует использование психиатрии в политических целях «для подавления сотен инакомыслящих и верующих». В заявлении говорится, что «... даже хотя эта преступная система несколько раз потерпела поражения, благодаря таким людям, как Буковский, Глузман, Подрабинек, и широкой кампании протеста Запада, — она, тем не менее, продолжает действовать».

## ПОСЛЕСЛОВИЕ

Мы считаем, что теперь накопилась масса свидетельств того, что психиатрия в Советском Союзе систематически используется для подавления инакомыслия.

Психически здоровых граждан заключают в психиатрические лечебницы с тем, чтобы заставить этих людей встать на путь конформизма. До госпитализации они в большинстве своем были нормально адаптированы к реальностям жизни; их родные, близкие и товарищи по работе считали их психически полноценными. На наш взгляд, число диссидентов, госпитализированных без медицинских оснований, невелико по сравнению с количеством инакомыслящих, отбывающих наказание в тюрьмах и лагерях. Вместе с тем, нам думается, что политически мотивированная госпитализация является составной частью намного более распространенной практики злоупотреблений: самые различные виды социальных отклонений квалифицируются в СССР как психические заболевания. Наша книга коснулась лишь верхушки айсберга.

Дело, впрочем, не в цифрах. Число жертв нацистских медицинских экспериментов не было особенно велико, ответственность за медицинские преступления несли только 350 из 90 000 немецких врачей<sup>1</sup>. Но если бы гитлеровский режим продолжал существовать и расширять свои владения, число врачей-выродков и их жертв могло бы разрастись до чудовищных масштабов.

Зловещим предзнаменованием рисуется нам варварское унижительное обращение с некоторыми диссидентами в советских психиатрических больницах. Попытка добиться у инакомыслящих отречения от их убеждений с помощью лекарственных препаратов мало чем отли-



чается от практики нацизма. Сперва общественно-политические воззрения жертвы приравниваются к болезненной мании, затем госпитализированного начинают «лечить», дабы привести к послушанию. Таким образом, медицинское изуверство в СССР совершается вдвойне.

Если психиатрическому произволу в СССР не будет оказан должный отпор, нарушения психиатрической этики грозят превратиться в правило обращения с инакомыслящими. Не исключена также возможность распространения этой антигуманной практики на другие страны. Использование психиатрии в целях расправы с несогласными — большой соблазн не только для репрессивных режимов левой и правой ориентации, но и для авторитарных групп в обществах, все еще сохраняющих относительную свободу.

Закономерно, конечно, что злоупотребление медицинской пустило корни в двух самых крупных тоталитарных государствах, известных человечеству. Вряд ли можно полностью приравнивать действия советских врачей, повинных в злоупотреблениях, к экспериментам нацистских эскулапов, и, тем не менее, нельзя закрывать глаза на определенные сходства. Одинаковы причины произвола — они вытекают из полного пренебрежения к правам личности; одинаковы цели — выполнение установок правящей клики, оправдывающей изуверства своей тоталитарной идеологией, при одинаковом отсутствии сдерживающего морального начала.

В обществе, порожденном коммунизмом советского типа, подавление инакомыслия посредством психиатрии не может обойтись без тесного сотрудничества между политиками и врачами. Связи налаживаются быстро: чаще всего врачи понимают политиков с полуслова. Поэтому справедливо будет призвать к ответственности как изъявляющих злую волю, так и исполняющих ее. Надо полагать, что бóльшая вина лежит все же на политиках, ибо они обладают полномочиями, продемонстрированными в 1972-73 гг., когда госпитализация известных диссидентов прекратилась. Но хотя на

Западе такое развитие событий было встречено с одобрением, не следует забывать, что психиатрию продолжают использовать в СССР против менее известных диссидентов. К тому же, «школа Снежневского», непогрешимость которой была провозглашена партией, успела воспитать в своем духе так много психиатров, что избавиться от пороков советской психиатрии было бы чрезвычайно трудно даже при вмешательстве партийного руководства.

Руководство же решится прибегнуть к такому вмешательству лишь в том случае, если дальнейшее внедрение доктрины Снежневского в практику слишком уж подорвет международный престиж СССР. Прекратив госпитализацию хорошо известных диссидентов, режим частично восстановил свою репутацию. Что касается жертв, не имеющих известности на Западе, то сведения о расправе над ними не доходят до иностранных корреспондентов. Преследования мало известных диссидентов не вредят советскому престижу на Западе.

В деле борьбы против психиатрического террора главная ответственность лежит на западных психиатрах. Они должны всерьез заняться расследованием антигуманных злоупотреблений психиатрией в СССР. Им следует тревожиться не столько о том, заслуживает ли тот или иной случай широкого освещения средствами массовой информации, или нет, сколько о самой бесчеловечной практике в их профессии — какими бы неизвестными жертвы этой практики ни были. Если это удастся сделать, и Советскому Союзу будут представлены доказательства нашей осведомленности, советские психиатры окажутся в самом неблагоприятном для них положении. Тогда, возможно, советский режим под страхом бойкота и исключения из международных организаций почувствует необходимость лишить «школу Снежневского» все силы или даже объявить ее вне закона.

Мы считаем, что давление Запада, проводимое со

всей ответственностью, последовательностью и разумностью, не может не возыметь положительного воздействия. Это убеждение основано на опыте прошедших лет. Путь, однако, предстоит нелегкий...



### СПИСОК ИЗВЕСТНЫХ ЖЕРТВ СОВЕТСКОГО ПСИХИАТРИЧЕСКОГО ПРОИЗВОЛА

*Сокращения, используемые в Списке наряду с сокращениями в Примечаниях (см. стр. 397).*

\* — госпитализация, осуществленная административным путем (там, где звездочки нет — госпитализация назначена по суду).

Хр. — Хроника текущих событий (см. Примечания).

Бордо — Майкл Бордо, Патриарх и пророки (на англ. яз.), Лондон, 1969.

Де Меус — Антони де Меус, Белая книга по госпитализации диссидентов в советские психиатрические больницы, Международный комитет защиты прав человека в СССР, Брюссель, 1974.

Неподцензурная Россия — П. Реддауэй, *Неподцензурная Россия*, Лондон, 1972 (на англ. яз.).

Сенатская подкомиссия — см. Примечания.

Э — Эмиграция; Р — Религия; Н — Национализм; ОПД — Общественная или политическая деятельность; НУ — неугодные властям по иным причинам.

В данный список мы включили лиц, которые были госпитализированы в СПБ или ОПБ в период 1962-1976 гг. и которые стали жертвами карательной психиатрии лишь за то, что, не прибегая к насилию, открыто высказывали свои убеждения. Вставшие на путь насилия (всего шесть человек)\* в список не вошли, хотя, по всей видимости, и они испытали на себе все жестокости советского психиатрического произвола. Кроме того, не вошли в список: а) около ста диссидентов, отправленных на принудительную психиатрическую экспертизу (большинство — в Институт им. Сербского, где процедура длится, как правило, один месяц), но признанных вменяемыми и не госпитализированных\*\* в дальнейшем

---

\*) Юрий Бондарев (см. Хр. 39), Николай Демьянов, Анатолий Ильин, Павел Кузнецов и Петр Троцюк-Козлюк (все упомянуты в Хр. 41) и Виталий Водовозов (материалы В. Пруссакова).

\*\*) Информация о подобных случаях содержится почти в каждом из номеров Хроники.

в СПБ; 6) еще 54 человека (фамилии см. ниже\*), не вошедших в основной список ввиду недостатка сведений об их деятельности.

Таким образом, общее (известное нам) число подвергшихся принудительной госпитализации или экспертизе (в основном списке — 210 чел.) составляет ок. 365 человек. Согласно всевозможным свидетельствам, почти никто из этого числа не собирался вступать в контакт с психиатрами по собственной воле. Столь же редки случаи, когда направление на госпитализацию или экспертизу давалось по инициативе друзей или родственников.

Не лишне будет отметить, что в основной список включены несколько диссидентов следующих категорий: а) те, кто были объявлены невменяемыми в Институте им. Сербского, но чья дальнейшая судьба нам неизвестна; б) те, кто были приговорены к заключению в лагере или тюрьме и затем были переведены в психиатрическое отделение тюремной больницы, даже если там они были признаны вменяемыми и не были в конечном итоге госпитализированы в СПБ (Ассельбаумс, Лукьяненко, Мороз, Огурцов); в) один диссидент (Макаренко), прошедший столько психиатрических экспертиз, заявил что испытания, выпавшие на его долю, можно вполне сравнить с мучениями госпитализированных.

В списке содержится информация, поступившая на Запад до конца 1976 г.

\*) А) Узники СПБ в Сычевке: Борис Даварашвили (Хр. 30, сведения Я. Крыльского); Петухов и Ротштейн (Крыльский); Михайло Клиц и И. Улецкий (Хр. 39, 41); свящ. Чудаков, А. Денисов, М. Максимов и И. Махаев (Хр. 39). Б) Узники Днепропетровской СПБ: Анатолий Анисимов, Леонид Ефимов и Попов (Хр. 39); Виктор Мальцев (Хр. 21, 39, Л. Плющ); Шведов, Федосов, Морковников и Пальчевский (Хр. 21). В) Черняховской СПБ: Агафонов, Леонид Кравченко, Поросенков и Шапоренко (Хр. 41). Г) Ленинградской СПБ: Лев Федоров и Иван Фролкин (Хр. 18); А. В. Кочкин, Н. П. Галашов, Панов и Жаров (Хр. 27); Пантелеев (Хр. 27, Хр. 2) и Заболотный (Хр. 27, 39, ХЗ 2). Д) Казанской СПБ: С. М. Строганов (Хр. 27, 39) и Елизавета Марохина (см. Ю. Иофе, Грани, 1974, №№ 92-93). Е) Орловской СПБ: Виктор Приходько (Хр. 19, 39). Ж) Ташкентской СПБ: Львов (Хр. 36). З) Уссурийской ОПБ (отделение для особо опасных): Юрий Крыльцов (АС 2007). И) Узники лагерей, госпитализированные во время заключения: Альберт Угначев (Хр. 34); Иван Сокульский (Хр. 10-12, 27, 34) и В. Березин (Хр. 41). К) Объявленные невменяемыми в Ин-те им. Сербского (куда были направлены — неизвестно): Павел Боровик и Денис Григорьев (Хр. 11); Грачев, Николай Копейко и Иван Кузмин (Хр. 32) и Александр Черногоров (Хр. 41). Л) Госпитализированные административным путем: Штейн (ОПБ в Павлодаре (Хр. 22); Надежда Гайдар и Алиса Острохова (ОПБ-цы в Москве: сообщение Юрия Орлова); Иван Титов (ОПБ в Москве: собственное сообщение; Георгий Мусатов (ОПБ в селе Мещерском под Москвой: письмо Г. Федотова к Дудко); Виктор Пихтовников (ОПБ в Ашхабаде: собственное сообщение); А. И. Ковальчук (ОПБ в Ровно: материалы баптистов); Муња Вайсман (2, Наша страна, Тель-Авив, 29. 6. 1972) и монахи — Голованов, Мирчук и Шворук (Бордо, стр. 103). Назовем также следующих (обвиненных по полит. статьям, отправленных на экспертизу и, возможно, госпитализированных — данные пока на Запад не поступили): Василий Триш (Ин-т им. Сербского, Хр. 32); Анатолий Уваров (Ин-т им. Сербского, Хр. 40); Ожегов (Ин-т им. Сербского, Хр. 34); и Анеле Пашкаускиене (тюрьма Лукишки, Вильнюс, Хр. 37).

В колонке 2 списка вслед за национальностью указан город или местность, где пострадавший жил большую часть времени до госпитализации. Под рубрикой «повод к госпитализации» даны не формальные, а истинные причины направления в психбольницу. Иногда переплетаются несколько причин. Так, Сиденко, на протяжении долгих лет отстаивавший свои религиозные убеждения, недавно попросил разрешения на эмиграцию, после чего был госпитализирован. Повод к госпитализации Сиденко — Э-Р — обозначает одновременно и непосредственную причину его заключения в СПБ и — возможно — косвенную, утвердившую властей в их решении.

К «националистам» мы причисляем тех жертв произвола, чья деятельность по преимуществу ограничивалась борьбой за культурные, экономические или религиозные права какой-либо одной нации. Самая широкая по своему охвату категория — «общественная или политическая деятельность» — включает в себя почти все виды инакомыслия, кроме уже упомянутых. Несмотря на всеохватность этой категории, мы все же ввели дополнительную — «Неудобные властям» (НУ) — для того, чтобы разделить инакомыслящих, которые действовали согласно продуманному мировоззрению, и тех, кто вступил в конфликт с государством из-за недовольства, например, отдельными случаями правонарушений на местах.

Год рождения, национальность, имя, место жительства, отчество, повод к госпитализации.

Августов, Ролан Теодорович*	1941 г.; русский?; Э умань, УССР;	Хр. 21	Электрик. В апреле 1971 г. был задержан у входа в американское посольство в Москве после посещения приемной Президиума Верховного Совета СССР, где передал заявление об отказе от советского гражданства. Насильно госпитализирован в ОПВ в Москве, затем переведен в Черкаскую областную ОПВ в Корсунь-Шевченковском, где находился 6 недель. Диагноз: шизофрения.
Авраменко, Владимир	1930 г.; украинец?; Москва; ОПД	Хр. 39	Инженер, выпускник Московского авиационного института. Читал свои стихи друзьям, в 1972 г. последовал донос и арест. Вменяемая вина — «антисоветское содержание» стихотворений. Объявлен невменяемым, госпитализирован в Казанской СПБ. В 1976 г. все еще был в заточении.
Алексеенко, Сергей Сергеевич	1924 г.; украинец?; Кзыл-Орда; Э	Хр. 18	Капитан армии; обвинен по статьям 83 и 15 за попытку перейти границу; объявлен шизофреником и невменяемым. В 1970-1971 гг. был заключен в Ленинградской СПБ. Дальнейшая судьба неизвестна.
Андреев, А.	?; русский; Э	Хр. 39, 41	В середине 1960 гг. (?) пытался перейти границу, по всей видимости, на Дальнем Востоке; в течение шести лет был заключен в Благовещенской СПБ; был пойман во время побега из больницы; помещен в СПБ в Сыктывкаре ок. 1970 г. (?); освобожден прибл. в 1972-73 гг.
Андреев, Валерий Николаевич*	ок. 1950 г.; русский; Докучаевск (Донецк. обл.), УССР; Р	Материалы пятидесяти книг	Вел беспорядочную жизнь; принял веру пятидесятников; после этого работал черноработчик; уволен за свои религиозные убеждения; пытался устроиться на новую работу. На медицинском обследовании невролог Анна Хайло спросила, огорчен ли он увольнением. В ответ Андреев сказал, что вера поможет ему пережить неприятности. Хайло объявила его больным, и, несмотря



- Аргентов, Александрович\*  
1951 г.; русский; Москва; Р
- Хр. 41, 42.
- Православный; участвовал в подпольном семинаре по религиозной философии, который был вынужден прекратить свою деятельность летом 1976 г. из-за преследований со стороны КГБ. 14-го июля 1976 г. госпитализирован в Московский ОПБ № 14, хотя, никогда не состоял на психиатрическом учете. Доктор А. Мазигов сказал, что единственная причина госпитализации — религия. «Мы эту религию из тебя выьем», — добавил врач. Комиссия, созданная лишь 2-го авг., объявила Аргентова психически больным и рекомендовала принудительное лечение. Освобожден через несколько недель благодаря широкой кампании протеста как на Западе, так и в СССР.
- Аргющенко, Борис Тимофеевич  
1920 г.; украинец; Курск; Р
- Материалы баптистов
- Ассельбаумс, Теодор  
1923 г.; латыш; Латвия; Э — Н
- Хр. 39, 40, 42; АС 2229, 2697
- Сражался в рядах партизанского движения против нацистской коллективизации в Латвии в 1949 г.; пойман в 1952 г., приговорен к 25 годам. В 1974 г. находился в Пермском лагере № 35, где боролся за права заключенных. После освобождения (июль 1977 г.) подал документы на выезд из СССР. В ноябре 1974 г. был направлен в психиатрическое отделение больницы при мордовских лагерях. Врач сказал: «У Вас ничего серьезного нет», после чего прописал усиленные дозы аминазина и посоветовал Ассельбаумсу прекратить писать жалобы и бросить мысль об отказе от советского гражданства. В феврале 1975 г. возвращен в Пермский лагерь № 35. В 1976 г. написал письмо, «собранный с последними силами». Заслужил глубокое уважение товарищей по заключению, в том числе И. Мешенера и Л. Ягмана, проживающих сейчас в Израиле.
- Байдук, Иосиф\*  
ок. 1940 г. ?; украинец; Тернополь; Р
- Борло, стр. 106
- Послушник в православном монастыре в Почаеве на Зап. Украине. В 1962 г., когда он находился на действительной военной службе, власти начали кампанию против обитателей монастыря (140 человек). В ходе кампании, целью которой было закрытие монастыря,
- Баптист; арестован в сентябре 1970 г. за подпольную баптистскую деятельность; приговорен к трем годам. Госпитализирован в мае 1973 г. в ОПБ (Коми АССР), но, очевидно, вскоре выпущен.

Фамилия, имя, отчество.	Год рождения, националь-ность, место жительства, повод к госпитализации.	Источник информации	Краткие сведения
Балахов, а. Владимир Федорович	1935 г.; русский; Москва; ОПД	Хр. 33, 40; бывш. коллеги по ООН; АС 2229	<p>некоторые из монахов были госпитализированы в ОПБ. В советской печати появились статьи за его подписью. Байдук активно протестовал, был арестован, затем госпитализирован в ОПБ в Виннице. Дата освобождения неизвестна.</p> <p>В 1969-72 гг. работал при Секретариате Всемирной метеорологической организации в Женеве. В сентябре 1972 г. попросил политического убежища в Швейцарии, но в декабре 1972 г. вернулся в СССР, т. к. 1) не мог вынести разлуку с дочерью, 2) получил заверения советского посольства в Швейцарии, что никаких репрессий по возвращении в СССР не последует. В январе 1973 г. арестован, обвинен в измене родине (ст. 64), приговор: 12 лет. Вместе с товарищами по заключению активно протестовал против условий в Пермском лагере № 35. В январе 1975 г. направлен в психиатрическое отделение больницы при мордовских лагерях, хотя среди своих товарищей считался совершенно нормальным. Летом 1975 г., после того как его дело стало известным на Западе, переведен в пермский лагерь № 36. Осенью 1975 г. отправлен во Владимирскую тюрьму в наказание за протесты против лагерных порядков.</p>
Баранов, Николай Иванович	1936 г.; русский; Ленинград; ОПД?	Хр. 18, 27, 39 ХЗ 2	<p>Рабочий. Арестован в Москве ок. 1971 г., обвинен по ст. 70, но объявлен психопатом и неменяемым. В 1972 г. переведен из Ленинградской СПБ в СЛП в Алма-Ате, откуда впоследствии бежал с группой других заключенных. Пойман, отправлен в Казанскую СЛП. Известно, что в 1975 г. получал усиленные дозы лекарственных препаратов и находился в тяжелом состоянии.</p>

- область,  
Э
- прибл. 1950 г.,  
русский;  
Киев?  
Э — Ну
- Хр. 25
- Белобородов,  
Леонид
- 1937 г.;  
русский;  
Москва;  
ОПД
- Гардиан, 6-го  
окт. 1965 г.,  
7-го окт. 1965 г.,  
9-го окт. 1965 г.,  
11-го окт. 1965 г.;  
Экономист,  
11-го дек. 1965 г.
- Студент переводческого факультета. В 1965 г. обратился с призывом к КПСС проводить более демократический курс. Сразу после этого против него были приняты административные меры. Направил письма Косыгину и Брежневу, затем обратился со своими предложениями о необходимых переменах в политике госпитализирован в ОПБ в Москве. Действия властей вызвали протесты в Великобритании. Дальнейшая судьба неизвестна (см. главу 3).
- Журналист. Приговорен к трем годам лишения свободы в связи с политической деятельностью (1964-1967 гг.), отбывал срок в Мордовии. Затем находился в ссылке, где написал «Записки из мрака». В 1968 г. был приговорен к 5 годам лагерей особого режима за попытку переправить рукопись за границу (ст. 70). В 1970 г. переведен из лагеря № 10 в Мордовии во Владимирскую тюрьму. Осенью 1971 г. выдвинуто новое обвинение: «агитация в тюрьме». В декабре 1971 г. отправлен в Институт им. Сербского, объявлен невменяемым. В мае 1972 г. переведен в СПБ в Сычевке. В 1974 г. два врача сказали ему, что он здоров, но добавили: «Мы считаем религиозные убеждения проявлением патологии, поэтому мы Вас лечим». Летом 1975 г. было решено «лечение» продлить. В январе 1976 г. переведен в СПБ в Смоленске, в сентябре 1976-го — в ОПБ в Красноярской области.
- Художник. В 1969 г. вместе с другом пытался перебраться на лодке в Турцию. Сперва приговорен к двум годам лишения свободы за нелегальный переход границы. Освобожден в 1971 г., но вновь обвинен, на этот раз — по ст. 70; власти рассчитывали, что таким образом они предотвратят разглашение обстоятельств смерти в застенках тюрьмы друга Белобородова. Белобородов был объявлен невменяемым и госпитализирован в Днепропетровской СПБ. Дальнейшая судьба неизвестна.
- Хр. 9, 26, 27 30,  
34, 37, 39, 41, 42;  
Н. Горбанев-  
ская;  
Я. Крыльский
- 1941 г.;  
русский;  
Ленинград;  
ОПД — Р
- Белов, Юрий  
Сергеевич

Фамилия, и.м.я, отчество.	Источники информации.	Краткие сведения
<p>Год рождения, националь- ность, место жительства, повод к госпи- тализации.</p>		
<p>Бернштам, Михаил Семенович</p>	<p>Бернштам; Хр. 38, 40, 41</p>	<p>Историк и востоковед. До 1971 г. публиковал академиче- ские статьи. Написал книгу по советской истории. За это, а также, по-видимому, за организацию антивоен- ной группы среди своих студентов арестован в 1973 г. Объявлен неменяемым, госпитализирован в СИПБ в Ростове-на-Дону, через год выпущен. Стал активным участником движения за права человека. Эмигрировал из СССР в октябре 1976 г.</p>
<p>Борисов, Владимир</p>	<p>прибл. 1945 г.; русский; Владимир; ОПД</p>	<p>Рабочий. Высшее образование в области литературы. Основал Союз независимой молодежи во Владимире. Пытался официально зарегистрировать организацию. Цель Союза — установление социалистической демо- кратии. В мае 1969 г. госпитализирован во Владимир- ской СИПБ якобы для обследования, однако подвергал- ся инъекциям. Под давлением общественности вы- пущен в июле 1969 г. Сотрудники КГБ сказали ему: «Будешь много думать, попадешь за решетку». Через месяц был арестован, обвинен по ст. 190-1, в октябре был направлен на психиатрическое обследование. Объявлен неменяемым. В марте 1970 г. позвонился в тюрьме с В. Гершуни. В мае 1970 г. позвонился в больницу при Бутырской тюрьме (Москва).</p>
<p>Борисов, Владимир Евгеньевич</p>	<p>1943 г.; русский; Ленинград; ОПД</p>	<p>Электрик. Подвергся госпитализации в Ленинградской СИПБ в 1964-68 гг. (ст. 70). В 1969 г. вошел в группу Защиты Прав Человека, арестован, обвинен по ст. 190-1; в 1969-73 гг. был заключен в Ленинградской СИПБ; в 1973-74 гг. — в Ленинградской ОПБ. В декабре 1973 г. повторно госпитализирован в Ленинградской ОПБ № 3, но два месяца спустя освобожден.</p>
<p>Борисов, Владимир Сергеевич</p>	<p>Хр. 18</p>	<p>Рабочий. Обвинен по ст. 190-1, объявлен шизофреником. Летом 1969 г. направлен в Ленинградскую СИПБ. В на- чале 1971 г. все еще был в заточении.</p>

посещать психиатрические комиссии.

- Бреславский,  
Николай  
Иванович
- 1905 г.;  
русский?  
? ; Э — Р
- Хр. 18, 30, 39, 41;  
Сенатская  
подкомиссия;  
Я. Крыльский
- Рабочий, христианин. Во время войны служил в советских военных частях на территории Ирана. Бежал, поселился в Турции. В 1945 г. насильственно репатрирован американцами на основе Ялтинского соглашения. Приговорен в СССР к 10 годам лагерей, освобожден в 1956 г. Сразу же отправился в турецкое посольство просить об эмиграции. У входа в посольство арестован; обвинен в попытке эмигрировать незаконным путем, объявлен шизофреником, госпитализирован в Ленинградской СПБ. В 1972 г. переведен в СПБ в Сычевке (там встретился с Я. Крыльским). В 1976 г. все еще был в Сычевке в крайне тяжелом состоянии. (Имя Бреславского в некоторых источниках искажено и пишется Брославский или Бжеславский).
- Бронко, Юрий  
Петрович\*
- 1939 г.;  
русский?  
Москва; Э
- Хр. 35, 39
- Физик, работал в НИИ. В январе 1975 г. зашел в шведское посольство, хотел откататься от советского гражданства. Едва вышел на улицу, как был схвачен и отправлен в б-цу им. Кащенко. До этого на психиатрическом учете не состоял. Выпущен или нет — неизвестно.
- Виталий  
Кузмич
- 1924 г.;  
украинец;  
Батуми,  
ОПД
- Хр. 39, 41
- Выполнял черную работу по ремонту дорог во время немецкой оккупации Украины. В 1944 г. осужден за «сотрудничество с немцами». Освобожден в 1956 г., после чего поселился в Батуми. В 1959 г. во время посещения американской выставки в Москве рассказал о себе американскому журналисту; задержан у выхода агентами КГБ, затем госпитализирован в СПБ в Казани, потом — в Сычевке. В 1972 г. все еще был в заточении.
- Бублмк,  
Буковский,  
Владимир  
Константи-  
нович
- 1942 г.;  
русский;  
Москва;  
ОПД
- Хр. 14, 19, 21-24;  
Сенатская  
подкомиссия;  
«Сервей» 1970,  
№ 77.
- С 18-ти лет — активист правозащитного движения. В 1961 г. — студент биофизик в Московском университете. В мае 1963 г. арестован и осужден за «антисоветскую пропаганду» (дома у Буковского нашли книгу Джиласа «Новый класс»). Обследован в Институте им. Сероского, объявлен невменяемым. Отправлен в Ленинградскую СПБ, откуда был выпущен через 15 месяцев. Вновь арестован в декабре 1965 г. за организа-

Фамилия, имя, отчество. Год рождения, националь- ность, место жительства, повод к госпи- тализации. Источник информации.

цию демонстрации. Сначала госпитализирован в ОПБ № 13 под Москвой, затем в ОПБ № 5 на Столбовой (и там, и тут признан вменяемым). Из Столбовой переведен в Институт им. Сербского, где объявлен невме- няемым, но в августе 1966 г. освобожден под давле- нием с Запада. В январе 1967 г. арестован за подго- товку демонстрации, приговорен к трем годам заклю- чения. В январе 1971 г. достав и отправил на Запад истории болезни шести диссидентов, госпитализиро- ванных по политическим причинам. Вместе с копиями историй болезни отправил на Запад свое обращение к западным психиатрам. Арестован в марте 1971 г. Обследован в Институте им. Сербского, признан вме- няемым. В январе 1972 г. приговорен судом к 12 годам заключения и ссылки (ст. 70). Ввиду мощной кампании протеста на Западе, власти вынуждены были выпу- стить Буковского на Запад. В декабре 1976 г. Буков- ского обменяли на чилийского коммуниста Корвалана.

Буткус, Донатас Ю. пригл. 1940 г.; литовец; Вильнюс; Р

Хр. 27, 28

Сотрудник Вильнюсского историко-этнографического музея, автор статьи о тибетской медицине. В мае 1972 г. обвинен в принадлежности к буддистской группе (ст. 227), госпитализирован в ОПБ в Вильнюсе. Освобожден год спустя, но лишен возможности работать по спе- циальности. Состоит на психиатрическом учете.

Выков, В.

пригл. 1935 г.; русский; Москва; ОПД

Хр. 7, 39

Архитектор. Одноделец А. Фетисова (см. ниже). Обви- нен по ст. 70, объявлен шизофреником. Госпитализи- рован либо в Ленинградской, либо в Казанской СПБ. Освобожден в начале 70-х гг.

Бычков, Глеб Алексеевич

пригл. 1925 г.; русский; Сочи; ОПД

Хр. 41

Таксист. Обвинен по статье 190-1 за «неположенное за- мечание, сделанное в разговоре с пассажиром. В 1972 г. госпитализирован в Черныховской СПБ. По некоторым сведениям, в 1976 г. был на свободе.

- Дмитриевич\*  
Москва;  
ОПД
- выступил на партийном собрании с резкой критикой положения в области средств массовой информации и экономики, сказал, что единственный выход — введение двухпартийной системы, отказался от членства в КПСС и объявил о своем намерении создать новую партию. «В конце концов должен ведь кто-то показать пример!» — так это звучало. 24-го февраля Винокурова госпитализировали. На следующем партийном собрании было сказано, что Винокуров, его жена и дочь — психически больны и, по словам врача, здоровье бывшего начальника кадров сильно пошатнулось. Все это говорилось, несмотря на внушительный послужной список. В 1975 г. находился в ОПБ им. Кащенко. Дальнейшая судьба неизвестна.
- Вишневецкая,  
Юлия\*  
Хр. 9, 15-17,  
Москва; ОПД  
19, 22
- Поэтесса. Госпитализирована в Московской ОПБ в декабре 1965 г. за участие в демонстрации протеста против расправы над Синявским и Даниэлем. Вскоре была выпущена, стала активисткой правозащитного движения. В июле 1970 г. арестована возле здания суда, где шел процесс Горбаневской. Вишневецкая была обвинена по статье 191 — оказание сопротивления представителям власти. 22 июля направлена в ин-т им. Сербского, диагноз: вялотекущая шизофрения. 12 октября выпущена из Института — под опеку родителей. В марте 1971 г. во время 24-го съезда КПСС схвачена милиционерами и помещена в 6-пу им. Кащенко. Подверглась насильственным инъекциям. В ноябре эмигрировала в Израиль. Впоследствии переехала в Германию. Работает на радио Свобода.
- Владыкин,  
Николай  
Иванович\*  
прибл. 1925 г.;  
русский;  
Тула, Р  
Де Меус, стр. 48  
АС 1320; 1321
- Баптист. В декабре 1972-го г. вместе с женой приехал в Москву, хотел просить высшие инстанции, чтобы ему разрешили вернуться в дом, отобранный местными властями, т.к. там проходили собрания баптистов. Госпитализирован в СПБ. Вскоре выпущен.
- Владыкина,  
П. Р.\*  
прибл. 1925 г.;  
см. выше
- Жена Н. И. Владыкина. После поездки в Москву, отправилась в Глухов навестить сына. Госпитализирована в Глуховской СПБ. Через две недели освобождена. Подвергалась насильственным инъекциям.

Фамилия, имя, отчество.	Год рождения, национальность, место, место жительства, повод к госпитализации.	Источник информации.	Краткие сведения
Волков*	прибл. 1900; русский; Волгоград; НУ	«Казнимые сумасшествием» (Тарсис)	Председатель Отчетной комиссии при Волгоградском райкоме партии. В 1961 г. отказался подписать отчеты, прикрывавшие коррупцию. Госпитализирован в Волгограде, затем помещен в ОПБ № 1 им. Кашенко в Москве. На второй год своего заключения встретил В. Тарсиса, сказал ему, что, по-видимому, умрет в заключении.
Воробьев, Олег Иванович*	1940 г.; русский; Москва; ОПД	Хр. 10, 11, 16	Учитель литературы. Еще до окончания учебы в МГУ был направлен в Институт им. Сербского (январь 1966) за участие в демонстрации около памятника Пушкину. Объявлен вменяемым, выпущен. В сентябре 1969 г. насильственно госпитализирован в ОПБ № 15 (Москва), выпущен через пять недель. Подписал обращение Инициативной группы к ООН в 1969 г. В 1970 г. приговорен к шести годам заключения (ст. 70).
Галансков, Юрий Тимофеевич*	1939 — 72 русский; Москва; ОПД	Хр. 1, 28 «Казнимые сумасшествием»; «Неполцензурная Россия»	Поэт, один из основателей и активный участник сам-издата начиная с 1960 г. С 1962-го по 1966 г. госпитализирован в ОПБ несколько раз. Последнее пребывание в ОПБ — в марте-апреле 1966 г. В январе 1967 г. арестован, приговорен к семи годам заключения по ст. 70. На суде объявлен Луначем совершенно здоровым психически. Предыдущие диагнозы, сказал Лунач, были ошибочны; слишком широко толковалось понятие шизофрении.
Гершуни, Владимир Львович	1930 г.; еврей; ОПД	Хр. 10, 11, 13, 17, 19, 30, 32, 34	Каменщик. Арестован в 1969 г. за деятельность в сам-издате (ст. 190-1). Госпитализирован в СПб в Орле, где находился с 1970 по 1974 г. В апреле 1974 г. переведен в Московскую ОПБ № 13. Выпущен в октябре 1974 г.



вторжения в Чехословакию, объявлена немняемой, но дело приостановлено. Арестована в декабре 1969 г. после опубликования «Полдня», объявлена немняемой в Институте им. Сербского; это решение было одобрено судом в 1970 г. В начале 1971 г. отправлена в Казанскую СПБ. Через 9 месяцев, после формального отречения, снова направлена в Институт им. Сербского. Выпущена в феврале 1972 г.; эмигрировала в декабре 1975 г. Работает редактором в Париже.

Воспитывалась в детских домах в Литве. Впоследствии узнал, что он не литовец, а немец. Работал в разных местах механиком и инженером. В 1971 г. во время обыска у него в квартире найдено письмо антисоветского содержания. Обвинен в тунеядстве (ст. 209), объявлен немняемым в Институте им. Сербского, госпитализирован в ОПБ № 5 на Столбовой, выпущен в августе 1972 г. В августе 1973 г. подал заявление на выезд в ФРГ, вместе с двумя друзьями начал издавать журнал о положении немцев в СССР. В январе 1974 г. принял участие в демонстрации в защиту права на эмиграцию. Госпитализирован в ОПБ им. Кащенко. Выпущен через два месяца. В мае того же года эмигрировал в Германию. Сумел выяснить свое настоящее имя: Герберт Миколайт.

Бывший генерал-майор. Арестован в 1964 г. (ст. 70). Госпитализирован в Ленинградской СПБ (1964-65). В 1969 г. арестован за правозащитную деятельность (ст. 190-1), с 1970 по 1973 гг. заключен в Черняховской СПБ. В сентябре 1973 г. переведен в ОПД № 5 на Столбовой (под Москвой). Выписан в июне 1974 г. Далее — см. гл. 5.

Студент сельскохозяйственного института. Прибл. в 1968 г. надписывал на политических плакатах собственные лозунги, некоторые плакаты (официальные) разорвал. Госпитализирован в Черняховской СПБ. Выпущен в 1975 г. после 7 лет пребывания в СПБ.

Автор самиздаговских статей. Написал также книгу, затрагивающую вопросы общественно-политического характера. В марте 1971 г. госпитализирован в ОПБ № 1 им. Кащенко — на время 24-го съезда.

1937;  
немец;  
Москва;  
Н-Э—ОПД

Хр. 32  
материалы  
Амнистии

Григас,  
Витаутас  
Эрнестович

Гл. 5

1907 г.;  
украинец;  
Москва;  
ОПД

Григоренко,  
Петр  
Григорьевич

прибл. 1943;  
русский?; ?;  
ОПД

Гудилин,  
Василий

Хр. 7, 12, 15, 17,  
19, 21-23, 25

прибл. 1930;  
русский;  
Москва; ОПД

Гусаров,  
Владимир  
Николаевич

Фамилия, имя, отчество.	Год рождения, национальность, место жительства, повод к госпитализации.	Источники информации.	Краткие сведения
Гуськова*	1912 г.; русская; Москва; Ну	Жить не по лжи: сборник материалов, ИМКА, 1975, стр. 62-63	Домохозяйка. В ноябре 1973 г. пришла в помещение Верховного Совета РСФСР с жалобой на незаконные действия местных властей. Насильно госпитализирована в Московской ОПБ № 13. Признана нормальной, выпущена через неделю.
Давлетов, Ким Сайфуллович	1932 г.; ?; Москва; ОПД	Хр. 24, 25, 34, 39	Известный ученый, специалист по фольклору. Активный коммунист. Арестован в декабре 1971 г. за опубликование в Албании проталинской брошюры. Обвинен по ст. 70, госпитализирован. В начале 1976 г. все еще находился в Казанской СПБ.
Данилов, Николай Николаевич	прибл. 1936 г.; русский; Ленинград; ОПД	Хр. 5, 8, 9	Выпускник юридического факультета Ростовского университета. Работал следователем в прокуратуре на Сахалине (1960-63), затем рабочим и юристом в Ленинграде. Одновременно писал и печатал стихи. Арестован в начале августа 1968 г., обвинен по ст. 70 за участие в деятельности независимой правозащитной группы, объявлен неменяемым, госпитализирован в Ленинградской СПБ. Резкое ухудшение здоровья вследствие шокковой терапии посредством инсулина. Освобожден в 1970 г. В 1973 г. работал юристом в Одессе.
Дворецкий, Иван Григорьевич*	прибл. 1920 г.; русский; Киев; ОПД-Э	Хр. 40	Машинист. В 1967 г. сумел предотвратить аварию. Опасная ситуация создалась по вине железнодорожной администрации. Пытался привлечь к ответственности виновного начальника, но тот оказался старым членом партии. Дворецкого госпитализировали несколько раз в ОПБ, его избивали в милиции, допрашивали в КГБ. Он подал заявление с просьбой об эмиграции. Отказ. В 1975 г. обратился за поддержкой к американским железнодорожным рабочим. Неоднократно признан неменяемым различными психиатрами. Но их показания оказались менее важными, чем «пожелания» старшего партийца.

- Добровольский, 1938 г.; русский; Москва; Александрович ОПД
- Хр. 1  
Казимые сучастием
- В 1958-61 гг. находился в заключении по политическим причинам. В 1964 г. арестован повторно, объявлен не-вменяемым, помещен в Ленинградскую СПБ, освобожден в 1965 г.(?). Снова арестован в марте 1966 г. за подготовку демонстрации против возврата к сталинизму. Госпитализирован на короткий срок в Сталинской ОПБ № 3. Арестован в январе 1967 г., обвинен по ст. 70, объявлен вменяемым, на суде стал свидетелем обвинения. Приговорен к двум годам заключения. О показаниях Лунца на суде см. выше (статья о Галанскове).
- Дубров, Андрей Васильевич\* 1950 г.; русский; Москва; ОПД—Э
- Хр. 25, 27, 29, 30; АС 1294, 1295
- Студент. Исключен из института за диссидентскую деятельность. В октябре 1972 г. получил разрешение на эмиграцию, но затем задержан в СССР на том основании, что не служил в армии. Служить отказался, госпитализирован в Московской ОПБ № 3. Провел в больнице две недели. Выпущен под воздействием давления общественности. Вскоре эмигрировал.
- Евдокимов, Борис Дмитриевич 1923 г.; русский; Ленинград; ОПД
- Хр. 26, 27, 37, 38, 42; Л. Плещ
- Журналист. Арестован в 1971 г. за опубликование под псевдонимом статей в эмигрантской печати. Обвинен по ст. 70. Объявлен невменяемым; после суда, состоявшегося в июне 1972 г., госпитализирован в Ленинградскую СПБ. В сентябре 1972 г. переведен в СПБ в Днепропетровске, где находился до сих пор. В 1976 г. ослаб физически (астма, большое сердце, высокое кровяное давление) и духовно.
- Егидес, Петр Маркович 1917; еврей? Ростов-на-Дону; ОПД
- Хр. 13-14, 17-18; Б. Зубок
- Член партии. Философ-марксист, автор ряда философских работ. После войны провел несколько лет в лагерях; был реабилитирован. В марте 1970 г. обвинен по ст. 190-1 за распространение призыва к реформе партийного аппарата. Ходили в списках и политические труды. Перед арестом читал лекции в Ростовском университете. Объявлен невменяемым в Институте им. Сербского. Диагноз: психопатическая личность («Мания величия и бред реформаторства») с признаками атеросклероза и параноидальной реакцией. Суд состоялся в декабре 1970 г. Направлен в ОПБ им. Кащенко. Выпущен прибол. через два года.

## Краткие сведения

## Источники информации.

Год рождения, национальность, место жительства, повод к госпитализации.

Есенин-Вольпин, Александр Сергеевич  
1924 г.; русский; Москва; ОПД  
Сенатская подкомиссия; Хр. 1, 9, 26; Н.-И. Таймс, 12. 9. 71.

Логик. Сын поэта Есенина. С 1949 г. по 1988 г. госпитализирован пять раз. В 1949 г. обвинен в антисоветской агитации, объявлен неменяемым в Институте им. Сербского, заключен на 12 месяцев в Ленинградской ССПБ. В августе 1957 г. госпитализирован на три недели в ОПБ им. Ганнушкина в Москве. В сентябре 1959 г. арестован за «антисоветскую агитацию». Диагноз: паранойальная шизофрения; помещен в Ленинградскую ССПБ, где находился в течение одного года. Сентябрь 1962 г. — март 1963 г. — снова госпитализация в ОПБ им. Ганнушкина в Москве за опубликование на Западе философского трактата. Последняя госпитализация — февраль-май 1968 г. в ОПБ № 5 под Москвой. Преследования связаны с правозащитной деятельностью. Госпитализация 1968 г. вызвала протесты математиков и других ученых. Вольпин был вынужден эмигрировать в июле 1972 г. Живет в Бостоне, США. Работает математиком.

Железнов, Александр И.  
прибл. 1945 г.; русский; Москва?; Р  
Хр. 27, 28; частное сообщение; АС 1240

Студент Педагогического института в Улан-Удэ (Бурятская АССР). В 1972 г. обвинен в принадлежности к неофициальной будлистской группе (ст. 227). Железнов, а также трое его друзей, объявлены неменяемыми психиатрами из Улан-Удэ (см. АС 1240); суд определил госпитализацию в ССПБ, однако Железнов был направлен в ОПБ в Москве(?). Выпущен через год, но оставлен на психиатрическом учете.

Жипре, Алтирдас Пранас  
1927 г.; литовский; Литва; Н.—НУ  
Хр. 32, 34; АС 2229

Сражался в рядах литовских партизан. Поверил объявленной в 1956 г. амнистии, покинул укрытие в лесу; через полтора года арестован; в апреле 1958 г. приговорен к 25 годам заключения, но считал, что к 15-ти, т.к. 15 лет, по новому закону, — максимальный

- Задков, Геннадий  
1940 г.; русский;  
?; ОПД ?  
Хр. 39
- Зверев, Михаил Стефанович  
1925 г.; русский;  
Пятигорск, ОПД  
Хр. 39, 40
- Иванков (-Николов), Михаил  
1921 г.; русский;  
?; Э  
Хр. 8, 39;  
Нью-Йорк таймс, 14 января, 28 и 29 апреля 1956
- Иванов, Юрий Евгеньевич\*  
1927 г.; русский;  
Ленинград, ОПД  
Хр. 10, 11, 22, 23, 29;  
д-р Марина Волжанская, АС 1595
- Иванова,  
1929 г.;  
Хр. 33, 35
- Находясь в лагере, был обвинен по ст. 70; объявлен невменяемым; в 1968 г. направлен в Казанскую СІБ. В 1976 г. все еще был там.
- Инженер-электрик. Арестован в феврале 1975 г., обвинен по ст. 70; объявлен невменяемым в Институте им. Сербского («паранойальное развитие личности», «бред реформизма»); решение Института олобрено Пятигорским судом (сентябрь 1975 г.). В декабре 1975 г. направлен в Черняховскую СІБ. Имел черепное ранение на войне, но жена считает его совершенно нормальным. Обвинен в распространении двадцати статей, «порочащих» советскую систему и в изготовлении и распространении листовок.
- Связист советского флота. Во время стоянки советского судна на Тайване (1956 г.) просит политического убежища в США. Поддался на уговоры советского консула, поверил, что не подвергнется репрессиям и вернулся в СССР. По возвращении госпитализирован в Казанской СІБ, затем переведен в СІБ в Черняховске. В 1968 г. направлен в Днепропетровскую СІБ. В 1976 г. там же. За частые рассказы о своей судьбе товарищам по несчастью — в каждой из больниц назначения в форме сильных доз лекарственных препаратов; в Черняховске избит. Врачи: сказали Иванкову, что выпустят его не собираются.
- Художник. В 1955-71 гг. отбывал срок заключения по политическим причинам. В 1972 г. отказался дать показания, нужные КГБ. В апреле 1973 г. вызван в Ленинградский КГБ — якобы для выяснения обстоятельств, связанных с получением прописки; арестован в приемной КГБ, насильственно госпитализирован в Ленинградской ОПБ № 4. В июне 1973 г. переведен в ОПБ № 3; инъекции аминазина. Освобожден в конце 1974 г.
- Осуждена за принадлежность к сектантам (ст. 70?). За

## Краткие сведения

Фамилия, имя, отчество.	Источники информации.	Год рождения, национальность, место жительства, повод к госпитализации.
Раиса		отказ от работы в мордовском лагере № 3 объявлена душевнобольной (октябрь 1974 г.), хотя другие заключенные считали ее нормальной. Госпитализирована в психиатрическом отделении больницы при мордовских лагерях (лаг. № 3).
Игрунов, Вячеслав Владимирович	Хр. 34, 35, 37, 38, 40, 42; В. Тельников, Таймс, 7. 12. 76	Получил диплом по экономике. Работал электриком. В марте 1975 г. арестован за самиздатовскую деятельность (ст. 190-1). Объявлен невменяемым в Институте им. Серского. Суд (должен был состояться в декабре 1975-го г.) — отложен. В 1976 г. суд назначил госпитализацию в ОПБ. Направлен в Одесскую областную ОПБ № 1. В сентябре психиатры рекомендовали его на выписку. Освобожден в начале 1977 г.
Иофе, Ольга Юрьевна	Хр. 11, 14-18, 20, 21, 25	Студентка экономики. В возрасте 16 лет расклеивала листовки против возрождения сталинизма. Арестована в декабре 1969 г., обвинена по ст. 70. Диагноз в Институте им. Серского: хроническая шизофрения (в состав комиссии входили Луниц и Г. Морозов). На суде в августе 1970 г. объявлена невменяемой, переведена в Казанскую СПБ, где находилась с сентября 1970 г. по февраль 1971-го. В феврале 1971-го г. переведена в ОПБ № 3 в Москве, освобождена в июле того же года. См. гл. 7 и 8.
Янкаускас, Антанас*	Хр. 22, 23	Рабочий. Арестован в начале 1971 г. в Симнасе за распространение листовок; госпитализирован в ОПБ в Каунасе. После освобождения в августе 1971 г. написал письмо первому секретарю КП Литвы; повторно госпитализирован в октябре того же года в Нововильне близ Вильнюса (ОПБ). Подвергся «лечению» аминазином. Дальнейшая судьба неизвестна.

Калиниченко, Виталий Васильевич	1944 г.; Украинец; Киевская обл.; Э	Хр. 32-35, 38, 41	Арестован в 1966 г. за попытку перейти границу; приговорен Мурманским горсудом к десяти годам заключения за «намерение совершить государственную измену». В 1974 г. в Пермском лагере № 36 отказался от советского гражданства и потребовал признания за собой статуса политзаключенного. Летом 1975 г. направлен на экспертизу в психиатрическое отделение больницы при мордовских лагерях; там находился в течение месяца; переведен в Институт им. Сербского, где тоже провел один месяц; переведен на 3 мес. в Сычевку (согласно одному из источников, — в Смоленск). В феврале 1976 г. возвращен в лагерь. В марте 1978 г., по окончании срока, выпущен.
Каллас, Теет	1942 г.; эстонец; Таллин; ОПД—Н?	Хр. 11, 12	Прозаик и редактор. Арестован в октябре 1969 г., обвинен по ст. 70. На суде, состоявшемся в январе 1970 г., объявлен невменяемым. Где госпитализирован и когда выпущен — неизвестно.
Карасев, Владимир*	прибл. 1945 г.; русский; Москва; ОПД	Хр. 7	Студент-физик. Едва успел окончить МГУ; в августе 1968 г. в главной аудитории университета начал собирать подписи под петицией протеста против вторжения в Чехословакию; избит сотрудниками КГБ, затем госпитализирован на три месяца в ОПБ. По выходе из больницы устроился работать кочегаром.
Кекилова, Аннасолтан*	прибл. 1925 г.; туркменка; Ашхабад; ОПД—Н—Э	Хр. 22	Погресса. Автор трех опубликованных книг. Критиковала положение в Туркмении в письмах 24-му съезду КПСС и ЦК. Лишена работы и возможности печататься. Отказалась от советского гражданства. Насильно госпитализирована в ОПБ в августе 1971 г. Услышала от докторов, что она нормальна, затем последовала угроза: «если не дашь расписку о том, что нервничала, потому писала в ЦК КПСС, останешься в больнице навечно». Осталась при своих убеждениях. Дальнейшая судьба неизвестна, но, по-видимому, Кекилова была вскоре освобождена.
Киндеев, Лев	?; русский? Сахалин; Э	Хр. 41	Арестован (когда — не известно) за попытку перейти советско-турецкую границу. Обвинен, объявлен незаме-

Фамилия, имя, отчество.  
 Год рождения, национальность, место жительства, повод к госпитализации.

Краткие сведения

Источник информации.

Ковгар, Борис	1926 г.; украинец; Киев; Н—ОПД	Хр. 28, 30, 39	<p>нъемым. С 1972 г. находится в Казанской СПБ. В 1976 г. — там же.</p> <p>Журналист, работник музея. Коммунист. Арестован в марте 1972 г. за то, что написал открытое письмо, в котором раскритиковал: с 1967 г. сотрудничал с КГБ, передавал органам информацию о диссидентах; разоблачал приемы КГБ. Объявлен невыездным, суд отложен до «выздоровления». Госпитализирован в Днепропетровской СПБ. В начале 1976 г. — там же.</p>
Козлов	прибл. 1935 г.; русский; ?; ОПД—Э	Хр. 39	<p>Рабочий. Арестован и госпитализирован в Казанской СПБ за жалобы в различные высшие инстанции. Освобожден; пытался эмигрировать к родственникам в Южной Америке, за что арестован в 1973 г. По-видимому, обвинен по ст. 80 (незаконный переход границы); объявлен невыездным, снова госпитализирован в Казанской СПБ. Как сообщают, в 1976 г. — там же.</p>
Козлов, Анатолий Павлович	1936 г.; русский; Томская обл.; ОПД	Хр. 34, 35	<p>Имеет несколько специальностей. Одно время работал главным инженером на заводе. Арестован в 1971 г. за взгляды, изложенные в письменном виде; обвинен по ст. 190-1, объявлен вменяемым, приговорен к двум годам заключения. В 1972 г. обвинен в организации антисоветской группы в лагере (ст. 70 и 72); в мае 1972 г. в Томске рекомендован на госпитализацию в СПБ; отправлен в Институт им. Сербского, где в сентябре того же года рекомендовано помещение в ОПБ. Возвращен в Томск; дальнейшая судьба неизвестна.</p>
Козлов, Андрей	1939 г.; русский; Ленинград; ОПД	Хр. 26, 39	<p>Арестован в марте 1971 г. за принадлежность к группе, в которую входил Дзибалов (см. выше). Обвинен по ст. 70. Госпитализирован в Казанской СПБ. Выписан в 1974 г.</p>



- Комаров, Евгений Евгеньевич  
1930 г.; русский; Ленинград; ОПД?  
Хр. 18, 23, 27; Сенатская подкомиссия; В. Файнберг
- Комарова, Фаина Никифоровна  
?; русская; Владимир; Р  
Хр. 41
- Комаровский, Виктор\*  
1934 г.; русский; Москва; РС  
В. Пруссаков
- Копытин, Петр  
1949 г.; русский; Москва; ОПД  
Хр. 39
- Кораблев, Николай  
1933 г.; русский; Тюменская обл.; ОПД  
В. Пруссаков
- Рабочий. Обвинен по ст. 70 (когда — неизвестно). Диагноз: параноидальная личность; объявлен немемным. В 1970-72 гг. находился в Ленинградской СИПБ; по видимому переведен в другую СИПБ. Дальнейшая судьба неизвестна.
- Санитарка, работала в больнице. Православная. (см. ссылку о Когове). До 1972-го г. на психиатрическом учете не состояла. Госпитализирована в Казанской СИПБ прил. в 1972 г.
- Занимался научно-исследовательской деятельностью в институте. Идеальный коммунист, член партии. Жил с женой и двумя детьми в одной комнате; начал жаловаться в высшие инстанции, что из-за коррупции многие получают квартиры вне очереди. Обратился в Верховный совет (четвертая жалоба); схвачен и госпитализирован в ОПБ им. Кащенко. Писал оттуда письма протеста, проклинал докторов; сопровождался при введении насильственных инъекций. По всей видимости, обвинен в политической неблагонадежности; направлен в Институт им. Сербского в августе 1967 г., где был «усмирен». Дальнейшая судьба неизвестна.
- Почтальон. Вместе с письмами разносил по домам самиздат. Обвинен, госпитализирован в Казанской СИПБ. В начале 1976 г.(?) переведен в ОПБ.
- Рабочий. В 1955 г. выступил против официального кандидата в местный совет; приговорен к одному году заключения. После освобождения перешел в Новосибирск; в ноябре 1956 г. на собрании критиковал правительство; госпитализирован на три года в местной СИПБ (через суд?). В 1959 г. новый главарь нашел его совершенно здоровым; выпущал. По выходе из больницы арестован, приговорен к трем годам заключения. В 1960 г. отправлен на год во Владимирскую тюрьму. В 1962 г. обвинен в организации антисоветской группы, приговорен к пяти годам заключения. Незадолго до окончания срока, в августе 1967 г., отправлен в Институт им. Сербского; объявлен душевнобольным, госпитализирован в СИПБ (местонахождение больницы и дальнейшая судьба неизвестны).

Источники  
информации.

Год рождения,  
националь-  
ность, место  
жительства,  
повод к госпи-  
тализации.

Фамилия, имя,  
отчество.

Котов, Алексей Никифорович (в ранних источниках Китов — правписание искажено)	прибл. 1905 г.; русский; Владимир; Р	Хр. 30, 39, 41; Я. Крыльский	Православный. Осужден за религиозную деятельность в начале 30-х гг. С тех пор находился в заключении до перевода в СПБ в середине (?) 60-х гг. Прибл. в 1970 г. переведен из Ленинградской СПБ во Владимирскую областную ОПБ. В 1971 г. выпущен под опеку Ф. Н. Комаровой, работавшей в больнице санитаркой (см. выше). В 1972 г. арестован вместе с Комаровой, обвинен в религиозной деятельности, госпитализирован в СПБ в Сычевке. По последним сообщениям (1975) все еще содержится в заточении. Я. Крыльский познакомился с Котовым в 1973 г.; по словам Крыльского, Котов — образованный человек, не сломленный, несмотря на все пережитое.
Красивский, Зиновий Михайлович	1930 г.; украинец; Моршин, Львовская обл.; Н	Хр. 11, 17, 18, 25, 39, 41, 42; В. Севрук; В. Файнберг	Писатель, поэт, учитель. Арестован в 1967 г. за участие в самиздатском журнале подпольного Украинского национального фронта. Приговорен к пяти годам тюрьмы, семи — лагеря и пяти — ссылки. В декабре 1971 г. во Владимирской тюрьме предьявлено обвинение в распространении стихов собственного сочинения (ст. 70). Объявлен невменяемым в Институте им. Сербского. Симптом болезни: днем весел, ночью пишет грустные стихи. В 1972 г. переведен в Смоленскую СПБ; с тех пор начали сердечные припадки. В 1976 г. переведен в Львовскую ОПБ.
Крэк, Свен	?; эстонец; Таллин; ОПД—Н?	Хр. 37, 39	Арестован в январе 1975 г.; обвинен по ст. 70 за распространение собственных стихов, отпечатанных на листовках. Объявлен невменяемым, госпитализирован. В начале 1976 г. находился в ОПБ в Таллине.
Крыльский, Ян Юлиусович	1951 г.; еврей; Московская обл.; Э	ХЗ 2; Воспоминания Крыльского	Был вовлечен в драку с антисемитом (тог впоследствии признал свою вину); Крыльский арестован; освобожден. В январе 1972 г. семья Крыльских подала заявление на эмиграцию в Израиль. Дело возобновлено в порядке наказания. Крыльский признан виновным.

Крыльский был при смерти. Отец поднял шумную кампанию на Западе. В июне 1973 г. психиатрическая комиссия рекомендовала перевод в ОПБ; суд огнесся к этому благосклонно (сентябрь того же года, как раз перед открытием симпозиума ВПА в Ереване и во время широкой кампании на Западе, см. гл. 9). Переведен в ОПБ в Москве 2 ноября, освобожден в январе 1974 г. Эмигрировал в Израиль.

Сын знаменитого актера Николая Крючкова. В феврале 1974 г. подал заявление на эмиграцию в США. В апреле написал еще одно заявление, отказался от советского гражданства. 17 мая вызван для собеседования с психиатром. 22 июня насильно помещен в ОПБ им. Кащенко на время пребывания в СССР Ричарда Никсона. В официальных документах написано: «Причина госпитализации: желание эмигрировать из СССР». Выписан из ОПБ 5 июля.

Рабочий. В прошлом осужден по ст. 70; объявлен невменяемым, госпитализирован в Ленинградской СПБ. Прибл. в 1975 г. арестован за антисоветские высказывания во время ссоры с соседом (ст. 70); госпитализирован в Черняховской СПБ.

Художник-график. До 1966 г. работал в Агентстве печати Новости. Из-за выступления в ходе диспуа в МГУ вызван в 1965 г. в КГБ. В октябре 1966 г. насильно госпитализирован в Московской ОПБ № 1. Через три дня переведен в ОПБ в селе Мешерском под Москвой. Через два месяца освобожден. Работал художником, декоратором. Арестован в марте 1969 г., обвинен по ст. 70 за самиздательскую деятельность. Диагноз: хроническая шизофрения, умеренная форма. (В состав комиссии входили Лунц и Ландау). Госпитализирован в Казанской СПБ до решения суда относительно апелляции. Освобожден в августе 1971 г.

Работал грузчиком на заводе. В 1970 г. арестован за слишком смелые взгляды, которые излагал как устно, так и письменно (ст. 190-1). Летом 1970 г. отправлен в Институт им. Сербского, затем (с сентября 1970 г.) находился во Владимирской тюрьме. Лишь в сентябре

Крючков, Николай Николаевич\*  
прибл. 1950 г.;  
русский;  
Москва; Э  
Хр. 35

Кубышкин,  
прибл. 1924 г.,  
русский;  
Москва; ОПД  
Хр. 41

Кузнецов, Виктор Васильевич  
1936 г.;  
русский;  
Московская обл.; ОПД  
Хр. 7, 9, 18-21,  
29; Сенатская подкомиссия; С. Р. Хилл, Правые и Виноватые

Кукобака, Михаил Игнатьевич  
1936 г.;  
русский;  
Александров, Владимирская обл.  
Хр. 27, 30, 34,  
39, 40, 41;  
Таймс, 26.11.76,  
7.12.76

Фамилия, имя, отчество.	Год рождения, националь-ности, место жительства, повод к госпитализации.	Источники информации.	Краткие сведения
Лавров, Юрий К.	прибл. 1940 г.; русский; Ленинград; Р	Хр. 27, 28; личное сообщение	1971 г., после многочисленных протестов, узнал, что объявлен невменяемым и решением суда за ноябрь 1970 г. рекомендован на госпитализацию в СПВ. В ноябре 1971 г. переведен в СПВ в Сычевке, где познакомился с Я. Крыльским. Осенью 1974 г. переведен во Владимирскую ОПВ. Освобожден в мае 1976 г. Снова госпитализирован в начале ноября 1976 г. в ОПВ в Могилеве как «общественно опасный». Освобожден 28 ноября 1976 г.
Лазута, Иван Васильевич*	прибл. 1925 г. ?; белорус; Гродненская обл.; Р	Хр. 16; обращение прихожан-баптистов	Аспирант (?) педагогического института в Улан-Уде. Арестован в 1972 г. за участие в деятельности буддистской группы. Ст. 227. Госпитализирован в ОПВ в Ленинграде. Выписан в 1973 г., но оставлен на психиатрическом учете.
Ларин, Иван Максимович	1939 г.; русский; Калуга; ОПД?	Хр. 18, 39	Малар. Валпист. Весной 1970 г. госпитализирован в Гродненской областной ОПВ в Жодишках за религиозную деятельность. Подвергся инъекциям инсулина. Врач пообещал выпустить сразу же, если Лазута откажется от своей веры и прекратит заниматься религиозной деятельностью. Отречения от Лазуты не добились. Тем не менее он был вскоре выпущен — по видимому, благодаря усилиям, предпринятым его единовсрцами.
			Рабочий. Обвинен по ст. 70. Диагноз: шизофрения. Объявлен невменяемым, госпитализирован в Ленинградской СПВ. К 1976 г. был на свободе.

начале 1972 г. Дальнейшая судьба неизвестна.

- Лончаков, Михаил\*  
прибл. 1890 г., Бордо, стр. 114  
русский; Почеаев; Р
- Лукания, Валерий  
1946 г.; Хр. 9-11  
русский; Московская обл.; ОПД
- Лукьяненко, Лев Григорьевич  
1927 г.; Хр. 11, 28, 30,  
украинец; 33, 36;  
Львов; Н АС 2301
- Лупынос, Анатолий Иванович  
1937 г.; Хр. 22, 23, 30, 39;  
украинец; В. Тельников;  
Киев; Н—ОПД Л. Плющ
- Монах Почаевского монастыря (Зап. Украина), который власти пытались закрыть в начале 1960-х гг. В ноябре 1964 г. был госпитализирован в ОПБ. Из-за возраста избежал участи других монахов — тех посадили в тюрьму. Когда выпущен — неизвестно.
- Арестован весной 1969 г. и госпитализирован в ОПБ за то, что выставил в окне своего дома плакат с надписью, выражавшей протест против вторжения в Чехословакию. Обвинен по ст. 70, объявлен невменяемым на суде в июне 1969 г. Диагноз: шизофрения. Переведен в Казанскую СПБ в июле того же года. О решении суда Луканину ничего сказано не было. Матери пригрозили, что запретят встречи с сыном, если она расскажет ему о решении суда. Дальнейшая судьба Луканина неизвестна.
- Юрист. Коммунист. В 1961 г. приговорен к 15-ти годам заключения за создание прототипа подпольной партии. Статья 64. Сначала отбывал срок во Владимирской тюрьме, куда попал вновь в июле 1973 г. из Пермского лагеря № 36 за участие в голодовке. В лагере стал верующим. После неоднократных отказов сотрудничать с КГБ отправлен в СПБ в Рыбинске. Объявлен душевнобольным в умеренной степени (2-ая категория инвалидности), возвращен в тюрьму в феврале 1975 г. Целью КГБ была, по-видимому, подготовка почвы для госпитализации Лукьяненко административным путем после его освобождения в начале 1976 г. Друзья Лукьяненко считают его нормальным.
- Отбыл 11-летний срок в лагерях (ст. 70). В 1967 г. освобожден в тяжелом состоянии (паралич ног, инвалидность первой группы). Работал в качестве администратора музыкального кружка. В 1971 г. арестован после того, как читал перед аудиторией свои стихи. Ст. 70. Объявлен шизофреником в Институте им. Сербского. С начала 1972 г. заключен в Днепропетровской СПБ.

Фамилия, имя, отчество.	Год рождения, националь-ность, место жительства, повод к госпи-тализации.	Источник информации.	
Луцкий, Василь Степанович	1935 г.; украинец; Львовская обл.; РС—Н	М. Браун, Брожение на Украине, стр. 64	Член партии. Заведующий клубом. Арестован в 1960 г. за принадлежность к подпольной национальной группе. Стал свидетелем обвинения на суде. Тем не менее, получил 10 лет. В 1965 г. переведен из лагеря в психиатрическое отделение больницы при мордовском лагере № 3 за то, что направлял в высшие инстанции письма; жаловался, что показания дал под давлением, отзывался о них как о лжесвидетельстве, просил изъять их из судопроизводства. Содержался в больнице, по крайней мере, более года.
Луцкий, Михайло Петрович	прибл. 1915; украинец (см. 4-ую колонку); ?; Н—Э	Хр. 11, 24, 28, 33, 35, 39	Родился на Зап. Украине, в той части, которая входила тогда в состав Австро-венгерской империи. Воспитывался в Вене, получил образование в Берлине. Арестован сотрудниками Гестапо в 1939 г., выпущен прибл. в 1942 г., отправлен на Украину. В 1944 г. арестован КГБ, освобожден и реабилитирован в 1956 г. Повторно арестован в 1960 г. На суде, состоявшемся в апреле 1961 г., осужден за украинский национализм; освобожден в 1972 г. По окончании срока протестовал против выдачи ему советских документов, требовал учесть его австрийское подданство. Осенью 1973 г. приговорен к двум годам заключения за «бродяжничество». В 1974 г. переведен из лагеря в Днепропетровскую СІПБ за продолжение разговоров об австрийском подданстве. В начале 1976 г. — там же.
Лысак, Петр Алексеевич	1916 г.; украинец?; Гурьев; ОПД	Хр. 11, 39; Сенатская подкомиссия; А. Вольпин	Инженер, подковник в отставке. В октябре 1956 г. выступил на собрании против глушения радиопередач и против исключения студентов из института за инакомыслие. Обвинен по ст. 70(?); объявлен душевнобольным; направлен в Ленинградскую СІПБ. В 1965 г. переведен в СІПБ в Сычевке. В 1976 г. — там же.

ОПБ № 4. Причина: писал письма с призывом к властям заняться всерьез проблемами мира и разоружения; как выборный рабочий представитель настанвал (безуспешно) на увольнении жалоб своих избирателей. Каждый раз во время экспертизы психиатры сходились в том, что он нормален, но пере-дупреждали: «Если не хотите, чтобы Вас лечили, перестаньте писать письма!» В 1969 г. арестован, приговорен к семи годам по ст. 70 и др. Весной 1976 г. находился во Владимирской тюрьме, где ему пригрозили, что обявят невменяемым, хотя товарищи по заключению считают его нормальным.

Учитель физики и математики. В 1968 г. начал критиковать ведение дел в области образования, здравоохранения и юстиции. В 1973 г. арестован в Москве и госпитализирован на одну неделю в ОПБ. Через несколько месяцев госпитализирован на три недели в ОПБ в Ереване; обвинен в критике режима и в желании эмигрировать. Объявлен шизофреником русскими врачами в Ереване, армянский психиатр проф. Мегрбян нашел Малхазяна совершенно нормальным. В декабре 1974 г. вновь госпитализирован в ОПБ в Ереване, после того, как подал документы на эмиграцию. Объявил голодовку, выписан в апреле 1975 г. В начале 1976 г. просьба Малхазяна об эмиграции по-прежнему не была удовлетворена.

Переводчик с итальянского, писатель. Член Группы защиты прав человека, основанной в мае 1969 г. В октябре 1969 г. вызван в военкомат для медицинского освидетельствования; в военкомате подвергся психиатрической экспертизе, госпитализирован в ОПБ № 1 им. Кащенко. Выписан через месяц. Первый раз подал на эмиграцию в 1965 г. Получил разрешение на эмиграцию в 1974 г. С тех пор живет в Италии. См. гл. 7.

Главный инженер. Арестован за жалобы высшим инстанциям о неполадках на работе. Ст. 190-1. Госпитализирован в СПБ в Сычевке в 1974 г. или ранее. В 1976 г. — там же.

Малхазян,  
Александр\*  
прибл. 1940 г.;  
армянский;  
Ереван;  
Э—ОПД  
Хр. 35;  
со слов друга  
из Франции

Мальцев,  
Юрий  
Владимирович\*  
1932 г.;  
русский;  
Москва;  
ОПД  
Хр. 10, 29;  
гл. 7

Мальшев,  
Константин  
Петрович  
1929 г.;  
русский;  
Кулебаки,  
Торьковская  
обл.; ОПД  
Хр. 34, 39

Фамилия, имя, отчество. Год рождения, национальность, место жительства, повод к госпитализации. Источник информации.

- |                                |                                     |                         |                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                |
|--------------------------------|-------------------------------------|-------------------------|----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| Маресин, Виктор Михайлович     | прибл. 1935 г.; русский?; Киев; ОПД | Хр. 40                  | Арестован летом 1974 г. по подозрению в принадлежности к группе фальшивомонетчиков. Во время следствия высказывал «антисоветские взгляды», в декабре 1974 г. отправлен на психиатрическую экспертизу. Диагноз: «паранойяльная форма шизофрении». Дело обособлено от расследования касательно группы фальшивомонетчиков. Следствие по делу Маресина приостановлено. Госпитализирован в Киевской ОПБ № 21, где ему пригрозили переводом в Днепротетровскую СІПБ. Врач сказал, что с такими взглядами, как у Маресина, из больницы не выпишут. Это произошло в 1976 г. В 1975-76 гг. было возбуждено судебное дело против брата Маресина по политическим мотивам. |
| Маркевич, Роман*               | 1941 г.; еврей; Ленинград; Р—Э      | Нью лидер.<br>I. II. 71 | Инженер-химик. Прибл. в 1970 г. подал заявление на эмиграцию в Израиль; уволен с работы, стал чернорабочим. Попросил у начальника разрешения на выходной, хотел пойти в синагогу. В просьбе отказано, начальник сказал, что только сумасшедший может исповедовать иудейскую веру. В октябре 1974 г., вскоре после разговора с начальством, насильно госпитализирован в ОПБ. По-видимому, выпущен после краткого пребывания в больнице.                                                                                                                                                                                                                         |
| Матко, Андрей                  | 1950 г.; русский; Москва; ОПД       | Хр. 39, 41              | Рабочий. Арестован весной 1975 г.; состоял членом воюющей антисионистской группы, считавшей, что евреи захватили все ключевые посты в СССР. Обвинен по ст. 70, объявлен невменяемым в Институте им. Сербского, госпитализирован в СІПБ в Сычевке. Состоял на психиатрическом учете до госпитализации.                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                          |
| Медведев, Жорес Александрович* | 1925 г.; русский; Обнинск;          | гл. 6                   | Ученый-геронтолог. В мае 1970 г. госпитализирован в ОПБ в Калуге за распространение своих публицистических трудов в самиздате. Освобожден через 2 1/2 не-                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                      |



- Меркушев, Вячеслав  
прибл. 1947 г.;  
русский; ?  
ОПД—Э  
Хр. 27, 35, 41;  
АС 2229
- Служил в пограничных войсках. В 1968 г. приговорен к десяти годам заключения за попытку перейти советскую границу с Турцией. В лагере — добавочное наказание: перевод на 3 года во Владимирскую тюрьму (1971-74 гг.). В 1974 г. направлен в Институт им. Сербского, там объявлен невменяемым ввиду открыто антимунитических высказываний. В январе 1975 г. находился в психиатрическом отделении Мордовских лагерей в ожидании перевода в Казанскую СІПБ.
- Моисеев, Вениамин Михайлович  
прибл. 1925 г.;  
еврей?;  
центральная  
Россия;  
НУ—ОПД  
Хр. 41
- Школьный учитель. В 1966 г. обратился в партком, просил дать ему квартиру. После того, как получил грубый отказ, рассердился, нелепно отозвался о партии. Обвинен по ст. 190-1, объявлен невменяемым, госпитализирован в Черняховской СІПБ. К 1976-му году, на 10-й год госпитализации, почти полностью потерял зрение.
- Монтлевич, Владимир М.  
прибл. 1940 г.;  
?; Ленинград;  
Р  
Хр. 27, 28;  
личное  
сообщение
- Этнограф. Научный сотрудник атеистического музея в здании Казанского собора. Арестован в 1972 г. в Улан-Уде (Бурятская АССР) за участие в деятельности буддистской группы (ст. 227). Госпитализирован в Ленинградской ОПБ. Освобожден в 1973 г., но остался на психиатрическом учете. Лишен возможности работать по специальности.
- Мороз, Валентин Яковлевич  
1936 г.;  
украинец;  
Ивано-  
Франковск; Н  
Хр. 17, 40, 41
- Историк. Осужден за распространение своих трудов в самиздате. В 1965-69 гг. находился в местах заключения. В 1970 г. снова осужден: приговорен к 14-ти годам заключения и ссылки. В июне 1976 г. должен был быть переведен из Владимирской тюрьмы в лагерь, но в мае 1976 г. направлен в Институт им. Сербского. Цель властей была очевидна: объявить Мороза душевно-больным и госпитализировать его в СІПБ, чтобы лишить его возможности влиять на других заключенных. Реализация этого намерения властей помешала широкая международная кампания протеста. В июне 1976 г. Мороз отправлен в лагерь № 1 в Мордовии.

Фамилия, имя, отчество. Год рождения, национальность, место жительства, повод к госпитализации.

Источник информации.

Краткие сведения

Мусагов, Сергей	1953 г.; русский; Москва; Э	Хр. 39	В 1973 г. во время службы в советских военных частях на территории Венгрии пытался бежать в Австрию. Пойман; обвинен в государственной измене; госпитализирован в Казанской СЛБ. В январе 1976 г. переведен в Белые столбы (ОПБ под Москвой).
Мухамедяров, Рюальд Гашимович	?; украинка?; Ленинград; ОПД	Хр. 26, 39	Арестована в марте 1971 г. за участие деятельности группы Дзигалова (см. выше). Ст. 70. Госпитализирована — по-видимому, в Казанской СЛБ. Освобождена до 1976 г.
Мусиенко, Мария Семеновна	1931 г.; ?; Москва; ОПД	Хр. 14, 15, 24, 25, 27, 29, 34, 36	Рабочий. Автор лагерных мемуаров и публицистических работ. Арестован в 1972 г. за самиздатскую деятельность (ст. 190-1). В 1973-75 гг. госпитализирован в ОПБ № 5 (ст. Столбовая под Москвой).
Нарица, Махаил Александрович	1909 г.; русский; Ленинград; ОПД	Хр. 16, 24, 27, 38, 40, 41; Сенатская подкомиссия	Художник, учитель, писатель. Арестован в 1939 г., провёл 5 лет в лагерях. Арестован повторно в 1949 г., сослан пожизненно в Караганду. После смерти Сталина реабилитирован. Арестован в 1961 г. за то, что передал свою книгу «Неспетая песня» на Запад и подал документы на эмиграцию из СССР. Объявлен невменяемым, госпитализирован на три года в Ленинградской СЛБ. В 1965 г. снова подал на эмиграцию; снова получил отказ. Написал отчет о пребывании в СЛБ. Арестован в 1975 г.: по-прежнему стремился добиться разрешения на выезд из СССР. Подвергся психиатрическим экспериментам в ОПБ в Риге и в Институте им. Сербского; в обоих местах признан вменяемым. Обвинен по ст. 190-1, однако дело закрыто в мае 1976 г.; власти намекнули, что Нариче будет разрешено эмигрировать.

поднялись, здоровье — среди нас — опасается за свое душевное здоровье — среди нас — Сестру предупредили, что, если придет в больницу еще раз, будет госпитализирована в таком же заведении. Выпущена Любовь Настусенко или нет — неизвестно.

В 1971 г. подал документы на эмиграцию к родственникам в Канаду, писал обращения в различные инстанции. Арестован в Москве, куда приехал, чтобы вступить в контакт с американским посольством — успел лишь позвонить туда по телефону. Госпитализирован на месяц в Московской ОПБ № 15, где встретил диссидентов самого различного толка. Психиатры здоровьем Науджионаса не интересовались, спросили только, за что госпитализирован. Вскоре арестован в Вильносе, признан вменяемым, приговорен к одному году лагерей в январе 1972 г. В 1974 г. госпитализирован в Вильноской ОПБ (ул. Васара); через месяц выпущен. Впоследствии попал в канадское посольство; эмигрировал в июле 1975 г.

Врач. В марте 1971 г. арестован с женой и детьми у входа в американское посольство, куда хотели поехать, чтобы справиться о возможности эмигрировать. Никитенков и его жена госпитализированы в ОПБ в Москве административным путем. В мае 1971 г. сумели передать на волю призыв о помощи. Обвинены по ст. 70 за письма в ООН и т.п.; в Институте им. Сербского рекомендованы на госпитализацию в ОПБ, но в январе 1972 г. по решению суда направлены в Казанскую СПБ. В начале 1975 г. переведены в ОПБ в Талдоме (Московская обл.). Освобождены в мае 1975 г.

Пытался перейти границу. В 1973 г. находился в Ленинградской ОПБ № 3, о чем стало известно со слов Юрия Иванова (АС 1595), видевшего, как Николаев был приведен в жалкое состояние усиленными дозами лекарственных препаратов. Дальнейшая судьба Николаева неизвестна.

Информационная служба ЭЛТА, Нью-Йорк, 1976, № 5

Науджионас, Брониус\*

1938 г.; литовец; Вильноус; Э

Хр. 19, 20, 24, 35, 38

Никитенков, Василий Николаевич

1928 г.; украинец ?; Клин; Э

АС 1595

Николаев, В.

?; русский; ?; Э

Фамилия, имя, отчество.	Год рождения, национальность, место жительства, повод к госпитализации.	Источник информации.	Краткие сведения.
Николаев, Евгений Борисович	1937 г.; русский; Москва; ОПД	Хр. 16, ХЗ 12	Биолог, лингвист-полиглот. Автор множества опубликованных работ о языке. В 1970 г. уволен из института, где занимался исследовательской деятельностью, после того, как сказал, что не в состоянии более выносить партийный надзор. Вскоре после этого, в октябре 1970 г., госпитализирован в Московской ОПБ № 16. В дальнейшем госпитализирован трижды: 1) в Московской ОПБ № 15, где поделится своими общественно-политическими взглядами с одним из врачей, вследствие чего сразу же был переведен, 2) в ОПБ № 5 на Столбовой, откуда был выпущен через восемь месяцев; 3) в феврале 1974 г. госпитализирован в ОПБ № 1 им. Кашенко за то, что опубликовал статью в самиздатском журнале советских немцев «Ре Патрия», 1974, № 1. К 1976 г. Николаев был на свободе.
Новодворская, Валерия	1950 г.; русская; Москва; ОПД	Хр. 11-14, 20-21, 23	Студентка иностранных языков. В декабре 1969 г. арестована за распространение листовок, осужденных вторжение в Чехословакию. Обвинена по ст. 70. Диагноз в Институте им. Сербского: шизофрения при паранойальной личности. На суде (март 1970 г.) объявлена невменяемой, в июне того же года отправлена в Казанскую СПБ. В августе 1971 г. переведена в ОПБ в Москве. Выписана в феврале 1972 г.
Ножак, Ольга	прибл. 1925 г.; русская; Москва; ОПД	Н. Горбаневская; О. Иофе («Грани», 1974, №№ 92-93)	Школьная учительница. Арестована в 1955 г. за то, что направляла в редакции газет письма протеста против госпитализации в психбольницах тех, кто, отчаявшись добиться справедливости у местных властей, приходит с жалобами в Верховный Совет и т.п. Обвинена по

усиления культа личности Хрущева, оказался в опале. Осенью 1962 г. написал письмо в ЦК: предлагал провести реформу советской колхозной системы, в качестве образца ссылаясь на югославскую модель. Голоспализирован в ОПБ, но вскоре выпущен, т.к. о его судьбе узнали на Западе. Лишен возможности печатать свои произведения.

Ученый-востоковед. В 1967 г. приговорен к 15 годам заключения и 5 годам ссылки за руководство революционной христианской подпольной группой (ВСХОН). После семи лет заточения во Владимирской тюрьме переведен в апреле 1974 г. в Пермский лагерь № 35, но почти сразу же — через три недели — отправлен в Пермскую тюрьму для прохождения психиатрической экспертизы. В июне того же года с диагнозом «ревматизм мозга» помещен в психиатрическое отделение больницы при мордовских лагерях. В сентябре 1974 г. возвращен в лагерь № 35 после протестов на Западе.

Православный священник. Госпитализирован в (?) 1971 г. — главным образом за то, что отозвался о Пимене как о ставленнике КГБ и за то, что обвинил некоторых священников в сотрудничестве с органами (ст. 190-1?). В 1973 г. находился в СПБ в Сычевке. Там его встретил Я. Крыльский, считающий Окинина настоящим мучеником. Окинин подвергается постоянным издевательствам, ему то и дело вливают препараты, обладающие чрезвычайно болезненным эффектом; заставляют раздеваться в присутствии женщин; наваливают на него богоухальников; силой сорвали с груди нагельный крест. По сведениям Хроники, в начале 1976 г. Окинин все еще томился в Сычевке.

Писатель. Сотрудник в журнале «Техника молодежи», писал для кино. 28 июня 1974 г. во время визита Никсона в СССР задержан милицией, доставлен в отделение, где состоялся разговор с районным психиатром, задавшим вопросы типа: «Интересуетесь ли Вы политикой? Может быть, Вас не устраивает советская действительность?» Затем госпитализирован в Московской ОПБ № 15. Дальнейшая судьба неизвестна.

Хр. 1, 2, 4, 9, 11,  
17-19, 24, 26, 27,  
32, 33;  
ХЗ 10

1937 г.;  
русский;  
Ленинград;  
НУ—ОПД

Огурцов,  
Игорь  
Вячеславович

Хр. 39;  
Я. Крыльский

прибл. 1910 г.;  
русский; ?;

Окинин,  
Ефрем

Хр. 32

прибл. 1940 г.;  
русский;  
Москва;  
ОПД

Орешкин,  
Петр\*

Фамилия, имя, отчество.	Год рождения, националь-ность, место жительства, повод к госпитализации.	Источники информации.	Краткие сведения
Павлов, Борис Петрович	?; русский; Ставрополь; ОПД	Посев, 1974, № 1, стр. 9	Психиатр, старший преподаватель Ставропольского медицинского института. Доктор наук. В конце 1972 года арестован по обвинению в самиздатской деятельности. Во время обыска конфискованы его труды, содержавшие непредвзятое толкование фрейдизма. В начале 1973 г. объявлен немняемым; госпитализирован (после суда) в ОПБ(?) в Новочеркасске.
Пантин, Владимир	прибл. 1935 г.; русский?; ?; Ну	П. Григоренко, см. Н. Горбаневская, «Полдень»	Арестован прибл. в 1958 г. за мелкую кражу. Отказался подчиниться требованию следователя, который добивался от Пантина, чтобы тот дал ложные показания против ни в чем не повинного человека, которого обвиняли в убийстве. Следователь сказал, что Пантин его «еще вспомнит». Пантин объявлен немняемым, госпитализирован в Ленинградской ССП, где провел 6 лет; дружил с госпитализированным там Григоренко (1964 г.). В конце концов адвокат добился пересмотра диагноза Пантина. Состоялось новое судебное заседание — Пантин освобожден.
Пармонов, Геннадий Константинович	прибл. 1940 г.; русский; Пальдиски, Эстония; ОПД	Хр. 10, 11, 15, 17, 33, 37, 38-40	Старшина флота. Комсорг. В 1969 г. арестован за со-здание Союза борьбы за политические права. В 1970 г. госпитализирован в Черняховской ССП; в сентябре 1975 г. переведен в Пермскую областную ОПБ. Освобожден в марте 1976 г.
Петрова, Л. А.*	1939 г.; русская; Москва; Ну	«Жить не по лжи», сборник материалов, август 1973 г. — февраль 1974 г.; Париж, ИМКА.	Врач в поликлинике. В 1972 г. отказалась выдать фиктивные бюллетени друзьям начальника. Госпитализирована на пять месяцев в ОПБ. Освобождена благодаря протестам со стороны сослуживцев.

- Плахотнюк, Мькола Григорьевич  
1936 г.; украинец; Днепропетровская обл.; Н—ОПД  
Хр. 24, 27, 28, 32, 39, 42; Л. Плющ
- Пленайнен, Александр\*  
1943 г.; финн; Львов; Э  
Нью-Йорк Таймс, 13.11.74; Посев, 1976, № 3
- Советский финн. Художник. Хотел эмигрировать в Финляндию с 7-летнего возраста, когда его насильно заставили учить русский язык. Впервые госпитализирован в Московской ОПБ № 7 за то, что пытался пройти в здание финского посольства в 1961 г. Пришел к выводу, что лишь четверо из 25 человек, находившихся в его палате, были действительно больны. Через несколько недель пребывания в больнице бежал; пойман; снова госпитализирован; переведен в ОПБ во Львове. Вскоре освобожден. В конце концов эмигрировал в 1976 г., однако прежде, чем сумел этого добиться, был госпитализирован 17 раз, в том числе 1 раз за участие в выставке неофициальных художников в сентябре 1974 г. в Москве.
- Плющ, Леонид Иванович  
1939 г.; украинец; Киев; ОПД  
Хр. 1, 5, 8, 11, 14, 24-28, 30, 32-40; П. Плющ
- Математик. В 1968 г. уволен с научно-исследовательской работы за участие в самиздатской деятельности. В 1969 г. вошел в состав Московской группы защиты прав человека. Арестован в январе 1972 г., обвинен по ст. 70, обследован тремя психиатрическими комиссиями. С июля 1973 г. по январь 1976 г. — госпитализация в Днепропетровской СПБ. Освобожден в январе 1976 г., сразу же после освобождения (в тот же день) эмигрировал. Живет в Париже. См. гл. 7, 8, 9 (в 9-ой главе — о воздействии кампании протеста на Западе на решение властей).
- Врач. Окончил ВУЗ с отличием. Работал в санатории. Арестован в январе 1972 г. по обвинению в деятельности украинского самиздата (ст. 70 или 190-1?). В августе-сентябре 1973 г. объявил голодовку в Институте им. Сербского в знак протеста против тамошних условий. Диагноз: «шизофрения, маниа преследования; невменяем периодами». В ноябре 1972 г. определен судом на госпитализацию в СПБ; дальнейшее судебное разбирательство отложено до «выздоровления» (такая практика советским законом не предусмотрена). Госпитализирован в Днепропетровской СПБ. В середине 1976 г. все еще там — с заболеванием легких.

Фамилия, имя, отчество. Год рождения, национальность, место жительства, повод к госпитализации.

## Краткие сведения

Пономарев, Анатолий Дмитриевич	1933 г.; русский; Ленинград; ОПД—Э	Хр. 23, 26, 27, 35, 38, 39; В. Файнберг	Занимался научно-техническими исследованиями. Арестован в 1970 г. за участие в самиздатовской деятельности (ст. 190-1). Объявлен невменяемым в Ленинградской ОПБ № 2. В январе 1971 г. госпитализирован в Ленинградской СПБ. Освобожден в конце 1972 г. В сентябре 1974 г. подал на эмиграцию, поскольку не мог найти работу по специальности. Сразу же после подачи заявления госпитализирован в Ленинградской ОПБ № 3 в палате № 8 (для особо тяжелых больных), однако лекарственные препараты прописаны не были. Выпущен в 1975 г. Снова госпитализирован в октябре 1975 г., помещен в ОПБ № 3.
Попов	?; русский; Октябрьское. Башкирия; ОПД	Хр. 40	Арестован в начале 1976 (?) г. за сочинение «анти-советских» стихотворений, объявлен невменяемым, госпитализирован (в ОПБ или СПБ — неизвестно). Друг Попова, студент юридического факультета Уфимского университета, был вызван в качестве свидетеля на суде, после чего на комсомольском собрании в апреле 1974 г. заявил, что Попов психически нормален и является хорошим человеком. Друг сказал также, что с Поповым поступили несправедливо. Незначительным большинством голосов на собрании вынесено решение исключить друга Попова из комсомола.
Попов, Владимир Васильевич	прибл. 1945 г.; русский; Ленинград; ОПД	Хр. 18, 26, 39	Окончил архитектурный факультет. В августе 1970 г. арестован, объявлен невменяемым, госпитализирован в Ленинградской СПБ. Жене сказали, что после вписки работа в качестве архитектора для мужа исключена. В июне 1972 г. решением суда переведен в ОПБ. Выписан в 1973 г.



- Пошкиене, Вируте\*  
?; литовка; Каунас; Р
- Хр. 36, 39
- Работала дворником в школе. Стала протестантской сектанткой и вегетарианкой. Муж обратился в суд, решением которого Пошкиене лишена материнских прав. (Дети крещены в католической церкви). Аппелировала в Верховный суд Литовской ССР; в октябре 1974 г. дело Пошкиене заслушано — апелляция не удовлетворена. 29 октября Пошкиене насильно госпитализирована в Каунасской ОПБ (ул. Кузмоса, 75) по настоянию мужа. Друзья считают ее нормальной; ни ном здоровья затронут не был. Прокурор во время первого судебного слушания подчеркнул, что Пошкиене здорова. Госпитализирована в палате № 3 ОПБ (для особо тяжелых больных), подверглась «лечению» сильнейшими препаратами, в результате чего временно потеряла зрение, не могла ходить. Муж и врачи требовали от нее отречься от протестантства, только в этом случае ей обещали свободу (данные за январь 1975 г.).
- Присакару, Николай Григорьевич
- прибл. 1918 г.; румын; Молдавия; ОПД
- Сергей, 1972 г., № 83, стр. 129; Сенатская подкомиссия, стр. 33, В. Букровский
- Переехал в Советский Союз после десяти лет пребывания во Франции (Марсель), хотел «взглянуть на строительство коммунизма собственными глазами». Госпитализирован в Ленинградской СИБ (1962-1965 гг.) за участие в забастовке на Молдавской обувной фабрике (там он начал работать по приезде в СССР). В СИБ подружился с Буковским.
- Пуртов, Сергей
- прибл. 1940 г.; русский; Ленинград; ОПД
- Хр. 23, 24, 26, 27, 39; ХЗ 2; Ян Крыльский; Л. Квачевский
- Инженер. Арестован по обвинению в ст. 70 в марте 1971 г. Входил в группу, призывавшую к возврату к ленинизму. В январе 1972 г. на суде объявлен невменяемым; госпитализирован в Ленинградский СИБ. В феврале 1972 г. присоединился к голодовке Файнберга. В июле Пуртов прописан в Иньекции, несмотря на предупреждение терапевта, что Пуртов переведен в тиволоказаны. В августе 1972 г. Пуртов переведен в Смоленскую СИБ (не в Днепротетровскую). В Смоленске встретил его Крыльский (1972 г.). В начале 1976 г., по предположению Хроники, находился в СИБ в Сычевке. Согласно дальнейшим сведениям, в конце 1976 г. госпитализирован в ОПБ им. Кащенко под Алма-Атой. Состояние здоровья вызывает опасения.

Фамилия, и.м.я, отчество.	Год рождения, националь- ность, место жительства, повод к госпи- тализации.	Источники информации.	
Рафальский, Виктор Парфентьевич	прибл. 1920 г.; украинец; Зап. Украина; ОПД	Хр. 40; Л. Плющ	Участник Отечественной войны, затем директор школы на Зап. Украине. Кроме того, писатель и поэт. В 194 г. арестован за принадлежность к подпольной марксистской группе, госпитализирован в Ленинградской СПБ. В 1954-1959 гг. прошел шесть психиатрических комиссий: три — в Институте им. Сербского (где неизменно объявлялся шизофреником и невменяемым), и три — в Ленинграде, (где столь же неизменно признавался вменяемым). Освобожден в 1959 г. В 1962 г. арестован повторно за связи с неофициальной марксистской группой и за то, что писал литературные произведения «антисоветского содержания». Госпитализирован на два года в СПБ, обещал не заниматься больше политикой. В 1968 г. — новый арест: на квартире Рафальского найден «антисоветский» роман, который был написан в прежние годы и о существовании которого, по словам Рафальского, никто не знал. Госпитализирован в Днепронетрозской СПБ. В начале 70-х гг. врачи признали, что Рафальский нормален, но сказали, что выпустят его только под чью-либо опеку. Все попытки найти опекуна провалились (об этом позаботились органы). В 1975 г. Рафальского «усмирили» усиленными дозами лекарственных препаратов; здоровье его резко ухудшилось.
Рипс, Илья Аронович	1948 г.; еврей; Рига; ОПД	Хр. 8, 14, 20; Рипс	Студент-математик. В апреле 1969 года преприимал попытку самоожжения на площади Свободы в Риге в знак протеста против вторжения в Чехословакию. Обвинен по ст. 70; объявлен невменяемым. Помещен в ОПБ в Риге. Выписан в апреле 1971 г. В декабре того же года эмигрировал в Израиль. См. гл. 7.
Рубан, Василь	1942 г.; украинец; Кисв; Н	Хр. 30; Украинский вестник, 4, 6, 7-8	Поэт. В течение нескольких лет сотрудничал в журнале «Молодь Украины». Его произведения стали подвергаться цензуре, которая нашла их слишком националистическими.

УИД

писал из Индии в СССР письмо, в котором выказывалась догадка, что в Ташкенте произошел подземный ядерный взрыв, а не землетрясение. Отправлен в СССР; помещен в ОПБ им. Кащенко в Москве, где ему прописали сульфазин. Дальнейшая судьба неизвестна.

Рыбаков,  
Александр

?; русский;  
Новосибирск;  
ОПБ

Хр. 24, 25, 27

Лаборант в Московском институте обработки минералов. Арестован в марте 1972 г. в связи с попытками КГБ приостановить печатание Хроники: по квартире Рыбакова во время обыска были найдены лектограф и материалы самиздата (ст. 70?). В августе 1972 г. — диагноз в Институте им. Сербского: шизофрения. Дальнейшая судьба неизвестна.

Салаты,  
Виктор

1948 г.;  
эстонец?;  
Тарту; Э

Личное  
сообщение  
врача

Занимался ремонтом радиотоваров. В 1973 г. пытался перейти советско-финскую границу. Объявлен немемным (назван «хиппи») и госпитализирован на шесть месяцев в ОПБ в Тарту.

Самоилов,  
Эдуард  
Валентинович

прибл. 1953 г.;  
русский?;  
Казахстан-  
Москва; ОПД

Хр. 37, 39

Переехал из Казахстана в Москву: поступил в МГУ на факультет журналистики. В мае 1975 г., когда заканчивал 4-ый курс, был арестован, обвинен по ст. 70. Во время обыска изъята неортодоксальная работа по истории СССР. Объявлен немемным в Институте им. Сербского, однако решение суда (в начале 1976 г.) неизвестно.

Самсонов,  
Николай  
Николаевич

1906-71 гг.;  
русский;  
Ленинград;  
ОПД

Хр. 8, 18;  
В. Букковский

Видный геофизик. Написал работу, в которой призывал вернуться к ленинским принципам управления. В 1956 году обвинен по ст. 58/10 (теперь ст. 70). Объявлен немемным комиссией из Института им. Сербского под председательством д-ра Торубарова. Помещен в Ленинградскую СПБ, где был дружен с Буковским. Через 8 лет, в 1964 г. выпущен после формального отсечения. В последние годы жизни работал по два месяца в год в Институте геофизики, получал пенсию. С.м. тл. 3.

Сапезко,  
Юрий  
Петрович

1936 г.;  
украинец?;  
Петрозаводск;  
Э

Хр. 18, 39

Обвинен по ст. 83 и 15 за намерение нелегально перейти государственную границу. Диагноз: шизофрения. Объявлен немемным. В начале 1971 г. находился в Ленинградской СПБ. В 1976 г. — на свободе.

Фамилия, имя, отчество.	Источники информации	Краткие сведения
Севрук, Вацлав Леонидович	<p>Год рождения, националь-ность, место жительства, повод к госпи-тализации.</p> <p>прибл. 1937 г.; литовец; Вильнюс; ОПД—Н</p>	<p>Социолог, философ. Работал в Институте истории. В январе 1972 г. арестован, обвинен в причастности к изданию Хроники по ст. 70. В январе 1973 г. решением Вильнюсского горсуда направлен в ОПБ в Вильнюсе. Освобожден в июле 1973 г. В 1974 г. эмигрировал. Жи-вет в Нью-Йорке.</p>
Сиденко, Федор Акимович*	<p>1938 г.; украинец; Партизанск (Приморский край); Э—Р</p>	<p>В 1965-70 гг. отбывал срок по ст. 70. 20 ноября 1974 г. насильно госпитализирован в ОПБ в Уссурийске (ул. Суханова, 163) перед встречей Брежневa с фюрдом, которая состоялась 23-24 ноября во Владивостоке (ок. 150 км от Партизанска). Сиденко исповедует веру пятидесятников. Во время пребывания в ОПБ под-вергался неоднократным допросам психиатров, доби-вавшихся от Сиденко: почему он хочет эмигрировать? Затем последовали инъекции, после которых Сиденко не мог ходить, сидеть; испытывал невыносимую боль. Очевидно, выпущен через несколько недель. Уссу-рийская ОПБ, по-видимому, является крупнейшей полу-тюремного типа, т.к. санитары (по крайней мере, не-которые из них) — уголовники, отбывающие срок за-ключения. Во время визита Форда ОПБ была пере-полнена до отказа: обращение с политическими — садистское, с настоящими больными — намного лучше.</p>
Скребец, Ольга Филипповна*	<p>1938 г.; украинка?; Киев; Р—ОПД</p>	<p>Врач. Работала в институте по исследованию туберку-леза. В 1971 г. заявила, что выходит из партии по религиозным соображениям и в знак протеста против вторжения в Чехословакию. Госпитализирована в ОПБ им. Павлова в Киеве. Диагноз: начальная стадия шизо-френии. По выписке из больницы уволена с прежней службы. Работает на скорой помощи.</p>

- Смирнова, Викторія С.\* АС 1071а, в, с  
?; русская; Ленинград; Э
- Соловьев, Олег прил. 1937 г., Хр. 27  
Григорьевич русский; Ставрополь; ОПД
- Спиринко, Василий 1945 г.; украинец; Нижний Тагил (Зап. Сибирь); ОПД
- Хр. 33, 24; В. Буковский
- Смирнова, Викторія С.\* АС 1071а, в, с  
?; русская; Ленинград; Э
- Прибл. с 1969 г. стала добиваться разрешения на эмиграцию, писала в ООН у Тану. В марте-апреле 1971 г. госпитализирована на месяц в Ленинградской ОПБ № 3 (во время 24-го съезда КПСС). Врачи сказали: «Перестанете писать в ООН, не попадете больше в сумасшедший дом». Главный психиатр Ленинграда Веляев В. пытался убедить Смирнову, что она слышит «голоса». Судьба Смирновой после 1972 г. — неизвестна.
- Инженер-химик. В марте 1969 г. арестован, обвинен по ст. 190-1 за опубликование материалов в самиздате. Объявлен невменяемым психиатрической комиссией в Ставрополе. В ноябре 1970 г. переведен из ОПБ в Ставрополе в Черняховскую СІБ, затем в январе 1971 г. — в Орловскую СІБ. В июле 1972 г. переведен обратно в Ставропольскую ОПБ; через месяц после этого освобожден.
- Выпускник философского факультета Донецкого университета. В марте 1971 г. арестован; обвинен по ст. 70 и 72 в том, что был теоретиком подпольной политической группы (каждый из остальных членов группы — всего 7 — приговорен к заключению сроком от двух до пяти лет). Прошел экспертизу в судебно-психиатрическом отделении Свердловской областной ОПБ; признан здоровым и вменяемым; через месяц переведен в Институт им. Сербского, где, после двухмесячного пребывания, объявлен шизофреником с маний преследования и невменяемым. Буковский видел Сиденко в Институте в октябре. В ноябре 1971 г. Сиденко был направлен на госпитализацию решением Свердловского горсуда. В 1974 г. находился в Черняховской СІБ (данные друга Сиденко). Выпущен или нет — неизвестно.
- Завхоз в Институте психологии. Арестован в апреле 1972 г., обвинен в распространении листовок антисоветского содержания (ст. 70). В декабре 1972 г. решением суда направлен на госпитализацию в СІБ. Диагноз: «вялотекущая шизофрения» (один из доводов

Хр. 25, 26, 28,  
34, 35, 39, 42

1939 г.;  
русский;  
Москва;  
ОПД—Р

Старчик, Петр  
Петрович

Фамилия, имя, отчество.	Год рождения, националь-ность, место жительства, повод к госпитализации.	Источник информации.	
Статкевичус, Алгис	1937 г.; литовец; Вильнюс; ОПД	Хр. 17-19, 22; личное сообщение	психиатров — религиозность Старчика). Помещен в Казанскую СІПБ, в ноябре 1974 г. переведен в Московскую ОПБ № 15. Освобожден в феврале 1975 г. В сентябре 1976 г. повторно госпитализирован в ОПБ № 5 (Столбовая под Москвой) за то, что пел у себя на квартире запрещенные песни. Освобожден в ноябре того же года после широкой кампании в его защиту и после образования в Москве комитета борьбы за его освобождение.
Степанов, Александр	1936 г.; русский; Поволжье; ОПД	Хр. 39	Работал в Бюро социологических исследований при Литовском министерстве финансов. В мае 1970 г. арестован в Вильнюсе. Обвинение: является автором «Критики коммунистического манифеста». В ноябре 1970 г. объявлен невинным на суде. Сначала помещен в большое отделение тюрьмы Лукишки в Вильнюсе, затем переведен в Вильнюскую ОПБ. К 1973 г. — находился на свободе.
Сторожевой, Павел Николаевич*	прибл. 1920 г.; русский; Сев. Кавказ; ОПД—НУ	Тарсис в «Казнимые сумашествием»	Работал в Бюро социологических исследований при Литовском министерстве финансов. В мае 1970 г. арестован в Вильнюсе. Обвинение: является автором «Критики коммунистического манифеста». В ноябре 1970 г. объявлен невинным на суде. Сначала помещен в большое отделение тюрьмы Лукишки в Вильнюсе, затем переведен в Вильнюскую ОПБ. К 1973 г. — находился на свободе.
			Работал в Бюро социологических исследований при Литовском министерстве финансов. В мае 1970 г. арестован в Вильнюсе. Обвинение: является автором «Критики коммунистического манифеста». В ноябре 1970 г. объявлен невинным на суде. Сначала помещен в большое отделение тюрьмы Лукишки в Вильнюсе, затем переведен в Вильнюскую ОПБ. К 1973 г. — находился на свободе.
			Работал в Бюро социологических исследований при Литовском министерстве финансов. В мае 1970 г. арестован в Вильнюсе. Обвинение: является автором «Критики коммунистического манифеста». В ноябре 1970 г. объявлен невинным на суде. Сначала помещен в большое отделение тюрьмы Лукишки в Вильнюсе, затем переведен в Вильнюскую ОПБ. К 1973 г. — находился на свободе.



Фамилия, имя, отчество. Год рождения, национальность, место жительства, повод к госпитализации.

- |                                |                                    |                      |                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                  |
|--------------------------------|------------------------------------|----------------------|------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| Тараканов, Юрий Павлович*      | 1940 г.; русский; Ленинград; ОПД—Э | Хр. 39               | Учитель английского языка. В 1962-64 гг. отбывал срок по ст. 70. Во время 24-го съезда госпитализирован в Ленинградской ОПБ № 3 (1971). В 1975 г. отказано в визе на выезд в США. В начале 1976 г. снова помещен в ОПБ.                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                          |
| Тарасов, Адриан Александрович* | 1945 г.; русский; Москва; ОПД      | Хр. 29; В. Пруссаков | В декабре 1963 г. арестован, объявлен психопатом, но вменяемым в Институте им. Сербского, приговорен к восьми годам заключения за государственную измену (слишком откровенно беседовал с друзьями из Франции; ст. 64). В 1964 г. состоялось новое судебное заседание: получил 3 года по ст. 70 вместо восьмью. Освобожден в декабре 1966 г. В 1967 г. приговорен к заключению сроком на 6 месяцев за нарушение к заключению прописки (поехал навестить мать в Москве). В июле 1967 г. арестован при аналогичных обстоятельствах; госпитализирован в ОПБ № 4 им. Ганнушкина в Москве, объявлен шизофреником. С тех пор госпитализирован в различных ОПБ административным путем вследствие того, что был объявлен психически неадекватным. Тарасова могут выписать только под опеку семьи, однако это практически исключено: его мать живет в Москве, сам же он после того, как отбыл срок по ст. 70, не имеет права жительства в Москве и других крупных городах. |
| Тарсис, Валерий Яковлевич*     | 1906 г.; русский; Москва; ОПД      | См. гл. 3            | Известный писатель, переводчик, до 1960 г. — член партии. В 1962 г. напечатал два своих рассказа за границей, в августе госпитализирован в ОПБ № 1 им. Кащенко. Освобожден в феврале 1963 г. после протестов на Западе. Вскоре опубликовал на Западе «Палату № 7». В феврале 1966 г. получил разрешение на поездку в Англию, куда был приглашен читать лекции; лишен советского гражданства. Живет в                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                             |



тацию в тюрьме (ст. 70); объявлен невменяемым, госпитализирован в СПБ в Сычевке. В 1975 г. переведен в Челябинскую ОПБ, освобожден в апреле 1976 г. Признан годным к работе и военной службе. Устроился работать столяром; женился. В ноябре 1976 г. помещен в Винницкую областную ОПБ; объявлен «общественно опасным». Известно, что, как источник, занимается поэзией и живописью. (В ранних источниках неправильные варианты фамилии: Барета, Тереза, Терелли).

Верующий христианин. В знак протеста против системы выборов вылил содержимое чернильницы в избирательную урну. В 1971 г. находился в Ленинградской СПБ, где медперсонал издевался над его верой; врачи сказали, что выпустят Тимонина не раньше, чем он отречется от своих религиозных убеждений.

Художник, реставратор. Арестован в ноябре 1975 г. в Струнино, обвинен по ст. 70 в распространении листовок, призывающих к созданию подпольных групп с целью свержения «клички Брежнева» и восстановления русских национальных православных традиций в соответствии с учением Солженицына. Тимохин заключен на время следствия во Владимирской тюрьме; отказался отвечать на вопросы. Направлен на психиатрическую экспертизу — сначала — по месту жительства (Владимир), затем — в Институт им. Сербского, где пробыл с января по февраль 1976 г. Объявлен невменяемым; госпитализирован в СПБ в Сычевке.

Уроженец Киева. Окончил школу КГВ в чине младшего лейтенанта. Возненавидел методы КГВ. Приговорен к пяти годам заключения за то, что написал заявление, в котором отказывался от советского гражданства (ст. 70). Срок отбывал сначала в Мордовии, затем — с 1971 г. — во Владимирской тюрьме. В 1973 г. вновь обвинен по ст. 70, на этот раз — за письмо, отправленное из тюрьмы. Объявлен невменяемым, направлен в СПБ в Сычевке, где стал близким другом Крыльского. В 1975 г. переведен в Калужскую ОПБ № 1 — очевидно, по месту жительства семьи.

Хр. 18;  
Сенатская  
подкомиссия

Хр. 41

?; русский; ?;  
ОГД—Р

1947 г.;  
татарин?;  
Владимирская  
обл.; Н

Хр. 27, 30, 37,  
39, 41;  
Я. Крыльский

1937 г.;  
русский;  
Калужская  
обл.; Э—ОПД

Тимонин, И.

Тимохин,  
Валиахмед  
Хайдарович

Титов,  
Владимир  
Григорьевич

## Краткие сведения

Фамилия, имя, отчество.	Год рождения, националь- ность, место жительства, повод к госпи- тализации.	Источник информации.	Краткие сведения
Титов, Юрий*	прибл. 1930 г.; русский; Москва; ОПД—Э	Хр. 10, 19, 24, 26	Художник. Православный. Диссидент. В 1971 г. подал документы на эмиграцию. В марте 1971 г. вместе с женой (Строевой, см. выше) арестован и госпитализован в ОПБ им. Кащенко. Выписан через две-три недели. В мае 1972 г. эмигрировал во Францию.
Трифонов, Владимир Ильич	1938 г.; русский; Калинин; ОПД	Хр. 26, 34, 39, В. Файнберг	В 1966 г. исключен по политическим причинам из педагогического института. В марте 1968 г. арестован за «антисоветские заявления» (ст. 190-1). Диагноз: паранойя. Осенью 1968 г. госпитализован в Ленинград-ской СПБ; в 1976 г. — там же. Считает себя здоровым, отказывается идти на психиатрические обследования; называет их фарсом.
Трифонов, Геннадий Николаевич*	1945 г.; русский; Ленинград; ОПД	Хр. 42	Писатель. Во время службы в армии был завербован КГБ в качестве осведомителя. Доносил на писателей, у которых он работал секретарем; глубоко переживал свою неприглядную роль, старался давать КГБ такую информацию, какая не могла повредить писателям. В августе 1973 г. обратился в органы с просьбой освободить его от сотрудничества; отказано. В сентябре пытался покончить самоубийством; освобожден от работы в КГБ. Рассказал о своем прошлом друзьям, за что госпитализован в 1974 г. в Ленинградской ОПБ. Выпущен через месяц. Во время пребывания в ОПБ Трифонова посетили сотрудники КГБ, предложили возобновить работу на них; Трифонов отказался. Предупрежден психиатром: если расскажет об истинной причине госпитализации, будет опять госпитализован. В 1975 г. Трифонов принимал активное участие в деятельности писателей и художников нонконформистов. В 1976 г. просил разрешения эмигрировать к родственникам в США. В июле 1976 г. амерджанское посольство заверило его, что выдаст въездную визу.

- Львович\* Москва; ОПД-Э  
 Джурнал оу Сайкастри, 1973, стр. 237; АС 1237
- Тысцевич, Станислав Иванович 1924 г.; белорус; Москва; ОПД?
- Убожко, Лев Григорьевич прибол. 1935 г.; украинец; Москва; ОПД
- Файнберг, Виктор Исаакович 1933 г.; еврей; Ленинград; ОПД
- Хр. 27
- Хр. 3-5, 8, 18, 19, 24, 27, 28, 30, 32
- Хр. 13, 15-19, 36, 37, 39
- Осипович — через Восток — время 24 съезда получил 15 суток за то, что вместе с группой евреев требовал права на эмиграцию. Через два дня после освобождения госпитализирован в ОПБ № 8; через 2-3 недели выпущен под опеку родителей. Госпитализирован на 9 дней в ОПБ № 5 во время визита Никсона в 1972 г. В феврале 1973 г. эмигрировал в Израиль, затем в США.
- Экономист. Арестован в апреле 1987 г. по ст. 70 за то, что писал анонимные письма политического содержания (отказался признать свою вину). Объявлен невменяемым в Институте им. Сербского (один из членов комиссии — Луниц); госпитализирован в Казанскую СІБ. В сентябре 1967 г. переведен в Черняховскую СІБ, в январе 1971 г. — в Орловскую СІБ. В сентябре 1971 г. переведен в ОПБ в Москве; освобожден в июне 1972 г.
- Физик. Арестован в январе 1970 г. в Свердловске, где должен был сдавать экзамены как студент-заочник юридического факультета Свердловского университета. Приговорен по ст. 190-1 к трем годам заключения за участие в самиздатовской деятельности (на суде адвокат говорил о некоторой психической неуравновешенности подсудимого). Срок убожко отбывал в Томской области; через полтора года дело перемотрено: ст. 190-1 заменена ст. 70. Объявлен невменяемым; в 1972-74 гг. госпитализирован в Ташкентской СІБ; переведен в ОПБ № 2 в Челябинской обл. (Центр. Сибирь). В начале 1975 г. друзья убожко опасались, что ему грозит очередное продление срока в связи с делом его друга Львова. В середине 1975 г. убожко бежал из ОПБ; в начале 1976 г. пойман и снова госпитализирован в Челябинске.
- Рабочий. Окончил вечернее отделение ВУЗа (английский язык). В 1968 г. арестован за участие в демонстрации протеста против вторжения в Чехословакию (ст. 190-1 и 190-3); госпитализирован в Ленинградской СІБ. В 1973 г. переведен в Ленинградскую ОПБ № 5; через 9 месяцев — в ноябре 1973 г. — выпущен. В апреле-мае 1974 г. госпитализирован за голодовку и заявление в поддержку Буковского. Эмигрировал в 1974 г.

## Краткие сведения

Фамилия, имя, отчество. Год рождения, националь- ность, место жительства, повод к госпи- тализации. Источник информации.

Федотов, Георгий (Эдуард) Алексеевич	1950 г.; русский; Москва; Р	Хр. 15, 27; АС 2747	При рождении назван Эдуардом; принял православное имя — Георгий, когда был крещен. Прибл. в 1965 г. был осужден за уголовное преступление. В 1968 г. получил дополнительный срок за распространение в лагере среди заключенных листовок, в которых содержался про- тест против вторжения в Чехословакию. Присоеди- нился к протестовавшим в Мордовских лагерях в 1970 г.; направлен в Институт им. Сербского в 1971 г.; объявлен невменяемым; помещен в Ленинградскую СЛПБ. Освобожден прибл. в 1973 г., к этому времени испытал нравственный переворот, стал исповедовать православие. Многочисленные вызовы в местный психи- диспансер: принимал участие в семинаре по рели- гиозной философии вместе с Аргентовым (см. выше). В октябре 1976 г. Федотов насильно госпитализирован в Московской ОПБ № 14, где подвергся зверскому обращению. Выпущен в ноябре того же года после протестов его друзей. Врачи признали, что их осно- вная цель — «излечить» Федотова от его религиозных убеждений.
Фейгин, Григорий Исаакович*	1927 г.; еврей; Рига; Э	Хр. 17; Фейгин	Бывший майор армии. В течение многих лет пытался эмигрировать в Израиль. В мае 1970 г. публично отка- зался от орденов, полученных за военную службу; в июле того же года — от советского гражданства. В декабре 1970 г. насильно госпитализирован в Рижской ОПБ. Освобожден в январе 1971 г.; разрешено эмигри- ровать в феврале 1971 г.
Фетисов, А. А.	?; русский; Москва; ОПД	Хр. 7, 39	Экономист. Член партии. Арестован весной 1968 г. Обвинен по ст. 70. Критиковал советскую полити- ческую и экономическую систему с позиций тоталита- ризма; антисемит, поклонник Сталина и Гитлера; со- четает это с неославянофильством. Объявлен членом

издана (ст. 190-1). Отказался признать себя виновным; диагноз: хроническая шизофрения, умеренная форма. Объявлен невменяемым на суде в октябре 1971 г.; госпитализирован в Орловский СПБ. Позднее переведен в ОПБ в Горьком. Освобожден в конце 1973 г.

Хр. 8, 41

?; поляк;  
Минск; Э

Форпостов, Г.

Преподаватель. Прибл. в 1960 г. пытался перейти советско-польскую границу, стремился на родину. Схвачен; обвинен в преднамеренной измене родины. В течение восьми лет находился в лагере; затем объявлен психически ненормальным и направлен в Черняховскую СПБ, где пробыл семь лет. Выписан, по-видимому, в 1975 г.

Харитонов.  
Хр. 40

1936 г.;  
русский;  
Одесса;  
ОПД—Р

Харитонов,  
Василий  
Никифорович

Член партии. Окончил философский факультет Ленинградского университета, после чего преподавал в Ленинграде и в Одессе. В 1968 г. провел три месяца в Чехословакии; уехал оттуда под сильным впечатлением чехословацкого свободолюбия. По возвращении в Одессу начал заниматься самиздатовской деятельностью, затем увлекся христианством и вышел из партии. Арестован после неудачной попытки органов заставить его раскаяться. Выпущен через два месяца, в течение которых беспрерывно подвергался допросам. За Харитоновым установлена слежка. Повторно арестован в 1970 г.; прошел психиатрическую экспертизу в Одесской ОПБ, затем — в ОПБ № 3 в Москве, затем — в Институте им. Сербского. За это время его «лечили» усиленными дозами препаратов. Объявлен невменяемым; госпитализирован на один год в Одесской ОПБ. Освобожден в феврале 1972 г.; предупрежден: в случае дальнейшей деятельности — окажется в СПБ. Деятельность возобновил: арестован в январе 1973 г.; обвинен по ст. 70; объявлен невменяемым в Одесской ОПБ. В 1974 г. освобожден под опеку родителей. В мае 1975 г. эмигрировал в США.

Хр. 41

?; русский?  
Красноярск;  
ОПД?

Целых,  
Виктор

Инженер-программист. Арестован припл. в 1971 г.; обвинен в размножении копии самиздата (ст. 70?). Отказался отвечать на вопросы следователя; объявлен невменяемым. В 1974 г. находился в Смоленской СПБ.

Фамилия, имя, отчество.	Год рождения, националь-ность, место жительства, повод к госпи-тализации.	Источники информации.	Краткие сведения
Цидзикас, Петрас	1944 г.; литовец; Вильнюс; Н—Р	Хр. 34, 36, 39	Студент Вильнюсского университета. В 1973 г. обвинен в распространении самодата (ст. 190-1 г); госпитализован в Черняховской СИБ. В 1976 г. — там же. Ранее состоял на психиатрическом учете: чтобы избежать службы в армии, симулировал психическое заболевание.
Цыганкова, Любовь	прибл. 1920 г.; русская; странница; Р	Н. Горбаневская	Православная странница. Странствовала из деревни в деревню, по старинной русской традиции. Так жила лет 10, проповедуя Слово Божье, ночуя, где дадут ночлег. Арестована в 1958 г.; объявлена невменяемой; госпитализована в Казанской СИБ; провела там 12 лет. Несмотря ни на что, сохранила ум и волю. Осенью 1971 г. переведена в ОПБ. Дальнейшая судьба неизвестна.
Чепула, Анатолий Григорьевич	1950 г.; русский?; Тихоокеанское побережье; ОПД?	Хр. 18, 39; Сенатская подкомиссия	Рабочий, входил в группу из семи человек. Все члены группы госпитализированы в психбольницах. Чепула обвинен по ст. 70; объявлен шизофреником. В начале 1971 г. находился в Ленинградской СИБ. К 1976 г. был на свободе.
Чернышев, Василий Иванович	прибл. 1939 г.; русский; Ленинград; ОПД—Н	Хр. 18, 27, 39; Сенатская подкомиссия	Преподаватель математики в Технологическом институте. Писал стихи, рассказы, политические и философские труды — «для собственного удовольствия». Православный. Русский националист. В марте 1970 г. арестован, обвинен в антисоветской пропаганде. Диагноз: хроническая паранойяльная шизофрения. Госпитализирован в Ленинградской СИБ, подвергся «лечению» препаратами. В январе 1971 г. написал «Обращение к советскому обществу». В 1972 г. переведен в Днепропетровскую СИБ. В начале 1976 г. — все там же.

- 1932 г.;  
русский;  
Ленинград;  
ОПД
- Хр. 5, 8, 18, 26;  
ХЗ 5-6
- Инженер. Был студентом Ленинградского университета. В 1950 г. арестован за письмо Сталину; госпитализирован в СПб. Повторно госпитализирован в 1963-64 гг. В августе 1968 г. арестован за участие в деятельности правозащитной группы; обвинен по ст. 70. Диагноз: особая форма маниакально-депрессивного психоза. Направлен в Ленинградскую СПб. В июне 1972 г. переведен в ОПБ. Вскоре выпущен.
- Шашенков,  
Евгений  
Викторович
- 1937 г.;  
русский;  
Москва; Р
- См. гл. 6
- Шиманов,  
Геннадий;  
Михайлович\*
- 1933 г.; еврей;  
Москва; ОПД
- Хр. 2, 5, 9, 24,  
25, 27-30, 32
- Математик. Арестован в сентябре 1972 г. за самиздатскую деятельность (ст. 70). Решение-м Московского горсуда госпитализирован в ноябре 1973 г. в ОПБ № 9 в Яхроме (Московская обл.). Освобожден в июле 1974 г. Немаловажную роль в деле освобождения Шимановича сыграла кампания на Западе. См. гл. 7 и гл. 9.
- Шиханович,  
Юрий  
Александрович
- ?; русский;  
Москва; Э
- В 1971 г. обвинен в намерении совершить государственную измену; пытался перейти границу. Объявлен невыездным, госпитализирован в Казанской СПб. В 1973 г. освобожден.
- Шлепнев,  
Владимир
- прибл. 1945 г.;  
русская?;  
Рязань; ОПД
- Жаловалась в различные инстанции насчет заграничия воздуха, которое вызывалось фабрикой синтетического волокна. В июне 1974 г. госпитализирована в ОПБ в Рязани (?). Выписана через пять недель; поехала в Москву, рассказала о своих опасениях корреспонденту Нью-Йорк таймс. Дальнейшая судьба неизвестна.
- Шрамко,  
Светлана\*
- Молодая женщина. В 1971 г. арестована за участие в деятельности правозащитной группы; обвинена по ст. 70. Диагноз: маниакально-депрессивный психоз. Направлена в Ленинградскую СПб. В июне 1972 г. переведена в ОПБ. Вскоре выпущена.

## Краткие сведения

Фамилия, имя, отчество.	Источники информации.	Краткие сведения
Штейн, Любовь	1949 г.; ?; ?; Э	В 1971 г. бежала из СССР; арестована в Чехословакии; выдана советским властям; обвинена в измене родине (ст. 64). В начале 1976 г. находилась в Казанской СТП.
Шуенков, Владимир	1949 г.; украинец?; ОПД	Военный летчик. В 1972 г. уволен со службы после пребывания в психбольнице. Через шесть месяцев арестован за «антисоветскую деятельность». Объявлен невменяемым, госпитализирован в Черныговской СТП. В 1972 г. — все там же.
Эйхвальд, Владимир Васильевич	1914 г.; русский?; Таллин; ОПД	Радиоинженер. Писал письма правительству, в которых высказывал критические взгляды. В одном из писем заявил протест против исключения Солженицына из Союза писателей. Арестован в начале 1971 г.; обвинен по ст. 190-1. В июне 1971 объявлен невменяемым на суде. Госпитализирован в ОПБ. Выпущен через несколько месяцев благодаря усилиям адвоката Лурьи, который, хотя и не сумел добиться осмотра Эйхвальда независимыми психиатрами, получил все же от них заключение о данных медицинской экспертизы.
Юдин, Виктор Александрович*	1938 г.; еврей?; Луга (под Ленинградом); Э	Шофер. В августе 1973 г. передал через сотрудников КГБ обращение к Брежневу; просил разрешить эмигрировать с семьей в Зап. Германию. На следующий день арестован и госпитализирован в ОПБ; подвергнут «лечению» посредством инъекций. Выпущен через четыре с половиной месяца, оставлен на психиатрическом учете.
Яковлев*	1953 г.; русский; Смоленск; обл.; ОПД	Служил в военных частях под Москвой. Госпитализирован в ОПБ им. Кащенко за то, что критиковал армейские порядки и системе обязательной службы. Выпущен через полтора месяца. «лечению» не подвергался. Уволен из армий как душевнобольной.



Яхимович,  
Иван  
Антонович

латыш;  
ла  
(п. д Ригой);  
ОПД

Сенатская  
подкомиссия;  
Хр. 1, 3-4, 6-7,  
9, 13, 20

Работал учителем. В 1960 г. стал председателем колхоза. В январе 1968 г. начал открыто высказывать свои взгляды. Исключен из партии, снят с должности председателя колхоза. В марте 1969 г. арестован по ст. 190-1. Прошел несколько психиатрических экспертиз; последняя — в декабре 1969 г. в Институте им. Сербского. Объявлен невменяемым; в апреле 1970 г. помещен в ОПБ в Риге. После того, как покаялся, выпущен в апреле 1971 г. Стал инвалидом второй группы.

1948 г.;  
украинец;  
Николаев;  
ОПД

Яценко,  
Вячеслав  
Антонович

Хр. 40;  
Л. Плющ

Учился в Николаевском судостроительном институте. Приговорен к одному году заключения за попытку перейти советско-финскую границу; затем — пригл. в 1973 г. — обвинен по ст. 190-1, объявлен невменяемым в ОПБ под Николаевым. В мае 1975 г. снова арестован, обвинен в распространении антисоветских писем. Объявлен невменяемым осенью 1975 г. в Институте им. Сербского. Госпитализирован в Днепропетровской СШБ, где подружился с Плющом, по словам которого Яценко — независимый марксист.



## ПРИМЕЧАНИЯ

### Принятые сокращения

*Сенатская подкомиссия* — «Злоупотребления психиатрией в целях политических репрессий в Советском Союзе. Слушание на Сенатской подкомиссии» (на англ. яз.), т. I, Вашингтон, 1972 (1-ое изд.), 1973 (2-ое изд.); т. 2, 1975.

*XЗ* — журнал «Хроника защиты прав в СССР», гл. ред. В. Чалидзе; выходит 1 раз в два мес., Хроника-пресс, Нью-Йорк.

*Хроника* — «Хроника текущих событий», самиздатовское периодическое издание под ред. анонимной группы активистов демократического движения, выходит каждые 2-4 месяца; первые 11 выпусков были изданы официально на англ. яз. в книге П. Реддауэя «Неподцензурная Россия»; первые 27 выпусков на русском яз. — в изд-ве «Посев», Франкфурт; выпуски 12-15 печатались и распространялись Международной Амнистией. Начиная с 28-го выпуска, печатается изд-вом «Хроника-пресс». Выпуски 1-5, 1968; 6-11, 1969; 12-17, 1970; 18-22, 1971; 23-28, 1972; 29-31, 1973; 32-34, 1974; 35-38, 1975; 39-43, 1976; 44, 1977.

*Протоколы ВПА* — протоколы заседаний Исполнительного комитета Всемирной Психиатрической Ассоциации; рассылаются всем 75-ти национальным обществам-членам ВПА, где — как предполагается — они должны быть на архивном хранении.

*АС* — Архив Самиздата. Радио Свобода в Мюнхене регулярно публикует (и нумерует) все поступающие в редакцию документы. Экземпляры каждого тома имеются в Британском музее (Лондон), Б-ке Конгресса (Вашингтон), Б-ке им. Бадлея (Оксфорд), Байерише Штатсбиблиотек (Мюнхен), в Гуверовском институте (Стэнфорд), Массачусетском технологическом институте (Бостон) и Огайском государственном университете (Огайо, США).

*СВР* — Сводка Всемирного Радиовещания; ежедневная публикация Бибиси, Рединг.

### Глава 1.

1. Буссэ, Е. У., «Роль АПА в развитии системы здравоохранения», *Американ журнал оф сайкайатри*, 1969, т. 126.
2. Ваггонер, Р., «Культурный диссонанс и психиатрия», *Американ журнал оф сайкайатри*, 1970, т. 127.
3. Со взглядами радикального движения в психиатрии можно ознакомиться по статье Талбота, Д. А., «Радикальная психиатрия: исследование проблематики», *Американ журнал оф сайкайатри*, 1974, т. 131.
4. Лифер, Р., «Медицинская модель как идеология», *Интернешенел журнал оф сайкайатри*, 1970, т. 9.
5. Сас, Т. С., *Миф о душевной болезни*, Нью-Йорк, 1961.
6. Лифер, Р., «Медицинская модель как идеология». См. п. 4.
7. Сас, Т. С., *Идеология и сумасшествие*, Нью-Йорк, 1970.
8. МакГарри, А. Л., «Вопрос опасности», *Сайкайатрик спектейтор*, 1974, т. 9.
9. Там же.

10. Исчерпывающая трактовка темы в книге Киттри, Н. Н., *Право быть неположим: отклонения и принудительное лечение*, Балтимор, 1971.
11. *Сандей Таймс*, 21 мая 1972.
12. Миллер, К. С., Симонс, Р. Л. и Фейн, С. Б., «Принудительная госпитализация в психиатрическую больницу в Англии и Уэльсе», *Джорнал оф хэлс энд социал бехейвиор*, 1974, т. 15.
13. Проблемы, относящиеся к опасности и административной госпитализации рассматриваются в статье Шаха С. А., «Опасность и административная госпитализация душевнобольных: соображения общественной политики», *Американ джорнал оф сайкайатри*, 1975, т. 132.
14. *Сайкайатрик ньюз*, 16 июля 1975.
15. Стоун, А. А., «Право на лечение — заметки о законе и его воздействии», *Американ джорнал оф сайкайатри*, 1975, т. 13.

## Глава 2.

1. Раскин, Н., «Развитие русской психиатрии до Первой Мировой войны», *Американ джорнал оф сайкайатри*, 1964, т. 120.
2. Там же.
3. Сигерист, Х. Е., *Социализованная медицина в Советском Союзе*, Лондон, 1937.
4. Холланд, Д., «'Государственные' больницы в СССР: Модель государственного психического здравоохранения в сборнике пред. Сузман, Д. и Берч, Е. Ф., *Будущая роль государственной больницы*, Лексингтон, 1975.
5. Филд, М. Г., *Советская социализованная медицина: Введение*, Н.-Й., 1967.
6. Медведев, Ж., *Величие и падение Т. Д. Лысенко*, Н.-Й., 1969.
7. Зиферштейн, И., «Советский психиатр: его взаимоотношения с пациентами и обществом», *Американ джорнал оф сайкайатри*, 1966, т. 123.
8. Высоцкий, Х. И., «Лечебная система», *Американ джорнал оф сайкайатри*, 1968, т. 125.
9. *Медицинская газета*, 20 апреля 1971.
10. Там же.
11. Филд, М. Г., *Доктор и больной в России*, Кембридж (США), 1957.
12. Там же.
13. Сахаров, А., *О стране и мире*, Н.-Й., Изд-ство «Хроника», 1976.
14. *Литературная газета*, 22 сентября 1976. Ст. А. Рубинова.
15. *Народное хозяйство СССР в 1974 г.*, Москва, 1975; *Журнал невропатологии и психиатрии*, (Статья А. Сафонова), Москва, 1976, № 6.

## Глава 3.

1. Цитируется по книге Медведевых, Ж. и Р., *Кто сумасшедший?*, Лондон, 1971.
2. Стейнберг, И. З., *Спиридонова: революционер-террорист*, Лондон, 1935.
3. Там же.
4. Балабанова, А., *Автобиография бунтарки*, Н.-Й., 1938.
5. Письма в *Американ джорнал оф сайкайатри*, 1970, т. 127; 1971, т. 127; 1974, т. 131.
6. Реддауэй, П., *Неподцензурная Россия*, Лондон, 1972.
7. Ярков, И., «Повторник 1951-1954», гл. 7 автобиографии, АС 2455, 27 мая 1967.

8. Писарев, С. П., Письмо в Президиум Академии Медицинских Наук СССР, 20 апреля 1970 г., в сборнике *Казнимые сумасшествием*, изд-ство «Посев», Франкфурт, 1971.
9. Хроника 18. В тот же период, подобный случай — доктора Николая Самхарадзе, госпитализированного в 1959 г., освещен в *Хронике* 42.
10. Самиздатский документ 1971 г. АС 589.
11. *Сенатская подкомиссия*, т. 1.
12. Тарсис, В., *Палата № 7*, Лондон, 1965.
13. *Гардиан*, 6 октября 1965.
14. *Гардиан*, 7 октября, 1965.
15. *Гардиан*, 9 октября, 1965.
16. *Гардиан*, 11 октября, 1965.
17. *Гардиан*, 8 ноября, 1965.
18. *Сенатская подкомиссия*, т. 1.
19. *Нью-Йорк таймс*, 12 сентября, 1972.
20. Есенин-Вольпин, А. С., «Вечную ручку Петру Григорьевичу Григоренко!», в сб. *Казнимые сумасшествием*.
21. *Гардиан*, 13 мая, 1965.
22. *Сенатская подкомиссия*, т. 1.
23. Реддауэй, П., *Неподцензурная Россия*.
24. Там же.
25. Там же.
26. *Казнимые сумасшествием*.

#### Глава 4.

1. Сервей, 1971, № 81.
2. *Казнимые сумасшествием*, стр. 470-471.
3. *Таймс*, 12 марта 1971.
4. *Бритиш джурнал оф сайкайатри*, 1971, т. 119. Письмо доктора Д. Рихтера.
5. Ми, С., *Госпитализация советских диссидентов в психиатрические больницы* (на англ. яз.), Лондон, Рабочая группа борьбы против госпитализации диссидентов в психиатрические больницы, 1971 г.
6. *Таймс*, 16 сентября, 1971 г. Хроника 22.
7. *Таймс*, 23 октября 1973.
8. Там же.
9. Ж. и Р. Медведевы, *Кто сумасшедший?*, Лондон, 1971, стр. 47-48.
10. *Известия*, 24 октября 1971 г.
11. Резолюция Всемирной федерации психического здоровья, 25 ноября 1971 г. Хроника 24.
12. *Уорлд медсин*, 3 октября 1973 г.
13. *Мехико Сити Ньюз*, 30 ноября 1971 г.
14. Здесь и далее см. *Всемирная Психиатрическая Ассоциация: организация и устав*, Лондон, 1974 г.
15. *Протоколы ВПА*, 28 ноября 1971 г.
16. Там же.
17. См. прим. 14.
18. Сообщение Агентства Рейтер из Мехико от 2 декабря 1971 г.
19. Там же.
20. *Нью-Йорк таймс*, 3 декабря 1971 г.
21. Агентство Рейтер, 2 декабря 1971 г.
22. *Эксельсиор*, Мехико, 30 ноября 1971 г.
23. Там же, 1 декабря 1971 г.
24. Там же, 30 ноября 1971 г.
25. Там же.
26. *Сайкайатрик ньюз*, 5 июля 1972 г. Сенатская подкомиссия, т. I, стр. 17-20.

27. Сенатская подкомиссия, т. 2, стр. 66-67.
28. Сервей, 1972 г., № 3.
29. Ленинградская правда, 23 января 1972 г. Аналогичная статья появилась в 1967 г. в Крокодиле.

## Глава 5.

1. Берман, Х. Д., *Правосудие в СССР*, Кембридж (США), 1963 (на англ. яз.).
2. *Специальный отчет: Первая миссия США по психическому здоровью в СССР*, 1969 г. (на англ. яз.).
3. Там же.
4. Ваншиков, В. М. и Невзорова, Т. А., *Психиатрия*, Москва, 1969 г.
5. *Ведомости Верховного совета РСФСР*, 1960, № 40.
6. Там же.
7. Там же.
8. *Ведомости Верховного совета РСФСР*, 22 сентября 1966 г.
9. Григоренко, П. Г., *Мысли сумасшедшего*, Амстердам, Фонд им. Герцена, 1973.
10. Там же, стр. 234.
11. Сенатская подкомиссия, т. I, стр. 66.
12. Там же.
13. Григоренко, П., *Мысли сумасшедшего*, стр. 282-283.
14. Там же, стр. 332.
15. *Казнимые сумасшествием*, стр. 331.
16. Там же, стр. 332.
17. Шоу, Д., Блох, С. и Виккерс, А., «Психиатрия и государство», *Нью Сайентист*, 2 ноября 1972 г.
18. «Психиатрическая заочная экспертиза по делу Петра Григорьевича Григоренко», самиздатская рукопись, циркулирующая с 1971 г.; опубликована в *Русской мысли*, Париж, 12 апреля 1973 г.
19. Письмо в *Бритиш медикал джорнал*, 9 января 1974 г.
20. Григоренко, П., *Мысли сумасшедшего*, стр. 295.
21. ХЗ № 9, 1974.
22. ХЗ № 2, 1973
23. Там же.
24. ХЗ № 3, 1973.
25. Жена Григоренко, З. М. Григоренко, возглавила кампанию в защиту мужа с самого начала (Хр. 12, 18, 24, 32). Фильм о генерале Григоренко телевизионной компании «Гранада» способствовал усилению кампании протеста на Западе.
26. *Таймс*, 1 сентября 1973 г.; письмо К. Коутса и С. Фарли.
27. Интервью Сахарова, *Дейли телеграф*, 10 сентября 1973 г.
28. Григоренко, А. Г., предисловие к английскому изданию *Мыслей сумасшедшего*, Лондон, 1976, стр. 8.
29. *Протоколы ВПА*, 8 октября 1973 г.
30. Григоренко, П., *Мысли сумасшедшего*, стр. 10 (англ. издание).
31. АС 1683В, документ, датированный 2 мая 1974 г., за подписью жены Григоренко.
32. Там же.
33. *Штерн*, Гамбург, 31 октября 1973 г.
34. *Нью-Йорк таймс*, 16 октября 1973 г.
35. *Советунион Хойте*, Кельн, февраль 1976 г., статья Элеоноры Горбуновой.
36. Сообщение Агентства Рейтер из Москвы, 19 октября 1973 г.
37. *Гардиан*, 23 октября 1973 г.
38. *Штерн*, 31 октября 1973 г.
39. Сообщение ТАСС из Стокгольма, 10 декабря 1973 г.
40. Сообщение авторам г-жей Карин Гавелл из Швеции.

41. Штерн, 31 октября 1973 г.; Пари мач, 10 ноября 1973 г.; Дейли экспресс, Лондон, 9 ноября 1973 г.
42. Со слов личного друга Григоренко.
43. Хроника 32.
44. Нью-Йорк таймс, 27 июня 1974 г.
45. Хроника 32.
46. Там же.
47. Хроника 38.
48. Там же.
49. Гардиан, 15 мая 1976; Хроника 40.
50. Сообщено Андреем Григоренко.
51. Комсомольская правда, 21 февраля 1976.
52. Горбаневская, Н., Полдень, Лондон 1972 г.
53. Горбаневская, Н., «Бесплатная медицинская помощь», в сборнике Казнимые сумасшествием, стр. 279.
54. Сенатская подкомиссия, т. I, стр. 111.
55. Казнимые сумасшествием, стр. 251.
56. Брумберг, А., В поисках правосудия (на англ. яз.), Н-Й—Лондон, 1970 г., стр. 102.
57. Хроника 38.
58. Горбаневская, Н. Полдень, стр. 120.
59. Там же, стр. 121.
60. Реддауэй, П., Неподцензурная Россия, стр. 107-108.
61. Сенатская подкомиссия, т. I, стр. 110.
62. Там же, стр. 113.
63. Шоу, Блох и Виккерс, «Психиатрия и государство» (см. прим. 17).
64. Таймс, 16 сентября, 1971 г.
65. Вейссборг, Д. (ред.), Избранные стихотворения Наталии Горбаневской, судебный процесс по ее делу и госпитализация, Оксфорд, 1972 (на англ. яз.), стр. 127-131.
66. Казнимые сумасшествием, стр. 53-74.
67. Там же, стр. 77.
68. Там же, стр. 78-79.
69. Там же, стр. 64.
70. Хроника 15.
71. Сенатская подкомиссия, т. I, стр. 113; авторы письма — Т. Великанова и В. Лашкова.
72. Хроника 15.
73. Там же.
74. Хроника 16.
75. Хроника 18.
76. Там же.
77. Ди Вельт, 6 февраля 1976 г.
78. Личное сообщение Горбаневской от 4 июля 1976 г.
79. Вестник РСХД, Париж, 1972 г., № 106.
80. Личное сообщение Горбаневской от 4 июля 1976 г.
81. То же.
82. Обсервер, 4 января 1976 г.
83. Хроника 29, 30, 32.
84. Краткое изложение в Хроникс 42.
85. Хроника 32 (раздел о С. Пирогове, Ж. Йогесма и др.).
86. Штерн, 31 октября 1973 г.

## Глава 6.

1. Инструкция по неотложной госпитализации психически больной, представляющей общественную опасность, Таллин 1970. (Цит. по книге Кто сумасшедший?, стр. 54-55).
2. Сенатская подкомиссия, т. I, стр. 25.
3. Хроника 28. Инструкция изложена в общих чертах в ст. 56 Закона о здравоохранении РСФСР от 29 июля 1971 г.

4. *Специальный отчет: Первая миссия США по психическому здоровью в СССР*, Мэрилэнд, 1969.
5. *Сенатская подкомиссия*, т. I, стр. 27.
6. Там же, стр. 191-224.
7. Шиманов, Г. *Перед смертью*. Изложено вкратце в *Хронике* 13. Второе издание этого сочинения появилось в самиздате в 1974 г.
8. *Сенатская подкомиссия*, т. I, стр. 195.
9. Там же, стр. 199.
10. Там же, стр. 201-202.
11. Там же, стр. 207.
12. Там же, стр. 212.
13. Там же, стр. 212-213.
14. Там же, стр. 213.
15. Там же, стр. 214.
16. Там же, стр. 216.
17. Там же, стр. 214.
18. Там же, стр. 219.
19. Ж. и Р. Медведевы, *Кто сумасшедший?*, Лондон, 1971 г.
20. Медведев, Ж., *Взлет и падение Т. Д. Лысенко* (на англ. яз.), Нью-Йорк, 1969 г.
21. Медведев, Ж., *Международное сотрудничество ученых*, Лондон, 1971 г.
22. Ж. и Р. Медведевы, *Кто сумасшедший?*, Лондон, 1971 г., стр. 17.
23. Там же.
24. Ж. и Р. Медведевы, *Кто сумасшедший?*, стр. 106.
25. Там же, стр. 113.
26. Там же, стр. 126.
27. Медведев, Ж., *Материалы Медведева*, предисловие к английскому изданию, стр. VIII.
28. Ж. и Р. Медведевы, *Кто сумасшедший?*, стр. 85-86.
29. *Хроника* 14.
30. *Хроника* 26.
31. ХЗ № 3, 1973.
32. Сообщено лично проф. Д. Уингом, сотрудником Института психиатрии Лондонского университета.
33. Ж. и Р. Медведевы, *Кто сумасшедший?*, стр. 145-146.

## Глава 7.

1. *Новый журнал*, Нью-Йорк, 1974 г., № 16, стр. 30-71.
2. ХЗ № 10, 1974 г.; *Хроника* 34.
3. *Хроника* 8, 19, 24; неопубликованная книга Ю. Крыльского о госпитализации его сына в СПБ в Смоленске и в Сычевке.
4. *Хроника* 36, 39.
5. Личное сообщение В. М. Голикова (см. Приложение), май 1975 г., письмо М. С. Бернштама (см. Приложение) о Ростовской СПБ, неопубликованное письмо Г. Федотова к Д. Дудко от 11 сентября 1976 г.
6. Личное сообщение В. Файнберга.
7. *Сенатская подкомиссия*, т. I, стр. 142.
8. Ходорович Т., *История болезни Леонида Плюща*, Амстердам, 1974, стр. 94.
9. *Хроника* 19. О Владимире Гершуни см. Приложение.
10. *Хроника* 14.
11. *Хроника* 18.
12. *Посев*, 1971 г., № 5, стр. 5-6; АС 603.
13. *Хроника* 19.
14. *Сенатская подкомиссия*, т. I, стр. 152.
15. Там же, стр. 7.
16. Неопубликованный самиздатский материал, Москва, весна 1974.
17. *Хроника* 15.



18. Сенатская подкомиссия, т. I, стр. 140.
19. Хроника 8.
20. Хроника 19.
21. *Казнимые сумасшествием*, стр. 367-368.
22. Сенатская подкомиссия, т. I, стр. 141.
23. Хроника 10.
24. Ходорович Т., *История болезни Леонида Плюща*, стр. 91.
25. *Таймс*, 4 февраля 1976 г.
26. Сенатская подкомиссия, т. I, стр. 141.
27. Хроника 19.
28. Там же.
29. Хроника 30.
30. Там же.
31. Ходорович Т., *История болезни Леонида Плюща*, стр. 7-86.
32. Хроника 32.
33. Там же.
34. Хроника 34.
35. Там же.
36. Ходорович Т., *История болезни Леонида Плюща* (издание на англ. яз.), Лондон, 1976 г., стр. 151.
37. Неопубликованный отчет Х. Файерсайда о встрече с Леонидом Плющом в Нью-Йоркской Академии Наук 29 марта 1976 г.
38. Григоренко, П. Г., *Мысли сумасшедшего*, стр. 240.
39. Хроника 34.
40. Хроника 31.
41. Ходорович Т., *История болезни Леонида Плюща* (на англ. яз.), стр. 100.
42. Хроника 15.
43. Григоренко П. Г., *Мысли сумасшедшего*, стр. 241.
44. Хроника 30.
45. Хроника 18.
46. *Казнимые сумасшествием*, стр. 368.
47. Хроника 18.
48. *Казнимые сумасшествием*, стр. 385.
49. Файнберг В., «Психиатрическое обследование», АС 1276; Хроника 19.
50. Хроника 32.
51. Хроника 30.
52. Григоренко П. Г., *Мысли сумасшедшего*, стр. 237.
53. Там же.
54. Ходорович Т., *История болезни Леонида Плюща* (издание на англ. яз.), стр. 151-152.
55. То же (на русском яз.), Амстердам, 1974, стр. 97-98.
56. Ходорович Т., *История болезни Леонида Плюща* (издание на англ. яз.), стр. 148.
57. Там же, стр. 151.

## Глава 8.

1. *Гардиан*, 29 сентября 1973 г.
2. Хроника 29.
3. Хроника 36.
4. Ж. и Р. Медведевы, *Кто сумасшедший?*, стр. 96.
5. Морозов Г. В. и Калашник Я. М., *Судебная психиатрия*, Москва 1967.
6. Сенатская подкомиссия, т. I, стр. 160.
7. *Известия*, 10 августа 1973 г.
8. *Гардиан*, 29 сентября 1973 г.
9. Сведения о профессоре Лунце мы получили от диссидентов, бывших его пациентами: В. Файнберга, А. Вольпина, Н. Горбаневской, Ю. Шихановича; от дальнего родственника Лунца,

- Александра Лунца, проживающего ныне в Израиле, а также от одного московского диссидента, пожелавшего остаться не-названным.
10. *Казнимые сумасшествием*, стр. 123 (о Добровольском). См. также стр. 43-44 (о Галанскове).
  11. ХЗ № 3, 1973 г.
  12. *Таймс*, 29 ноября 1975 г.
  13. Личное сообщение, 18 декабря 1974 г.
  14. *Сенатская подкомиссия*, т. I, стр. 110.
  15. Психиатрическая заочная экспертиза по делу Петра Григорьевича Григоренко (см. прим. 18 к гл. 5).
  16. *Таймс*, 9 декабря 1972 г.
  17. Письмо Глузмана из лагеря — родителям, август 1974 г.
  18. АС 2090, октябрь 1974 г.
  19. *Хроника* 38.
  20. *Хроника* 40.
  21. *Нью Сайкайатри*, 31 июля 1975 г.
  22. *Сервей*, 1973, № 89.
  23. *Хроника* 35.
  24. ХЗ № 3, 1973 г.
  25. *Ньюз бюллетин он совет джуери*, 1972 г., т. 2, № 217; кроме того, личное сообщение психиатра, пожелавшего остаться не-названным.
  26. Крепелин, Е., *Dementia praecox и парафрения*, Эдинбург, 1919 г. (на англ. яз.).
  27. Блейлер Е., *Dementia praecox или группа шизофрений*, Нью-Йорк, 1950 г. (на англ. яз.).
  28. Шнейдер К., *Клиническая психопатология*, Нью-Йорк, 1959 г. (на англ. яз.).
  29. Хох, П. и Полатин, П., «Псевдоневротическая шизофрения» (на англ. яз.), *Сайкайатрик куотерли*, 1949 г., т. 23, стр. 248-276.
  30. *Диагностический и статистический справочник психических болезней*, Вашингтон, 1968 г. (на англ. яз.).
  31. *Словарь психических заболеваний*, Лондон, 1968 г. (на англ. яз.).
  32. Стремген, Е., *Правильное и ложное толкование психиатрических концепций*, 1969 г., т. 126, стр. 778-788 (на англ. яз.).
  33. Купер, Дж. Е., Кенделл, Р. Е., Герланд, Б. Дж. и др., *Психиатрический диагноз в Нью-Йорке и Лондоне*, Лондон, 1972 г. (на англ. яз.).
  34. Д-р Д. Холланд, «Концепция и классификация шизофрении в Советском Союзе», *Шизофрения бюллетин*, Вашингтон, 1978 г.; «Шизофрения в Советском Союзе», *Аннуал ревью оф ресерч ин шизофрения*, т. V, 1977.
  35. Анонимный отклик на статью Брянцева («Лжерадетели в трясине клеветы», *Известия*, 24 октября 1971 г.), циркулирующий в самиздате с конца 1971 г.
  36. Морозов, Г. и Калашник, Я., *Судебная психиатрия*.
  37. Там же.
  38. *Хроника* 15.
  39. *Литературная газета*, 3 октября 1973 г.
  40. *Хроника* 15.
  41. *Казнимые сумасшествием*, стр. 201.
  42. *Сенатская подкомиссия*, т. I, стр. 163.
  43. Там же, стр. 167.
  44. *Мысли сумасшедшего*, стр. 292.
  45. *Сенатская подкомиссия*, т. I, стр. 69.
  46. Там же, стр. 165.
  47. *Хроника* 18.
  48. *Хроника* 21.
  49. ХЗ № 10, 1974 г.

## Глава 9.

1. Нью-Йорк ревью оф букс, 10 февраля 1972 г.
2. Нью-Йорк таймс, 15 февраля 1972 г.
3. Таймс, 7 мая 1974 г.; Обсервер, 19 мая 1971 г.
4. Сообщения агентств Рейтер и Ассошиэйтед пресс, 28 ноября 1971; Хроника 23.
5. Хроника 23.
6. Гардиан, 12 января 1972 г.
7. Дер Бунд и Бернер Тагблатт (Берн), 20 января 1972. Текст голландского протеста (январь 1972 г.) находится в нашем распоряжении.
8. Основан 10 мая 1972 г. Руж, Париж, 27 мая 1972 г.
9. Письмо от 15 февраля 1972 г. советскому профсоюзу медицинских работников (текст в нашем распоряжении).
10. Винер Тагбух (Вена), 1971 г., май, № 5; Фольксшитимме, Вена, 20 января 1972 г.; Прессе, Вена, 29 января 1972 г.; Шпигель, Гамбург, 23 января 1972 г.
11. Таймс, 31 января, 30 марта, 2 февраля 1972 г.
12. V. Boukovsky, Une Nouvelle Maladie Mentale en URSS: L'Opposition, Paris, 1971; W. Bukowski, Opposition Eine neue Geisteskrankheit in der Sowjetunion?, Munich, 1972.
13. Гардиан, 30 марта 1971 г. (краткое изложение).
14. Это обращение (АС 1079) изложено в сообщении Ассошиэйтед пресс из Москвы, 23 января 1972 г. Решение кассационного суда, 22 февраля 1972 г.; последнее слово Буковского, Таймс, 7 февраля 1972 г.; обращение 20-ти друзей Буковского в Международную Амнистию по поводу задержки корреспонденции Буковского, Дейли Телеграф, 4 мая 1972 г. (АС 1284).
15. Нью-Йорк таймс, 19 марта 1971 г.; Монд, 4 апреля 1971 г.; Эспри, 1971 г., №№ 7-8; Таймс, 3 января, 29 февраля и 7 марта 1972 г.; Л'Экспресс, 31 января 1972 г.; а также сообщения телеграфных агентств.
16. См. гл. 4. Статьи появились в Москоу ньюз (Евг. Макаров), 11 декабря 1971 г. и Фольксшитимме, 20 января 1972 г.
17. Моргенбладет (Осло), 8 декабря 1971 г.
18. Публикация материалов Писарева в Нью-Йорк таймс, 6 июля 1971 г., возможно, сыграла здесь самую главную роль.
19. Социалистическая законность, Москва, Июль 1971 г., № 7.
20. Ведомости Верховного Совета СССР, 1971 г., № 43, стр. 581.
21. Книжное обозрение, 1971 г., № 40; Труд, 26 января 1972 г.
22. Сообщение Ассошиэйтед пресс из Парижа, 14 июля 1972 г.
23. Правда, 18 мая 1972 г.
24. Литературная газета, 9 августа 1972 г. (А. Кривицкий).
25. Две статьи Вольфганга Крауса в Тагесшпигель, 6 апреля и 27 июня 1972 г.
26. Московское радио на румынском, 24 августа 1972 г., а также на др. языках.
27. Англо-совет джорнал, Лондон, лето 1972 г., стр. 40-42; 64-65.
28. Голс Родины, 1975 г., № 75.
29. Джуши пресс, Нью-Йорк, 18 августа 1972 г.
30. Крисчиан сайенс монитор (Роберт Коуэн), 18 октября 1972 г.
31. АС 1684, 1974 г.
32. См. гл. 3 о польском психиатре — единственном, кому удалось «посетить» СПБ.
33. Хроника 27.
34. Издана Национальным институтом психического здоровья США, 1969.
35. Судье Базелону также принадлежит предисловие к американскому переводу советского учебника Судебная психиатрия (п/ ред. Морозова и Калашник), вышедшего в Нью-Йорке, 1970 г.

36. Этот абзац основан главным образом на материалах статьи Деборы Шапли «Обмен США-СССР: Расхождение американцев по программе шизофрении», *Сайенс*, Нью-Йорк, 8 марта 1974 г., т. 183, стр. 932-935.
37. Резюме отчета в периодическом издании АПА *Сайкайатрик ньюз*, Вашингтон, 5 июля 1972 г.
38. Журнал *Там*, Нью-Йорк, 7 февраля 1972 г.; *Крисчиан сайенс монитор*, 17 марта 1972 г.; *Нэшонал Ревью*, Нью-Йорк, 9 июня 1972 г.
39. *Сенатская подкомиссия*, т. I.
40. *Сайенс*, Нью-Йорк, 23 марта 1973 г.
41. «Принудительная госпитализация политических диссидентов в Советском Союзе», *Сайкайатрик опинион*, США, т. II, стр. 5-79, 1 февраля 1974 г.
42. *Ист-Уэст Дайджест*, Великобритания, 1973 г., июль, № 14.
43. Письма: Д. Маркхам, *Бритиш джорнал оф сайкайатри*, т. 119, стр. 471, октябрь 1971 г.; Юлиус Телесин, *Гардиан*, 28 октября 1971; д-р С. Шафар, *Лансет*, 1 января 1972; коллективные: *Таймс*, 31 января, 2 февраля и 30 марта 1972; проф. Джон Фергюсон и др., *Таймс*, 11 сентября 1972; д-р С. Рауз, *Нью сайентист*, 9 ноября 1972; д-р Г. Лоу-Бир и Г. Хеммингс, там же, 16 ноября, 1972; д-ра С. Блох и Д. Шоу, *Лансет*, 11 ноября 1972; д-р Х. Мерски, там же, 9 декабря 1972; д-р Г. Лоу-Бир, *Гардиан* 30 ноября 1972 г.; доктор Г. Мерески, *Бритиш джорнал оф сайкайатри*, февраль 1973; Статьи: Шоу, Блох и Виккерс, *Нью сайентист*, 2 ноября 1972; Шоу и Блох, *Лансет*, 24 февраля 1973; П. Реддауэй, *Таймс*, 9 декабря 1972 г. и 11 июля 1973 г.; Б. Левин, там же, 12 и 14 июня 1973 г.; проф. Дженнер, приложение к *Бритиш джорнал ов сайкайатри*, *Нью энд ноутс*, июль 1973 г.
44. «Психиатрия и государство», *Нью сайентист*, 2 ноября 1972 г., стр. 258-261.
45. Программа Бибиси, 17 января 1973 г.
46. Неопубликованное письмо профессора Дженнера профессору Снежневскому от 5 февраля 1973 г. и ответ на него 4 апреля 1973 г.
47. Сообщения телеграфных агентств из Москвы, 20 октября 1972 г.
48. *Таймс*, 9 декабря 1972 г. и ХЗ, 1973, № 1.
49. Письмо от 7 мая 1973 г.
50. Телеграмма от 28 февраля 1973 г.
51. Редакционная статья, *Бритиш медикал джорнал*, 8 сентября 1973 г.
52. Там же.
53. Письмо председателя Общества доктора А. Вудманси, *Таймс*, 1 сентября 1973 г.
54. *Таймс*, 2 мая 1973 г.
55. Журнал *невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова*, Москва, 1973 г., № 3, стр. 473.
56. *Протоколы ВПА*, 12 ноября 1972 г.
57. Резолюция Немецкого общества психиатрии и невропатологии, принятая 21 января 1972 г.
58. *Таймс*, 17 ноября 1972 г.
59. См. прим. 43.
60. Петиция составлена по инициативе епископа М. Нордевалля, опубликована в *Моргенбладет*, Осло, 27 июня и 29 сентября 1973.
61. ХЗ № 3, 1973 г. и *Хроника* 30.
62. ХЗ № 3, 1973 г.
63. Ходорович, Т., *История болезни Леонида Плюща*, Амстердам, 1974.
64. *Таймс*, 12 и 14 июня 1973 г.
65. Устное сообщение участников заседания Коллегии.
66. *Таймс*, 13 июля 1973 г., письмо председателя и секретаря Пэн-клуба Генриха Бёлля и Давида Карвера.

67. *Обсервер*, 22 июля 1973 г. статья Л. Маркса.
68. *Известия*, 10 августа 1973 г.; ХЗ, № 3, 1973 г.
69. О контр-кампании см. ХЗ № 4 и *Хронику* 30.
70. *Таймс*, 27 августа 1973 г. До этого Королевская коллегия подверглась резкой критике за самоуспокоенность и игнорирование серьезности «систематической жестокости» советских психиатров, *Обсервер*, 19 августа 1973 г.
71. *Таймс*, 4 сентября 1973 г.
72. *Известия*, 31 августа 1973 г.
73. *Правда*, 6 сентября 1973 г.
74. *Таймс*, 8 сентября 1973 г.
75. *Гардиан* (редакционная статья), 7 сентября 1973 г.; письмо Рота там же, 8 сентября 1973 г.
76. *Обсервер*, 9 сентября 1973 г.
77. *Бритиш медикал джорнал*, 8 сентября 1973 г.
78. *Таймс*, 5 сентября 1973 г.
79. Там же, 8 сентября 1973 г.
80. *Уорлд медсин*, Лондон, 3 октября 1973 г.
81. *Таймс*, 8 сентября 1973 г.
82. *Дейли телеграф*, 10 сентября; *Вашингтон пост*, 11 сентября 1973.
83. Сообщения в мировой прессе от 10 сентября 1973 г.
84. *Сайкайатрик Ньюз*, 3 октября 1973 г.
85. Там же (телеграмма — от 24 сентября 1973 г.).
86. Там же.
87. *Литературная газета*, 3 октября 1973 г.
88. *Гардиан*, 2 октября, письма Г. Панайи, М. Джонс, Д. Маркем; там же, 3 октября, Ж. Медведев.
89. *Лансет*, 13 октября 1973 г.
90. *Хроника* 30. За подписью Т. Великановой, С. Ковалева, А. Левитина, Г. Подъяпольского и Т. Ходорович.
91. Там же; ХЗ № 4, 1973 г.
92. *Протоколы ВПА*, 8 октября 1973 г.
93. *Дневник* одного из участников, с которым мы знакомы лично.
94. Там же.
95. *Дневник* другого участника, с которым мы знакомы лично.
96. Там же.
97. *Протоколы ВПА*, 8 октября 1973 г.
98. *Дневник* второго участника.
99. Сокращенный текст в *Нью-Йорк таймс* и *Вашингтон пост*, 5 ноября 1973 г.
100. *Таймс*, 13 октября 1973 г.
101. *Нью-Йорк таймс* и *Вашингтон пост*, 5 ноября 1973 г.
102. Сообщено лично психиатром, в присутствии которого это было сказано в Оксфорде в конце июня 1976 г.
103. Дж. К. Уинг, *Размышления о сумасшествии* (на англ. яз.), Оксфорд, 1977 г.
104. Отчет Уинга там же; Шарфеттера — в *Бюллетене Международной организации по исследованию мозга* (на англ. яз.), 1974 г., № 3, Лондон.
105. См. прим. 99.
106. *Протоколы ВПА*, 15 октября 1973 г.
107. *Журнал «Невропатология и психиатрия»* им. С. С. Корсакова, 1974 г., № 3, стр. 472.
108. *СВР*, 19 октября 1973 г.
109. *Известия*, 30 октября 1973 г.
110. *Литературная газета*, 7 ноября 1973 г. (статья А. Курова).
111. *Совет уикли*, 5-12 января 1974 г., статья Э. Горбуновой.
112. Антони де Меус, *Белая книга по госпитализации диссидентов в советские психиатрические больницы*. Международный комитет защиты прав человека в СССР, Брюссель, 1974 г.
113. *Советунион Хойте*, Кельн, 1 февраля 1976 и *Социалистическая индустрия*, 15 февраля 1976 г.

114. *Дейли мейл*, 8 ноября 1973 г., интервью М. Ладера.
115. *Таймс*, 29 октября 1973 г.
116. *Протоколы ВПА*, 21 мая 1974 г.
117. *Гардиан*, 17 ноября; *Обсервер*, 18 ноября 1973 г.
118. Обращение 18-ти друзей Шихановича, *Дейли телеграф*, 27 ноября 1972 г.; приглашение прочитать курс лекций — от профессора Лидского университета Х. Л. Прайса, *Йоркшир пост*, 9 июля 1973 г.; петиции зарубежных коллег, *ХЗ*, 1973, №№ 1-3,5; открытое письмо Ж. Медведева, *Нейчур*, 24 августа 1973 г.; статьи Б. Левина и П. Реддауэя, *Таймс*, 12 июня и 11 июля 1973.
119. *Гардиан*, 12 февраля; *Дейли телеграф*, 11 июля 1973 г.; *Таймс*, 9 октября 1973 г.; тексты полностью — в *ХЗ* №№ 1-4, 1973 г.
120. Письмо психиатра Т. Матон, *Монд*, 4 сентября 1973 г.; радиопередача корреспондента Бибиси Э. де Мойни, текст — в *Листенер*, 18 октября 1973 г.
121. *Вашингтон пост*, 27 ноября; *ХЗ* №№ 5-6, 1973 г.; *Хроника* 32.
122. *Руж*, Париж, 27 мая 1972 г.; *Бюллетень Комитета борьбы с СПБ (КВССПБ)*, № 1, Париж, июнь 1972 г.
123. *Бюллетень КВССПБ* № 3, март 1974 г.
124. *Хроника* 32; *ХЗ* № 7, 1974 г.; *Бюллетень МКМ* № 1.
125. *Хроника* 32; *Бюллетень МКМ* № 2.
126. *Бюллетень Международного комитета математиков* № 3, 31 июля 1974 г. Еще один протест — друзей Шихановича, находящихся в эмиграции (они подтвердили полноценность Шихановича); *Гардиан*, 26 февраля 1974 г.
127. *ХЗ* № 10, 1974 г.; *Таймс*, 23 августа 1974 г., статьи П. Реддауэя. Деятельность МКМ в Ванкувере координировалась профессором Колумбийского университета Липманом Берсом.
128. *Американ сайколоджист*, июнь 1974 г., стр. 394.
129. Письмо (21 января 1974 г.) находится в распоряжении авторов.
130. *Сайкайатрик ньюз*, 20 марта 1974 г.
131. В номере помещены статьи д-ров П. Чодоффа, Р. Р. Роджерса, П. Оттенбурга и Х. Лопес-Ибора.
132. *Сайкайатрик ньюз*, 20 марта 1974 г.
133. *Вашингтон пост*, 12 июля 1974 г.
134. Краткое изложение меморандума в статье Б. Левина, *Таймс*, 7 мая 1974 г.
135. *Хроника* 28; показания друга Глузмана в статье Л. Маркса в *Обсервер*, 5 мая 1974 г.; свидетельства Некрасова в *Бюллетене КВССПБ* № 4.
136. *Бритиш медикал джорнал*, 9 ноября 1974 г.
137. *ХЗ* № 12, 1974 г.
138. *Ньюз энд ноутс* (приложение к *Бритиш медикал джорнал*), июль 1975 г.
139. До осени в 1974 г. в английской прессе были напечатаны следующие статьи (из неупомянутых): рецензия д-ра Х. Роллина на Отчет о пытках, изданный Международной Амнистией, *Бритиш медикал джорнал*, 5 января; статья «Психиатрия в Советском Союзе» проф. Дж. К. Уинга, там же, 9 марта; там же — письма д-ра Г. В. Морозова (6 июля), А. Кинга (27 июля), Дж. Уинга (10 августа) и И. Аткина (7 сентября); нападки на статью Уинга от 9 марта — автор д-р Луис Гольдман, *Уорлд медицин*, 24 апреля; статья У. Л. Тонга «Психиатрия и политическое инакомыслие», *Ламсет*, 20 июля.
140. См. интервью с Файнбергом в *Обсервер*, 20 октября 1974 г.; статья Файнберга «Люди слушают, но не слышат» напечатана там же, 5 января 1975 г.; статья д-ра Войханской «Предательство психиатрии», *Нью сайкайатри*, 31 июля 1975 г.
141. Полный текст, датированный 24 марта 1975 г., помещен в *Ньюз энд Ноутс*, июнь 1975 г.
142. Сообщение Коллегии для печати, середина июля 1975 г.
143. Там же; *Гардиан*, 10 июля; *Таймс*, 17 июля; *Обсервер*, 20 июля, *Нейчур*, 17 июля 1975 г.

144. См. прим. 142.
145. Сообщения о митингах: *Сандей таймс*, 29 февраля 1976 г. и *Нью сайентист*, 1 июля 1976 г.; письмо доктора Дикса Снежневскому, *Обсервер*, 16 ноября 1975 г.
146. *Узники совести в СССР: обращение с ними и условия заключения* (на англ. яз.), Международная Амнистия, Лондон, 1975 г.
147. Письмо П. Реддауэя, *Таймс*, 23 октября 1975 г.
148. *Ньюз энд моутс*, февраль 1976 г.
149. Там же, апрель 1976 г.
150. Там же
151. *Таймс*, 21 октября 1974 г.
152. *Хроника* 34; *ХЗ* № 13, 1975 г.
153. Обращение Т. Ходорович и Ю. Орлова от 28 декабря 1974 г., АС 2006д, опубликовано на фр. яз. в *Бюллетене МКМ* № 6, март 1975 г.
154. Обращение Т. Плющ, Т. Ходорович и Ю. Орлова, *ХЗ* № 13, 1975 г.; *Монд*, 2-3 февраля 1975 г. Ответ Лоу-Бира, *Нейчур*, 27 февраля 1975 г. Заявление Феликса, *Бюллетень МКМ* № 7, июнь 1975 г.
155. *Сандей таймс*, 16 марта 1975 г. (открытое письмо Снежневскому); Иллюстрированное приложение к *Обсерверу*, 20 июля 1975 г. (его же статья).
156. *ХЗ* № 14, 1975 г.; *Хроника* 36.
157. *Хроника* 36.
158. *Таймс*, 24 апреля 1975 г.
159. Протоколы симпозиума были изданы отдельной иллюстрированной брошюрой «*Les Abus de la Psychiatrie a des Fins Politique*», Международная Амнистия, Женева, 1975 г.; см. также отчеты о симпозиуме в *Гардиан* и *Таймс* от 21 апреля 1975 г. и в *Ле Монд*, 22 апреля 1975 г.
160. *Бюллетен де Медисен Сюсс*, 10 октября 1973 г. и *Журналь де Женев*, 13-14 октября 1973 г.
161. *Хроника* 38; *ХЗ* № 17, 1975 г.; *Таймс*, 23 октября 1975 г.
162. *Юманите*, 25 октября 1975 г.
163. Заявление Плюща для прессы от 3 февраля 1976 г., фр. изд. Т. Ходорович, *История болезни Леонида Плюща*. О последних месяцах заключения Плюща, *Хроника* 38 и 39.
164. Речь идет об издании книги Т. Ходорович на фр. языке. Во французском издании перепечатано обращение в защиту Плюща от 22 октября 1975 г., подписанное девятью видными психиатрами, которое оказало сильнейшую поддержку КВССПБ.
165. *Монд*, 24 и 25 июля 1976 г.; *Котидьен де Пари*, 18, 23 и 26 июля 1976 г.; *Юманите*, 27 июля 1976 г.
166. *Литературная газета*, 4 и 11 февраля 1976 г.; *Социалистическая индустрия* (статья Н. Ефимова), 15 февраля 1976 г.; *Совет Уикли*, 28 февраля 1976 г.; интервью Наджарова в *Москоу ньюз*, 21 февраля 1976 г. См. также статьи, состоящие исключительно из нападок на западную психиатрию: *Красная звезда*, 27 марта, 1976 г. и *Литературная газета*, 28 апреля и 29 сентября 1976 г.
167. *Морнинг стар*, 5 и 23 февраля, 30 ноября 1976 г.; *Дейли телеграф*, 23 марта 1976 г.; письмо докторов Х. Дикса и Г. Лоу-Бира, *Гардиан*, 1 марта 1976 г.
168. *Совьетунион Хойте* (статья Э. Горбуновой), *Кельн*, 1 февраля 1976 г.
169. Протоколы Оргкомитета Шестого Всемирного Конгресса, Анахейм, Калифорния, 7 мая 1975 г.
170. *Сандей таймс*, 6 июля 1975 г.
171. Сообщение Королевской коллегии для печати, июль 1976 г.
172. *Бритиш медукал джорнал*, 6 июля 1974 г.
173. *Таймс*, 22 июля 1975 г.
174. Редакционная статья, 9 августа 1975 г.
175. *Ньюзлеттер ВПА* № 31, октябрь 1975 г.

176. Совет ньюз, 13 января 1976 г.; Лансет, 6 марта 1976 г. (письмо д-ра Мерски).
177. Гардиан и Дейли мейл 30 июня 1976 г.; Сандей таймс, 6 июля 1975 г.; Дейли телеграф, 29 и 30 июня 1976 г.; Таймс, 30 июня и 1 июля, 1976 г.
178. Дейли мейл, 30 июня 1976 г.
179. Ньюз энд ноутс, ноябрь 1976 г.
180. Сайкайатрик ньюз, 1 октября 1976 г.
181. Secretariat: Konradstr. 9, 8045 Ismaning. Chairman: Dr. Friedrich Weinberger of Munich.
182. Хроника 40 и 41; 1976, № 20-21.
183. См. Хроника 43, а также западную прессу от 19. 12. 76.
184. Торонто глоб энд мейл, 4. 5. 77; Нью-Йорк таймс, 3. 5. 77.
185. Таймс, 13. 8. 77.
186. Хроника 44.
187. Хроника 44.
188. Обсервер, 16. 10. 77; статья П. Реддауэя.
189. Опубликовано на русском языке Хроникой Пресс (505 Eighth Ave., N.Y., N.Y. 10018, USA) и по английски в 1980 издательством Карома (3400 Daleview, Ann Arbor, Michigan, USA).
190. Статья авторов этой книги в Сандей таймс, 24. 7. 77.
191. Дейли телеграф, Таймс, Гардиан, 1. 9. 77.
192. Вашингтон пост, 2. 9. 77.
193. Многие номера этого Бюллетеня были напечатаны на Западе, как по-русски, так и на иностранных языках. Каждый номер печатался по русски (с аннотациями) Архивом Самиздата Радио Свободы. Несколько номеров (1-5, 7-9) были опубликованы по-русски «Вольным словом» (Посев, Франкфурт, ФРГ).
194. Нью-Йорк таймс магазин 13 мая 1979 г. (сообщение д-ра Вальтера Райха).

## Послесловие

1. А. Митшерлих и Ф. Мильке, Врачи смерти (на англ. яз.), Лондон, 1962 г.
-



## ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

### А

- Августов, Ролан Т. 346  
Авраменко, Владимир 346  
Авруцкий, Григорий 292  
Агафонов 344  
Адлер, Альфред 30  
Азаматов, Альфред 148  
Александровский, Юрий 292  
Алксеев, Владимир 198  
Алксееенко, Сергей С. 346  
Ангст, Д. 302, 319  
Андреев, А. 346  
Андреев, Валерий Н. 347  
Анисимов, Анатолий 344  
Антонов, Михаил Ф. 347  
Арбузов, Станислав 198  
Аргентов, Александр А. 325, 347  
Артющенко, Борис Т. 347  
Ассельбаумс, Теодор 344, 347

### Б

- Бабаян, Эдуард 292, 328-332  
Бадалян, Левон 292  
Баженов, Н. Н. 291  
Базелон, Давид 155, 266, 267,  
269-271, 305  
Байдук, Иосиф 347, 348  
Байер, В. фон 109, 110, 311, 324  
Балабанова, Анжелика 40  
Балахонов, Владимир Ф. 348  
Балинский, Иван 24  
Банщиков, Василий 292  
Баранов, Николай И. 348  
Барышников 193  
Батшев, Владимир С. 348  
Бахмин, Вячеслав 335, 336  
Белау, Илья 349  
Белобородов, Леонид 349  
Белов, Евгений 58-60, 349  
Белов, Юрий С. 326, 349  
Белов (отец Е. Белова) 60  
Белокопытов 209

- Беляев, В. 383  
Березин, В. 344  
Бернштам, Михаил С. 350  
Блейлер, Ойген 240, 241  
Бломберг, Гаральд 336  
Блох, Сидней 6, 9, 16, 109, 132,  
272, 331  
Боголепов, Николай 292  
Бондарев, Юрий 343  
Бондарева, Галина 173-176  
Боннэр, Елена 237  
Бордо, Майкл 343, 344  
Борисов, Владимир 350  
Борисов, Владимир Е. 65, 71,  
197, 203, 210, 234, 237, 258, 280,  
325, 326, 350  
Борисов, Владимир С. 350  
Борисов, Евгений 292  
Боровик, Павел 344  
Босс, Давид Я. 350  
Браун, Бертрам 267, 309, 368  
Брежнев, Л. И. 58, 121, 179, 267,  
271, 279, 349, 382, 394  
Бреславский, Николай И. 351  
Бровко, Юрий П. 351  
Бублик, Виталий К. 351  
Буковский, Владимир К. 8, 56,  
66-70, 72-74, 77, 80, 86-90, 120,  
134, 141, 147, 161, 164, 199, 200,  
211, 212, 225, 231, 235-239, 252,  
253, 255-259, 262, 266, 267, 271,  
273, 276, 281, 282, 309, 310, 312-  
314, 316, 319, 325, 326, 337, 351,  
352, 377, 379, 381, 383, 389  
Буссе, Эвалд 12  
Бурштейн, Михаил 48  
Буткус, Донатас Ю. 252  
Быков, В. 252  
Бычков, Глеб А. 252

### В

- Ваггонер, Раймонд 12, 269  
Вайнбергер, Каспар 286, 288

Вайсман, Муня 344  
Вальдхайм, Курт 258  
Вартанян, Марат 83, 84, 225, 226,  
277, 278, 295, 296, 298, 300, 301,  
321, 324, 329  
Великанова, Надежда 48  
Венедиктов, Дмитрий 115, 294.  
295, 311, 328  
Венцовский, Э. 83  
Ветохин, Юрий А. 352  
Виккерс, Анн 272  
Винокуров, Борис Д. 353  
Вишневская, Юлия 353  
Владыкин, Николай И. 353  
Владыкина, П. Р. 353  
Водозозов, Виталий 343  
Войханская, Марина 33, 229,  
235, 236, 254, 312, 317, 329, 360  
Волков 354  
Волкова 139  
Волошанович, Александр 333,  
334, 336  
Вольпин, Александр С. 57, 59.  
60-64, 126, 225, 236, 251, 271.  
320, 358, 368  
Воробьев, Олег И. 354  
Вышинский, Андрей Я. 52

## Г

Габинский, Г. А. 166  
Гайдар, Надежда 344  
Галансков, Юрий Т. 123, 126,  
142, 354  
Галашов, Н. П. 344  
Герасимова, С. М. 148  
Гершуни, Владимир Л. 71, 193,  
195, 196, 199, 202, 203, 230, 264,  
310, 350, 354  
Гинзбург, Александр И. 126  
Гитлер, 41, 158, 390  
Глезер, Илья 238  
Глузман, Семен Ф. 109, 147, 164,  
232, 234-236, 238, 239, 252, 273,  
274, 281, 283, 294, 299, 310-314,  
316, 319, 321, 323, 334, 336, 337  
Голиков, Валерий М. 354  
Голованов 344

Гольдштейн, Эдгар 245  
Горбаневская, Евгения 135, 136  
Горбаневская, Наталья Е. 41, 65  
71, 91, 99, 123-144, 191, 213,  
233, 225, 230, 245, 249-251, 253.  
331, 355, 376  
Горбунова Е. 302  
Грачев 244  
Гривнина, Ирина 336  
Григас, Витаутас Э. 355  
Григоренко, Андрей П. 116, 120,  
197, 209  
Григоренко, Зинаида М. 88, 89,  
113, 115, 116, 121-123, 196, 197, 211  
Григоренко, Петр Г. 66, 71, 91,  
99-123, 129, 134, 172, 176, 187,  
196, 197, 206, 208-212, 214, 223,  
225, 230, 232, 233, 236, 237, 249,  
251, 253, 259, 274, 283, 294, 298,  
310, 311, 317, 331, 337, 355, 376  
Григорьев, Денис 344  
Гудилин, Василий 355  
Гусаров, Владимир Н. 313  
Гусякова 356

## Д

Даварашвили, Борис 246, 344  
Давлетов, Ким С. 356  
Данилов, Николай Н. 356  
Даниэль, Юрий 353  
Дворецкий, Иван Г. 356  
Демьянов, Николай 343  
Денисов, А. 344  
Детенгоф, Федор Ф. 103, 105-107,  
120, 230  
Джемилев, Мустафа 122  
Дженнер, Ф. А. 78, 273  
Джилас, Милован 351  
Джумабаев 47, 48  
Дзибалов, Вячеслав А. 356, 362  
Дикс, Генри 313  
Добровольский Алексей А. 161,  
357  
Доналдсон, Кэннет 19  
Дубров, Андрей В. 357  
Дудко, Отец Дмитрий 344  
Дьяконова, М. 231, 385

**Е**

- Евдокимов, Борис Д. 357  
 Егидес, Петр М. 357  
 Ежов, Николай 52  
 Екатерина II, 23  
 Есенин-Вольпин, Александр С.  
 см. Вольпин, Александр С.  
 Есенин, Сергей 61  
 Ефимов, Леонид 344  
 Ефимов 198

**Ж**

- Жариков, Николай М. 292  
 Жаров 344  
 Железнов, Александр И. 358  
 Жипре, Алгирдас П. 358  
 Житникова, Татьяна И. см.  
 Плющ, Татьяна И.

**З**

- Заболотный 344  
 Задков, Геннадий 359  
 Заливако, Борис 392  
 Залмансон, Сильва 315  
 Зверев, Михаил С. 359  
 Землячка, Р. С. 44  
 Зиман, Джон 177  
 Зиферштейн, И. 31  
 Зубок, Борис 227, 329, 357

**И**

- Иван Грозный, 22  
 Иванков (-Николов), Михаил  
 359, 360  
 Иванов, Юрий Е. 235, 359, 373  
 Иванова, Раиса 359  
 Игрунов, Вячеслав В. 144, 263,  
 264, 265, 313, 360  
 Ильин, Анатолий 343  
 Ильичев, Леонид 63  
 Иофе, Ольга Юрьевна 71, 215,  
 247, 360  
 Иофе, Юрий 215, 344

**Й**

- Йанкаускас, Антанас 360  
 Йогесма, Хейно 360

**К**

- Казанцев 384  
 Калинин, Л. А. 52, 55, 253  
 Калинин, Юрий 361  
 Калининченко, Виталий В. 361  
 Каллас, Теет 361  
 Каллистратова, София В. 110,  
 111, 133, 134, 136, 138  
 Каменецкая, Э. П. 208  
 Карасев, Владимир 361  
 Карвер, Дэвид 283  
 Картан, Анри 307  
 Квачевский, Лев 379  
 Кекилова, Аннасолтан 254, 361  
 Келчевская 253  
 Киндеев, Лев 361  
 Кирюшин, Ч. В. 171-173  
 Киселев, А. 153  
 Кларк, Дэвид 274  
 Клищ, Михайло 344  
 Ковальчук, А. И. 344  
 Ковгар, Борис 246, 362  
 Кожевников 47  
 Кожемякина, А. А. 120  
 Козич, Е. В. 203  
 Козлов, Андрей 362  
 Козлов, Анатолий П. 362  
 Козлов 362  
 Кокин, М. К. 166  
 Кокорев, В. В. 254  
 Колесник, В. П. 362  
 Комаров, Евгений Е. 363  
 Комарова, Фаина Н. 363  
 Комаровский, Виктор 363  
 Копейко, Николай 344  
 Копин, Ирвин 309  
 Копытин, Петр 363  
 Кораблев, Николай 363  
 Корвалан, Луис 326  
 Коржавин, Наум 43, 44, 224, 344  
 Корсаков, Сергей С. 24, 25  
 Косыгин, А. Н. 58, 259, 349  
 Котов, Алексей Н. 364  
 Коул, Вильям 66  
 Кох, Эльза 234  
 Кочкин, А. В. 344  
 Кравченко, Леонид 344  
 Красивский, Зиновий М. 314, 364

Красин, Виктор А. 284, 293  
Крепелин, Э. 240  
Крестинский, Н. 40  
Кривицкий, А. 261  
Крэк, Свен 364  
Криницкий, Марк 47  
Кром, Леонард 225, 286  
Кроун, Сидней 133  
Крыльский, Юлиус 198  
Крыльский, Ян Ю. 198, 344, 349,  
351, 361, 364-366, 375, 378, 379,  
387  
Крыльцов, Юрий 344  
Крючков, Николай Н. 365  
Кубышкин 365  
Кудирка, Симас 315  
Кузмин, Иван 344  
Кузнецов, Виктор В. 41, 71, 211,  
223, 249, 365  
Кузнцов, Павел 343  
Кукобака, Михаил И. 365

## Л

Лаврентьева, В. В. 148  
Лаврицкая, Елизавета 48  
Лавров, Юрий К. 366  
Ладер, Малкольм 303, 304  
Лазута, Иван В. 366  
Ландау, Яков Л. 148, 226, 365  
Ларин, Иван М. 366  
Лебедев, Борис А. 86  
Левин, Бернард 281-283  
Левин, Юрий Л. 366  
Лежненко, Владимир 172, 173, 175  
Лейванд, Як 367  
Лемпке, Клаус 118-120, 298  
Ленин, В. И. 40, 157  
Ли, Денис 70, 77, 79-84, 114-117,  
276, 278, 281, 282, 285, 294, 296-  
298, 311, 320-324  
Литвинов, Павел М. 348  
Лифер, Роналд 13, 14  
Лифшиц, Александр 171, 173-179  
Лончаков, Михаил 367  
Лопес-Ибор, Д. 85  
Лоу-Бир, Джерард 274, 304, 316,  
318, 336

Луканин, Валерий 367  
Лукачер, Григорий 292  
Лукомский 231  
Лукьяненко, Лев Г. 344, 367  
Лунц, Даниил Р. 44, 52, 56, 105,  
111, 120, 130, 136-138, 140, 141,  
146, 148, 213, 219, 223-226, 234,  
245, 246, 262, 354, 357, 359, 365,  
389  
Лупынос, Анатолий И. 205, 367  
Лурьи, Юрий 394  
Луцкий, Василь С. 368  
Луцкык, Михайло П. 368  
Лысак, Петр А. 214, 368  
Лысенко, Трофим Д. 29, 47, 170,  
173  
Львов 344  
Лэнг, Р. Д. 14  
Любарская, Лидия А. 208, 254  
Ляховицкий, Ханан 47

## М

Мазиков, А. 346  
Майдаунский, Евсей 48  
Майяускас, Владес 368  
Макаренко, Михаил Я. 369  
Максимов, М. 344  
Малхазян, Александр 369  
Мальшев, Константин П. 389  
Мальцев, Юрий В. 66, 187-189, 369  
Мальцева, Майя М. 108  
Марсин, Виктор М. 370  
Маркевич, Роман 370  
Марохина, Елизавета 344  
Мартынова 247, 248  
Масляева 164-167  
Матко, Андрей 370  
Махасев, И. 344  
Меграбян, А. А. 369  
Медведев, Жорес А. 29, 66, 68,  
71, 74, 77, 85, 149, 153, 156, 157,  
170-183, 221, 223, 225, 229, 251,  
257, 266, 267, 283, 286, 292, 294,  
298-300, 309, 370  
Медведев, Рой А. 77, 152, 156,  
170, 174, 178, 183, 222, 266, 286,  
309

Медведева (жена Ж. Медве-  
дева) 176, 183  
Медведев (сын Ж. Медведева)  
171-173, 178  
Мелехов, Д. Е. 231  
Мелешко 371  
Меркушев, Вячеслав 371  
Мерски, Гарольд 304  
Меус, Антони де 343  
Мешенер, Иосиф 347  
Миц, Я. В. 166  
Мирчук 344  
Михеев, Вадим 292  
Моисеев, Вениамин М. 371  
Монтлевич, Владимир М. 371  
Морковников 344  
Мороз, Валентин Я. 313, 325, 329,  
344, 371  
Морозов, Виктор М. 105, 174, 175,  
187, 188, 226, 254  
Морозов, Георгий В. 105, 108,  
111, 116, 118, 130, 134, 146, 148,  
174, 175, 183, 213, 219, 223, 224,  
227, 228, 245, 246, 260, 262, 282,  
283, 288, 292, 298, 319, 321, 322,  
329  
Морозова, Таисия 292  
Мурашкин, Ростислав 292  
Мусатов, Георгий 344  
Мусатов, Сергей 372  
Мусяенко, Мария С. 372  
Мухамедяров, Роальд Г. 372

**Н**  
Наджаров, Рубен А. 174, 175,  
219, 223, 246, 267, 282, 288, 292,  
293, 319, 329  
Нарица, Михаил А. 57, 372  
Настусенко, Любовь 372  
Науджионас, Брониус 373  
Некипелов, Виктор 145-148, 391  
Некрасов, Виктор 311, 316, 317  
Никитенков, Василий Н. 373  
Никитенкова (жена Никитен-  
кова, В. Н.) 373  
Никифорова 139, 140  
Никодим, митрополит 166

Николай I, 37, 39  
Николаев, Евгений Б. 374  
Николаев, В. 373  
Никсон, Ричард 260, 267, 271, 309  
Ниче, Герман П. 233  
Новодворская, Валерия 71  
Ножак, Ольга 347

## О

Овечкин, Валентин В. 375  
Огородникова 143  
Огурцов, Игорь В. 254, 344, 375  
Ожогов 344  
Окинин, Ефрем 375  
Орешкин, Петр 375  
Орлов, Юрий Ф. 152, 221, 315, 344  
Острохова, Алиса 344

## П

Павлов, Борис П. 376  
Павлов, Иван 28, 29, 220  
Пальчевский 344  
Панов 344  
Пантелеев 344  
Пантин, Владимир 376  
Папиашвили, Автандил 327  
Парамонов, Геннадий К. 376  
Пашкаускиене, Анеле 344  
Перрис, Карло 115-118, 298, 302,  
319  
Петелин, Лев 292  
Петр Великий, 22, 23  
Петрова, Л. А. 376  
Петровский, Борис В. 222, 225,  
262, 286, 306  
Петухов 344  
Пилсудский, Ян 42  
Пименов, Револьт И. 44  
Пинель, Филипп 5  
Пинтан 376  
Писарев, Сергей П. 44, 50-53, 55,  
88, 89, 259  
Пихтовников, Виктор 344  
Пишо, Пьер 333  
Платонов, Константин 262  
Плахотнюк, Мыкола Г. 246, 377  
Пленайнен, Александр 377

Плющ, Леонид И. 66, 129, 145, 197,  
200, 203-209, 213-216, 221-223,  
225, 230, 235, 237, 251, 254, 263-  
265, 279-281, 298, 299, 304, 306-  
308, 310, 312-319, 329, 344, 356,  
367, 377, 380, 393  
Плющ, Татьяна И. 197, 204-206,  
208, 209, 213, 221, 225, 315, 316,  
318  
Подгорный, Н. 260, 274  
Подрабинек, Александр 326, 327  
329, 335-337  
Поздеев, Юрий 247  
Полатин, П. 241  
Помпиду, Жорж 260  
Пономарев, Анатолий Д. 378  
Попов, Владимир В. 378  
Попов (Днепр.) 344  
Попов (Уфа) 378  
Попов (Черн.) 199  
Поросенков 344  
Потапов 378  
Потылицын, Сергей 379  
Пошкиене, Бируте 379  
Преображенская 56  
Присакару, Николай Г. 379  
Приходько, Виктор 344  
Прусс, Ф. К. 208, 209  
Пруссаков, Валентин 343, 363, 386  
Пуртов, Сергей 379  
Пятс, Константин 44

## Р

Рафальский, Виктор П. 205,  
220, 380  
Реддауэй, Питер 6, 9, 35, 70,  
276, 331  
Рипс, Илья А. 71, 186, 187, 206,  
230, 251, 380  
Рис, Линфорд 276, 277, 313  
Рот, сэр Мартин 283-285, 296,  
311-313  
Ротштейн 344  
Роум, Говард 301, 305, 307, 319  
Рохлин, Л. Л. 111  
Рубан, Василь 380  
Рубан, Николай 380  
Русский, Георгий 199

Рустан, Израиль 381  
Рыбаков, Александр 381

## С

Саблер 23, 24  
Салаты, Виктор 381  
Салливан, Г. С. 30  
Самойлов, Эдуард В. 381  
Самсонов, Николай Н. 54-57, 89,  
210, 212, 253, 381  
Сапежко, Юрий П. 381  
Саженикова, Ирина 292  
Сас, Томас 13-15  
Сахаров, Андрей Д. 34, 35, 73,  
111, 114, 122, 179, 213, 222, 234,  
258, 273, 274, 280, 283, 286, 287,  
305, 307, 311  
Севрук, Вацлав Л. 364, 382  
Сменов, Сергей Ф. 292  
Сербский, Владимир П. 25, 246  
Серебров, Феликс 327, 335, 336  
Серебрякова, Зоя 26, 222, 225,  
227, 246, 288, 292  
Сиденко, Федор А. 345, 382, 383  
Синяевский, Андрей Д. 225, 353  
Скребец, Ольга Ф. 382  
Слишевский, И. Н. 382  
Случевский, И. 220, 221  
Смирнов, Олег 393  
Смирнова, Виктория С. 383  
Снежневский, А. В. 26, 74, 75,  
80, 85, 86, 89, 183, 219-223, 226,  
227, 238, 242, 244, 246, 259, 264,  
265, 267, 273, 284, 287, 288, 292-  
296, 298, 308, 311, 312, 314, 328,  
329, 337, 339, 340  
Сокульский, Иван 344  
Солженицын, Александр И.  
179, 232, 393  
Соловьев, Олег Г. 383  
Спиненко Василий 383  
Спиридонова, Мария 38, 39  
Сталин, 49, 50, 56, 92, 101, 158,  
372, 390  
Старчик, Петр П. 325, 326, 383, 384  
Статкевичиус, Алгис 384  
Степанов, Александр 384

Степанов, Владимир 199  
Сторожевой, Павел Н. 384  
Стоун, И. Ф. 255-257, 267  
Стрэмгрен, Эрик 241, 242  
Стриженов, Федор 47  
Строганов, С. М. 344  
Строева, Елена 384  
Супрунюк, Г. 231, 385

## Т

Табакowa, Любовь И. 148  
Тальце, Маргарита Ф. 148  
Тамонис, Миндаугас 385  
Тамoшевич, Станислав 385  
Тараканов, Юрий П. 386  
Тарасов, Адриан А. 386  
Тарсис, Валерий Я. 57, 59, 60,  
261, 354, 384, 386  
Твердохлебов, Андрей 73  
Тельников, Владимир 359, 367  
Терновский, Леонард 237, 335, 336  
Тереля, Иосип М. 386  
Тимонин, И. 387  
Тимофеев, Н. Н. 111  
Тимохин, Валиахмед X. 387  
Титов, Владимир Г. 387  
Титов, Иван 344  
Титов, Юрий 384, 388  
Томкинс, X. 83  
Торубаров 55, 381  
Трифонов, Владимир И. 388  
Трифонов, Геннадий Н. 388  
Триш, Василий 344  
Троцкий, Лев Д. 40, 47  
Троцюк-Козлюк, Петр 343  
Тумерман, Алексей Л. 389  
Тысцевич, Станислав И. 389

## У

Убожко, Лев Г. 237, 389  
Уваров, Анатолий 344  
Угначев, Альберт 344  
Уинг, Джон 183, 261, 295, 298,  
299, 304  
Улецкий, И. 344  
Ушаков, Геннадий К. 292

## Ф

Файнберг, Виктор И. 71, 193,  
194, 197-201, 203, 206, 210, 213,  
223, 225, 230, 236, 237, 249, 253,  
256, 258, 264, 312, 313, 317, 320,  
350, 363, 364, 378, 388, 392  
Федоров, Лев 344  
Федосов 344  
Федотов, Георгий (Эдуард) А.  
344, 390  
Федотов 47  
Фейгин, Григорий И. 251, 390  
Фелис, Жан-Жак де 316  
Фетисов, А. А. 346, 352, 383, 390  
Филд, М. Г. 33  
Фин, Роман Г. 391  
Фокин, Альберт 148  
Форд, Джералд Р. 382  
Форпостов, Г. 391  
Фрейд, Зигмунд 29  
Фридман, Альфред 287, 288, 295,  
296, 299, 300, 302, 305, 307, 308  
Фролкин, Иван 344  
Фуенте, Рамон де ла 78, 85, 301,  
302, 307, 319  
Фули, Жорж 261

## Х

Халецкий 43  
Харитонов, Василий Н. 391  
Хилл, С. Р. 362, 365  
Хирт, Норман 80  
Ходорович, Татьяна 281, 315  
Хорни, К. 30  
Хох, П. 241  
Хрущев, Н. С. 54, 56, 92, 101,  
158, 170, 375

## Ц

Целых, Виктор 391  
Цидзикас, Петрас 392  
Цукерман, Борис 320  
Цыганкова, Любовь 392

## Ч

Чаадаев, Петр Я. 37-39, 102, 180  
Чалидзе, Валерий Н. 73, 133

Чепула, Анатолий Г. 392  
Черногоров, Александр 344  
Чернышев, Василий И. 392  
Чиннов, Анатолий Ф. 392  
Чистович, А. С. 220  
Чодофф, Поль 271, 272, 308  
Чудаков 344

### Ш

Шапоренко 344  
Шарфеттер, Христиан 299, 302  
Шатравки (братья) 393  
Шафаревич, Игорь 73, 317  
159, 170, 203, 213, 231, 261, 393  
Шафран, Герман 161-164, 167,  
169, 231  
Шашенков, Евгений В. 393  
Шварц, Лоран 307  
Шведов 344  
Шворук 344  
Шиманов, Геннадий М. 149, 157,  
159-163, 165-170, 203, 213, 231,  
261, 393  
Шиманова, Алла 163  
Шиханович, Юрий А. 64, 213,  
214, 223, 225, 237, 251, 279, 280,  
304-307, 310, 393  
Шлепнев, Владимир 393  
Шмидт, Евгений 292  
Шнейдер, Курт 241  
Шостакович, Борис 173, 174  
Шоу, Дэвид 272, 273

Шпигель, Джон 305  
Шрамко, Светлана 393  
Штейн, Любовь 394  
Штейн 344  
Штернберг, Э. Я. 111  
Шульман, Михаил 44  
Шульц, Федор Ф. 56, 57, 88, 89  
Шуненков, Владимир 394

### Щ

Щирина, М. 86

### Э

Эйхвальд, Владимир В. 394  
Эрлих, Поль 309, 310  
Эрхардт, Х. 83

### Ю

Юдин, Виктор А. 394  
Юнг, Карл 30

### Я

Ягман, Л. 347  
Якир, Петр И. 284, 293  
Яковлев 394  
Якубенко, Н. И. 394  
Янушевский, И. К. 129-131, 133,  
134, 138, 230  
Ярков, Илья 44-50, 57, 190, 191  
Ярошевский, Феликс 152, 221  
Яхимович, Иван А. 71, 88, 100,  
172, 225, 249, 251, 395  
Яценко, Вячеслав А. 395



## СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ ВЛАДИМИРА БУКОВСКОГО .	5
ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРОВ	9
<b>Глава первая:</b> СЛАБЫЕ СТОРОНЫ ПСИХИАТРИИ	11
<b>Глава вторая:</b> СОВЕТСКАЯ ПСИХИАТРИЯ — ЕЕ ХАРАКТЕР И РАЗВИТИЕ	22
<b>Глава третья:</b> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПСИХИАТРИИ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕКА: ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ, КАК ЭТА ПРОБЛЕМА СТАЛА В СССР ЗЛОБОДНЕВНОЙ	37
<b>Глава четвертая:</b> ПРОБЛЕМА ПОЛУЧАЕТ ШИРОКУЮ ОГЛАСКУ	69
<b>Глава пятая:</b> ПРИНУДИТЕЛЬНАЯ ГОСПИТАЛИЗАЦИЯ ПО РЕШЕНИЮ СУДА	91
<b>Глава шестая:</b> ПРИНУДИТЕЛЬНАЯ ГОСПИТАЛИЗАЦИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫМ ПУТЕМ	149
<b>Глава седьмая:</b> ПСИХБОЛЬНИЦА И ЛЕЧЕНИЕ	185

<b>Глава восьмая:</b>	
<b>ПСИХИАТР И ЕГО ДИАГНОЗ</b>	218
<b>Глава девятая:</b>	
<b>ОТПОР ПСИХИАТРИЧЕСКОМУ ПРОИЗВОЛУ</b>	255
<b>Приложение:</b>	
<b>СПИСОК ИЗВЕСТНЫХ ЖЕРТВ     СОВЕТСКОГО ПСИХИАТРИЧЕСКОГО     ПРОИЗВОЛА</b>	343
<b>ПРИМЕЧАНИЯ</b>	397
<b>ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ</b>	411



